ПОЛИТ
С7
Ф60

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПЛЕМЕННОГО СОСТАВА
НАСЕЛЕНИЯ СССР И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН

15

ФИННОУГОРСКИЙ СБОРНИК

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1928

572.9(47=
7016

АКАДЕМИЯ НАУК

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПЛЕМЕННОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СССР И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН

15

С7
ф60
(30

ФИННОУГОРСКИЙ СБОРНИК

69189/8°
Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
№ 69189/8°

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1928

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Декабрь 1927 г.

Непременный Секретарь академик *Сергей Ольденбург*

Редакторы издания *С. Ф. Ольденбург* и *А. И. Андреев*

Начато набором в августе 1927 г. — Окончено печатанием в январе 1928 г.

Тит. л. + IV + 348 стр. + 1 табл.

Ленинградский Областлит № 44973. — $22^1/_8$ печ. л. — Тираж 1500

Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия 12

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. С. Ф. Ольденбург, Предисловие	III—IV
2. Д. А. Золотарев, Обзор русских антропологических работ по финноугорскому населению СССР	1— 26
3. Н. Н. Поппе, Этнографическое изучение финноугорских народов СССР	27— 76
4. Д. В. Бубрих, Финноугорское языкознание в СССР	77—134
5. А. В. Шмидт, Археологическое изучение древностей севера СССР	135—242
6. А. И. Андреев, Обзор русских исторических работ по изучению финноугорских народностей СССР	243—329
7. Д. А. Золотарев, Карта расселения финноугорских народностей СССР	330—334
8. Указатели: а) личных имен	335—346
б) народностей	347—348

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вопрос изучения финских народностей один из насущнейших в нашей науке, во-первых потому, что эти народы еще до сих пор мало у нас изучены, а во-вторых потому, что целый ряд специфических особенностей их языка и быта начинает исчезать, уступая нивеллирующему влиянию культуры и просвещения.

Если настоящий сборник и говорит нам о сравнительно большом числе работ в области финноугроведения, то все же это число в отношении к исследуемому предмету не велико, и мы должны признать, что в русской науке по финнологии сделано чрезвычайно мало сравнительно с тем, что надо было и что надо еще сделать. Характерно, напр., что в обстоятельной „Истории Русской Этнографии" А. Н. Пыпина (1890—1892) не уделено особого места финским народностям. Уже только спустя двадцать с лишним лет в „Библиографическом Указателе русской этнографической литературы о внешнем быте народов России" Д. К. Зеленина (1913) финноуграм отводится особое место.

Когда в Комиссии по изучению племенного состава населения СССР (КИПС) в марте 1927 г. была образована Русско-Финская Секция, в которой ощущалась острая необходимость, то на первых же порах было решено подвести итоги тому, что было сделано у нас в области изучения финноугорских народов в антропологическом, этнографическом, лингвистическом, археологическом и историческом отношениях. Надо было выяснить, что и как слелано, для того, чтобы знать, что и как надо делать. Итоги показали, что систематически ни одна область финноугроведения не исследована, что большая часть работ носит характер случайный, хотя в общем имеется немало ценных трудов.

Слабою следует признать по совокупности работу лингвистическую, хотя и среди трудов в этой области есть отдельные

превосходные. Картина лингвистической работы показывает, что по отношению к целому ряду финских языков следует в срочном порядке приступить к их исследованию и к собиранию лексического материала, потому что громадный общественный и национальный переворот, произведенный революцией, требует особенного внимания к языку, в котором происходят всюду большие перемены, прежде всего отзывающиеся на его словаре и затем вызывающие усиленное влияние разных языков друг на друга. Новые понятия, влившиеся широкою струею в жизнь в связи с революциею, отозвались сильно на словообразовательной стороне языка. Эти важные переходные моменты в развитии языков должны подвергнуться самому тщательному наблюдению и потому еще, что они помогут объяснить многие трудно понятные явления в прошлом языков, по отношению к исследованию которого у нас нет, для предыдущих этапов развития, других источников, кроме самого языка.

Исследование антропологической литературы показало, как мало сделано в этом отношении, и здесь экспедиционная работа должна начаться планомерно тоже в ближайшее время, с целью создать большой ряд систематических измерений.

В областях этнографической и археологической чувствуется тоже отсутствие систематичности в работе. И исключение составляют лишь некоторые старые работы и работы новейшего, времени.

В области истории исследование шло другими путями, как и естественно, без обособления истории отдельных финских народностей, и потому изучение и носило гораздо более систематический характер.

Комиссия надеется, что „Сборник“ своими итогами поможет наметить дальнейшие пути работы нашего финноведения и, главное, внесет в них большую систематичность. Вместе с тем Комиссия надеется, что Сборник найдет отклик и на Западе, показав, что Комиссия по изучению племенного состава населения СССР приступила к планомерному систематическому исследованию финских народов на территории нашего Союза.

Председатель КИПС *С. Ольденбург.*

Обзор русских антропологических работ по финно-угорскому населению СССР.

Д. А. Золотарев.

Антропологические особенности многоплеменного населения СССР привлекали к себе внимание ученых с давних пор: академические экспедиции и отдельные путешественники и исследователи в своих трудах останавливались на вопросах физической природы населения, но эти работы давали лишь описательные сведения, характеризующие разнообразие антропологических типов.

В лице академика К. Э. Бэра мы уже имеем антрополога, выпустившего в 1851 г. первое в России оригинальное антропологическое исследование „Человек в естественно-историческом отношении" и ряд краниологических работ о черепах различных народностей, в том числе и эстов. К сожалению, исключительный по своим дарованиям и разносторонности первый русский антрополог не имел непосредственных преемников и продолжателей в области антропологии. Молодая наука о человеке стала получать распространение только в 1860 и 70 годах. Энергичные усилия московской инициативной группы во главе с проф. А. П. Богдановым создали сильное ядро, сумевшее не только организовать при Обществе Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии Антропологический Отдел, но и устроить две, имевшие исключительное значение в деле пропаганды и собирания материала, выставки: Этнографическую (1867 г.) и Антропологическую (1879 г.).

Для осуществления как первой, так и второй была предпринята очень большая работа, в том числе и по изучению финских народностей. Понятно, что, осуществляясь в те годы, когда антропология и в Европе в лице школы П. Брока делала первые значительные успехи, работа в части собственно антропологической была направлена на краниологические исследо-

вания и при том на остеометрию главным образом. Что касается изучения живых людей, то в данном отношении описательные характеристики внешнего облика и этнографические наблюдения преобладали над антропологическими исследованиями. Поэтому, большое количество командировок, связанных с выставками, дало очень много материала, но главным образом этнографического и отчасти краниометрического и археологического. Надо сказать, что, судя по изданиям, посвященным той и другой выставкам, финскому населению было уделено не мало внимания. Мало того, очень много археологических работ, давших костный человеческий материал, относились к территории, населенной в прошлом финскими племенами, почему материал, даже не будучи определенно этнически связан с финнами, неизбежно заставлял подходить к вопросам финнологии. Недаром А. П. Богданов и др., изучая курганные черепа, невольно подходили к вопросам антропологических особенностей древнего и современного населения, относящегося прежде всего к русской и финской этнической среде. Работы о мерянах в антропологическом отношении, о доисторических тверитянах, ладожском человеке и целый ряд работ, непосредственно не связанных с какой-либо финской народностью, представляются нам важными для оценки того внимания и интереса, какой был у русских антропологов к вопросам изучения населения, жившего на территории, где финско-русская народная стихия преобладала. Таким образом накоплен большой материал как в первые десятилетия организованной русской антропологической работы, так и в последующие годы.

Не имея возможности в нашем очерке охватить все подобные работы, а также касаться описательных характеристик финнов, приводимых в различных общих этнографических работах, что выходило бы за пределы нашей задачи и наших возможностей в данное время, мы сосредоточим интерес на работах, связанных определенно с финской этнической группой СССР и притом основное внимание уделим антропологическим исследованиям живого населения. Последнее ограничение допустимо сделать потому, что при случайности и распыленности данных о костных остатках и недостаточной обработке имеющихся материалов представлялось бы затруднительным говорить о подведении итогов в данной области. Скорее приходится говорить о другом: о необходимости поставить вопрос о со-

бирании и изучении костных остатков во всей полноте и сложности, как насущную задачу нашей дальнейшей работы.

На самом деле, если усилия первых антропологических объединений в Москве, С.-Петербурге, Казани и Киеве были направлены на костный материал, последний и до сих пор в связи с особым к нему отношением археологов, предпочитавших с ним не „возиться", является очень случайным и незначительным. Что касается живого населения, то громадная территория СССР и многочисленность при очень малом количестве специалистов, мешали выполнить планомерно и полно задачу изучения всех народностей СССР.

Естественно, что финская группа, составляя около $3^1/_2$ миллионов человек или немного более 2% общего количества населения, привлекла относительно очень много внимания, хотя и не освещена в полной мере.

Ниже, поскольку позволяют рамки краткого обзора, мы остановимся на более значительных работах, рассматривая их по племенным группам, и попутно укажем как несколько краниологических работ, так и общих антропологических работ, охватывающих большие территории, не выделяя специально финского материала, но касаясь вопросов, важных для понимания антропологических особенностей финских племен.

Начнем наш обзор с наиболее восточной, угорской, группы, рассеянной по восточным и западным склонам Северного Урала и соседним равнинам. Если можно говорить об интересе русских антропологов к делу изучения финно-угров, то следует особо отметить, что вогулам и остякам было уделено очень много внимания. Оставляя в стороне описания внешнего облика их, что сделано очень многими путешественниками, и имея в виду лишь специально антропологические работы, укажем, что уже А. П. Богданов в „Каталоге краниологического собрания" дает подробную характеристику размеров 4 остяцких черепов и, делая резюме, подчеркивает их суббрахицефалию, относительную низкоголовость, широколицость и широконосность, а руководитель Казанского антропологического центра, очень интенсивно проявлявшего себя в свое время, проф. Н. М. Малиев в 1872 и 1874 гг. печатает работы: „Отчет о вогульской экспедиции" по р. Лозве Верхотурского у. Пермской губ. и „К учению о строении черепа и

к сравнительной анатомии рас. Материалы для антропологии восточного края России". Первая работа, являясь отчетом о личной поездке проф. Н. М. Малиева, дает общую антропологическую характеристику вогул, на основании осмотра 200 обрусевших и 49 „диких" (сохранивших родной язык и быт) вогул. К сожалению, в таблице индивидуальных измерений по программе Антропологического Отдела Казанского Общества Естествоиспытателей мы находим подробные данные лишь о 13 мужчинах от 22 до 60 лет.

Указывая на низкорослость вогул (средн. рост 1542 мм.), относительную длинноголовость (средн. гол. ук. — 77,3), широколицость при небольшом приплюснутом носе и раскосости глаз, особенно заметной у девушек, Малиев, подтверждая цифрами имевшиеся в литературе указания на особенности вогул, вместе с тем опровергал высказанное А. Ретциусом предположение о брахицефалии вогул. Этот же материал, дополненный данными о 5 вогульских черепах из собрания Академии Наук и о 46 черепах из коллекций Антропологического Музея Московского Университета, измеренных Силиничем, послужил основой для работы Малиева „Вогулы", напечатанной много позднее в „Русском Антропологическом Журнале" за 1901 год. Вторая работа Малиева дает лишь подробные краниометрические данные о черепе 27-летнего вогула. Точно так же в работе 1888 г. Малиев дает сведения еще об одном черепе. В материалах „Антропологической Выставки" мы находим доклад Н. Ю. Зографа с антропометрическими данными о 3 вогулах, а А. Г. Рождественский дает сведения о неопубликованных материалах измерившего 87 вогул Гондатти, останавливаясь на специально интересующем его вопросе о величине головы в зависимости от роста, носа, возраста и расы. К. Д. Носилов, обследовавший вогул с берегов Сев. и Южн. Сосьвы, Лозьвы, Сычвы, Ляди, Лобвы и Сыньи, в своем „Антропологическом очерке вогул" (1886 г.) приводит подробную характеристику вогул с цифровыми данными, подчеркивая наличие монгольского влияния. И. П. Силинич в краниологическом очерке „Вогулы" (1914 г.) публикует результаты измерений коллекции черепов, привезенных Гондатти в Музей Московского Университета, и указывает на наличие двух типов: длинноголового — угорского, связываемого им с древним населением Северной и Средней России, как можно судить по

костным остаткам конца неолита и более позднего времени, и короткоголового — монголоидного.

Работа С. И. Руденко „Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири“ (1914 г.) дает материал о 75 взрослых вогулах, исследованных по программе Антропологического Кабинета Петербургского Университета. Подробные цифровые данные и фотографии вполне характеризуют основные особенности вогул, в главных чертах, намеченные Малиевым и, связывая вогул с остяками, обособляют их, по мнению автора, от соседних с ними самоедов, а также от большинства финских племен.

Что касается остяков, то, упомянув работы об остяцких черепах А. П. Богданова (4 черепа) и А. И. Таренецкого (3 черепа), остановимся на работах С. М. Чугунова, исследовавшего остяков Сургутского района. Одна из работ дает результаты измерений двух остяцких скелетов. Другая посвящена костным материалам из современного остяцкого кладбища на берегу р. Оби в 15 в. от Сургута. Третья его работа дает антропологический очерк остяков Сургутского края на основании измерений 122 человек. Подробные цифровые данные о скелетах, 28 черепах и 122 живых остяках, характеризуя их, как темноволосое и темноглазое, низкорослое, среднеголовое, широколицое население дали основание делать выводы как самому автору, так и А. А. Ивановскому, напечатавшему по тем же материалам работу „Сургутские остяки“ (1905 г.). Сопоставление исследованных черепов с ранее описанными Соломко, Вирховым, Богдановым, Катрфажем и Уйфальви остяцкими черепами, привело Чугунова к заключению о существовании двух типов: длинноголового и короткоголового, при этом длинноголовый тип является преобладающим и, повидимому, более ранним. В сравнительно чистом виде он лучше сохранился у нижне-обских остяков, соседящих с длинноголовыми вогулами, в противоположность короткоголовому типу среди вахновских и енисейских остяков, соседящих с тунгусами и самоедами. С. И. Руденко в упомянутой выше работе на ряду с вогулами и самоедами приводит данные об измерениях 127 взрослых остяков: низовых, обдорско-березовских и березовских. По сравнению с материалами Чугунова остяки Руденко отличаются более низким ростом, менее широким лицом, большей среднеголовостью и темной пигмен-

тацией. Остяки очень близки к вогулам, но отличаясь по ряду признаков, они занимают промежуточное положение между вогулами и самоедами. Связывая остяков с вогулами, Руденко, подобно другим авторам, обособляет их от остальных финских народностей. И. П. Силинич в работе „К вопросу об антропологическом типе населения северо-западной Сибири", разобрав исследования Руденко и Н. С. Синельникова „Енисейские остяки", настаивая на признании совершенно обособленного угорского (вогуло-остяцкого) типа, относящегося к монголоидным народностям и отличного от финского и самоедского типов, высказывает предположение о том, что угорский тип был древнейшим колонизатором северной части Европейской России и Западной Сибири.

За последние годы Р. П. Митусова совершила три длительных поездки в северо-западную Сибирь и произвела большое количество измерений остяков (около 300 человек); к сожалению, ее материалы еще не обработаны. Но уже и опубликованный материал дает достаточное представление, по крайней мере, о мужской половине вогульского и остяцкого населения. Если большинство исследователей подчеркивали обособленность вогулов и остяков, то мысль о связи их типа с древнейшим населением Северной России заслуживает особого внимания. А несколько иная постановка вопроса, выдвинутая В. В. Бунаком, связывающим вогул и остяков с черемисами, а не только с доисторическим населением, представляется нам более соответствующей накопленному материалу, чем обособление финноугров от остальных финнов. Вместе с тем, и термин уральский тип (лучше — северно-уральский) кажется нам более приемлемым, чем угро-финский.

Переходя к волжским финнам, начнем с черемис (мари), которые по ряду особенностей довольно близко подходят к угорской группе. Как ранее рассмотренная группа, черемисы прежде всего привлекли внимание казанских антропологов, особенно проф. Н. М. Малиева. В двух его работах: „К учению о строении черепа и к сравнительной анатомии рас" (1874 г.) и „Каталог краниологических коллекций Казанского Университета" (1888 г.) мы находим данные о черемисских черепах из могил в селе Малый Сундырь, Козьмодемьянского у., б. Казанской губ., а в работе „Материалы для сравнительной антропологии" (1874 г.) имеем таблицу измерений 48 мужчин и

29 женщин из сел Арино, Сотнур и Мидаково б. Царевококшайского у. Казанской губ., произведенных в 1871 году. Данные Малиева устанавливают относительную низкорослость при среднем возрасте — 1581 мм., среднеголовость с головным указателем у живых — 78,8 и у черепов — 77, коротколицость по сравнению с черепами вотяков, татар и русских. В работе В. С. Снигирева „Материалы для медицинской статистики и географии России" мы находим данные о росте и окружности груди 240 черемис, а в упомянутой выше работе Гильченко данные о весе мозга 7 черемис, обладающих сравнительно малым весом — ср. 1294,06 грм. Доктор Д. П. Никольский дает „Этнографическо-антропологический очерк восточных черемис", на основании подробных измерений 35 мужчин и 5 женщин. Автор отмечает отличие восточных черемис от волжских черемис. Н. П. Федоров в „Материалах для антропологии инородцев Казанской губ." (1905 г.) приводит данные о луговых черемисах Арбанской вол. Царевококшайского у. — 100 чел. и горных черемисах Козьмодемьянского у. — 82 чел. Цифровые данные, полученные после измерений, сделанных автором в 1890 г. по московской программе, представляют очень существенный вклад в дело изучения черемис. К сожалению, работа Н. П. Федорова напечатана уже после его смерти.

Все перечисленные работы были лишь материалами для суждения о черемисах. Только В. В. Бунак в исследованиях: „Несколько данных по био-антропологии черемис" (1924 г.) и „Антропологический тип черемис" (1925 г.), на основании измерений 450 черемис Краснококшайского кантона Марийской автономной области, дал общую характеристику черемис, сравнив их с другими финнами, и указал их основные антропологические элементы и место черемис среди окружающего населения. Резюмируя свой материал, Бунак в согласии со своими предшественниками обращает внимание на преобладание темной пигментации при смешанном цвете глаз. Головные волосы прямые, средней толщины. Борода небольшая. На теле растительность слабая. Нос чаще прямой, хотя не редки субъекты с вогнутой спинкой носа. Верхнее веко у большинства имеет складку средней величины. Иногда встречаются типично монголоидные лица. „Все же европеидные черты у них преобладают, монголоидные сохраняются преимущественно в форме

бороды и своеобразном узковатом прорезе глаз, далеко, впрочем, не воспроизводящем классического монгольского прототипа". Голова средних размеров в длину, высоту и ширину. Головной указатель около 80, высотный около 70. Рост ниже среднего. Лицо, нос, окружность груди средних размеров. Одним из типов, вощедших, по мнению Бунака, в состав черемис, был тип, сохранившийся в „достаточно чистом виде среди вогулов, это низкорослый, темный, мезоцефальный, с ук. 78, низко-или среднеголовый, с указателем 68, довольно узколицый, мезоринный, прямоволосый, слегка монголоидный тип, который можно бы назвать уральским". Предполагая, что уральский тип существовал в двух вариантах, Бунак относит черемис ко второму — субуральскому типу со смягченными чертами. Другим типом, слабее представленным среди черемис, является более высокорослый, брахицефальный, высокоголовый, средненосый, широколицый и относительно светлый, называемый Бунаком балтийским. Смешение этих типов и отражают современные черемисы.

Не останавливаясь на интересных сопоставлениях и выводах Бунака, выходящих далеко за пределы характеристики антропологического типа черемис, перейдем к рассмотрению материалов по другой волжско-финской народности — мордве.

Значительное количество материалов о мордве связано с изучением призывных. В 80-х годах прошлого века появились работы доктора Укке „Рекрутские наборы в Самарской губ.", Снигирева, Романова по Кузнецкому у. Саратовской губ., Соловьева по Тетюшскому у. Казанской губ. Более двух тысяч измеренных давали возможность судить о росте и окружности груди мордвы в различных губерниях. К этим работам можно присоединить и работу нашего времени Б. Н. Вишневского и Гагаевой о росте призывных Буинского у. Ульяновской губ., в которой, правда, приводятся данные лишь о 44 мордвинах. Хотя все эти данные не могут считаться вполне точными, так как измерения производились в вершках, все же они характеризуют мордву различных районов, как население среднего роста.

Доктор Благовидов в „Материалах к исследованию здоровья инородцев Симбирской губ. Буинского у." (1886 г.) дает интересный материал о 179 мордвинах в возрасте от 8 до 20 лет, сопоставляя их с чувашами и татарами того же уезда.

Мордва выделяется им, как более высокорослое население, обладающее вместе с тем большой окружностью груди и большим весом тела. При почти одинаковом поперечном диаметре головы, продольный диаметр у мордвы больше, чем у татар, и меньше, чем у чуваш. Проф. Малиев в своем „Каталоге" приводит данные о 25 черепах из Симбирской (Ульяновской) губ. (1888 г.). Очень большую работу (559 страниц) В. Н. Майнова „Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи" (1883 г.) следует выделить, как единственную, дающую богатый материал о 255 взрослых эрзянах обоего пола Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Самарской губ., исследованных по очень обширной программе. К сожалению, работа сильно устарела и очень бедна выводами, имеющими общее значение. Лишь исследование мордвы, произведенное экспедицией В. В. Бунака в 1921 году в Городищенском у. Пензенской губ., дало вполне удовлетворительный материал как об эрзе, так и о мокше, всего около 430 мужчин, выявленный в работе Бунака „Антропологический тип мордвы" (1925 г.). Подобно работе о черемисах, здесь Бунак, характеризуя тип мордвы, устанавливает место ее среди финнов. Наиболее близка мордва черемисам, которые немного ниже ростом, менее высокоголовы, более темноцветны и средненосы. Те и другие относятся Бунаком к субуральскому типу, при чем у мордвы, в силу исторических условий, тип менее сохранился. К сожалению, небольшое количество исследованных из племени мокша не дают основания для определенного решения о различиях двух мордовских групп, сильно отличающихся друг от друга по языку и этнографическим особенностям.

Переходя к пермской группе, остановимся прежде всего на вотяках. Проф. Малиев в двух ранее упомянутых работах 1874—1888 гг. дал результаты подробных измерений 15 и 46 черепов из раскопок в д. Оштарма Мамадышского у. Казанской губ. и с. Ципьи Малмыжского у. Вятской губ. Автор обращает внимание на следующие особенности вотяцких черепов: широкое надпереносье, „по своим размерам превышающее все остальные исследованные мною черепа", глазницы четырехугольны. „Низкий лоб, сначала прямо, а потом круто под углом, а не постепенно, как, напр., у русских, заворачивающийся назад и идущий почти прямолинейно, по направлению к затылку. Сильно выраженный, при рассматривании черепа в профиль,

альвеолярный подносовой прогнатизм, и косо расположенные зубы верхней и нижней челюсти. Крупные, широкие резцы, глубокие fossae caninae. Общее очертание черепа, при рассматривании сверху, приближающееся к шаровидному. Череп вотяков, по своим размерам, средней величины, короток, но широк в области теменных бугров, значительно съуживаясь кпереди. Лоб узкий. Почти правильно пятиугольный, плоский, вертикально поставленный затылок, с обращенным кверху средним углом. Большие сосцевидные отростки и длинный processus styloideus. Объемистые височные ямки, широко отстоящие одна от другой lineae temporalis. Плоское лицо, выдающиеся скуловые кости. Тип черепа явно брахицефалический, с более чем у всех других близких им народов развитою поперечно-вертикальною окружностью свода черепа. Высокое небо, от значительной длины зубных отростков верхнечелюстных костей, тупой угол нижней челюсти" („Материалы для сравнительной антропологии", 1874 г.). В том же томе помещены „Антропологический очерк вотяков" и таблица индивидуальных измерений 24 вотяков. Данные о 120 мужчинах, уроженцах Мамадышского у. Казанской губ. и Глазовского и Сарапульского уу. Вятской губ., подробно представлены в работе, снабженной таблицами индивидуальных измерений. Вотяки рисуются Малиевым, как блондины, с преобладающим русым цветом волос, голубыми (50%) и серыми глазами, коротковатоголовые (с указ.—81,86), сравнительно низкорослые (рост — 1619). Работы Малиева до настоящего времени, несмотря на недостатки, являлись основными. Кроме них, следует указать на то, что у Гильченко приведены данные о весе 8 мозгов вотяков, у Снигирева — данные о росте и окружности груди 27 человек, а Н. Тезяков в работе „Вотяки Больше-Гондырской волости" (1892 г.) дает материалы о приросте, продолжительности жизни, болезненности и смертности вотяков. Перечисленный небогатый материал за последние годы пополнен большими исследованиями аспиранта Антропологического Отделения Ленинградского Университета Петрова, к сожалению, пока еще не имевшего возможности напечатать результаты своих исследований.

Литература о близких вотякам пермяках много беднее. Проф. Малиев приводит данные о 28 черепах из с. Кудымкора Соликамского у. Пермской губ. (1888 г.) и о 100 мужчинах из того же уезда (1887 г.). У пермяков преобладают русые волосы, голубые

(44%) и серые (42%), глаза, рост ниже среднего — 1618 мм. и коротковатоголовость с гол. указ. — 82,4. Таким образом, большой короткоголовостью, относительно светлой пигментацией и более низким ростом пермяки так же, как вотяки, отличаются от черемис и мордвы. Зюздинским пермякам посвящена работа М. М. Хомякова (1911), измерившего 100 мужчин и 100 женщин. Его данные близки к данным Малиева: рост — 1628,62, гол. указ. — 72,32. Недостаточный материал о пермяках должен бы быть пополнен исследованиями С. А. Теплоухова и Б. Н. Вишневского, но они до сих пор остаются, к сожалению, не опубликованными. С. А. Теплоухов измерил 200 пермяков Косинского и Инвенского районов, а Б. Н. Вишневский в 1914 и 1915 гг. измерил 1184 человека инвенских и чардынских пермяков. Судя по любезно предоставленной мне С. А. Теплоуховым рукописи о пермяках, они являются коротковатоголовыми (гол. указ. — 81,89), низколицыми, относительно широконосыми, ниже среднего роста (1618,5).

Что касается зырян (коми), то они еще менее исследованы. Доктор Гильченко дает сведения о весе мозга 16 зырян, отмечая относительно большой вес их мозга. Е. Н. Севастьянов в очерке „К антропологии зырян“ (1912 г.) дает результаты измерений 107 мальчиков, 151 девочки и 100 взрослых мужчин Устьсысольского у. Автор ограничился лишь небольшим количеством измерений и описанием головы и лица. Он указывает на относительное преобладание карих глаз (32%), русых волос, короткоголовых (гол. указ. — 84,45) и предполагает наличие двух типов: вычегодского и сысольского, не давая этому надлежащего обоснования. Кроме указанной работы, в литературе постоянно приводятся неопубликованные данные В. Н. Налимова, помещенные в трудах А. А. Ивановского. Не имея возможности судить о работе Налимова, следует отметить крайнюю брахицефалию зырян по его измерениям. Правда, в работах Ивановского даются два различные числа: 87,2 и 84,04. Но даже если брать вторую величину, то и тогда мы будем иметь головной указатель, превышающий не только указатель всего окружающего населения, но даже русских лопарей, отличающихся своей короткоголовостью. Что касается роста, то средний рост, по Налимову, равен 1629 мм., что сближает зырян с родственными им вотяками и пермяками. Бедный материал по зырянам в прошлом году пополнился заметкой в 3 стра-

ницы Л. А. Пушкинской, измерившей 30 студентов и 11 студенток Московских учебных заведений. Небольшой материал не подтвердил предположений о крайней брахицефалии, так как гол. указатель по Пушкинской равен — 81,8. Точно так же измерения 30 ижемцев, произведенные Д. А. Золотаревым в текущем году на Кольском полуострове, дали гол. указатель — 82,13 ± 0,52 и рост 1636,33 ± 11,41. Во всяком случае, необходимо указать на недостаточность данных о зырянах и обратить внимание на интерес их изучения в различных районах Коми области, где, как нам сообщали, предположено вести систематические исследования, пользуясь местными силами.

Тесно территориально связанные с ижемцами лопари, занимающие особое положение в финской семье, до последнего времени мало привлекали внимания исследователей. Правда, еще 50 лет тому назад А. И. Кельсиев, по поручению Комитета Антропологической Выставки, произвел измерение 28 мужчин и 4 женщин и позднее опубликовал результат исследования. Низкий рост, короткоголовость, преобладание русых волос, широких скул, короткого слегка вогнутого носа, сильно раздвинутых глаз и длиннорукость были отмечены автором, как главнейшие особенности русских лопарей. Впоследствии Н. Н. Харузин в работе „К вопросу о двух типах лопарей“ (1890) произвел сопоставление данных Кельсиева с данными о скандинавских лопарях и, обратив внимание на более высокий рост, меньшую короткоголовость, темноволосость и темноглазость русских лопарей, высказал взгляд о существовании двух групп лопарей. При этом, скандинавскую группу, более низкорослую и короткоголовую, „с резче выраженными монголоидными чертами лица“, он считал более чистой лопарской расой. В 1900 годах доктор И. Н. Шмаков, уроженец Кольского полуострова, напечатал две работы, из которых для нас особенно интересна его диссертация: „Материалы для антропологии русских лопарей“ (1908 г.). Шмаков измерил 65 мужчин в возрасте от 15 до 73 лет из восточных лопарских погостов. К сожалению, у него не было антропометра, и ему пришлось пользоваться измерительной лентой, что несколько ослабляет значение сделанных им измерений. Во всяком случае, его материалы были полнее, чем Кельсиева, и подтвердили основные выводы последнего, расходясь лишь в отдельных признаках, как, напр., головной указатель 83,9, а у Кельсиева — 80,62.

В 1925 году возобновлено исследование лопарей Д. А. Золотаревым, измерившим тогда и в 1927 году 158 мужчин, 109 женщин и 55 детей и, кроме того, более 100 русских в Поное и Пялице, имеющих лопарское родство.

В исследованиях 1927 г. принимал участие, кроме Золотарева, врач Ф. Г. Иванов-Дятлов, собиравший материал по физическому развитию, гигиене, болезненности и др. вопросам, дополняющим антропометрическое исследование, по программе Антропологического Кабинета Ленинградского Университета.

Кроме того, впервые произведена изоагглютинация крови, причем около 60% пришлось на II группу.

Материал еще окончательно не обработан. Сделанные подсчеты дают рост: ♂ — 1551,4 ± 4,70, ♀ — 1440,5 ± 4,73, головной указатель: ♂ — 82,89 ± 0,21 и — ♀ — 82,69 ± 0,21, и указывают на преобладание темной пигментации при наличии небольшого процента светлоглазых (до 13) и светловолосых (до 9%). Если ижемцы, живущие рядом с лопарями лишь с 1886 г., не оказали влияния на них, то русское влияние на лопарей местами несомненно. Следует отметить, что в 1926 г. д-р Х-а лапсин, производя санитарно-гигиеническое обследование Ловозера, сделал небольшое число измерений лопарей. Но, к сожалению, у него не было специальных инструментов, а материал его еще не опубликован.

Переходя к западным финнам и отмечая то, что они менее привлекали интерес антропологов до последнего времени, придется главным образом говорить о неопубликованных работах.

Близкие лопарям карелы, занимающие территорию, где еще на памяти истории жили лопари, совсем плохо представлены в русской литературе. Доктор Снигирев в неоднократно упомянутой работе дал цифры, относящиеся к росту и окружности груди 133 карел Тверской губ., а Ю. А. Мюллер дал результат исследования 47 учеников Крестецкого у. за 1878 г. Другие, встречающиеся в литературе, данные брались из иностранных работ или из неопубликованных данных какого-либо неизвестного исследователя, измерившего очень небольшое число карел. Иногда пользовались данными о финляндских карелах, хотя бы по работе А. И. Колмогорова. Отсутствие данных и побудило автора настоящего очерка начать исследование карел. Ведя этнографические работы среди карел с 1919 г., начиная с 1921 г., Золотарев измерил 1009 мужчин и

220 женщин в Карельской АССР, Тверской и Ярославской губ. Занимая промежуточную территорию между русским севером и Финляндией, карелы и в антропологическом отношении являются связующим звеном, объединяющим соседнее население и очень близко, почти вплотную, сливающимся по большинству признаков с восточными и западными соседями. Далеко не являясь однородным антропологическим типом, карелы представляют большой интерес, как население, отразившее различные влияния и обособляющее разнородные составные элементы. Ближайшее будущее даст возможность опубликовать, надо надеяться, материалы и высказать вытекающие из анализа их выводы. В 1926 г., когда Золотарев производил реакцию изоагглютинации крови, его сотрудник С. Д. Синицын измерил 200 карел Карельской АССР.

В настоящее время закончены работы в Олонецком уезде, после чего будет приступлено к сводке всего материала.

Кроме указанного материала, насколько нам известно, есть неопубликованный материал у проф. Яцуты в Ростове на Дону.

Карельские племена Ленинградской губ. также не имеют антропологической литературы. Лишь в 1925 г. под руководством и при участии автора начались исследования савакот, эврэмейсет, ижор и вепсов Ленинградской губ.

Близко родственные савакот и эврэмейсет измерены в количестве около 400 человек мужчин и женщин. В настоящее время материал обработан, а Е. И. Преловой написана дипломная работа „Антропологические данные о финнах Ленинградской губернии".

Материал об ижорах, измеренных студентами Е. И. Преловой, А. И. Александровой и Е. Ф. Уль при участии автора в количестве около 500 человек, находится в обработке.

Уже теперь возможно указать на сравнительно большой процент светло пигментированных субъектов среди интересующих нас племен. Рост их выше среднего, у эврэмейсет и савакот: ♂ — 1671 ± 3,2 и ♀ — 1550,6 ± 27, у ижор: ♂ — 1656 ± 1,6 и ♀ — 1546,6 ± 1,9. Головной указатель очень близок у первых к указателю у карел, но ижоры значительно более коротконоловы, их указатель: ♂ — 82,55 ± 0,8 и ♀ — 83,58 ± 0,07. Не говоря о других признаках до опубликования исследований, отмечу, что забытые до последнего времени западные финны

теперь в рукописном материале представлены уже значительно полнее, чем многие народности СССР. Цифровой материал дополняется большим количеством фотографических снимков.

Исследование води, сохранившейся в количестве около 1000 человек, начатое в прошлом году, продолжается в настоящее время. Точно так же уже второй год студентом Антропологического Отделения Ленинградского Университета Н. С. Розовым ведутся исследования вепсов и чухарей. К сожалению, до сих пор мы не имеем печатных данных о них, хотя их измерял В. Н. Майнов, А. А. Баталин (1908 г.) и А. И. Колмогоров, совершивший 12 исследовательских поездок в чухарский край. Особенно интересно то, что А. И. Колмогоров произвел измерения около 100 семейств. Преждевременная смерть не позволила ему опубликовать обработанный материал, находящийся, повидимому, в руках одного из его товарищей по работе у проф. Д. Н. Анучина. Интересуясь финнами, русские антропологи производили исследования и населения Финляндии и Эстонии. Работа А. В. Елисеева (1886 г.), хотя и устарела, является интересной попыткой анализировать антропологические особенности финнов Финляндии — тавастов и карел, пользуясь не только измерениями, но и описательными признаками. Исследование А. И. Колмогорова (1904 г.) „Финны Финляндии“ представляет результат измерения 233 человек из Выборгского района, в том числе тавастов: мужчин — 50, женщин —38 и карел мужчин —100 и женщин — 62, дает очень большой цифровой материал, собранный по подробной программе. Елисеев, различая тавастов и карел и считая финнов в массе короткоголовыми, длинноголовые элементы рассматривает, как след примитивной длинноголовой расы. Колмогоров пошел дальше и выделил в составе финнов четыре типа: а) высокий брахицефал, со светлыми волосами и глазами, с длинным лицом и узким носом, б) темный брахицефал, роста среднего, с широким лицом и носом, в) коротколицый долихоцефал, темного типа, роста ниже среднего с довольно узким носом и г) рыжеволосый, низкорослый брахицефал с довольно широким лицом и носом. Характерным для финнов типом он считал высокорослого светловолосого и светлоглазого брахицефала, а низкорослого долихицефала темного типа сопоставлял с длинноголовой доисторической расой. Недостаток материала и территориальная его ограниченность едва ли давали достаточное основание так

детализировать антропологический состав финнов Финляндии вообще. Ю. Д. Талько-Грынцевич в небольшой статье „Заметки о поездке в Финляндию (1917 г.), не давая цифрового материала, сопоставляет тавастов с карелами, подобно тому, как делал Елисеев. Карелы, по его мнению, отличаются более высоким ростом, стройным сложением, более светлым типом волос и глазами чаще светло-серо-зелеными с матовым оттенком. „Череп карел сравнительно более длинный, узкий и низкий, с узким лбом и затылком, с лицом тоже более длинным и узким и с таким же носом. Тавасты вообще ростом ниже и более коренасты, чем карелы; они отличаются более темным типом и более короткоголовы, с высоким черепом, широким лбом и затылком, с лицом более круглым, иногда с выступающими скулами и с более широким носом. Тип тавастов подвергается, впрочем, смешению с более распространенным карельским и со шведским". Несколько раньше (1900, 1902 гг.) появившиеся в Финляндии работы д-ра Вестерлунда, основанные на громадном количестве измерений, и последующие работы финских, шведских и норвежских антропологов дали новые, очень полные материалы, имеющие, несомненно, большее значение, чем указанные выше работы по зарубежным финнам.

Что касается эстов, то говоря только о работах на русском языке, следует отметить, что в материалах „Антропологической Выставки", т. III (1880 г.), есть сведения руководителя Дерптской (Юрьевской) антропологической школы проф. Л. Х. Штида об антропологических работах в Дерптском Университете, где он сообщал результаты измерений 100 эстов д-ром Грубе (1878 г.).

А. Н. Харузин в работе „К антропологии населения Эстляндской губернии" (1893 г.), на основании данных о росте окружности груди, длины ног 2643 новобранцев и 882 арестантов, характеризует эстов, как очень высокорослых (рост—1710 мм.), при этом он отмечает следующее: относительный объем груди стоит в обратно-пропорциональном отношении к величине роста, количество атлетически сложенных людей с величиной роста уменьшается, количество слабогрудых стоит в прямом отношении к величине роста; количество бракуемых новобранцев вследствие недостатка груди зависит от величины роста новобранцев и стоит с этой последней в прямом отношении; среди новобранцев эстонцев количество негодных к военной

службе вследствие недостатка объема груди определяется не менее как 25%. Крайне высокий, средний рост, приведенный Харузиным, некоторыми авторами считается неправдоподобным, тем более, что Грубе дает средний рост — 1643 мм. Но, кажется, что нет оснований предпочитать последнюю величину. Надо учитывать то, что высокий рост получен Харузиным не только у новобранцев, но и у арестантов (1692,5). Повидимому, в Эстонии, так же как в соседней Латвии, насколько можно судить по работам проф. Г. Бакмана (1924, 1925 гг.), определившего рост латышей в 171,341 ± 00,59 см., мы имеем, действительно, высокорослое население. Это подтверждается и данными Д. Н. Анучина и Р. Л. Вейнберга.

По вопросу о мозге эстов имеются данные Гильченко, взвесившего 3 эстонских мозга, и, особенно, проф. Вейнберга в работе „О строении большого мозга у эстов, латышей и поляков" (1899 г.). Форме грудной железы у эстонок посвящена специальная работа д-ра Гершельмана. Проф. Вейнберг дал антропологический очерк „Эсты", на основании изучения нескольких тысяч призывных. Не приводя, как это обычно делается, подробных цифровых данных, автор указывает свойственные эстам антропологические особенности: преобладание светлого типа, высокорослость, среднеголовость (гол. указ. — 79), широкие грудь и плечи, значительное развитие скуловых дуг, выступание скул, большое расстояние между углами нижней челюсти и сильное развитие и выступание вперед подбородка и др.

Как бы ни был мал имеющийся материал по эстам, можно видеть, что они, занимая окраинное положение, дальше всего отстоят не только от угров и пермских и волжских финнов, но и основной части западных финнов в СССР, ближе всего подходя к суоми Западной Финляндии, а через них к скандинавскому населению.

Заканчивая обзор работ по отдельным финским народностям, необходимо отметить, что финны постоянно были в круге внимания русских исследователей, авторов больших общих антропологических работ. Не говоря уже о двух томах А. А. Ивановского, давшего общую антропологическую сводку материала по населению России и даже всего земного шара, все, работавшие по населению северной и центральной России, неизбежно останавливались на вопросах о финнах. Д. Н. Ану-

чин в своей роботе о росте призывных в Европейской России, Е. М. Чепурковский в исследовании о форме головы и цветности великорусского населения очень много уделяли внимания антропологическим особенностям финского населения. Можно сказать, связь населения Европейской России с финнами настолько существенна, что, не считаясь с данными о финнах, невозможно понимание антропологических особенностей современного населения. Тем более это относится к прошлому, когда этнические рамки становятся не достаточно прочными или совершенно отсутствуют. Поэтому, работы А. П. Богданова: „Человек каменного века", „Меряне в антропологическом отношении", „Доисторические тверитяне" и пр., краниологические работы А. И. Кельсиева, Н. М. Малиева и мн. других, хотя они не посвящены определенным финским народностям, должны быть учтены работающими по антропологии финнов. Точно так же и сводное исследование Ю. Д. Талько-Грынцевича „Опыт физической характеристики древних восточных славян" необходимо указать, как источник, дающий не мало материала, ценного при изучении финнов.

Эта тесная связь постоянно чувствовалась русскими антропологами. Недаром мысль А. В. Елисеева о том, что антропология финнов составляет „краеугольный камень антропологии России, а с нею и всей Европы", неоднократно повторялась в русской литературе, а все исследователи русского населения неизбежно подходили к финнам, анализируя свой материал.

Поэтому, не имея возможности даже только перечислить работы, в которых обсуждались вопросы о финнах и их антропологических особенностях, остановимся в кратких словах на общих итогах и пожеланиях, какие естественно вытекают из обзора работ.

Хотя русские антропологи начали изучение финнов с краниологии и с изучения исторических и доисторических памятников, сохранивших костные остатки человека, это направление не продолжалось преемственно до наших дней. Вследствие этого в настоящее время мы не располагаем достаточным материалом для суждения об антропологических типах древнего населения СССР. Смена антропологических типов, их взаимоотношения, их этническая принадлежность остаются далеко не выясненными. Если имеются определенные суждения, то

большею частью они основаны на изучении формы головы, а чаще лишь на данных о головном указателе. К сожалению, данных о полных скелетах почти нет, поэтому вопросы роста, пропорций тела остаются не освещенными. А между тем, это имело бы очень большой интерес и значение при суждении о сходстве или различиях современного населения в той или иной части по сравнению с более древним. Русские антропологи неизбежно подходят к вопросам изучения доисторического населения в антропологическом отношении, но пока еще не обладают достаточным материалом. За последние годы наиболее определенно высказал свои взгляды В. В. Бунак в своих работах о черемисах и мордве. Его третий и четвертый тезисы в выводах работы о черемисах утверждают: 3. Древнейшие первобытные финны и угры были в существенном одинаковы антропологически и принадлежали к уральскому типу. 4. Уральский и субуральский типы составляют древнейшее неолитическое население России; последнее было, этнографически говоря, финно-угорским. Нам кажется, что эти положения являются не вполне обоснованными вследствие недостатка материала. Едва ли можно утверждать, что первобытные финны и угры были в существенном одинаковы антропологически, так как в таком случае трудно связать лопарей с финнами. Выделение же их из общефинской семьи невозможно, тем более, что с ними, когда-то занимавшими большую территорию, было с давних пор связано и самое название — „финны“. Точно так же при такой постановке вопроса недостаточно ясно, как объяснить своеобразные особенности западных финнов по сравнению с восточными и особенно с уграми. Четвертый тезис не вызывает таких сомнений, но не следует забывать, что наши сведения о неолитическом населении еще очень слабы.

Отсюда естественно вытекает одна из самых насущных задач, стоящих перед антропологией в СССР: изучение и собирание костных остатков предшественников современного населения.

Установление тесной связи исследований современного нам населения с изучением его предков даст более прочную базу для суждения об основных вопросах этнической антропологии и этнологии СССР. Задача эта очень обширна и трудна, но постановка ее настоятельно необходима, как с точки зрения интересов финнологии, так и славяноведения, а в связи с этим народоведения вообще.

Подводя итоги изучения живого населения, приходится отметить относительно большую работу, выполненную до сих пор, но далеко не исчерпывающую вопросов антропологии финского населения СССР. При неравномерности интереса к отдельным группам населения выделяются, как лучше изученные остяки, вогулы и волжские финны. Если меньше всего обращалось внимания на западных финнов, то после революции они стали в центре внимания и были предметом исследований, в скором времени имеющих быть опубликованными. За последнее десятилетие значительно увеличился материал и по пермяцкой группе, но также пока еще не опубликован. При всем этом существенным недостатком материалов является очень малое количество измеренных женщин. Отсюда вытекает вторая задача — организация изучения женского финского населения. Вместе с тем, важно было бы собрать материал по возрастным группам и поставить посемейные исследования, которые лишь теперь, пока в очень скромных размерах, производятся.

Несмотря на неполноту имеющихся материалов по угрофиннам, уже в настоящее время можно сказать, что современное финское население в антропологическом отношении очень различно, при этом неоднородность замечается как территориальная и этническая, так и внутригрупповая. Наиболее значительными количественно типами, территориально обособляющимися, являются так называемые уральский — низкорослый, темный, среднеголовый и низкоголовый, и балтийский — светлый, среднерослый, суббрахицефальный — типы. Если они лежат, как думает В. В. Бунак, в основе финских и угорских племен, то, нам кажется, необходимо указать и другие элементы, входящие в состав финского населения.

Совершенно естественно, что, подобно двум первым, и они локализуются вполне отчетливо на окраинах, хотя могут быть констатированы и в других местах. Третьим типом, по нашему мнению, является темный, низкорослый, коротколицый брахицефал, наиболее хорошо представленный у лопарей. Четвертый тип, существующий на ряду с балтийским среди западных финнов — это высокорослый, относительно длинноголовый, длиннолицый блондин, как смягченная разновидность северной расы. Наличие данного типа необходимо отметить, так как без этого мы не получим полного представления о за-

падных финнах. Правда, данное положение в русской литературе еще не обосновано. Но накопленный материал дает основание говорить об этом, тем более, что не только среди финнов, но и среди северно-русского населения этот тип установлен.

Смешение нескольких антропологических типов способствовало возникновению позднейших образований, где становятся трудно уловимыми основные исходные особенности. Это смешение, вероятно, и обусловливает местами очень некрасивое население, утратившее определенные черты, свойственные тем или иным основным типам.

Так, в общей форме, представляется нам, на основании имеющихся данных, антропологический состав финской группы СССР. Уточнение типологических характеристик, установление пределов и степени распространения отдельных типов, изучение иконографии, пропорций тела и конституции типов, систематическое изучение их связи с типами, составляющими окружающее финнов население, и с предками вплоть до палеолита — вот задачи, которые должны руководить нами в дальнейшей работе при изучении финнов и населения северной и центральной части СССР.

Основные работы по антропологии финноугров СССР.

Общие работы.

Антропологическая Выставка, тт. I—IV. „Изв. О. Люб. Ест., А. и Этн.“, тт. XXVII, XXXI, XXXV, XLIX. Москва.

Анучин, Д. Н. О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности за 1874—1883 гг.). „Зап. И. Р. Географ. О., по отд. стат., т. VII, в. I. СПб., 1889 г.

Богданов, А. П. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губ. „Изв. О. Люб. Ест., А. и Э.“, т. IV, в. I. М., 1867 г.

—— Доисторические Тверитяне по раскопкам курганов. Антроп. Выст., т. III, „Изв. О. Люб. Ест., А. и Э.“, т. XXXV. М., 1882 г.

—— Меряне в антроп. отношении. Ibid.

—— О курганных обитателях Мордовской земли и Касимова. Антроп. Выст., т. III, „Изв. О. Люб. Ест., А. и Э.“, т. XXXV. М., 1882 г.

—— О черепах каменного века, найденных в России. Антроп. Выст., т. IV, „Изв. О. Люб. Ест., А. и Э.“, т. XLIX. М., 1886 г.

—— Человек каменного века. „Доисторический человек“. А. А. Иностранцева. СПб., 1882 г.

Богданов, А. П. Quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale? „Congrès internat. d'Archéol. Préhist. et d'Anthr. II sess. à Moscou". 1892.

Воробьев, В. В. Великороссы. Очерк физического типа. „Русск. Антроп. Журн." 1900 г., № 1.

Европеус, Д. О народах средней и северной Европы. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1868, июль.

Зограф, Н. Ю. Антроп. исследования муж. великор. населения Владимирск., Яросл. и Костром. губ. М., 1892 г.

Ивановский, А. А. Об антроп. составе населения России. Тр. Антроп. Отд., т. XXII. „Изв. О. Люб. Ест., А. и Э.", т. CV. М., 1904 г.

—— Население земного шара. Тр. Антроп. О., т. XXVII. „Изв. Общ. Люб. Ест., А. и Э.", т. CXXI. М., 1911 г.

Кеппен, П. И. Материалы по вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевроп. и финно-угров. СПб., 1886 г.

Талько-Грынцевич, Ю. Д. Опыт физической характеристики древних восточных славян. „Статьи по славяноведению", в. III, изд. Акад. Наук. СПб., 1910 г.

Тихомиров, М. А. Заметка о костях людей каменного века, найден. проф. А. А. Иностранцевым. „Доисторический человек" А. А. Иностранцева. СПб., 1882 г..

Уваров, А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872 г. (данные акад. Бэра и проф. Ландцерта о черепах).

Чепурковский, Е. М. Географ. распределение формы головы и цветности крестьян. насел. преимущ. Великороссии. Тр. Антроп. О., т. XXVIII, в. II. „Изв. О. Люб. Ест., А. и Э.", т. CXXIV, в. 2. М., 1913 г.

Этнографическая Выставка 1867 г. „Изв. О. Люб. Ест., А. и Э.", т. XXIX, М., 1878.

Вогулы.

Зограф, Н. Ю. Доклад на второй сессии Имп. О. Люб. Ест., Антроп. и Э. по поводу Антропологической Выставки, происходившей с 27 июля по 3 августа 1879 г.

Малиев, Н. М. Вогулы. „Русск. Антроп. Журн.", 1901 г., № 1.

—— Каталог краниологической коллекции Имп. Казанского Университета. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете", 1888 г.

—— К учению о строении черепа и к сравнительной анатомии рас. Материалы для антропологии восточного края России. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете", т. IV, № 2. Казань, 1874 г.

—— Отчет о вогульской экспедиции. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете", т. III, № 2. Казань, 1872 г.

Носилов, К. Д. Антропологический очерк вогулов. „Протоколы засед. Антроп. Отд. с 4 декабря 1881 г. по 1886 г." 1886.

Рождественский, А. Г. Величина головы человека в ее зависимости от роста, пола, возраста и расы. „Тр. Антроп. О.", т. XVII.

Руденко, С. И. Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири. „Зап. Акад. Наук по Физ.-Мат. Отд.", VIII сер., т. 83, № 3, 1914 г.

Сорокин, Н. Отчет о путешествии к вогулам. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете“, т. III, № 4. Казань. 1873.

Силинич, И. П. Вогулы. „Русск. Антроп. Журн.“, 1904 г., № 3—4.

Остяки.

Богданов, А. П. Каталог краниологического собрания. „Антропологическая Выставка“, т. II.

Ивановский, А. А. Сургутские остяки. „Русск. Антроп. Журн.“, 1905 г., № 3—4.

Руденко, С. И. Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири, „Зап. Акад. Наук по Физ.-Мат. Отд.“, VIII серия, т. 83, 1914 г. № 3.

Синельников, Н. А. Енисейские остяки. „Тр. Антроп. Отд.“, т. XXVIII, вып. I, 1911 г.

Таренецкий, А. И. Остяцкие черепа. „Тр. Антроп. Об-ва при Военно-Медицинской Академии“, т. III, 1898 г.

Чугунов, С. Антропологический очерк остяков Сургутского края. „Сибирский Вестник“, 1890 г., № № 85, 88 и 90.

—— Гипотеза эволюции человеческого позвоночника, как объяснение всех его численных аномалий. „Изв. Томского Университета“, 1895.

—— Материалы для антропологии Сибири. „Изв. Томского Университета“, 1893.

Черемисы.

Бунак, В. В. Антропологический тип черемис. „Русск. Антроп. Журн.“, 1925.

—— Несколько данных по био-антропологии мари (черемисов) „Русск. Евгенич. Журн.“, 1924 г.

Гильченко, Н. В. Вес мозга и некоторых его частей у разных племен населения России. „Тр. Антроп. Отд.“, т. XIX, 1899 г.

Малиев, Н. М. К учению о строении черепа и к сравнительной анатомии рас. Материалы для антропологии восточного края России. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете“, 1874 г.

—— Каталог краниологической коллекции Казанского Университета. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете“, 1888 г.

—— Материалы для сравнительной антропологии. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете“, т. IV, 1874 г.

Никольский, Д. П. Этнографическо-антропологический очерк восточных черемис. „Тр. Антроп. О-ва при Военно-Медицинской Академии“, т. II, 1887 г.

Снигирев, В. С. Материалы для медицинской статистики и географии России. „Военно-Медиц. Журнал“, 1883 г., кн. 1.

Соммье, Ст. О черемисах. „Зап. Уральск. О-ва Люб. Ест.“, т. XVII, 1896 г.

Федоров, Н. П. Материалы для антропологии инородцев Казанской губ. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете“, т. XI, вып. 3, 1905 г.

Хомяков, М. М. Сотнурские черемисы. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете“, т. XLVIII, вып. 3.

Мордва.

Благовидов, Ив., д-р мед. Материалы к исследованию здоровья инородцев Симбирской губ. Буинского уезда, 1886 г.

Бунак, В. В. Антропологический тип мордвы. „Русск. Антр. Журн.“, 1925.

Вишневский, Б. Н. и Глаголева, М. Рост призывного населения Буинского уезда и его способность к несению военной службы.

Гильченко, Н. В. Вес головного мозга и некоторых его частей у разных племен населения России. „Тр. Антроп. Отд.“, 1899 г.

Майнов, В. Н. Материалы по антропологии мордвы-эрзя Нижегородского уезда. „Дневн. Антроп. Отд.“, 1891 г.

—— Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзя. „Зап. Русск. Геогр. Об-ва по Отд. Этн.“, 1883 г.

Малиев, Н. М. Каталог краниологической коллекции Имп. Казанского Университета. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете“, 1888 г.

Романов, А. Антропологические сведения о населении Кузнецкого уезда. „Вестн. судебн. медицины и общ. гигиены“, 1884 г., т. 3; 1885 г., т. 4.

Снигирев, В. С. Материалы для медицинской статистики и географии России. „Военно-Медиц. Журнал“, 1883 г., кн. 1.

Соловьев Е. Т. О росте и объеме груди жителей Тетюшского уезда Казанской губ. „Протоколы засед. Антроп. Отд. с 4 декабря 1881 г. по 1886 г.“, 1886.

Укке, Ю., д-р. Рекрутские наборы в Самарской губ., 1876 и 1877 гг. „Врач. ведомости“, 1881 г., № 38—40.

Пермяки.

Гильченко, Н. В. Вес головного мозга и некоторых его частей у разных племен населения России. „Тр. Антроп. Отд.“, т. XIX, 1899 г.

Малиев, Н. М. Антропологический очерк племени пермяков. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете“, т. XVI, вып. 4, 1887 г.

—— Каталог краниологической коллекции Имп. Казанского Университета „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете“, 1888.

Иванов, А. П. Материалы к антропологии Пермского края. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете“, т. X, 1881 г.

Хомяков, М. М. Зюздинские пермяки. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете“, т. XLIV, вып. 3, 1911 г.

Вотяки.

Гильченко, Н. В. Вес мозга и некоторых его частей у различных племен, населяющих Россию. „Тр. Антроп. Отд.“, т. XIX, 1899.

Малиев, Н. М. Материалы по сравнительной антропологии: 1) к учению о строении черепа и к сравнительной анатомии рас, материалы для антропологии восточного края России; 2) антропологический очерк вотяков; 3) таблицы измерения черепов и живых людей к материалам для антропологии восточного края России. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете“, 1874 г.

Малиев, Н. М. Каталог краниологической коллекции Имп. Казанского Университета. „Тр. О-ва Ест. при Казанском Университете", 1888 г.

Снигирев, В. С. Материалы для медицинской статистики и географии России. О результатах освидетельствования и измерения груди и роста лиц, призванных к военной службе в 1875 г. „Военно-Медиц. Журнал", 1883 г., кн. 1.

Тезяков, Н. Вотяки Больше-Гондырской волости. Медико-статистический и антропологический очерк. Изд. журн. „Земский врач". Чернигов, 1892 г.

Зыряне.

Пушкинская, Л. В. Материалы по антропологии зырян Сысольского края. „Русск. Антроп. Журн.", 1926 г., вып. 3—4.

Севастьянов, Е. П. К антропологии зырян. „Русск. Антроп. Журн.", 1912 г., № 1.

Тявченко, Н. В. Вес головного мозга и некоторых его частей у разных племен, населяющих Россию. „Труды Антроп. Отд.", т. XIX.

Лопари.

Кельсиев, А. И. Антропологический очерк лопарей. Антроп. Выставка, т. т. III и IV.

—— Доклад о лопарях. „Изв. Общ. Любит. Е., А. и Этн.", т. XXVII. 1878.

—— Поездка к лопарям. Ibid.

Харузин, Н. Н. К вопросу о двух типах лопарей. „Дневн. Антроп. Отд.", 1890 г., вып. IV.

Шмаков, И. Н. Материалы для антропологии русских лопарей. Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. Дисс. на ст. доктора медицины. „Ежегодник Антроп. О-ва при С.-Петербургском Университете", т. III, 1904 г.

—— Русские лопари с врачебно-санитарной точки зрения. Архангельск, 1908 г.

Карелы.

Миллер, Ю. А. Статистико-антропологическое исследование об учениках Крестецкого уезда за 1878 г. „Прот. засед. Антроп. Отд. с 4 декабря 1881 г. по 1886 г.", 1886 г.

Снигирев, В. С. Материалы для медицинской статистики и географии России. О результатах освидетельствования и изменения груди и роста лиц, призванных к военной службе в 1875 году. „Военно-Медиц. Журнал", 1883 г., кн. 1.

Колмогоров, А. И. Финны Финляндии. „Русск. Антроп. Журн.", 1904, № 3—4.

Финны Финляндии.

Елисеев, А. В. Антропологические заметки о финнах. „Прот. засед. Антроп. Отд. с 4 декабря 1881 г. по 1886 г.“, 1886.

Колмогоров, А. И. Финны Финляндии. „Русск. Антроп. Журн.“, 1904 г., № 3—4.

Талько-Грынцевич, Ю. Д. Заметки о поездке в Финляндию. „Русск. Антроп. Журн.“, 1917 г., № 3—4.

Эсты.

Вейнберг, Р. Л. О строении большого мозга у эстов, латышей и поляков. „Тр. Антроп. Отд.“, т. XIX, 1899 г.

—— Эсты (Антропологический очерк). „Русск. Антроп. Журн.“, 1901 г., № 3—4.

Гершельман, Э. Формы грудной железы у эстонок. Ibid., 1903 г., № 3—4.

Гильченко, Н. В. Вес мозга и некоторых его частей у различных племен населения России. „Труды Антроп. Отд.“, т. XIX, 1899 г.

Харузин, А. К антропологии населения Эстляндской губ. „Тр. Эстляндского Статистического Комитета“, т. IX. („Временник Эстляндской губ.,“ кн. 1). Ревель, 1894 г.

Штида, Л. Х. Об антропологических работах в Дерптском Университете. „Антроп. Выставка“, т. III, ч. I, 1886 г.

Этнографическое изучение финноугорских народов в СССР.

Н. Н. Поппе.

Этнограф всегда мог рассчитывать найти в СССР широкое поле деятельности: страна, в состав населения которой входят десятки народов, всегда поставляла богатый материал исследователям народного быта и обеспечит им еще надолго самые широкие возможности. И заслуги русской науки в области этнографического изучения населения страны хорошо известны всем. Не остались вне поля зрения русских этнографов и финноугорские народы.

Этнографическое изучение финно-угорских народов началось в СССР уже очень давно. Первые описания финноугорских народов принадлежат, конечно, не этнографам и не специалистам в этом деле, но лицам, приходившим в соприкосновение с этими народами чисто случайно, и путешественникам, посещавшим их во время своих путешествий, которые они предпринимали с совершенно иными целями, чем изучение их быта. Здесь совершенно та же картина, что и в истории этнографического исследования других народов. В настоящее время, когда этнографическим описаниям отдельных народов предъявляются уже совершенно определенные требования, эти первые сведения о финноугорских народах, конечно, сильно устарели, и во многих отношениях они представляют собою только исторический интерес. Однако, нельзя упускать из виду того, что за сто, полтораста лет общее состояние тех или иных народов сильно изменилось, и что эти древнейшие описания часто сообщают сведения о таких чертах быта, которые впоследствии уже исчезли. Как материал, эти первые сведения о финноугорских народах безусловно не могут игнорироваться вполне.

Из таких старых сведений о финноугорских народах заслуживают быть упомянутыми, прежде всего, путевые заметки и

описания, составленные учеными путешественниками XVIII ст. Здесь заслуживают быть названными труды Г. Ф. Миллера, Рычкова, Лепехина, Палласа и Георги, совершивших в середине и второй половине XVIII ст. свои путешествия, за время которых ими был собран некоторый этнографический материал, главным образом, о финнах Поволжья и вотяках, а также о лопарях и западных финнах. Эти сведения надолго остались единственными в науке, и лишь впоследствии, в XIX ст., на смену их явились новые.

В виду того, что эти труды имеют одинаковое значение для этнографии целого ряда финских народов, а также и этнографии некоторых не-финских народов, то они и называются здесь, в вводной части очерка. В дальнейшем же обзор будет разбит на ряд очерков по истории этнографического изучения отдельных финноугорских народов.

Эти очерки, конечно, не могут ни в какой мере заменить библиографии, появление которой теперь является одной из насущнейших задач, которую, как можно надеяться, и удастся осуществить в ближайшее же время.

Этнографическое изучение западных финнов.

Наибольшие заслуги в изучении западных финнов и, в частности, этнографическом изучении их, принадлежат, безусловно, Академии Наук: как на ранних ступенях своего существования, так и в более позднее время, большинство представителей академической финнологии в наиболее крупных своих исследованиях всегда выступали в роли именно исследо вателей западных финнов. Это справедливо в отношении лингвистического, исторического и, особенно, этнографического изучения финских народов.

Первым представителем финнологии в Академии Наук является акад. Шёгрен, одинаково двинувший как лингвистическое, так и этнографическое исследование финнов.

Говоря о Шёгрене, как об этнографе-финноведе, следует заметить, что он, прежде всего, был полевым собирателем материала, т.-е., проделал ту сложную и сопряженную с огромными трудностями работу, которую редко приходится выполнять кабинетным ученым. За время своего почти пятилетнего путешествия (1824—1829 гг.) он посетил Новгородскую и Олонец-

кую губернии и финляндскую Карелию, объездил значительную часть северной Финляндии и Лапландии и, продолжая оттуда свой путь по побережью Белого моря, достиг Мезени. В дальнейшем он посетил значительную часть Вологодской, Архангельской, Вятской губ. и т. д.

В течение этого времени Шёгрен собрал богатейшие материалы по этнографии, истории, археологии и лингвистике, в частности и главным образом, по западным финнам и открыл даже ряд новых финских племен и языков, как, напр., олонецкую чудь, о которой до него ничего не было известно, первым посетил вепсов, правильно отождествленных им с летописной весью, и т. д. Эти богатые результаты исследований Шёгрена на местах не могли не обратить на себя внимания Академии Наук, куда он был избран в 1829 г. адъюнктом, а в 1831 г. экстраординарным академиком.

Собранные Шёгреном материалы — собственные записи и архивные документы — были им использованы в целом ряде капитальных трудов, имеющих такое же огромное значение для этнографии финнов, как и истории их. Среди них наибольшее значение для этнографии западных финнов имеет его монография Über die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland.

Говоря о значении этого труда, следует заметить, что, прежде всего, он является первым научным очерком финского населения Петербургской губ. и в нем впервые перечисляются финские племена, входящие в состав населения губернии, из которых некоторые, как эврэмейсет и савакот, были впервые открыты Шёгреном, установившим существующую между ними диалектическую разницу и давшим также первое описание обычаев, свадебных обрядов, поверий, одежды и т. д. как этих двух племен, так и ижоры и води. Попутно им приводятся также образцы их поэтического творчества. В настоящее время, когда диалектическая разница между эврэмейсет и савакот, под влиянием школьного образования, местами уже сгладилась, когда многие поверья и обряды уже больше не наблюдаются, и когда такие племена, как воть, уже почти исчезли, труд Шёгрена является единственным источником, могущим дать ответ на ряд вопросов, связанных с финской этнографией Ленинградской губернии.

После некоторого перерыва в полевом исследовании финских народов, вызванного поездкой на Кавказ и занятиями в других областях, Шёгрен в 1846 году, по поручению Русского Географического Общества, предпринял путешествие в Лифляндию и Курляндию с целью изучения ливов и кревинов, по которым он собрал весьма ценный этнографический материал.

Преждевременная смерть Шёгрена прекратила его в высшей степени плодотворные занятия, в частности, в области этнографии финнов, и не дала ему возможности самому обработать свои материалы, значительная часть которых, особенно по финнологии, вышла в обработке других лиц, как, напр., лингвистические материалы по ливам, изданные впоследствии в обработке Видемана. За смертью же автора, другая часть материалов так и осталась не изданной, представляя собою совершенно сырой материал, хранящийся в бумагах Шёгрена во втором отделении Библиотеки Академии Наук.

Заканчивая обзор деятельности Шёгрена, можно заметить, что этот период истории этнографического изучения финских народов является, вместе с тем, и периодом начала наибольшего расцвета этой науки в Петербурге. Шёгрен не был одинок в своих интересах, и этнография финнов привлекла к себе внимание целого ряда современников Шёгрена, среди которых, из числа членов Академии Наук, на первом месте стоит П. И. Кеппен (род. в 1793 г., умер в 1864 г.). Работая в области этнографии и статистики, он много сделал для этнографического изучения западных финнов. Из трудов его, относящихся к этой области, на одном из первых мест стоит его этнографическая карта Петербургской губернии и объяснительная записка к ней. Являясь первой этнографической картой Петербургской губернии, значительную часть населения которой составляют финны, карта эта до настоящего времени сохраняет свое значение, несмотря даже на то, что состав населения губернии местами изменился, так, напр., сильно поредели водские деревни, значительно обрусели ижоры, местами слившиеся с русским населением, и т. д., ибо она является единственным документом прежнего племенного состава губернии, местами не испытавшей в этом отношении никакого изменения. Огромную ценность представляет собою объяснительный текст к карте, в котором перечислены все нерусские деревни губернии с подробным указанием национальности их жителей, причем, для

удобства пользования, отдельным национальностям губернии в книге отведены отдельные главы. И так как, за исключением небольшого количества немцев, нерусским населением губернии в его массе являются финны, то труд Кеппена может рассматриваться как монография о финнах Петербургской губернии. Помимо статистических сведений о финском населении губернии, Кеппеном сообщаются весьма важные этнографические сведения о нем, представляющие собою вполне законченные очерки быта финнов губернии, а также исторические сведения, значительно дополняющие работу Шёгрена о финском населении губернии. Что касается источников сведений Кеппена, то частично они были собраны им лично во время его этнографических экскурсий по губернии, частично же источником его сведений являлись показания духовенства и других лиц. В этой же монографии им были использованы и некоторые собственные работы, ранее вышедшие в свет.

Для западно-финской этнографии имеет огромное значение еще другая работа Кеппена, а именно его Finnland in ethnographischer Beziehung, в которой сообщаются весьма ценные данные о национальности жителей отдельных приходов по епископствам. Данные эти в настоящее время представляют собою огромную ценность, ибо дают возможность сопоставить данные современные с положением, какое наблюдалось почти сто лет тому назад. С этой точки зрения заслуживают внимания и такие статьи Кеппена, как Die Bewohner Estlands или Über die Zahl der Nichtrussen (инородцы) in den Gouvernements Nowgorod, Twer, Jaroslaw, Kostroma und Nischnij-Nowgorod, в которой, между прочим, сообщаются некоторые сведения о карелах.

Из всего сказанного видно, как сильно двинул вперед дело этнографического изучения финнов Кеппен, главный труд которого в этой области — объяснительная записка к этнографической карте — до сих пор является единственным этнографическим и статистическим исследованием о финском населении Ленинградской губернии.

Говоря о деятельности Шёгрена и Кеппена, нельзя не заметить, что этот период, который по полному праву можно назвать периодом расцвета изучения западных финнов, совпадает с периодом деятельности величайшего финнолога прошлого столетия М. А. Кастрена, в осуществлении путешествий и издании трудов которого роль нашей Академии Наук была на-

столько велика, что он вполне справедливо может быть причислен к русским ученым. Поэтому, для полноты очерка этого периода истории русского финноведения, необходимо остановиться на личности Кастрена и на его деятельности, тем более, что он в своих путешествиях вся время находился в переписке с Шёгреном, по предложению которого Академия и пригласила Кастрена принять участие в ее экспедиции.

С Кастрена начинается новая эра в истории не только финнологии — финноугорского языкознания, этнографии и археологии финноугорских народов, но и урало-алтаистики. В другом месте нам уже пришлось дать оценку деятельности Кастрена, как урало-алтаиста, и предоставляя другим делать оценку его деятельности, как лингвиста и археолога, постараемся, насколько это возможно, дать характеристику его трудов в области этнографии финноугорских народов. В своей речи, произнесенной в день столетия со дня рождения Кастрена, президент Финно-Угорского Общества в Гельсингфорсе проф. Setälä отметил, что Финно-Угорское Общество является продолжателем работ Кастрена, и этим самым как-бы подчеркивает, что основателем той науки, дальнейшая разработка которой является задачей Общества, является Кастрен. И действительно, нет такой отрасли финноугорской науки, которая в настоящее время была бы вполне независимой от взглядов и работ того же Кастрена. Особенно справедливо это утверждение в отношении этнографического изучения финноугорских народов.

В своих этнографических исследованиях Кастрен был так же разносторонен, как и в лингвистических, и круг его этнографических исследований охватывает все урало-алтайские народы. Вместе с тем, однако, Кастрен был также этнографом-исследователем западных финнов, и как раз его труд о финской мифологии, „Мифология западных финнов“, является единственным из его этнографических исследований, который сохранил свое значение и в настоящее время, в то время, как его Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker настолько устарело, что в настоящее время уже представляет собою лишь исторический интерес. Поэтому-то, если говорить о Кастрене, как этнографе, и современном значении относящихся сюда трудов его, то о нем можно говорить лишь как об этнографе-исследователе западных финнов.

Несмотря на ряд методологических ошибок, допущенных Кастреном и в этом труде, из которых главной является то, что Кастрен в основу своего труда положил Калевалу в том виде, как она была издана, хотя он сознавал значение первоисточников и первый высказал мнение о необходимости издавать народные руны в том виде, как они поются, без допущения каких-бы то ни было изменений; тем не менее, этот труд, в общем, сохраняет свое значение и сейчас, являясь одним из немногих в этой области. Состоя из очерков, посвященных отдельным богам и героям Калевалы, этот труд является основой для современного исследования Калевалы, получившего свое дальнейшее развитие в трудах J. Krohn'a и K. Krohn'a. К этому труду Кастрена примыкают его статьи „Allgemeine Übersicht der Götterlehre und der Magie der Finnen" и „Über die Zauberkunst der Finnen", материал для которых им был собран во время его первых путешествий.

Лингвистическое наследие Кастрена во много раз превышает его этнографическое наследие и сохраняет свое значение в настоящее время в гораздо большей степени, чем последнее; тем не менее, деятельность Кастрена, как этнографа, является важной главой в истории этнографического изучения финноугров и этапом, с которым нельзя не считаться. Кастрен умер в расцвете лет и не успел сам обработать значительной части своих материалов, а главные труды его вышли в свет в обработке акад. Шифнера. Судьба трудов Кастрена в этом отношении удивительно напоминает собою судьбу трудов Шёгрена, которые, за безвременной смертью автора, вышли в обработке акад. Видемана.

Как Шёгрен, так и Кеппен и Кастрен, принадлежат к той категории исследователей, разносторонняя деятельность которых относится к самым разнообразным областям: Шёгрен, как известно, числился в Академии Наук по кафедре этнографии и языков финнов и народов Кавказа, Кеппен по кафедре статистики, а Кастрен может быть охарактеризован, как уралоалтаист в широком смысле слова. Таким образом, в их среде мы не находим узкого специалиста по финноведению, круг исследований которого ограничивался бы только финноугорскими народами.

В середине прошлого столетия финноведение, представленное в Академии Наук Шёгреном и получившее столь мощное

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

развитие благодаря Кастрену, сделало уже такие успехи, что можно было признать за ним все права гражданства на ряду с прочими науками и перестать соединять изучение финно-угорских народов и исследование языков и этнографии других народов, взамен чего отвести ему самостоятельное место в Академии Наук.

Как раз в 1859 г. состоялось избрание в члены Академии Видемана, которому была отведена уже отдельная кафедра по языкам и этнографии финских племен. Этот факт учреждения в Академии Наук отдельной кафедры финнологии заслуживает быть особо отмеченным, ибо является безусловно крупным событием в истории финнологии.

Главный предмет исследований Видемана составляли финские языки, и в этой области его заслуги, несомненно, очень велики. Значительно меньше им было сделано в области этнографии финнов: здесь, если не считать труда Видемана о кревинах, этнографического лишь в очень незначительной своей части, где только между прочим на основании прежних сведений им дается обзор главных черт быта этого народа, Видеману принадлежат два труда: это его исследование об эстах, в котором сообщаются ценные сведения по духовной культуре эстов, и другой — о ливах.

Со смертью Видемана финнология надолго лишилась своего представителя в стенах Академии Наук, и кафедра эта так и осталась никем незанятой.

Подводя итоги тому, что было сделано Академией Наук в области этнографического исследования западных финнов, можно заметить, что лучше всего в течение прошлого столетия оказались изученными финны нынешней Ленинградской губ. (ижоры, водь, савакоты и эвремейзет) и эсты. И после упомянутых исследователей в этой области ничего существенного не было сделано. Так, напр., о финском населении Ленинградской губ. после Шёгрена и Кеппена вообще никаких, заслуживающих внимания, исследований или даже мелких статей не выходило, ибо статья Д. Успенского о финском населении Ленинградской губ. повторяет лишь данные Шёгрена и Кеппена. Это же утверждение справедливо и в отношении к ливам и кревинам. Лишь со времен революции финское население Ленинградской губ. снова заинтересовало исследователей. Здесь можно упомянуть специальную экспедицию во главе с Д. А.

Золотаревым, успешно работавшую в течение 1925 г., 1926 г. и в настоящее время.

Несколько иначе обстоит дело с изучением эстов. Хотя в этой области труд Видемана в русской науке продолжает не иметь равных себе, тем не менее, кое-что в этой области прибавилось. Прежде всего здесь должен быть упомянут ряд работ о так называемых полуверцах, т.-е., эстах Печорского края (Псковской губ.), которые Видеманом не были обследованы. Таковы работы М. Миротворцева (1860 г.), Ю. Трусмана (1890 г.) и Я. Хурта (1905 г.), известного исследователя быта и фольклора эстов. Несмотря на то, что работы этих авторов очень кратки, они, тем не менее, до некоторой степени восполняют тот пробел, который существовал в науке, и в русской финнологической литературе стоят довольно одиноко. Кроме того, нельзя не упомянуть также труда Boecler'a об эстонских обрядах, вышедшего в свет еще до труда Видемана.

Переходя теперь к тому, что было сделано в области изучения тех западно-финских народов, которые ни Шёгреном, ни Видеманом изучены не были, следует заметить, что вепсы так и остались почти не изученными. Здесь могут быть упомянуты лишь работы В. И. Майнова и Д. П. Никольского, и то дающие лишь очень скудный этнографический материал об этом народе, особенно последняя, которая почти не может итти в расчет. Значительно больше было сделано в области этнографического исследования карел, хотя и в этой области ничего руководящего еще нет. Так, например, по карелам б. Олонецкой и Архангельской губ. единственными общими очерками являются работы А. И. Иванова, Чубинского и Голубцова. Довольно подробные сведения о карелах можно почерпнуть также в работе Верещагина „ Очерки Архангельской губернии“ и Дашкова „Описание Олонецкой губернии“, а также из таких изданий, как „Памятная книжка Олонецкой губернии“ за 1856 и следующие годы, „Олонецкий сборник“, в которых местные силы сообщают попутно сведения о карелах. Остальное носит исключительно популярный характер.

Попутно можно заметить, что лучшие работы общего и специального характера о карелах относятся специально к Тверским карелам. В этой области изучению карелов особенно посчастливилось, ибо нашло деятельного работника в лице

статистика Д. И. Рихтера, давшего весьма ценный обзор современного состояния карел. Впоследствии к материалам Рихтера прибавились ценные материалы, собранные Этнографической экспедицией Академии Истории Материальной Культуры под руководством Д. А. Золотарева в 1921—1922 гг., продолжавшего свои работы в этом направлении и впоследствии и перенесшего свои исследования и на карел Карельской Автономной Республики. Результатом его работ и его сотрудников явился ряд статей, посвященных разным вопросам карельского быта.

Из специальных работ по отдельным вопросам этнографии карел можно упомянуть работы Лескова, совершившего, начиная с 1892 г., в течении нескольких лет ряд поездок по Олонецкой губ. Довольно обширный материал по юридическим обычаям карел был собран и опубликован Ефименко. Наконец, весьма ценный материал по заговорам и приметам Тверских карел (Бежецкого уезда) был собран учительницей Михайловской, не имеющий равного себе и в финской научной литературе, в которой ощущается огромный пробел в отношении Тверских карел даже в части лингвистического их изучения.

Заканчивая отдел об этнографическом изучении западных финнов, можно заметить, что, кроме вепсов, все западно-финские народы в нашей литературе представлены: и финны Ленинградской губ., и эсты и, особенно, карелы.

В настоящее время, когда в отдельных городах уже развили свою деятельность общества изучения местного края, можно надеяться, что этнографическое изучение финского населения отдельных местностей станет на должную высоту.

Надежды эти уже начинают сбываться: так, например, по этнографии карел в Карельской Автономной Республике уже кое что сделано: можно указать на статью Нумми, носящую общий характер, и ряд работ других лиц, находящихся в контакте с Обществом изучения Карелии. Интересную работу об оленеводстве в Карело-Мурманском крае недавно выпустил в свет Капица; другие стороны быта населения тоже находят отражение в некоторых работах, появившихся за последнее время.

Этнографическое изучение лопарей.

Если первые более или менее полные этнографические очерки западных финнов появились лишь в результате работ некоторых членов Академии Наук в первой половине XIX ст., то этнографическое изучение лопарей началось значительно раньше и притом с самого начала дало гораздо более полные материалы, чем изучение западных финнов. Так, например, труд К. В. Миллера (1776) в своей западно-финской части почти не может итти в расчет при обсуждении вопросов, связанных с изучением быта финнов XVIII ст., о которых уже тогда в литературе — главным образом, в шведской — имелись гораздо более обстоятельные сведения. Между тем, в главе о лопарях этот труд, как один из первых этнографических очерков лопарей вообще, заслуживает некоторого внимания. За этим первым трудом в области этнографии лопарей появился в 1788 г. анонимный труд на русском языке, озаглавленный: „Краткое описание образа жизни самоедов и лопарей, народов, обитающих в Сибири, о их вере, о жертвоприношении, о присяге, о учителях веры и женитьбе, о родинах младенцев, о нравах, о жилищах, об одежде, о болезнях и врачевании оных... Повидимому, интерес к этому финскому народу в конце XVIII ст. уже значительно возрос, ибо только этим можно объяснить появление в 1792 г. в русской литературе переводного сочинения о лопарях „Новые и достоверные известия о лапландцах в Финмархии, о их языке, обрядах, нравах и о прежде бывшем языческом их законе". Переведен с датского Кнуд Лемсом на немецкий, а с оного на российский. Москва. 1792). Хотя этот труд и переводный, он, тем не менее, заслуживает быть упомянутым, как свидетельство о том интересе к лопарям, который уже тогда пробудился в русской среде.

Значительно двинулось дело этнографического изучения лопарей со времен Шёгрена, который во время своих путешествий, о которых уже шла речь выше, имел возможность ознакомиться и с лопарями как русскими, так и финляндскими, области обитания которых им были объезжены до самой границы Норвегии. Впоследствии, в 1838 и 1841 гг., Кастрен основательно изучил быт лопарей и в своих этнографических очерках и путевых журналах отвел им видное место. После Кастрена дело этнографического изучения лопарей несколько

приостановилось, и лишь во второй половине прошлого столетия интерес к лопарям появился снова.

В 1869 г. начал выходить под общим названием „Подробное описание Лопской земли" ряд очерков Дергачева, сообщающего весьма ценные данные о лопарях. Вскоре этнографическая литература о лопарях обогатилась работами Немировича-Данченко, не только заслуживающими внимания, как этнографический материал, но и как увлекательные и живые описания быта этого народа.

Затем юридическим обычаям лопарей был посвящен специальный труд Ефименко, уже упоминавшийся раньше. Несколько лет спустя совершил поездку к лопарям Бухаров, результатом которой явилось весьма обстоятельное и разностороннее описание быта лопарей, в котором более или менее все стороны их жизни нашли свое отражение.

Наконец, к лопарям совершил в 1879 г. поездку Кельсиев, собравший о них некоторый этнографический материал.

Наиболее крупный труд по этнографии лопарей принадлежит Харузину. С лопарями Харузин познакомился в 1887 г., будучи командирован Обществом Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, и результатом этого путешествия явился его труд, такой же прекрасный, как и все прочие работы этого известного этнографа. Заслугой Харузина является, прежде всего, то, что он, ограничив свое исследование исключительно русскими лопарями, дал описание их, не имеющее себе равного в этнографической литературе о лопарях — ни в русской, ни даже в шведской и норвежской, которые, в общем, очень богаты. Описывая быт русских лопарей, Харузин, прежде всего, установил границы между русскими лопарями и финляндскими и скандинавскими, которые до него рассматривались, как нечто единое, хотя все они довольно сильно отличаются друг от друга. Что касается сообщаемых Харузиным сведений о лопарях, то они даются им как на основании своих собственных материалов, так и критически проверенных более старых источников.

Не ограничиваясь чисто внешним описанием лопарей, Харузин сделал весьма ценную попытку набросать картину истории лопарей; он определяет, между прочим, прежние области обитания этого народа, жившего некогда, даже не очень давно, значительно южнее, чем теперь. В дальнейшем он переходит

к самому описанию материального быта, религии и семейного строя их и сообщает весьма ценные сведения об их народном творчестве. Эта монография Харузина не только продолжает сохранять свое значение и теперь, но является в области этнографического изучения лопарей трудом, которым еще долго будут пользоваться.

Немногие работы о лопарях, которые появились впоследствии, как, напр., работы Ященко и Львова, являются гораздо менее полными и носят популярный характер. Некоторого внимания заслуживают путевые наброски В. Харузиной, в которых довольно много сведений сообщается о лопарях, на ряду с прочим населением.

Этнографическое изучение волжских финнов.

Если русская этнографическая литература о западных финнах и лопарях имеет соперницу в лице западной научной литературы, то все, что было сделано у нас в деле этнографического изучения финнов восточных и, в том числе, волжских, безусловно, не имеет ничего равного себе на Западе.

Этнографическое изучение волжских финнов началось еще в XVIII ст. Первые описания быта волжских финнов мы находим в трудах ученых путешественников Палласа, Лепехина, Рычкова и др., на основании сведений которых явились краткие сводки этнографических материалов о восточных финнах.

Говоря об изучении волжских финнов, нельзя не заметить, что главное в этом направлении было сделано не представителями Петербургского финноведения, но научными силами Поволжья. Это объясняется, конечно, совершенно понятными причинами, ибо ученые Поволжья имели всегда гораздо большие возможности в этом деле и могли непосредственно наблюдать быт изучаемых ими народов, жить в их среде и совершать поездки к ним, тратя на переезды гораздо меньше времени, чем работники научных учреждений центра.

Центром этнографического изучения восточных финнов, в том числе и волжских, с самого начала была Казань с ее Университетом, Миссионерским Институтом и другими учреждениями, в состав которых входило большое количество выдающихся исследователей финских народов. При этом нужно заметить, что большинство ученых Казани, которым огромную

помощь в деле изучения финских народов оказало также местное учительство и духовенство, в большинстве случаев являлись крайне разносторонними исследователями быта финских народов, охватившими не только мордву и черемисов, но и вотяков и даже зырян, и изучавшими эти народы часто в сравнительном аспекте с привлечением материалов по чувашам. Объясняется это тем, что культурное единство этих народов почти с самого начала было осознано исследователями. В настоящее время правильность этого подхода уже не подлежит никакому сомнению, ибо мы знаем, какую выдающуюся роль в истории культуры народов Поволжья сыграли чуваши. Поэтому рассматривать культуры отдельных финских народов Поволжья как нечто самодовлеющее теперь уже нельзя, ибо все они являются звеньями одной и той же волжско-финской культуры, так близко соприкасающейся с культурой чувашей.

Первые описания быта финских народов Поволжья к настоящему времени уже сильно устарели и имеют лишь исторический интерес, но тем не менее, как материал, они представляют еще огромную ценность, давая сведения о таких чертах народного быта, которые теперь уже исчезли.

Большие успехи в деле этнографического исследования финнов Поволжья были сделаны в первой половине и середине прошлого столетия. В этом отношении особенно много было сделано супругами К. Фукс, сообщившим довольно подробные сведения о религиозных верованиях и браке мордвы и некоторых других народов, и А. Фукс, собравшей особенно ценные сведения о черемисах. К тому же времени относится и выход в свет единственной работы о восточных финнах Кеппена, именно его статьи о мордовском племени каратаях.

С 50-х годов XIX ст. начали выходить в свет непрерывным потоком отдельные работы о мордве и черемисах. Религиозные воззрения черемисов сравнительно хорошо были описаны В. П. Вишневским. Почти одновременно с появлением в свет его работ, в 1857 г., появилась работа по этому же вопросу миссионера А. Покровского и арх. Макария. В 60-х годах вопросы, связанные с первобытными верованиями черемис, не переставали интересовать исследователей. Особенного внимания заслуживают из относящихся к тому времени исследований религии черемис „Очерк религиозных верований черемис“ С. Нурминского, анонимная статья по этому же вопросу

в „Памятной книжке Казанской губ. за 1863 г.“, а также статья Алонзова в „Памятной книжке Оренбургской губ. на 1865 г.“ К концу шестидесятых годов относится, наконец, работа А. Филимонова.

Совокупными усилиями всех этих деятелей верования черемис были изучены вполне удовлетворительно. Еще не так давно, кроме самых общих сведений, в литературе по этому вопросу не было почти ничего; к началу же семидесятых годов появилась уже целая литература по этому вопросу. К упомянутым работам можно было бы прибавить еще ряд мелких работ, вышедших в свет в „Губернских Ведомостях“ в отдельных городах, в „Православном Собеседнике“ и т. д. Здесь не место касаться всех их, но можно заметить, что литература о черемисах к тому времени насчитывала уже многие десятки статей и мелких заметок.

Целую эпоху в изучении финнов Поволжья составила деятельность Ильминского, выработавшего свою особую систему распространения образования среди народов Поволжья. По его инициативе в 1872 г. была основана в Казани учительская семинария, целью которой была подготовка учителей для национальных меньшинств, давшая впоследствии немало выдающихся деятелей среди учительства Поволжья.

Переходя теперь к рассмотрению того, что было сделано в деле этнографического изучения специально мордвы, можно заметить, что и оно началось планомерно с середины прошлого столетия, и в этой области немало потрудились отдельные исследователи, на помощь которым пришло и учительство и духовенство.

Внимания заслуживают описания мордвы Нижегородской губ. Мельникова, дающие, по сравнению с прежними работами, много новых сведений. Среди прочих работ того времени, как-то: Ауновского, Мартынова и др., особенно выгодно отличаются его „Очерки мордвы“ (1867 г.), представляющие собою первый опыт историко-этнографического исследования этого народа. В этом труде внимания заслуживают подробные сведения о религиозных воззрениях мордвы и связанных с ними обрядах; сравнительно подробно изложена также в этом труде мордовская мифология.

Книга Мельникова, сообщающая столь ценные сведения о верованиях мордвы, не могла не оказать влияния на других.

В ближайшие годы после выхода ее стали появляться уже специальные работы, посвященные религиозным воззрениям мордвы. Из таких работ заслуживают внимания описания Иллюстрова, Примерова и Митропольского.

Этнографическая литература о мордве к 70-м годам уже настолько разрослась, что стали появляться компилятивные обзоры, суммирующие сведения ряда лиц. К таким обзорам общего характера принадлежат очерки Н. Смирнова о мордве Пензенской губ., которые, несмотря на несколько резкую критику известного исследователя финнов Поволжья И. Н. Смирнова (носит „недостаточно критический характер"), все же заслуживают серьезного внимания, особенно в той части, где приводятся старые сведения о религиозных обрядах, почерпнутые автором из донесений местного духовенства начала XIX ст.

За этими первыми очерками мордвы последовали другие, среди которых видное место занимает работа М. Гребнева, носящая такой же историко-этнографический характер, как упомянутая работа Мельникова.

В 70-х годах обилие работ по этнографии мордвы, количество которых особенно возросло за предшествовавшее десятилетие, сделало совершенно необходимым появление в свет библиографии по этому вопросу. Такая библиография и появилась, будучи составленной известным исследователем мордвы В. Майновым, по инициативе которого в 1877 г. Географическим Обществом был составлен проект этнографической экспедиции к мордве. Перу этого исследователя принадлежит также ряд специальных трудов по вопросам мордовской этнографии.

Из этих работ прежде всего необходимо упомянуть его „Очерк юридического быта мордвы", в котором затронут ряд вопросов, которые до того были совершенно не освещены в научной литературе. Другие работы Майнова касаются брачных обрядов мордвы и вопросов мордовской мифологии, из которых последняя является посмертной работой этого исследователя и появилась в печати в Финляндии.

Говоря о Майнове, необходимо заметить, что он из всех упомянутых исследователей мордвы является наиболее крупным. Тем не менее, работы его страдают рядом существенных недостатков, среди которых едва ли не главным является то, что он совершенно не делал разницы между мокшей и эрзя. Кроме того, не все сообщаемые им сведения заслуживают

доверия, на что указал впоследствии И. Н. Смирнов, доказавший неправдоподобность некоторых фактов, сообщаемых Майновым. Несмотря на это, труды Майнова все же являлись для того времени руководящими. Особенно справедливо это утверждение в отношении Майнова, как исследователя мифологии мордвы, в каковой области он, за исключением Мельникова, не имеет предшественников, как это признает и его критик, и исследователя юридических обычаев мордвы, в каковой области он является единственным.

Шестидесятые и семидесятые годы ознаменовались не только изучением религиозных воззрений черемис, но многое было сделано также в области исследования других сторон их быта. Так, напр., интересный очерк черемис Красноуфимского уезда был составлен Городским и напечатан в одном из изданий Русского Географического Общества. К этому времени стали появляться и другие работы о черемисах общего характера, причем особое внимание стало уделяться изучению черемис отдельных районов. Здесь мы наблюдаем ту же картину, что и в деле изучения мордвы, где, как мы увидим дальше, необходимость всестороннего изучения мордовского населения отдельных местностей была поставлена в центр внимания, и такое изучение было предпочтено общим очеркам всей мордвы, представляющей собою еще в меньшей степени единый в культурном отношении народ, чем черемисы.

Такое течение в деле изучения финских народов Поволжья объясняется, конечно, в первую очередь тем, что поставщиком материалов в то время явилось уже учительство, хорошо знакомое с бытом населения лишь отдельных районов. Это участие учительства в деле этнографического исследования финнов Поволжья явилось своего рода событием в истории их этнографического исследования и первым предвозвестником того этнографического краеведения, которое начинает осуществляться в полной мере лишь теперь, на наших глазах. Названное событие имело место в результате обращения редакции „Известий Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете“ к местным культурным силам; обращение было разослано, между прочим, учителям, и в нем учительство приглашалось участвовать в собирании материалов по этнографии.

Результаты этого обращения сказались довольно скоро, и материалы начали поступать. Таким образом создалась целая

этнографическая литература по отдельным селам с мордовским населением (статьи Лукина, Можаровского, Леонтьева и др.).

Из работ о черемисах, вышедших в конце 60-х годов и являющихся именно очерками черемис отдельных районов, заслуживают серьезного внимания работы Знаменского о горных черемисах. Горным же черемисам посвящена работа Износкова.

В 70-х годах как исследователь черемис выдвинулся Золотницкий, больше известный по своим трудам в области изучения чувашей, в частности, их языка. Из его работ, относящихся к этнографии черемис, заслуживает внимания его статья „Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис", вызвавшая отклик в литературе. Несмотря на ряд недостатков, работа эта сохраняет свое значение и теперь.

В начале 70-х годов вышел в свет замечательный труд Риттиха, XIV-ая часть которого посвящена Казанской губ. Автор собрал в нем огромное количество сведений, и в этом ему помогал Золотницкий. Результатом этого явилась очень полная сводка материалов по черемисам, а также другим народам.

В 70-х же годах начал свою деятельность в области этнографического изучения черемис С. К. Кузнецов, известный этнограф Поволжья. Кузнецов принадлежал к наиболее плодовитым этнографам черемис и в течение ряда лет дал большое количество очерков черемис, посвященных разным сторонам их жизни. Особого внимания заслуживает его работа об языческих верованиях черемис, о культе умерших и загробных верованиях, а также некоторые очерки общего характера. Из всех исследователей черемис того времени Кузнецов является наиболее крупным. Свою работу Кузнецов продолжал и впоследствии, и многие из названных его работ вышли уже в самом конце прошлого столетия и начале нынешнего.

К началу же 70-х годов относится деятельность И. Моляров а, начавшего свою карьеру с малярного ремесла, впоследствии (1869 г.) сделавшегося учителем в Кузнецовском приходе и ставшего известным своей борьбою с язычеством черемис.

В течение 80-х годов вышли работы Лосиевского о свадьбе черемис и хороший очерк быта черемис Красноуфимского уезда Архангельского. Религиозным верованиям черемис, продолжавшим попрежнему интересовать исследователей, была по-

священа довольно основательная работа Г. Яковлева. Интересная работа по вопросу о следах человеческих жертвоприношений в поэзии приволжских финнов, в том числе черемис, была опубликована известным этнографом И. Н. Смирновым. Впоследствии эта работа его подверглась неоднократным упоминаниям в связи с Мултанским делом, в котором участие Смирнова сыграло роковую роль. Верованиям черемис, все еще продолжавшим стоять в центре внимания, была посвящена анонимная работа „Большое соборное моление черемис Вятской губ. Уржумского уезда доброму духу Юмо", вышедшая в свет в 1891 г. В том же году опубликовал свою работу о верованиях черемис С. Нурминский. Большой интерес исследователей вызвала возникшая среди черемис секта „большая свеча" (кугу сорта), которой были посвящены работы Андреева и ряда анонимов.

Черемисам Арбанской волости была посвящена работа Н. Троицкой. Языческим именам черемис посвящена небольшая работа Магницкого, хорошо известного исследователя чувашей. Черемисам Красноуфимского уезда посвятил работу А. Петров. Народная словесность черемис тоже нашла свое отражение в исследованиях конца прошлого столетия. Так, напр., Ерусланов ым был дан очень интересный очерк быта восточных черемис, в котором им приводится ряд их сказаний. Наконец, в середине 90-х годов восточных же черемис посетил Д. П. Никольский, собравший о них ряд новых сведений.

Самыми крупными трудами во всей этнографической литературе о финнах Поволжья являются монографии И. Н. Смирнова. За исключением некоторых глав его монографий, содержащих очерк истории этих народов, остальные посвящены исключительно внешнему быту, семейному строю и религии финнов Поволжья.

Труды эти составлены на основании обширного знакомства с литературой предмета, и список цитируемых автором сочинений настолько велик, что может служить ценной библиографией, охватывающей собою почти все, что вышло в свет по этнографии финнов Поволжья до года появления в свет его трудов. Автор не был этнографом-путешественником, и фактические данные об исследуемых им народах им заимствуются, главным образом, из печатных источников. Это, вероятно, наи-

более слабая сторона этих работ, в остальном являющихся единственными трудами руководящего значения, в которых приведены в стройную систему все сведения о мордве и черемисах.

Здесь можно указать, что подобных других монографий о мордве и черемисах до настоящего времени нет ни в русской этнографической литературе, ни в иностранной.

Рассматривать эти труды только как компиляции было бы несправедливо. Автор, на основании обширного материала, правда, в большей своей части заимствованного у других исследователей, делает свои выводы и проводит свои теории. С ними можно теперь, конечно, не соглашаться, но это ни в какой мере не может умалить достоинств работ этого почтенного исследователя.

Критика этих трудов Смирнова, как и других его работ, в частности, в области этнографии вотяков, была довольно суровая и, нужно заметить, несправедливая. Главным критиком явился проф. Setälä, не этнограф, но лингвист по специальности, и свою критику он направил, главным образом, на те сближения разных слов отдельных восточнофинских языков, которые делает Смирнов, словом, на лингвистическую сторону этого труда. Критика эта явилась, таким образом, критикой не по существу, но по отдельным положениям лингвистического характера, вовсе не играющим доминирующей роли в этих работах. Об этнографических достоинствах этих трудов проф. Setälä говорит как-то вскользь, по крайней мере, такое впечатление производит его критика. Тем не менее, сам критик, в конце-концов, соглашается с тем, что труды эти вполне могут считаться выдающимися, и присоединяется к тому, чтобы они были премированы.

Гораздо более незаслуженную критику вызвали труды Смирнова со стороны С. К. Кузнецова. Кузнецов сам был этнографом и потому не касался лингвистической стороны исследований Смирнова. Имея то преимущество перед предыдущим рецензентом, что тот не был этнографом, он мог обратиться к обсуждению трудов Смирнова по существу. Упрекая автора в излишней претензии на авторитетность и отрицая за ним качества этнографа, рецензент ставил ему в вину кабинетность и незнакомство с живым объектом этнографии, что, безусловно, несправедливо. В дальнейшем критик указывает на то, что весь авторитет трудов Смирнова

исключительно основывается на внешнем эффекте, на стилистических достоинствах и на ученой репутации автора, фактически не имея под собою никакой реальной почвы. Наконец, рецензент обвиняет автора в том, что тот цитируемой им литературы в значительной ее части даже никогда не читал и поместил ее в список своей библиографии лишь для полноты.

Эти выпады против Смирнова, безусловно, несправедливы. Труды его грешат, конечно, многим, но дело не в этом. Являясь первыми вполне научными монографиями о финнах Поволжья, они, вместе с тем, обладают целым рядом достоинств, отмеченных, в конце-концов, тем же проф. Setälä, признавшим, что отрицательные стороны этих трудов все же не могут препятствовать тому, чтобы за ними упрочилась репутация основательных и добросовестных работ, вполне заслуживающих всякого уважения.

Труды Смирнова о мордве и черемисах являются руководящими в области этнографического изучения их. В настоящее время на его основе должны уже появляться исследования в области отдельных вопросов этнографии финнов Поволжья, и когда все они будут достаточно разработаны, тогда, быть может, настанет время для новых монографий, которые заменят пока единственные этого рода труды Смирнова.

Труды Смирнова — в частности, труд о мордве — выдвинули необходимость всестороннего изучения отдельных сторон быта мордвы или всесторонних описаний мордвы известных районов. Этим, вероятно, объясняется то обстоятельство, что новых монографий общего характера о мордве в целом после Смирнова уже не появлялось в печати.

Говоря теперь об этнографических исследованиях мордовского населения отдельных районов, прежде всего необходимо указать на труд Шахматова „Мордовский этнографический сборник“. Ограничившись исследованием лишь мордвы одного района в Саратовской губернии, Шахматов, в противоположность другим авторам исследований о мордве, сообщает сведения исключительно новые и дает материал, собранный им лично при участии ряда других лиц. Труд этот носит характер сборника материалов, главным образом, материалов по фольклору мордвы. В этом отношении это совершенно исключительной важности труд, ибо весь этнографи-

ческий материал заключается в записях произведений мордовской народной словесности и не преподносится читателю в освещении автора. Как труд в области мордовского фольклора, он безусловно не имеет себе равного ни в русской, ни в иностранной литературе, вообще небогатых собраниями записей. Так, напр., до Шахматова чуть ли не единственным сборником мордовского фольклора была работа Евсевьева, ибо остальные записи, благодаря своей неточности, почти не могут итти в расчет.

Из работ в области изучения отдельных сторон быта мордвы можно отметить еще работы Евсевьева и Баранова о мордовской свадьбе, небольшую, но очень доброкачественную работу Н. В. Никольского о верованиях мордвы и хороший очерк религиозных воззрений мордвы и других восточно-финских народов Мошкова. Наконец, можно указать еще на небольшую статью Савкина „На мордовском пчельнике". В общем, кроме названных работ, в начале нынешнего столетия уже ничего такого, что могло бы существенно дополнить прежде собранные сведения о мордве, не выходило в свет.

Продолжая очерк развития этнографического изучения черемис, можно указать этнографический очерк черемис Т. Семенова, вышедший в свет в 1893 г. в Москве, который, однако, прежде вышедшей монографии Смирнова, конечно, заменить не может.

В начале нынешнего столетия обилие работ о черемисах выдвинуло вопрос о библиографии, которая и была составлена и опубликована А. А. Петровым. Впоследствии, в 1911 г., более полная библиография была опубликована хорошо известным этнографом народов Поволжья Н. В. Никольским, которому принадлежит ряд трудов, в частности, о черемисах, из которых главнейшим является „К истории христианского просвещения черемис в XIX в.". Им же было написано хорошее исследование о народной медицине народов Поволжья и после революции работа о народной музыке народов Поволжья, ряд работ по истории народов Поволжья и программ для собирания сведений об этих народах. В общем, можно утверждать, что Никольский в настоящее время является наиболее крупным исследователем быта народов Поволжья, в том числе финнов и, в частности, черемис, хотя больше всего он проявил себя в работах о чувашах.

Из более новых работ по этнографии черемис можно указать еще небольшую статью Д. К. Зеленина „Двоеверие черемис“ и собрание черемисских песен В. М. Васильева, автора одной из первых в революционное время грамматик черемисского языка.

Как уже сказано, центром этнографического изучения финнов Поволжья была всегда, в силу естественного своего положения, Казань с ее Университетом, миссионерскими учреждениями и учительскими семинариями. Там же протекала и главная издательская деятельность. На страницах „Известий Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете“ и в отдельных изданиях мы находим целый кладезь этнографических сведений о финских народах Поволжья и Пермского края.

Кроме тех исследований и заметок, о которых уже речь была выше, в Казани, по инициативе местных сил, были составлены также этнографические карты и списки „инородческих семей“ Поволжья.

Таким образом, даже на основании настоящего очерка, страдающего огромными пробелами, можно себе составить некоторое представление о том, в каком положении находится этнографическое изучение финнов Поволжья.

Война и затем гражданская война в Поволжьи сильно затормозили дальнейшее изучение финских народов тех областей. В печати все реже и реже стали появляться работы по этнографии. Тем не менее, вполне изучение мордвы и черемис не приостановилось. Еще в конце войны появилась очень обстоятельная работа о мордве Масленникова. Несколько работ о черемисах опубликовал Зорин, в том числе очень хорошее собрание песен черемис Ветлужского уезда.

Несмотря на тяжелые времена, к народам Поволжья состоялись также некоторые экспедиции даже из Ленинграда, в том числе командировки ряда сотрудников Российской Академии Истории Материальной Культуры.

Центр тяжести этнографического изучения финнов Поволжья после революции был перенесен на организацию местных музеев и пополнение старых музеев новыми коллекциями. О той огромной работе, которая была проделана в этой области в Поволжьи, всегда бывшем центром этнографического изучения финнов Поволжья, каковым оно останется, вероятно,

всегда, можно судить по тем мероприятиям, которые там удалось осуществить. С 1920 года в Казани выходит „Казанский Музейный Вестник", в котором дается всестороннее освещение современного состояния музеев в Поволжьи, играющих, несомненно, первую роль в деле этнографического изучения финских народов. В настоящее время функционирует, кроме прежде существовавших музеев, ряд новых, таковы в Тетюшах, Красно-Кокшайске, Козьмодемьянске, Цивильске, Елабуге, Чебоксарах и др. городах, которым суждено сыграть известную роль в деле изучения материальной культуры финнов Поволжья. Вновь основанные педагогические техникумы, общества по изучению местного края и другие учреждения уже развернули во всей широте свою деятельность. Если еще не все собранные материалы опубликованы, то это объясняется лишь причинами, независящими от энергичных местных работников. Тем не менее, нужно заметить, что издательская деятельность за время революции никогда не прекращалась: об этом свидетельствует выход в свет отдельных выпусков „Известий Общества Археологии, Истории и Этнографии", в XXXI томе которых мы находим, между прочим, работу А. И. Емельянова о молениях черемис. Во время же гражданской войны вышла также значительная часть работ Н. В. Никольского.

Из современных финноведных центров в Поволжьи, кроме Казани и уже названных музеев в других городах, необходимо упомянуть еще Пензенский Музей. Им в свое время, уже после революции, было выпущено воззвание к работникам просвещения принять участие в этнографическом изучении населения. Этим же Музеем в 1923 г. и 1925 г. были организованы этнографические экспедиции к мордве — эрзя и мокша. Особенно ценна для этнографического изучения мордвы, в частности, деятельность научных работников Саратова. Здесь в Саратове еще в 1922 г. вышел в свет I вып. „Саратовского Этнографического Сборника", в котором мы находим целый ряд работ о мордве, как, напр., П. Г. Любомирова, и очень обстоятельную монографию о мордве М. Т. Маркелова „Саратовская мордва". Из „Трудов Нижневолжского Областного Научного Общества Краеведения" (в. IV, Саратов, 1926 г.) мы узнаем также о целом ряде докладов по этнографии мордвы, в том числе М. Т. Маркелова, и о поездках в 1925 г. к мордве.

Далее и в Ульяновске уже кое-что сделано в деле этнографического изучения населения. Так, напр., большое значение имеет изданный там в 1924 г. „Список населенных мест Ульяновской губернии".

Подводя итоги всему сказанному, можно утверждать, что всегда и при всех обстоятельствах русские работы по этнографии финнов Поволжья имели важное значение в деле их изучения. И всегда были и теперь имеются ценные работники и выдающиеся исследователи восточных финнов. Начиная с первых путешественников XVIII ст. до современных исследователей, мы встречаемся с крупными знатоками быта народов Поволжья.

Этнографическое изучение пермских финнов.

Зыряне и вотяки всегда принадлежали к наиболее передовым восточно-финским народам: поставив у себя самоизучение, эти два народа выдвинули немало исследователей из своей национальной среды. Этим и объясняется то обстоятельство, что в этнографическом отношении зыряне и вотяки могут считаться и наиболее изученными народами финноугорского мира. Силами иностранцев, в данном случае и русских, никогда не могло быть налажено стационарное изучение финских народов, отдельные же поездки и экспедиции всегда могли дать материал лишь по известным сторонам быта этих народов, и весьма почтенные монографии, принадлежащие авторам, лишь в течение короткого, сравнительно, времени имевшим возможность непосредственно наблюдать изучаемый народ, конечно, не могли исчерпать всех сторон многогранной жизни финнов, в частности, пермских. И если говорить вообще о самодеятельности финноугорских народов в деле исследования быта, то в первую очередь необходимо упомянуть зырян и вотяков, деятельное сотрудничество которых с русскими исследователями, а порой и проявленная ими инициатива, привели к тому положению, в котором ныне находится этнографическое изучение пермских финнов.

После путешественников XVIII ст., наблюдения которых распространялись также на вотяков, особенные успехи изучение пермских финнов начало делать в первой половине прошлого столетия.

Одним из главных результатов путешествий акад. Шёгрена по северу и северо-восточным окраинам России явилась его монография „Die Syrjänen. Ein historisch-statistisch-philologischer Versuch", являющаяся первым историко-этнографическим очерком зырян, не утратившим, в общем, своего значения до настоящего времени и устаревшим лишь в своей исторической и лингвистической частях. Несомненно, главы о промыслах и занятиях зырян (стр. 251 и сл.) и о распределении населения по уездам (стр. 260 и след.) сохраняют свое значение до настоящего времени и дают весьма важный материал для сравнения с нынешним положением на местах. Как материал, не может быть оставляем без внимания будущими исследователями и очерк истории зырян, конечно, устаревший в отношении выводов и освещения фактов.

Вслед за трудом Шёгрена стали появляться другие крупные и мелкие статьи этнографического характера о пермских финнах. Из таких ранних работ можно указать несколько заметок А. И. Герцена о вотяках, анонимную статью „Вотские молитвы" в „Вятских Губернских Ведомостях" за 1838 г. и, конечно, работу А. Фукс „Поездка к вотякам Казанской губ.". Этнографические наблюдения супругов Фукс над народами Поволжья в 30-х и 40-х годах, безусловно, являются наиболее ценными среди многих работ того времени. В 40-ые годы появились еще другие работы о вотяках. Так, в 1846 г. напечатана небольшая статья М. Бл-ов'а (Блинова?) о вотяках Вятской губ., а в 1849 году работа Чудновского „Медико-топографическое описание Сарапульского уезда Вятской губ.", в которой довольно хорошо описан быт местного населения.

Особенно много этнографических работ о вотяках и зырянах начало появляться в 50-ых годах. Курочкин дал краткое описание быта вотяков Малмыжского уезда; очерк вотяков С. Максимова под заглавием „Лесная глушь" появился в 1855 г. В следующем году довольно подробные сведения о вотяках дал в своей работе „Вотяки" Блинов, выступавший с работами о вотяках и впоследствии.

Из исследователей быта зырян в то время выдвинулся М. Михайлов, перу которого принадлежат заметки о зырянах: „Промыслы зырян Устьсысольского и Яренского уездов", „Домашний и семейный быт зырян", „Физические и нравственные свойства зырян" и некоторые другие. В общем, можно

утверждать, что Михайлов принадлежал к наиболее полезным работникам в его области и в его время.

Довольно много этнографического материала использовал в своих „Заметках и воспоминаниях заезжего о зырянах“ Ф. Ежов, наблюдения которого в течение нескольких лет служили ему темой для статей в „Вятских Губернских Ведомостях“.

Наконец, к концу пятидесятых годов относится выход в свет и работы Аврамова.

Пятидесятые годы ознаменовались также выходом нескольких работ о пермяках, о которых раньше имелись только случайные сведения. Так, в 1852 г. небольшую работу об этой народности опубликовал в „Журнале Министерства Внутренних Дел“ Н. Попов, а в 1858 г. — Рогов, известный своими обстоятельными работами об этом народе не только в области этнографии.

Из этнографических работ о зырянах, вышедших в течение 60-ых годов, заслуживает внимания работа Ф. А. Арсеньева „О промыслах зырян“, выступившего впоследствии (1873 г.) со специальной работой об охотничьих промыслах этого народа. За исключением работ Арсеньева, однако, в то время ничего существенного о зырянах не появлялось, если не считать работы М. Истомина „Ижма“.

В 1873 г. вышел в свет довольно интересный очерк Островского „Вотяки Казанской губ.“, за которым последовал труд Малиева, имеющий, впрочем, гораздо больше значения для антропологии. Наконец, в 1876 г. появилась этнографическая карта Сарапульского уезда Вятской губ. Куроптева, вскоре ставшая библиографической редкостью.

Из работ о зырянах, вышедших в свет в течение 70-ых годов, заслуживают упоминания: работа А. Држевецкого („Медико-топография Устьсысольского уезда“), в которой даются весьма обстоятельные сведения о зырянах и их быте, и весьма ценная работа К. А. Попова, давшего целый ряд очерков об этом народе („Зыряне“, „Зыряне и зырянский край“, „Охотничье право собственности у зырян“ и др.). Из других исследователей зырян того времени заслуживают упоминания еще А. Круглов, Немирович-Данченко и Иннокентий Попов. В конце же 70-ых годов появилась еще анонимная статья (А—ов) об ижемских зырянах. Довольно удачный очерк Удорского края дал

в 1879 г. Волков. Стали появляться и совершенно популярные очерки зырян и вотяков, напр., статья „Вотяки и зыряне“ в журнале „Природа и Люди“ за 1878 г.

Особенно богатые материалы о вотяках и зырянах стали публиковаться в 80-ых годах. Тогда появились, напр., работы Кошурникова („Быт вотяков Сарапульского уезда“, „Вотский Юон“ и некоторые другие). В этих работах очень хорошо описан внешний быт народа, также свадебные обычаи и обряды, но верования нашли очень слабое отражение в них. Повидимому, автору сильно мешало его незнакомство с языком.

В 1880 же году появилась работа В. Бехтерева „Вотяки“, изобилующая большими неточностями и ошибками и теперь почти не идущая уже в расчет. Интересный сборник произведений народной словесности и описание обрядов и поверий вотяков в том же году выпустил в свет Б. Гаврилов. Работа эта заслуживает здесь быть особенно отмеченной, как одна из первых попыток в этой области, тем более, что и помимо этого она имеет и другие достоинства, как собрание известного материала.

В 1882 г. довольно обстоятельное описание вотяков Елабужского уезда выпустил в свет Г. Н. Потанин, хорошо известный путешественник, фольклорист и этнограф. Нужно, однако, всетаки заметить, что эта работа принадлежит к наиболее слабым работам Потанина. Из достоинств этой работы можно отметить только ряд приведенных в ней легенд и сказаний о богах вотской мифологии.

В следующем году небезынтересная анонимная статья о вотяках появилась в „Вятских Губернских Ведомостях“, и тогда же вышел в свет весьма обстоятельный очерк юридических обычаев вотяков М. Харузина. Затем, вслед за очерком быта сарапульских вотяков Богаевского и популярной работы С. Максимова, появилась работа „Эскизы предания и быта инородцев Глазовского уезда“ Первухина. Работа Первухина является среди всех прочих трудов работой исключительной важности, ибо в ней чуть ли не впервые был поставлен вопрос о всестороннем изучении языческих обрядов вотяков, их старинных поверий и жертвоприношений. Если до Первухина в этой области кое-что уже было сделано, то все это ни в какой мере не может быть сравниваемо с богатыми материалами этого исследователя и его тонкими наблюдениями. Замечате-

лен этот труд еще тем, что в нем дается множество сведений о народных произведениях вотяков.

Одновременно почти с Первухиным выступил в печати Верещагин. Сам полу-вотяк, автор известных исследований „Вотяки Сосновского края“ (1886 г.) и „Вотяки Сарапульского уезда“ (1889 г.) прекрасно владел языком и собрал богатейшие материалы по вотякам, не оставив без внимания ни одной стороны их жизни.

О пермяках в течение 80-ых годов вышла небольшая статья Добротворского и антропологический очерк этого племени Малиева, имеющий некоторое значение и для этнографии.

Подобно тому, как самым крупным исследователем вотяков является полу-вотяк Верещагин, так наиболее громким именем среди исследователей зырянского народа является имя зырянина Г. Лыткина. Лыткин является в своей области первым ученым в полном смысле слова. Получив высшее образование, оставленный при Университете для подготовки к дальнейшей научной деятельности, он имел огромное преимущество перед большинством русских финноведов своего времени. Свою карьеру Лыткин начал в востоковедном учебном заведении и, окончив его (Факультет Восточных Языков Петербургского Университета), он вначале готовился к преподаванию монгольского языка. Однако, любовь к родному народу, родной старине и своему языку побудила его отказаться впоследствии от деятельности ученого-монголиста и посвятить себя изучению своего народа. Но судьба его сложилась печально: время, которое выбрал Лыткин для осуществления своего намерения, не благоприятствовало этому, и, навлекши на себя подозрение в распространении националистических идей в зырянской среде, он должен был удовлетвориться скромным местом преподавателя среднего учебного заведения в Петербурге. Труд Лыткина „Зырянский край“, вышедший несмотря на все, произвел своего рода переворот в деле изучения зырян и их языка. Значение этого труда для этнографии, правда, значительно меньше, чем значение его для финноугорского языкознания, тем не менее этот крупный труд здесь, конечно, не может оставаться неупомянутым.

Переходя теперь к обозрению литературы о вотяках за 90-ые годы, можно указать на статью Комова „Вотяки средины северной половины (второй стан) Бирского уезда“, вышедшую

на рубеже 80-ых и 90-ых годов. Несмотря на краткость, работа эта содержит ряд ценных сведений о свадебных обрядах вотяков. В 1890 г. появилась работа уже раньше упоминавшегося исследователя Богаевского „Очерки религиозных представлений вотяков", в которой дается ряд сведений, значительно дополняющих прежние.

Религиозным представлениям вотяков значительное внимание уделяется также в работе Б. Гаврилова „Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урясьурчинского прихода". Наконец, в начале же 90-ых годов появилась монография о вотяках уже неоднократно упоминавшегося И. Н. Смирнова, почти одновременно с которой вышла аналогичная работа его о пермяках.

Эти две работы Смирнова являются, как это уже было указано выше, наиболее слабыми из всех его работ по этнографии восточных финнов, и как раз работа его о вотяках подверглась наиболее суровой критике со стороны С. К. Кузнецова.

Говоря о Смирнове, как об этнографе-исследователе вотяков, нельзя не указать, что он сыграл весьма печальную роль в так называемом Мултанском деле. Отстаивая свою теорию о существовавших прежде у вотяков человеческих жертвоприношениях и якобы сохранившихся пережитках этого обычая и в его время, он своим авторитетом ученого-исследователя не мог не оказать известного влияния на суд и этим самым повлиять на исход этого тяжелого дела об обвинявшихся в принесении в жертву человека вотяках.

Мултанское дело не могло не заинтересовать исследователей. Таким образом появились книги и отчеты об этом деле В. Г. Короленко, Богаевского и других. Вопрос этот и теперь еще не перестает интересовать ученых: так, напр., в 1926 г. в „Трудах Научного Общества по изучению Вотского края" был опубликован следственный материал по Мултанскому делу.

Если среди ученых нашлись лица, отстаивавшие теорию о существовании у вотяков человеческих жертвоприношений, то нашлись у вотяков и защитники в лице, хотя бы, того же В. Г. Короленко.

В 1895 г. вышла книга священника Васильева „Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков в Казанской и Вятской губ.", дающая сравнительно незначительные допол-

нения к тем материалам, которые собраны Первухиным и Верещагиным. Свадебные обряды вотяков описаны были в то время С. Багиным.

Наконец, уже на рубеже прошлого и нынешнего столетий вышла в свет книга Блинова „Историко-статистические известия о Камско-Воткинском заводе и тамошних вотяках“ и очерк Н. А. Бобровникова о населении Казанской губ., в том числе и вотяков.

О зырянах за 80-ые и 90-ые годы, вслед за трудом Лыткина, ничего замечательного не выходило. Довольно удачно были описаны свадебные и похоронные обряды зырян А. Фроловым (1885 г.). Далее, кроме мелких заметок, в то время в русской литературе ничего не появилось. Лишь в начале нынешнего столетия интерес к зырянам возрос снова. Здесь необходимо упомянуть прежде всего работы Жакова, известного также своими лингвистическими работами о родстве зырянского языка с другими, из которых к нашей области относится его очерк „Зыряне“. Им же были обследованы и пермяки. Пермякам же посвящена и работа Яновича (1903 г.). Впоследствии выдвинулся в качестве исследователя зырян В. П. Налимов, продолжающий успешно свои исследования и ныне. Из его работ особенного внимания заслуживают его труды в области верований зырян, а также его большая статья на немецком языке „К вопросу о половых отношениях среди зырян“. Уже после революции этот известный этнолог-зыряновед опубликовал несколько работ в новом зырянском журнале „Комі Му“.

Переходя к обозрению того, что было сделано в деле этнографического изучения вотяков и зырян во время войны и в предшествовавшие ей годы, можно заметить, что в то время из этнографов-исследователей вотяков особенно выдвинулся Н. В. Никольский, автор многочисленных работ по этнографии волжских финнов, упоминавшихся уже выше. Как раз в 1913 году вышла в Уфе его известная книга „Мифология вотяков“, и за год до того его статистические сведения о вотяках, в которых содержится довольно полная библиография. Историей христианства у вотяков занимался Луппов, в труде которого („Материалы к истории христианства у вотяков в первой половине XIX в.“) содержится немало интересных для этнографа сведений.

Хомяковым довольно обстоятельно был изучен брак вотяков, и этому вопросу им была посвящена работа „Эволюция вотского брака".

Война не могла не отразиться на успешности развития этнографического изучения вотяков и зырян. Последовавшая за ней эпоха гражданской войны также не могла способствовать его успехам. Тем не менее, еще в 1919 г. возник план снаряжения этнографической экспедиции к вотякам, каковому вопросу посвятил особую статью Н. А. Бобровников, изложивший в ней также свои взгляды на цели ее. В 1920 г. М. Г. Худяковым была опубликована интересная работа о вотских родовых делениях. Успехам развития изучения вотяков немало способствовало энергично развившее свою деятельность после революции национальное Общество вотяков. В 1918 г. организовалось вотское культурно-просветительное Общество в Малмыже. Не ограничиваясь созданием отдельных научных обществ на местах, вотские деятели организовали в 1922 г. Общество по изучению вотяцкой культуры в Москве, которым в 1926 г. был издан прекрасный сборник „Вотяки"; в сборник вошло много статей самого серьезного содержания, принадлежащих разным авторам. Общество это открыло вскоре отделения в Казани и Ижевске и объединило, таким образом, ряд местных научных работников, совместными усилиями которых дело этнографического изучения вотяков было сильно двинуто вперед.

О новейших достижениях этнологического изучения вотяков силами местных работников вотской среды дает наглядное представление статья К. П. Герда „Этнография у вотяков после революции". Одним из самых энергичных работников в этой области является, несомненно, автор этой статьи, перу которого принадлежит длинный ряд заметок и более или менее крупных работ о вотяках, непрерывно выходящих со времен революции. Из этих работ здесь особенно заслуживают быть упомянуты его „Легенды и предания Малмыжских вотяков" (1918—1919 г.), „Песни Малмыжских вотяков" (1920 г.), „Народная поэзия вотяков" (1925 г.), „Песни вотяков" (мелодии и тексты, 1926 г.), „Вотяк в своих песнях" (1926 г.), „Пословицы и поговорки вотяков" (1926 г.), „К вопросу о происхождении вотяков" (1926 г.) и ряд других.

Из других работников нынешнего времени здесь нельзя не упомянуть уже известного нам Верещагина, в 1926 г. напеча-

тавшего работу „К вопросу о происхождении вотяков и их верований". М. И. Ильиным был создан план работы по этнографии в работе его „Изучение Вотского края"; ему же принадлежит хорошая работа о похоронах и поминках Белебеевского района и о свадебных обычаях. С. Е. Ласточкиным описан Туклинский род вотяков. Историко-этнографический очерк вотяков в 1925 г. выпустил в свет В. А. Максимов. М. С. Михеев посвятил интересную работу болезням и способам их лечения у вотяков. С. Т. Перевощиков описал быт вотяков деревни Шудзи. Сельскому хозяйству вотяков посвящена работа М. П. Прокофьева. Наконец, хорошо известный автор грамматики вотского языка И. В. Яковлев издал еще в 1919 году весьма ценный сборник песен Казанских вотяков. В заключение, нельзя не упомянуть и работ А. И. Емельянова об остатках старинных религиозных верований вотяков.

Вотяки и зыряне всегда принадлежали к наиболее передовым финским народам. Дав в прошлом ряд крупных имен исследователей, среди которых имена Лыткина и Верещагина всем хорошо известны, они после революции сумели, как ни один другой восточно-финский народ, поставить на должную высоту этнографическое изучение своего народа. О достижениях в области изучения вотяков уже было сказано выше. Дальше мы увидим, что зыряне не отстали в этом отношении.

О ряде этнографических экспедиций и экскурсий, предпринятых самими зырянскими научными работниками с 1917 по 1924 г., можно узнать из статьи А. Сидорова в журнале „Этнография" за 1926 г. В 1920 г. организовался в Усть-Сысольске Институт Народного Образования, в стенах которого нашла приют и этнография зырян. Начал функционировать студенческий кружок по изучению Северного края и Общество по изучению Коми-края, еще в 1924 г. составившее план командирования проф. А. Н. Грена к волжским финнам. Упомянув имя проф. А. Н. Грена, нельзя не указать, что из под его пера за последнее время вышел ряд очень ценных работ о зырянах, между прочим, „Зырянская мифология". Из других работников укажем зырянина А. Сидорова, посвятившего весьма интересную статью вопросу о тотемических представлениях у зырян. Далее нельзя обойти молчанием работ П. Доронина „Пережитки старины в быте крестьян Про-

кофьевской волости", А. Пасютина и Н. Шахова „Пермяцкий край" и А. Ф. Теплоухова „Фамилии и географические названия Пермяцкого края". Последний исследователь известен, кроме того, как автор целого ряда других первоклассных работ.

Из этого беглого, неполного очерка, виною чего является отчасти отсутствие многих местных изданий в Ленинграде, все же можно получить представление о том, что сделано самими зырянами и вотяками в деле этнографическаго изучения своих народов. Можно смело посоветовать и другим финским народам последовать их примеру.

Этнографическое изучение угров.

Этнографическое изучение угров, т.-е., остяков и вогулов, этих наиболее северо-восточных представителей финноугорского мира, по сравнению с изучением финнов Поволжья и пермских финнов, сделало в России несколько меньшие успехи. В этом отношении оно представляет собою некоторую аналогию этнографическому изучению западных — балтийских финнов, хотя стоит всетаки выше последнего, и полную аналогию изучению лопарей. Такое совпадение судеб этнографического изучения лопарей и остяков и вогулов объясняется, конечно, не случайными причинами, но исключительно тем, что, во-первых, исследователи лопарей и угров никогда не были сгруппированы вокруг какого-нибудь одного центра; во-вторых же, таких исследователей сами эти народы из своей среды не дали. Тем не менее, кое-что в области этнографического изучения угров в России было сделано и даже можно отметить в этой области ряд крупных достижений.

Одним из наиболее древних, если и не древнейшим, в русской литературе описанием остяков является труд Новицкого „Краткое описание о народе остяцком", составленное еще в 1715 г. После этого, если не считать отдельных заметок об остяках и вогулах, помещенных в некоторых трудах путешественников конца XVIII ст., о которых уже неоднократно была речь выше, в деле этнографического изучения угров произошел перерыв, по крайней мере, в целое столетие, когда по поручению Академии Наук совершил свое дальнее путешествие Кастрен, собравший, между прочим, некоторый этнографический материал об угорских народах. Нужно заметить, однако, что

Кастрен, как исследователь угров, был больше лингвистом, нежели этнографом, и в этом отношении им было сделано в смысле этнографического изучения угров гораздо меньше. В 1852 г., т.-е., вскоре после путешествия Кастрена, появился труд Ст. Е. Мельникова о вогулах, являющийся одним из первых более или менее полных этнографических очерков этого народа. С этого момента начиная, работы о вогулах и остяках стали появляться в литературе все чаще и чаще. Уже в следующем году вышла в свет работа иеромонаха Макария о вогулах по реке Лозве, являющаяся весьма ценным трудом об этом народе и, в частности, сообщающая очень подробные сведения о верованиях вогулов. Такое же ценное исследование об остяках, „О введении христианства у Березовских остяков", дал в следующем году Н. А. Абрамов, перу которого принадлежит еще другая работа об остяках Березовского же края, именно „Описание Березовского края", вышедшее несколькими годами позже. В результате этих работ Макария и Абрамова часть вогулов и остяков в известных отношениях уже тогда могла считаться обследованной более или менее удовлетворительно. Березовский край с его обитателями и в последующие годы продолжал привлекать внимание исследователей; так, напр., в 1859 г. в. XXXVIII томе „Журн. Мин. Вн. Дел" появилась анонимная статья „Заметки об инородцах Березовского округа", в которой сообщаются некоторые дополнительные сведения о населении этой области. Еще через год В. Лядов дал небольшую работу об уграх, напечатанную в „Рассвете" за 1860 г. (№ 9).

В шестидесятых годах изучение угорских народов попрежнему не прекращалось. Так, в середине шестидесятых годов появилась довольно большая работа И. С. Федорова и П. П. Иванова „Сведения о северном Урале", в которой, между прочим, сообщаются весьма ценные сведения о религиозных представлениях вогулов. Кроме духовенства и отдельных путешественников, уграми заинтересовались более широкие круги исследователей, и к вогулам и остякам стали снаряжаться специальные этнографические экспедиции. Из таких экспедиций заслуживает упоминания экспедиция Малиева, отчет о которой появился в „Трудах Общества Естествоиспытателей при Казанском Университете" за 1873 г., свидетельствующий о богатых результатах ее. Этот год оказался особенно счастливым для этнографического исследования вогулов. Так, напр., тогда же

появилась работа А. П. Орлова, напечатанная в „Сборнике Пермского Земства“, и Н. Сорокина, совершившего путешествие к вогулам, описанное им в III т. „Трудов Общества Естествоиспытателей при Казанском Университете“.

В семидесятых же годах состоялась командировка от Академии Наук И. С. Полякова в долину Оби. Им, между прочим, был добыт чрезвычайно богатый этнографический материал о населении, который впоследствии был использован в некоторых работах о мифологии вогулов венгерским ученым Munkácsi.

Одним из наиболее крупных исследователей быта угров является Н. Л. Гондатти, автор многочисленных трудов по этнографии целого ряда народов севера. Его работы в интересующей нас области хотя и немногочисленны, но чрезвычайно обстоятельны и могут считаться одними из лучших в этой области, в частности, его труд „Следы язычества у инородцев северо-западной Сибири“, имеющий большое значение.

Обстоятельное описание Васюганской тундры с ее обитателями было сделано Григоровским в тех же восьмидесятых годах. За этой работой вскоре последовала работа Н. И. Кузнецова, особенно ценная в своей вогульской части.

В конце прошлого столетия, уже в 90-х годах, в качестве исследователя вогулов особенно выделяется Инфантьев, совершивший поездку с этнографическими целями, результатом которой явились весьма увлекательные и ценные в научном отношении описания быта вогулов. К тому же времени относится и путешествие в страну вогулов Носилова, впоследствии обогатившего русскую этнографическую литературу весьма ценными очерками вогулов, сразу выдвинувшими его на одно из первых мест среди прочих исследователей вогулов. Из этих его работ особого внимания заслуживает его книга „У вогулов“ (1904 г.), являющаяся одним из наиболее объемистых трудов в этой области и не только по величине, но и по качеству заслуживающая самого серьезного отношения.

В результате всех этих путешествий явилась целая литература об уграх. При этом нетрудно заметить, что вогулы как-то оказались лучше изученными, чем остяки. Объясняется это, конечно, тем, что вогулы являются гораздо более малочисленным племенем, чем остяки, занимающие огромную территорию. Но и остяки, обратившие на себя внимание еще со времен

Палласа, в конце прошлого столетия стали изучаться более интенсивно. После выхода в свет труда Кондратовича „К этнографии остяков“ (1894—1895 г.), появилась превосходная работа Н. Харузина „О культе медведя у остяков и вогулов“, столь же замечательная, как все остальные труды этого выдающегося этнографа.

Особенно двинул дело этнографического изучения остяков С. К. Патканов. Главным трудом его является прекрасная монография „Die Irtysch Ostiaken und ihre Volkspoesie“, не имеющая себе равной ни в русской, ни в иностранной литературе и являющаяся вообще одним из наиболее выдающихся трудов в этнографической литературе о финноугорских народах. Труд этот является результатом двухлетнего пребывания автора среди изучавшегося им народа, за каковой срок им был собран также огромный лингвистический материал, впоследствии использованный им в его словаре остяцкого языка, вышедшем в Будапеште, и др. работах. В противоположность многим своим предшественникам, автор обладал основательным знанием языка и, имея в руках это оружие, он мог гораздо лучше проникнуть во все тайники интимной жизни остяков, их верований и всего того, что так трудно дается постороннему человеку, особенно приезжему европейцу. За годы своего пребывания среди остяков, Патканов сумел войти в доверие этого народа, и результатом всего этого явился его капитальный труд, сделавший эпоху в истории изучения остяков. Патканов очень подробно описывает естественные условия жизни остяков, их материальный быт, искусство, религиозные представления, их свадебные обряды и загробные верования. Самым ценным в этом труде является то, что автор в своих замечаниях не голословен, но иллюстрирует свои положения образцами остяцкой поэзии, приводит их эпические произведения, сказания, сказки, пословицы и богатый материал по мифологии их, который является единственным в своем роде. И если сравнивать этот выдающийся труд с чьими-либо работами, то и в русской и в иностранной литературе можно подобрать только два такие же достойные труда: это — труд Харузина о лопарях и „Мордовский этнографический сборник“ Шахматова. Кроме этого труда, Патканову принадлежит еще ряд более мелких работ, среди которых здесь можно упомянуть его работу „Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по былинам и сказа-

ниям“ и др., в которых дается такой же ценный материал. Патканов является наиболее крупным из исследователей остяков не только русских, но и иностранных, среди которых мы находим лишь очень почтенных лингвистов и моло этнографов.

После Патканова в области этнографического изучения остяков уже ничего выдающегося сделано не было. В этом отношении он остался довольно одиноким в новейшей истории русского остяковедения.

Исследование вогулов, в противоположность этнографическому изучению остяков, дало в начале нынешнего столетия еще ряд крупных имен исследователей. Хороший очерк чердынских вогулов был опубликован Глушковым в 1900 г. В 1904 г. вышел в свет ценный историко-этнографический труд о вогулах Остроумова, восполнивший существовавший пробел в этого рода литературе о вогулах. Большую и очень ценную монографию о вогулах опубликовал в 1907 г. в Казани В. Павловский. В Казани же вышла работа о погребальных обрядах вогулов Н. Ф. Высоцкого. На этом можно и ограничиться в перечислении новой литературы о вогулах, ибо работа „Вымирающее племя“ Симоновой носит уже черезчур популярный характер. Настроение автора этой работы — пессимистический взгляд на судьбы вогулов — гармонирует с трудом Якобия „Об угасании инородцев“того края.

В связи с тем интересом, который пробудился после революции к вопросам колонизации севера и улучшения положения народов севера, результатом чего явилось учреждение Комитета содействия народностям северных окраин, появился также некоторый интерес к этнографическому изучению остяков и вогулов. В частности, в Тобольское кое-что в этом направлении было сделано Обществом Изучения края при Тобольском Музее, о чем можно судить по его отчетам. В выходящих там же журналах, между прочим, в журнале „Наш край“, уже появляются статьи этнографического характера о вогулах и остяках, как, напр., А. Лопарева (№ 3 за 1924 г.), В. Новицкого (№ 7 за 1925 г.), М. Искры (за 1925 г. № 10—11) и др. Исключительного внимания заслуживают работы уже упомянутого А. Ф. Теплоухова, стоящие на грани между этнографией и историей, как, напр., его „Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губ.“.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПО ЭТНОГРАФИИ ФИННОУГРОВ СССР.

А — ов-Запечерский. Ижемские зыряне. „Современные Известия“ 1877 г. № 161.

Абрамов, Н. А. О введении христианства у Березовских остяков. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1854 г. № 2—3.

—— Описание Березовского края. „Зап. Русск. Геогр. Общ.“ XII, 1857 г.

Аврамов, В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт. „Вологодск. Губ. Вед.“ 1859 г. № 28—38 и сл.

Адлер, Б. Областные и местные музеи. „Казанск. Музейн. Вестн.“ I, 1920 г.

Алонзов. Религиозные верования черемис. „Памятн. кн. Оренб. губ. на 1865 г.“.

Андреев, Дм. Черемисская секта кугу сорта. „Православный Благовестник“ 1893 г. № 18.

Арсеньев, Ф. А. О промышленных делах и торговых сношениях в Зырянском крае. „Памятн. кн. Волог. губ. 1865—66 гг.“

—— Зыряне и их охотничьи промыслы. М., 1873 г.

Архангельский, И. Краткий очерк современного быта инородцев Красноуфимского уезда. II. Черемисы. „Пермские Губ. Вед.“ 1887 г. № 7.

Ауновский, Вл. Этнографический очерк мордвы-мокши. „Памятн. кн. Симб. губ. на 1869 г.“.

Багин, С. Свадебные обряды и обычаи вотяков Казанского уезда. „Этногр. Обозр.“ XXXIII.

Баранов, А. Н., Короленко, В. Г. и Сухоедов, В. И. Дело Мултанских вотяков. М., 1896 г.

Баранова, П. Н. Свадебные обряды мордвы-эрзи. „Этногр. Обозр.“ LXXXVI—LXXXVII.

Бежецкий край. Бежецк, 1921 г.

Бехтерев, В. Вотяки, их история и современное состояние. „Вестник Европы“ 1880 г. август — сентябрь.

Бл — в, М. Вотяки Вятской губ. „Вятск. Губ. Вед.“ 1846 г. № 45—47.

Блинов, М. Историко-статистические известия о Камско-Воткинском заводе и тамошних вотяках. Вятка, 1898 г.

—— Вотяки. Вятка, 1856 г.

Блинов, Н. Н. Инородцы северо-восточной части Глазовского уезда. „Вятск. Губ. Вед.“ 1865 г. № 59—67.

Бобровников, Н. А. Инородческое население Казанской губ. Вып. I. Казань, 1899.

—— Об экспедиции для обследования языка и быта вотяков. „Изв. Общ. Археол., Инст. и Этногр.“ XXX.

Богаевский, П. М. Мултанское моление вотяков в свете этнографических данных. М., 1896 г.

—— Очерк быта Сарапульских вотяков. „Сборник по этнографии при Дашковском музее“, III. М., 1888 г.

—— Очерк религиозных представлений вотяков. „Этногр. Обозр.“ IV, 1890 г.

Богословский, П. С. К этнологии Пермского края. Пермь, 1926.

Большое соборное моление черемис Вятской губ. Уржумского уезда доброму духу Юмо. „Волжск. Вестник“ 1891 г.

Бухаров, Д. Н. Поездка по Лапландии осенью 1883 г. „Зап. Русск. Геогр. Общ.“ XVI, 1885 г.

Васильев, В. М. Песни черемис Бирского и Сарапульского уездов. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр.“ XXIV.

Васильев, И. Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанск. и Вятск. губ. Ibid. XXII.

—— Übersicht über die heidnischen Gebrauche und Religion der Wotjaken in den Governements Wjatka nnd Kasan. „MSFOu“ XVIII, 1902 г.

Верещагин, В. Очерки Архангельской губ. СПб., 1849 г.

Верещагин, Гр. Е. Вотяки Сосновского края. „Зап. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этн.“ XIV, 2, 1886 г.

—— Вотяки Сарапульского уезда Вятской губ. „Зап. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этн.“ XIV, 3, 1889 г.

—— К вопросу о происхождении вотяков и их верований. „Тр. Научн. О-ва по изуч. Вотск. края.“ № 2, 1926 г.

Верования некрещеных черемис Казанск. губ. „Памятн. кн. Казанск. губ. на 1863 г.“

Видеман, Ф. И. Обзор прежней судьбы и нынешнего состояния ливов. „Зап. Акад. Наук“ VII серия, т. XVIII, 1870 г.

Видеман, Ф. И. Über die Nationalität und die Sprache der jetzt ausgestorbenen Kreewinen in Kurland. „Mém. de l'Acad. des Sciences“ VII sér., vol. XVII, n° 2, 1871.

—— Aus dem inneren and äusseren Leben der Ehsten. St.-Pet., 1876.

Вишневский, Б. Музеи Пермского края и местное краеведение. „Казанск. Музейн. Вестн.“ № 2, 1922 г.

—— В. П. О религии некрещенных черемис Казанск. губ. „Казанск. Губ. Вед.“ 1856 г. № 9—10.

—— О религии некрещенных черемис Казанск. губ. Из записок миссионера. „Изв. Русск. Геогр. Общ.“ XVII, 1856 г.,

Волков, Н. Д. Удорский край. „Вологодск. сборник.“ I, 1879 г.

Вотские молитвы. „Вятские Губ. Вед.“ 1838 г.

Вотяки. Т. I. М., 1926 г.

Вотяки и зыряне. „Природа и Люди“ 1878 г. № 8.

Высоцкий, Н. Ф. Несколько слов о погребальных обычаях вогул. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр.“ XXIV.

Гаврилов, Б. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урясьучинского прихода. „Труды IV Арх. Съезда“, II, Казань, 1891 г.

—— Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанск. и Вятск. губ. Казань, 1880 г.

Georgi. Russland. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reiches etc. I—II. Leipzig, 1783.

Герд, К. П. Этнография у вотяков после революции. „Этнография“ 1926 г. № 1—2.

—— К вопросу о происхождении вотяков. Удины и уды. „Труды Научн. О-ва по изуч. Вотск. края.“ № 2, 1926 г.

Герд, К. П. Пословицы и поговорки вотяков. Сборн. „Вотяки".
—— Вотяк в своих песнях. Сборн. „Вотяки".
—— Песни вотяков — мелодии и тексты. Москва, 1926 г.
—— О народной поэзии вотяков. „Коміи Му" 1925 г. № 2.
—— Народная поэзия вотяков. „Жизнь национальностей" 1921 г.
—— Вотяки. „Жизнь национальностей" 1919 г.
—— Об изучении вотской музыки. „Жизнь национальностей" 1922 г.
—— Из изучения вотского народа. „Жизнь национальностей" 1920 г.
—— Песни Малмыжских вотяков. Сарапул, 1920 г.
—— Легенды и предания Малмыжских вотяков. „Изв. Малмыжск. Уисполкома" 1918—1919 г.
Герцен, А. И. Вотяки и черемисы. „Вятск. Губ. Вед." 1838 г. № 1, 3, 5.
Глушков, И. Н. Чердынские вогулы. „Этногр. Обозр." 1900 г. № 2.
Голубцов, Н. А. Архангельские карелы. Сборн. „Архангельская Карелия". Изд. Арханг. Губ. Стат. Ком. 1908 г.
Гондатти, Н. Л. Следы язычества у инородцев северо-западной Сибири. Москва, 1880 г.
Городской. О черемисах, проживающих в Красноуфимском уезде. „Этногр. Сборн. Русск. Геогр. Общ." VI, 1864 г.
Грен, А. Н. Зырянская мифология. „Комі Му" 1924—1925 г.
Григоровский, Н. П. Описание Вас-Юганской тундры. „Зап. Западно-Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ." VI, 1884 г.
Дашков, В. А. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении. „Журн. Мин. Вн. Дел" XLII, 1841 г.
Дергачев, Н. Подробное описание Лопской земли. „Арх. Губ. Вед." 1869 г. № 64—105.
—— Русская Лапландия. Статистич., географич. и этнографич. очерк. Изд. Арх. Стат. Ком. Архангельск, 1877 г.
Добротворский, Н. А. Пермяки. „Вестн. Европы" 1883 г. № 3.
Доронин, П. Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости Устьвымского уезда. „Комі Му" 1924 г. № 1.
Дружевецкий, А. Медико-топография Устьсысольского уезда Вологодск. губ. СПб., 1872 г.
Евсевьев, М. Е. Мордовская свадьба. „Жив. Стар." II, 2, отд. II, III, 2, отд. IV.
—— Образцы мордовской народной словесности. Вып. I. Мокшанские песни. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр." XIV, приложение.
Ежов, Ф. Заметки и воспоминания заезжего о зырянах. „Вятск. Губ. Вед." 1857—1859 гг.
Емельянов, А. И. Языческое моление черемис. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр." XXXI.
—— Этнография вотяков. Остатки старинных религиозных верований и обрядов вотяков. Казань, 1922 г.
Ерусланов, П. Очерк быта и преданий восточных черемис. „Изв. Оренб. Отд. Русск. Геогр. Общ." 1894 г., вып. 4.
Ефименко, П. С. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губ. „Зап. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этн." VIII, 1878 г.

Жаков, К. Ф. Некоторые черты из истории и психической жизни вотяков. „Жив. Стар.“ XIII, 1—2, отд. I.

—— По Иньве и Косве. У пермяков. Ibid. 1903 г. № 4.

—— Зыряне. Этнологический очерк. Ibid. 1901 г., вып. I.

Заметки об инородцах Березовского округа. „Журн. Мин. Вн. Дел“ XXXVIII, 1859 г.

Заметка по поводу „Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис“ Н. Золотницкого. „Древняя и Новая Россия“ 1878 г. № 4.

Зеленин, Д. К. Двоеверие черемис. Очерк. „Светоч“ 1910 г.

—— Библиографический указатель русской этнографической литературы. СПб., 1913 г.

Знаменский, П. О горных черемисах. „Православное Обозр.“ 1866 г. октябрь — декабрь.

—— Горные черемисы Казанского края. „Вестн. Европы“ 1868 г., IV.

Золотарев, Д. А. В Малой Карелии. „Изв. Ярославск. Кредитн. Союза“ 1919 г.

—— Поездка в Карелию. „Вестник Мурмана“.

—— Этнографический состав населения Бежецкого уезда. Сборн. „Бежецкий край“. Бежецк, 1921 г.

—— Карельские клейма. „Изв. Русск. Геогр. Общ.“ 1924 г.

—— Работа этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губ. „Изв. Росс. Ак. Ист. Мат. Культ.“ III.

—— Этнический состав населения Сев.-Зап. области и Карелии. „Тр. Кипс“ № 12, 1927 г.

Золотницкий, Н. Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис. „Изв. и Уч. Зап. Казанск. У-та“ 1877 г. № 4.

Зорин, П. Песни черемис Ветлужского уезда. „Тр. Костр. Научн. О-ва“, VIII, Этн. Сборн., 1917 г.

—— Как веселится черемисская молодежь. „Тр. Костр. Научн. О-ва“, III, 1915 г.

Иванов, А. И. Повенецкие корелы. „Олонецк. Губ. Вед.“ 1863 г. № 9 и сл.

Износков, Л. А. Обычаи горных черемис. „Труды Казанск. Губ. Стат. Ком.“ 1869 г., II, 1—17.

—— Горно-черемисские приходы Козмодемьянского уезда. „Труды Казанск. Губ. Стат. Ком.“ 1869 г., I, 4.

Иллюстров. Обряды мордвы при погребении и поминовении умерших. „Пензенск. Епарх. Вед.“ 1863 г. № 3.

Ильин, М. И. Изучение Вотского края. План работы по этнографии. Изд. О-ва по изучению Вотского края.

—— Свадебные обычаи и обряды у вотяков. „Труды О-ва по изучению Вотского края“ № 2, 1926 г.

—— Похороны и поминки вотяков дер. Купченеево Белебеевского района Башреспублики. Сборн. „Вотяки“. Кн. I, М. 1926.

Инфантьев, П. П. За уральским бобром путешествие в страну вогулов. Из дневника туриста. „Вестник Европы“ 1894 г., III—IV.

—— Путешествие к лесным людям. М., 1898 г.

Искра. По остяцким юртам. „Наш край“ 1925 г. № 10—11.

Истомин, М. Ижма. „Арханг. Сб.“ I, кн. 2, 1865 г.

С. К. Несколько слов и цифр об остяках р. Югана. „Наш край“ 1925 г. № 3—4.

Капица, М. Материалы к изучению оседлого оленеводства Карелии и западного побережья Белого моря. „Изв. О-ва изучения Карелии“ 1924 г. № 2.

Кастрен, М. А. Vorlesungen über die finnische Mythologie. St.-Pet., 1853.

—— Über die neueste Redaktion der Kalevala-Runen. (M. A. Castréns's Kleinere Schriften). St.-Pet., 1862.

Кельсиев, А. И. Поездка к лопарям. „Изв. Общ. Любит. Естеств., Антроп. и Этногр.“ XXXV.

Кеппен, П. И. Водь в С.-Петербургской губ. СПб., 1851 г.

—— Водь и Вотская пятина. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1851 г. май — июнь.

—— Finnland in ethnographischer Beziehung. „Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences“ VI Série, sciences polit., hist., phil. VII.

—— Селения, обитаемые ижорами в С.-Петербургской губ. „Ученые Зап. Ак. Наук по I и III Отд.“ VI.

—— Die von den Ingriern bewohnten Dörfer im S.-Petersburgischen Gouvernement. „Bull. hist.-phil.“ IX, 1853.

—— Ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements. St.-Pet., 1849.

—— Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersb. Gouvernements. St.-Pet., 1867.

—— Ethnographischer Ausflug in einige Kreise des St.-Petersb. Gouvern. im August 1848. „Bull. hist.-phil.“ VI, № 22.

—— Die Karatajen, ein Mordwine-Stamm. „Bull. hist.-phil.“ I, 1843.

—— Des Akademikers P. v. Köppen Ergänzungs-instruktion. M. A. Castrén's Reiseberichte und Briefe aus d. Jahren 1845—1849. St.-Pet., 1856.

Ко всем работникам просвещения. От Пензенск. Губ. Муз. Этн. Отд.

Комов, А. Ф. Вотяки средины северной половины (второй стан) Бирского уезда. „Уфимские Губ. Вед.“ 1889 г. № 48—50.

Кондратович, О. В. К этнографии остяков. „Труды Антроп. О-ва при Военно-Мед. Акад.“ II, 1894—1895 гг.

Кошурников, В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губ. Казань, 1880 г.

—— Вотский Юон. „Вятские Губ. Вед.“ 1880 г. № 100—104.

Крестьянский двор середняка-удмурта с. Ныльги-жиньи Ижевск. уезда. „Труды Научного О-ва по изуч. Вотского края“, № 2, 1926 г.

Круглов, А. Зыряне и их домашний мир. „Русский мир“ 1879 г. № 20.

—— В земле Коми-войтыр. Этнографические наброски. „Пчела“ 1876 г. № 27—28.

—— Лесные люди. СПб., 1887 г.

Кузнецов, Н. И. Природа и жители восточного склона Урала. „Изв. Русск. Геогр. Общ.“ XXIII.

Кузнецов, С. К. Очерки из быта черемис. Как черемисы готовят кумышку. „Др. и Нов. Россия“ 1879 г. № 5.

—— Остатки язычества у черемис. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ XXI, 1885 г.

—— Культ умерших и загробные верования луговых черемис. „Этногр. Обозр.“ 1904 г. № 1—2.

—— О загробных верованиях и культе покойников у черемис. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр.“ V, 1884 г.

Кузнецов, С. К. Загробные верования черемис. Казань, 1884 г.
—— Четыре дня у черемис во время сюрэма. „Изв. Русск. Геогр. Общ.“ XV.
—— Успехи этнологии в деле изучения финнов Поволжья за последние тридцать лет. „Этногр.. Обозр.“ LXXXIV—V, 1—2.
Куроптев, М. И. Этнографическая карта Сарапульского уезда Вятск. губ. Сарапул, 1876 г.
Курочкин, Н. Вотяки Малмыжского уезда. „Вятск. Губ. Вед.“ 1851 г. № 24—26.
Ласточкин, С. Е. Вотяки Туклинского рода. „Труды Научн. О-ва по изуч. Вотского края“. № 2, 1926 г.
Леонтьев, А. С. Село Оркино Озерск. вол. Саратовск. уеда. „Саратовские Губ. Вед.“ 1884 г. № 27 и сл.
Лепехин, И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1795—1814 гг.
Лесков, Н. Ф. Карельская свадьба. „Жив. Стар.“ IV, № 3—4.
—— Отчет о поездке к олонецким карелам летом 1893 г. Ibid. IV, № 1.
—— Поездка в Корелу. Ibid. V, № 3—4.
—— Святки в Кореле. Ibid. IV, 2.
—— Представления корелян о нечистой силе. Ibid. III, 3.
—— Корельские пословицы. Ibid. III, 4.
—— Погребальные обряды кореляков. Ibid. IV, 3—4.
—— Корельская песня. Ibid. III, 4.
—— Загадки корел Олонецк. губ. Ibid. III, 4, Отд. II.
—— Віäндуöйд. Ibid. IV, 3—4, Отд. II.
—— Отчет о поездке в Чудской край (Олонецк. губ. Лодейнопольского уезда) в 1894 г. Ibid. V, 1.
Лопарев, П. Мифология остяков и самоедов. „Наш Край“ 1924 г. № 3.
Лосиевский, М. В. Черемисская свадьба. „Зап. Оренбургск. Отд. Русск. Геогр. Общ.“ IV, 1881 г.
Лукин. Верования и культ мордвы с. Сабанчеева Алатырского уезда Симб. губ. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр.“ XI, 4.
Луппов, П. Н. Громкое дело мултанских удмуртов. Ижевск, 1925 г.
—— Материалы к истории христианства у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911 г.
Любомиров, П. Г. О важности изучения мордвы. „Сарат. Эти. Сб.“ I, 1922.
Лядов, В. Зауральские финны. „Рассвет“ 1860 г. № 9.
Лыткин, Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889 г.
Львов, В. Русская Лапландия и русские лопари. М., 1903 г.
Магницкий, В. К. Алфавит языческих имен черемис Елабужск. уезда. „Календарь Вятск. губ. на 1893 г.“
Майнов, В. И. Приоятьская чудь. „Др. и Нов. Россия“ 1877 г. № 5—6.
—— Один день среди мокши. „Др. и Нов. Россия“ 1878 г. № 10.
—— Предварительный очерк имеющихся в литературе сведений о мордве. „Изв. Русск. Геогр. Общ.“ XIII, 1877 г.
—— Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885 г.
—— Les restes de la mythologie mordvine. „JSFOu“ V.
—— Mordvan Kansan hââtapoja, „Suomi“ II, 16.

Макарий, арх. Распространение христианской веры в пределах Пермской епархии. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ CXIII, 1857 г.

Макарий, иеромонах. Заметки о верхотурских вогулах, живущих по р. Лозве. „Вестн. Геогр. Общ.“ VIII, 1853 г.,

Максимов, В. А. Вотяки. Историко-этнографический очерк. Ижевск, 1925 г.

Максимов, С. Вотяки. „Библ. для чтения“ XII, 1885 г.

Малиев, Н. Антропологический очерк вотяков. „Труды О-ва Ест. при Казанск. Унив.“ IV, № 2.

—— Антропологический очерк пермяков. Ibid. XVI.

—— Отчет о вогульской экспедиции. Ibid. III.

Маркелов, М. Т. Саратовская мордва. „Сарат. Этн. Сб.“ I, 1922 г.

Мартынов, А. Ф. Мордва в Нижегородск. уезде. „Нижегородск. Губ. Вед.“ 1865 г.

Масленников. Из быта мордвы села Кученяева. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр.“ XXIX.

Мельников, П. И. Нижегородская мордва. „Симб. Губ. Вед.“ 1851 г. № 25—26.

—— Очерки мордвы. „Русск. Вестник“ 1877 г. № 67 и сл.

Мельников, Ст. Е. Сведения о манзах, кочующих в Березовск. уезде. „Вестн. Геогр. Общ.“ V.

Миллер, Г. Ф. Описание живущих в Казанской губ. языческих народов: черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791 г.

—— Описание трех языческих народов в Казанской губ.: черемис, чуваш и вотяков. „Ежемес. сочин. к пользе и увеселению служащие“ 1756 г., т. IV.

Müller, C. W. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs etc. St.-Petersburg, 1776.

Митропольский, К. Мордва. Мировоззрения их, нравы и обычаи. „Мирское Слово“ 1877 г. № 11—12.

Михайлов, М. И. Домашний и семейный быт зырян. „Арх. Губ. Вед.“ 1852 г. № 22—23.

—— Домашний и семейный быт зырян. „Журн. Мин. Вн. Дел“ XXXVII, 1852 г.

—— Физические и нравственные свойства зырян. „Арх. Губ. Вед.“ 1852 г. № 20—21.

—— Промыслы зырян Устьсысольского и Яренск. уу. Вологодск. губ. „Журн. Мин. Вн. Дел“ XXXIV, кн. 4, 1851 г.

—— Заметки о зырянах. „Москвитянин“ 1849 г. № 16; 1851 г. № 9—10.

Михайловская. Корельские заговоры, приметы и заплачки. „Сборн. Муз. Антроп. и Этн. при Академии Наук“ V, 2.

Михеев, М. С. Болезни и способы их лечения по верованиям и обычаям Казанских вотяков. Сборн. „Вотяки“. М., 1926 г.

Можаровский, А. С. Русско-мордовское село Итманово. „Нижегор. Губ. Вед.“ 1893 г. № 3 и сл.

—— (Описания разных сел). „Нижегородск. Епарх. Вед.“ 1890 г. № 12 и сл. и 1893 г. № 12 и сл.

Моляров, И. Беседы к черемисам Кузнецовского прихода. „Изв. Каз. Епарх.“ 1873 г. № 7—9.

Мошков. В. Миросозерцание наших восточных инородцев: вотяков, черемисов и мордвы. „Жив. Стар.“ X, 1—2.

Налимов, В. П. К этнологии Коми. „Комі Му“ 1924 г. № 3.

—— К материалам по истории материальной культуры Коми. „Комі Му“ 1925 г. № 2—5.

—— Загробный мир по верованиям зырян. „Этногр. Обозр.“ 1907 г.

—— Zur Frage nach den geschlechteschen Beziehungen bei den Syrjanen. „JSTOu“ XXV, 4.

Немирович-Данченко, В. И. Страна холода. СПб., 1877 г.

—— Лапландия и лапландцы. СПб., 1877 г.

Никольский, Д. П. Из поездки к восточным черемисам. „Изв. Русск. Геогр. Общ.“ XXXI, 1895 г.

—— Кайваны или нухари. „Жив. Стар.“ V, 1.

Никольский, Н. В. Народная медицина народностей Поволжья. М., 1909 г.

—— Быт и верования мордвы в 1873 г. Тамбов, 1905 г.

—— Наиболее важные статистические сведения о народностях Поволжья. Казань, 1912 г.

—— Мифология вотяков. Уфа, 1913 г.

—— Статистические сведения о черемисах за 1911 г. с указателем литературы о них. Казань, 1913 г.

—— Статистические сведения о вотяках с указателем литературы о них. Казань, 1912 г.

—— Программа для собирания сведений об инородцах Поволжья. Казань, 1915 г.

—— К истории христианского просвещения черемис в XIX веке. Казань, 1915 г.

—— Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья. Казань, 1920 г.

—— Сущность и значение этнографии местного края. „Край Ильича“. Сб. № 1, Казань, 1926 г.

Новая черемисская секта кугу сорта. „Сын Отечества“ 1890 г. № 141.

Новицкий, В. К культу медведя у вогулов р. Сосвы. „Наш Край“ 1925 г. № 7.

Новицкий, Гр. Краткое описание о народе остяцком. Изд. Л. Майков. СПб., 1884 г.

Носилов, К. Д. Путешествие к вогулам. „Естествозн. и Геогр.“ 1897 г. № 6.

—— У вогулов. Очерки и наброски. СПб., 1904 г.

Нумми (Nummi). Kansanra juisia havacnnoita nykypâivâin Korjalasta. „Изв. О-ва изуч. Карелии“ 1924 г. № 2.

Нурминский, С. Очерк религиозных верований черемис. „Правосл. Собеседник“ 1862 г., XII.

—— К вопросу о религиозных верованиях и культе черемис. „Жив. Стар.“ III, 1891 г.

Образцы мордовской народной словесности. Вып. I и II. Казань, 1882—1883.

О возникновении среди черемис новой секты кугу сорта. „Вятск. Губ. Вед.“ 1891 г. № 16.

О появлении между православными черемисами секты кугу сорта „Волжский Вестник“ 1880 г.

Орлов, А. П. Сведения о вогулах, обитающих в Пермск. губ. „Сб. Пермск. Земства“ 1873 г.

Островский, Д. Вотяки Казанской губ. „Труды О-ва Ест. при Казанск. Унив.“ IV, I.

Остроумов, И. Г. Вогулы-манси. Историко-этногр. очерк. „Мат. по изуч. Пермск. края“ I, Пермь, 1904 г.

Отчет об Этнографическ. Общ. раб. по изучению Сарат. края 1919—1921 гг., „Сарат. Этн. Сб.“ I, 1922.

Павлович, В. Черемисы. „Самарск. Губ. Вед.“ 1901 г. №№ 73, 83, 84, 87—91.

Павловский, В. Вогулы. „Уч. Зап. Казанск. Унив.“ 1907 г., № 6—7.

Паллас, П. С. Reise durch verschiedene Provinzen des Russ. Reichs. 1773—1801.

Пасютин, А. и Шахов, Н. Пермяцкий край. „Комі Му“ 1924 г. № 7—10.

Патканов, С. К. Die Irtysch Ostjaken. I—II. St.-Pet., 1897—1900.

—— Остяцкая былина про богатырей города Эмдера. „Жив. Стар.“ II, 2, отд. II.

—— Сказания о поездках остяцких князей к русским царям. Ibid. VII, 3—4, отд. I.

—— Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по былинам и сказаниям. Ibid. I, 1891 г.

Первухин, Н. Эскизы предания и быта инородцев Глазовского уезда. „Вятск. Губ. Вед.“ 1888 г. № 87; 1889 г. №№ 5, 71, 76, 77.

Перевощиков, С. Т. О вотяках дер. Шудзи. „Труды Научн. О-ва по изуч. Вотск. края“ № 2, 1926 г.

Посселеп, Л. И. Постройки Сабуровской и Теблешской волостей Бежецкого уезда. „Верхне-Волжские Эксп. Крестьян. постройки Яр.-Твер. края“. 1926 г.

Петров, А. А. Библиографический указатель книг, статей и заметок, касающихся черемис. „Изв. Оренб. Отд. Русск. Геогр. Общ.“ XVI, 1901 г.

—— Заметки по этнографии черемис Красноуфимск. уезда Пермск. губ. „Изв. Оренб. Отд. Русск. Геогр. Общ.“ 1895 г., вып. 6.

Петропавловский. Этнографическая экскурсия в деревню Пунем. „Труды Научн. О-ва по изуч. Вотск. края“ № 2, 1926 г.

Поверья и обряды вотяков Глазовского уезда Верхопарзинского прихода. „Вятск. Губ. Вед.“ 1883 г. № 59—65.

Выписка из дневника миссионера А. Покровского, отправленного из Москвы по высочайшему повелению для наставления в христианской вере черемис, зараженных языческими суевериями. „Пам. труд. православн. благоговестников русских с 1793—1853 гг.“, М., 1857 г.

Поляков, И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Академии Наук. „Зап. Акад. Наук“ XXX, 2, 1877 г.

Попов, Иннокентий. Черты из быта, нравов и обычаев зырян Яренского уезда Удорского края. „Вологодск. Губ. Вед.“ 1875 г. № 89—91.

Попов, К. А. Зыряне. „Изв. О-ва Любит. Ест., Антр. и Этногр.“ XIII, 1873 г.

—— Зыряне и зырянский край. М., 1874 г.

—— Зыряне и зырянский край. „Знание“ 1876 г. № 6.

—— Охотничье право собственности у зырян. „Изв. Общ. Любит. Ест., Антр. и Этногр.“ XXVIII, 1877 г.

Попов, Н. Этнографические заметки о пермяках. „Журн. Мин. Вн. Дел“ XXXIX, 1852 г.,

Потанин, Г. Н. У вотяков Елабужского уезда. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр.“ III, 1882 г.

Примеров, А. Религиозные обряды и суеверные обычаи мордвы Краснослободского уезда. „Пенз. Еп. Вед.“ 1870 г. № 16.

Прокопьев, М. П. Сельское хозяйство вотяков Мамадышского кантона Татреспублики к 1924 г. Сб. „Вотяки“. М., 1926 г.

Пятунин, П. Каргопольщина в прошлом и настоящем. Каргополь, 1924 г.

Риттих, А. Ф. Материалы для этнографии России.

Рихтер, Д. И. Bemerkungen über die tverischen Karelier. „JSFOu“ XXII, 2.

Рогов, Н. Материалы для описания быта пермяков. „Журн. Мин. Вн. Дел“ XXIX, 1858 г.,

—— Материалы для описания быта пермяков. „Пермск. сб.“ II, 1860 г.

Рычков, П. И. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского Государства. 1769—70 гг. СПб.

Савваитов, П. И. О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенной св. Стефаном. „Труды 1-го Арх. Съезда в Москве“ II.

Савкин, Вл. На мордовском пчельнике. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр.“ XX.

„Саратовский Этнографический Сборник“. 1-й вып. Сарат., 1922 г.

Семенов, Т. Черемисы. Этнографический очерк. М., 1893 г.

Сетэлэ (E. N. Setâlâ). Dem Andenken Ferdinand Johann Wiedemann. „FAF“ V.

—— J. N. Smirnovs Untersuchungen über die Ostfinen. „JSFOu“ XVII, 4.

—— Centenaire de la naissance de M. A. Castrén. „JSFOu“ XXX, 1 в.

Сидоров, А. Из работ по этнографическому изучению области Коми. „Этнография“ 1926 г. № 1—2.

—— Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян. „Комі Му“ 1924 г. № 1,

Симонова, А. Вымирающее племя. „Живоп. Обозрение“.

Симонов, Е. Отчет об О-ве изуч. края при Муз. Тобольск. Севера за 1921 г. Тоб., 1922 г.

Следственный материал о человеческих жертвоприношениях вотяками Мултанского края с 16-го февраля 1893 г. по 28 апреля 1896 г. „Труды Научн. О-ва по изуч. Вотского края“ № 1, 1926 г.

Смирнов, И. Н. Вотяки. Казань, 1890 г.

—— Мордва. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр.“, X—XII, 1892—94 гг.

—— Пермяки. Казань, 1891 г.

—— Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах приволжских финнов. Казань, 1889 г.

—— Указатель этнографической литературы о мордве. „Этногр. Обозр.“ XI, 1891 г.

—— Черемисы. Казань, 1889 г.

—— Н. Мордовское население Пензенской губ. „Пенз. Губ. Вед.“ 1874 г. №№ 1—3, 5, 6, 9, 21, 22 и 24; 1875 г. №№ 1, 2, 4—7 и 10.

Соколов, Б. М. Этнографическое изучение Саратовского края. „Сарат. Этн. Сб.“, вып. I, Саратов, 1922 г.

Сорокин, Н. Путешествия к вогулам. „Труды О-ва Ест. при Каз. Унив.“ III, 4.

Списки инородческих селений Казанского учебного округа. Прибавление к карте инородческого населения. СПб., 1870 г.

Список населенных мест Ульяновской губ. Ульяновск, 1924 г.

Теплоухов, А. Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермск. и Вятск. губ. и последующая смена его пермским и русским народом. „Зап. Урал. Общ. Любит. Естеств.“ XXXIX, 1924.

—— Фамилии и географические названия Пермяцкого края в этнографическом, историческом и географическом отношениях. „Komi Му“ 1925 г. № 9—11.

Троицкая, Н. Черемисы Арбанской волости. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр.“ 1893 г. № 1.

Федоров, И. С. и Иванов, П. П. Сведения о северном Урале. „Изв. Русск. Геогр. Общ.“ XXII, 1866 г.

Фиельструп, Ф. А. Этнический состав населения Приуралья. Ленинград, 1926 г.

Филимонов, А. Религия некрещенных черемис. „Вятск. Губ. Вед.“ 1868 г. № 12 и след., 1869 г. № 2 и след.

Фролов, А. Свадебные и похоронные обычаи жителей села Устьнемск Устьсысольского уезда. „Волог. Губ. Вед.“ 1885 г. № 21.

Фукс, А. Записки о чувашах и черемисах Казанск. губ. Казань, 1840 г.

—— Поездка к вотякам Казанск. губ. „Казанск. Губ. Вед.“ 1844 г. № 14 и сл.

Фукс, К. Поездка из Казани к мордве Казанск. губ. „Журн. Мин. Вн. Дел“ X, 1839 г.

Х(арузина), В. На севере. М., 1890 г.

Харузин, М. Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда Вятск. губ. „Юрид. Вестник“ 1883, II.

Харузин, Н. Н. Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов. „Этногр. Обозр.“ 1898 г. № 3—4.

—— Русские лопари. „Изв. О-ва Любит. Ест., Антр. и Этногр.“ LXVI, Труды Эти. Отд., М., 1890 г.

Хомяков, М. М. Эволюция вотского брака. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр.“ XXVII.

Худяков, М. Г. Вотские родовые деления. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр.“ XXX.

Чеусов. К воспоминаниям о Г. С. Лыткине. „Komi Му“ 1924 г. № 4—6.

Чубинский, П. П. Статистическо-этнографический очерк. Корелы. „Труды Арх. Стат. Ком.“ 1865 г., кн. 2.

Чудновский. Медико-топографическое описание Сарапульского уезда Вятск. губ. „Журн. Мин. Вн. Дел“ XXVI, 1849 г.

Чупин, Н. Обозрение книг и статей, в которых говорится о вотяках и остяках.

Шахматов, А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910 г.

Академик А. И. Шёгрен (некролог). „Журн. Мин. Нар. Просв.“, ч. 86, отд. V, 1855 г.

Шёгрен, М. А. Извлечение из отчета, представленного Русскому Географическому Обществу членом-сотрудником А. Шёгреном об этнографической экспедиции в Лифляндию и Курляндию. „Зап. Русск. Геогр. Общ.“, кн. 2, 1847 г.

—— Auszug aus einem an den Herrn Staats-Sekretär Finlands Grafen von Rehbinder abgestatteten Bericht über die auf Allerhöchsten Befehl angestellte wissenschaftliche Reise zur Untersuchung der finnischen Völkerschaften in Russland. „Gesammelte Schriften“, Bd. I. St.-Pet., 1861.

—— Die Syrjänen. Ein historisch-ethnographisch-statistisch-philologischer Versuch. „Gesammelte Schriften“ I.

—— Über die finnische Bevölkerung der St.-Pet. Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland. Ibid.

Яковлев, Г. Религиозные обряды черемис. Казань, 1887 г.

Яковлев, И. В. Заметка о священном озере вотяков Казанского уезда и моление на нем. „Изв. Общ. Археол. Ист. и Этногр.“ XIX.

—— Из жизни пермских вотяков Гондырского края. Ibid. XIX.

—— Песни Казанских вотяков. Казань, 1919 г.

Янович, В. М. Пермяки. „Жив. Стар.“ XIII, 1903 г.

Ященко, А. Несколько слов о русской Лапландии. „Этногр. Обозр.“ XII, 1892 г.

Финноугорское языкознание в СССР.

Д. В. Бубрих.

1.

В истории финноугорского языкознания можно наметить несколько периодов.

До тридцатых годов XIX в. финноугорское языкознание находилось в зародыше. Не производилось ни систематического собирания материалов по финноугорским языкам, ни методологически оформленной разработки проблем финноугорского языкознания.

С тридцатых годов развернулась деятельность великого финского и русского ученого Матиаса Александра Кастрена. Кастрен был глубоко проникнут пониманием необходимости систематически собирать материалы, и на алтарь этого дела он положил свою жизнь. В то же время он был верным поборником идей историко-сравнительного метода в языкознании, и если в направлении приложения этого метода он сделал сравнительно мало, то этому виной грандиозность его работы по собиранию материалов и ранняя его кончина: он не успел сделать в этом направлении много. Работа современников и учеников Кастрена сложилась по линиям, характерным для работ самого Кастрена. Они энергичнейшим образом собирали материалы, но не могли добраться до твердой постановки историко-сравнительного метода применительно к этим материалам. Это и понятно. Всякий научный метод, окрепнув на одном материале, не сразу крепнет на другом. Кроме того, финноугорские материалы гораздо менее благоприятны для приложения историко-сравнительного метода, чем, например, индоевропейские. Финноугорские языки появляются в поле зрения науки на очень поздних ступенях развития, как языки без длительной истории и, притом, как языки успевшие очень далеко отойти друг от друга, в то время как, например, индоевропейские

языки появляются в поле зрения науки чрезвычайно рано, как языки с длительной историей и, притом, в древнейшее время чрезвычайно близкие друг к другу. Финноугровед-сравнитель всегда находился в положении, в котором был бы индоевропеист-сравнитель, если бы в его распоряжении были только индоевропейские языки последних веков.[1]

В 1869 и 1870 гг. появились знаменитые труды датского ученого Вильгельма Томсена, посвященные исследованию вопроса о германских элементах в прибалтийско-финских и лапландском языках.[2] Это было событием не только в узкой области финноугорского языкознания, но и вообще в лингвистической науке. Это было демонстрацией до сих пор не разработанного приложения сравнительного метода. До сих пор сравнительный метод прилагался к материалам родственных языков. Теперь он стал прилагаться к материалам языков не родственных. До сих пор сравнительный метод ориентировался на связи между языками, обязанные происхождению языков из одного общего источника. Теперь он стал ориентироваться и на связи, обязанные заимствованию из одного языка в другой. В новом приложении сравнительный метод оказался в той же мере пригодным для реконструкции доисторических состояний языков, что и в старом. Так, прагерманский язык, который до сих пор реконструировался на основании сопоставления данных различных германских языков, теперь оказался во многих чертах реконструированным и на основании изучения его отложений в прибалтийско-финских и лапландском языках. Многое оказалось добыто и по отношению к доисторическим состояниям скандинавско-германской речи. В то же время много оказалось добыто и по отношению к доисторическим состояниям прибалтийско-финской и лапландской речи. Далее, в новом

---

[1] Первый связный мадьярский текст, „Halotti beszéd“ (Погребальное слово), относится к средине XIII в. Связные финские тексты начинаются только в XVI в., после Реформации, со времен епископа Михаила Агриколы (1508—1557). Еще позднее начинаются связные тексты на других финноугорских языках.

[2] V. Thomsen, Den gotiske sprogklasses inflydelse på den finske, Kjöbenhavn, 1869; V. Thomsen, Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen, Halle, 1870 (переработанное немецкое издание первого труда). Ему же принадлежит Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog, Kjöbenhavn, 1890.

приложении сравнительный метод оказался в той же мере пригодным для освещения культурных переживаний доисторического прошлого, что и в старом. Пожалуй, что в этом приложении он дал даже более ощутительные результаты. Очень важно, что в новом приложении сравнительный метод дал средства проверки сравнительного метода в старом приложении. Предпринятая раньше реконструкция прагерманского языка нашла блестящее подтверждение.[1] Почти в то же время стали появляться труды венгерского ученого Иосифа Буденца, посвященные сравнительному исследованию финноугорских языков.[2] Иосиф Буденц значительно улучшил методы использования материалов в плоскости сравнения финноугорских языков между собою, и труды его до сих пор не вполне утратили значение.[3] На новых позициях финноугорское языкознание окрепло не сразу, так что, когда это случилось, приближалась уже заря следующего периода. Сейчас рассматриваемый период по существу является переходным периодом. Перед нами уже не только систематическое собирание материалов, но и важные успехи в деле методологического оформления методов использования этих материалов, хотя до уровня приемов индоевропейского языкознания еще довольно далеко.

В 1891 г. появился труд финского ученого Э. Н. Сетэлэ, посвященный сравнительному обследованию прибалтийско-финских языков.[4] Этот труд был зарей нового, четвертого, периода в истории финноугорского языкознания: финноугорское языкознание вступило на ту же высоту, что и индоевропейское, и

---

[1] Ныне в правильности основных линий сравнительного метода никто уже не в праве сомневаться. Дело может касаться только усовершенствования этого метода в разных направлениях.

[2] Budenz József, Magyar-ugor összehasonlító szótár (сравнительный финноугорский словарь), Budapest, 1873—1881; Budenz. Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana (сравнительная морфология финноугорских языков), Budapest, 1884—1894.

[3] Ценность работ Иосифа Буденца бросается в глаза, если сравнить, например, его сравнительный словарь с одновременно вышедшим сравнительным словарем финского ученого Отто Доннера — Otto Donner, Vergleichendes Wörterbuch der finnisch-ugrischen Sprachen, Hels., 1874—1888.

[4] E(mil) N(estor) Setälä, Zhteissuomalainen äännehistoria (Общефинская история звуков), Hels., 1891. Содержание: I. Klusiilit. II. Spirantit, III. Nasaalit, IV. Likvidat ja puolivokaalit, в двух выпусках. Предполагался третий выпуск, но он не осуществился.

приступило к осуществлению тех же задач, что и индоевропейское. Момент окончательного укрепления финноугорского языкознания на новых позициях можно приурочить к 1901 году, когда было положено начало журналу „Finnisch-Ugrische Forschungen“.[1]

Как видно, финноугорское языкознание, как научная дисциплина вполне сформировавшаяся, явление совсем молодое, явление XX века. Если по адресу индоевропейского языкознания можно слышать сетования, что оно уже исчерпало себя и никаких откровений больше не сулит (сетования, по существу, очень мало обоснованные), то по адресу финноугорского языкознания эти сетования невозможны. Финноугорское языкознание только что родилось, и все оно в будущем.

2.

Участие России в работе по финноугорскому языкознанию очень значительное, — но не во все периоды развития этой дисциплины.

В первый, второй и третий периоды развития финноугорского языкознания Россия несла не меньшую долю работы, чем Финляндия и Венгрия. Такие имена, как имена Шёгрена, Кастрена, который является ученым не меньше русским, чем финским, Видемана, Веске, Андерсона, — имена громадного значения: с этими именами приходится связывать особенно крупные достижения в области собирания материалов, достижения, в значительной части до сих пор не превзойденные, и значительные достижения в области соответствующей духу времени разработки этих материалов.

В четвертый период развития финноугорского языкознания Россия, наоборот, заявила себя очень мало. Этому есть вполне определенные причины. Главное вот в чем. Финноугорское языкознание вышло за рамки, которые заполняются работой единичных исследователей. Для успешного продвижения вперед оказались нужны целые группы согласованно работающих ученых. Между тем, создание таких групп согласованно рабо-

---

[1] Об обстановке возникновения журнала „Finnisch-Ugrische Forschungen“ см. А. Л. Погодин, Гельсингфорская школа лингвистовъ и филологовъ, в „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903, июль, стр. 128—156.

тающих ученых было до последнего времени невозможно: финноугорские национальности России, по разным обстоятельствам, не выдвигали хорошо вооруженных работников по финноугорскому языкознанию, а русская среда отдавала лучшие силы русскому, славянскому, индоевропейскому языкознанию. Ни Щёгрен, ни Кастрен, ни Видеман, ни Веске, ни Андерсон не имели в России учеников. Школы финноугроведов-лингвистов в России, подобной школе в Финляндии или школе в Венгрии, не создалось. И финноугорское языкознание, несмотря на многократные попытки оживить его, стало гибнуть.

Нельзя не отметить, что те причины, которые создали удаление России из числа стран, разрабатывающих финноугорское языкознание, ныне перестают существовать. Из глубин финноугорских национальностей СССР — коми-зырян, удмуртов-вотяков, марийцев-черемис, мордвы, а отчасти и других — появляются люди, полные интереса к вопросам финноугорского языкознания, люди способные и энергичные. Это — та почва, которой не хватало несколько десятилетий.

3.

Первые шаги в деле собирания материалов по финноугорским языкам относятся к Петровской эпохе и ближайшим следующим десятилетиям. Сам Петр оказывал покровительство этому делу.[1]

Характерная особенность этих первых шагов та, что они принадлежат почти исключительно ученым из столицы, путешественникам, отправлявшимся из столицы с энциклопедическими заданиями и привозившими, между прочим, и кое-какие лингвистические сведения, — таким путешественникам, как Д. Мессершмидт,[2]

---

[1] Голландец Николай Витзен (1641—1717) свое сочинение Noord- en Oost-Tartarye ofte bondig Ontwerp van eenige dier landen en volken... Амстердам, 1-е изд. 1692 г., 2-е изд. 1705 г., где даны глоссарии и тексты, между прочим, по языкам черемисскому, мордовскому, пермяцкому, вогульскому и остяцкому, посвятил Петру. Как видно из переписки Витзена с Лейбницем, во втором издании использовано много материалов, доставленных при содействии Петра. См. Энцикл. Слов. Брокгауза и Эфрона, под „Витзен", также С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России, СПб., 1904 г., стр. 200—201.

[2] Даниил-Готлиб Мессершмидт (1685—1735, в России с 1716), натуралист, в течение 7 лет ездил по поручению Петра по Сибири и собрал

акад. Г. Миллер,[1] акад. И. Фишер.[2] Самодеятельность мест отсутствует. То обстоятельство, что В. Н. Татищев приказывал собирать словарные материалы, нужные ему для его исторической работы, и получал их, еще ни в какой мере не свидетельствует о такой самодеятельности мест.[3] Исключение, как работник на месте, составляет некто Кириак Кондратович, собравший вокабуларии целого ряда финноугорских языков, к сожалению, до нас не дошедшие.[4]

Дальнейшие шаги в деле собирания материалов по финноугорским языкам относятся к Екатерининской эпохе и ближайшему следующему времени.

Характерная особенность этих дальнейших шагов та, что они принадлежат ученым из столицы только отчасти. Работать

множество разнообразных материалов, 10 томов которых, ненапечатанные, хранятся в Академии Наук СССР. М. приводит, между прочим, формы языков финского, черемисского, мордовского, вотяцкого, пермяцкого, вогульского, остяцкого, венгерского. М. странствовал одно время со знаменитым шведом Страленбергом (Таббертом). О М. см., напр., П. П. Пекарский, Наука и литература при Петре В., СПб., 1862.

[1] Гергард-Фридрих Миллер (1705—1783, в России с 1725), историк, в 1733—1743 гг. ездил по Сибири и собрал множество разнообразных материалов, между прочим, громадную коллекцию архивных документов. В Sammlung russischer Geschichte, СПб., 1732—1765, т. III, мы находим довольно значительный лексический материал по языкам черемисскому, мордовскому, вотяцкому и зырянскому с пермяцким (Vocabularium harmonicum), заметку Von der Sprache der Tscheremissen, Tschuwassen und Watjaken и некоторые тексты. Этот материал напечатан и в Описании живущих в Казанск. губ. инородческих народов ..., СПб., 1791. О М. см., напр., П. П. Пекарский, История Академии Наук, СПб., 1870—1873.

[2] Иоганн-Эбергард Фишер (1697—1771, акад. с 1730), историк, в 1739—1747 гг. ездил по Сибири и собрал, между прочим, некоторые лингвистические материалы. Рукопись под заглавием Vocabularium continens trecenta vocabula triginta quattuor gentium, maxima ex parte Sibericarum, служившая пособием Шлёцеру, подарена по совету Шлёцера историческому институту в Гёттингене. Часть материалов из этой рукописи вошла в Sibirische Geschihte, т. I, СПб., 1768. О Ф. см., напр., П. П. Пекарский, История Академии Наук, СПб., 1870—1873.

[3] По С. К. Буличу, Очерки истории языкознания в России, СПб., 1904, стр. 422, сохранилась лишь одна рукопись из собрания Т.: Linguae Tartarorum Tobolensium, Ostiacorum Narymensium, Tartarorum Tauriensium (заглавие по каталогу Азиатского Музея).

[4] К. Кондратович составил словари „черемишский, ватяцкий и вагулицкий", а позднее и остяцкий. Словари эти были у Татищева и у него пропали.

начинают и люди на местах. Очевидно, идеи этой работы пустили в стране корни.

В духе прежних исследователей-путешественников вели собирание материалов исследователи-путешественники И. Фальк[1] и И. И. Лепехин.[2]

Рядом возникли работы в новом духе. Влияние французских энциклопедистов возбудило интерес к сопоставлению различных языков земного шара, и этот интерес оказался очень деятельным. Еще в 1773 г. Г. Бакмейстер[3] обратился к ученым всех стран с воззванием на нескольких языках,[4] прося их доставлять образцы всевозможных языков. В 1784 г. он повторил это воззвание. В результате Бакмейстер получил от различных лиц множество текстов, глоссариев и замечаний о языках. Материалами Бакмейстера пользовались многие ученые, в том числе Паллас.[5] В 1784 г. Екатерина, еще до вступления на престол очень интересовавшаяся идеей составления сравнительного словаря всех языков земного шара, сама приступила к осуществлению этой идеи,[6] но скоро это дело оставила, передав его академику П. Палласу.[7] Паллас, получив ранее собранные в России

---

[1] Иоганн-Петр Фальк (1727—1773), натуралист, участвовал в 1768 г. в снаряженной Академией Наук экспедиции в восточную Россию под руководством Георги. Материалы Ф., содержащие, между прочим, финские, черемисские, вотяцкие и остяцкие слова, были собраны Георги и Лаксманном и изданы Академией Наук под заглавием: Herrn Johann Peter Falk... Beiträge zur topographischen Kenntnis des Russischen Reichs в 1785—1786 гг.

[2] Иван Иванович Лепехин (1740—1802, акад. с 1771), натуралист, путешествовал в 1768—1772 г.г., частью с Палласом, частью один, по юго-восточной и северной России. В дневнике его путешествия находится некоторое число зырянско-пермяцких слов и некоторые зырянские тексты. О Л. см., напр., Н. Озерецковский в „Журн. Деп. Нар. Просв." 1822, ч. VI, В. Поленов в „Труд. Росс. Акад." 1840, II. Ср. „Полное собрание ученых путешествий по России проф. Крашенинникова, Лепехина и Фалька", СПб., 1818—1825.

[3] Гартвиг-Людвиг Бакмейстер (1730—1806, в России с 1762), знаменитый библиограф.

[4] Заглавие: Idea et desiderata de colligendis linguarum speciminibus.

[5] Материалы Б. после его смерти перешли к Ф. Аделунгу, коллекции которого хранятся ныне в Публичной Библиотеке в Ленинграде.

[6] Ср. T. Adelung, Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde, СПб., 1815; Я. Грот, Филологические занятия Екатерины II, в „Русск. Арх." 1877, кн. I. Черновые бумаги Екатерины ныне хранятся в Публичной Библиотеке в Ленинграде.

[7] Петр-Симон Паллас (1741—1811), знаменитый натуралист и путешественник.

материалы, а также составленное берлинским ученым и книгопродавцем Ф. Николаи обозрение всех языков мира,[1] принял меры к дальнейшему собиранию материалов. В 1785 г. он в особом воззвании[2] возвестил о скором выходе в свет сравнительного словаря, а в 1786 г. разослал по России и за границей программу к собиранию материалов, содержавшую 285 слов, которые предлагалось перевести на все существующие языки.[3] Новые материалы не замедлили поступить в громадном количестве, при чем дело не ограничилось вокабуляриями. Вскоре сравнительный словарь, содержавший слова на 200 европейских и азиатских языках, был выпущен в двух изданиях.[4] Так как материал продолжал поступать, то вскоре сравнительный словарь, уже под редакцией Ф. И. Янковича-де-Мириево, был переиздан в дополненном и в корне переработанном виде.[5] Словарь в научном отношении заставлял желать очень многого, что́ и было отмечено рецензентами.[6] Тем не менее, он имел известную ценность, в частности, сообщал некоторые новые финноугорские факты. Гораздо ценнее, чем сам словарь, были материалы, на основании которых он был составлен.[7] В этих

---

[1] Заглавие: Tableau général de toutes les langues du monde avec un catalogue préliminaire des principaux dictionnaires dans toutes les langues et des principaux livres qui traitent de l'origine de toutes les langues, de leur étymologie et de leur affinité. Рукопись эта, 346 стр. in folio, хранится в Публичной Библиотеке в Ленинграде.

[2] Название: Avis au public.

[3] Название: Modèle du vocabulaire, qui doit servir à la comparaison de toutes les langues.

[4] Linguarum totius orbis vocabularia comparativa. Sectio linguas Europae et Asiae complexa, СПб., 1786—1789. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки, СПб., 1787—1789.

[5] Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный, СПб., 1790—1791.

[6] См. С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России, СПб., 1904, стр. 227 и след.

[7] О судьбе материалов Бакмейстера см. стр. 85, прим. 3. Материалы Палласа хранятся ныне в Академии Наук, в составе архива Шёгрена. О составе этих материалов ср. С. К. Булич, О. с., а также K. F. Karjalainen в „Journal de la Société Finno-Ougrienne", т. XXIII_5 (на основании С. К. Булича). Архив Шёгрена С. К. Буличем изучен не полностью — между прочим, в его труде этот архив не освещен в черемисской и мордовской частях. К архиву Шёгрена есть рукописный каталог Лерха, 1857. Описание архива Шёгрена было начато Э. А. Вольтером в 1893 г. (сохранились два экземпляра корректуры

материалах представлены почти все финноугорские языки: финский с ингерманландскими диалектами, карельский, олонецкий, эстонский, ливский, лапландский, мордовский, черемисский, вотяцкий, зырянский с пермяцким, вогульский, остяцкий, венгерский.

Материалы, на основании которых был составлен словарь, свидетельствуют о некоторой самодеятельности мест. Не все эти материалы собраны по приказу свыше. Выделяются некоторые представители духовенства, вроде архиеп. Вениамина Пуцека-Григоровича,[1] который составил первую черемисскую грамматику под заглавием: „Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка", изданную Академией Наук в 1775 г., и первую вотяцкую грамматику под заглавием: „Сочинения, принадлежащия к грамматике вотяцкого языка", изданную Академией Наук в том же 1775 г.;[2] еписк. Дамаскина-Руднева,[3] под руководством которого, в период его управления Нижегородской епархией, составлен коллективный труд: „Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно Россиян, Татар, Чювашей, Мордвы и Черемис...", 1785 г.;[4] свящ. Михаила Могилина, который составил рукописный „Краткой отяцкия (т. е., вотяцкой) грамматики опыт", ок. 1785 г.[5] Неизвестным авторам принадлежат: русско-мордовский словарь, содержащий до 2500 слов, „Словарь языка черемисского", содержащий до 3000 слов, „Словарь черемисского языка с российским переводом", содер-

---

начала этого описания). Можно надеяться, что в скором времени будет произведено полное описание.

[1] Вениамин Пуцек-Григорович (1706—1782) был архиепископом Казанским, позднее митрополитом.

[2] Авторство В. доказано С. К. Буличем, Очерк истории языкознания в России, СПб., 1904 (о В., стр. 446, 448 и др.).

[3] Дамаскин (Дмитрий Семенович Руднев) (1737—1795, епископ Нижегородский в 1783—1794 г.г.) был одним из просвещеннейших представителей церкви своего времени. Им введено в Нижегородской семинарии преподавание волжских языков, между прочим, мордовского. О нем см. М. И. Сухомлинов, Ист. Росс. Акад., ч. I, СПб., 1874.

[4] 465 листов in folio хранятся в Публичной Библиотеке в Ленинграде. Полный текст, свыше 1000 листов in folio, был оставлен в библиотеке Нижегородской семинарии.

[5] Хранится в I Отделении Библиотеки Академии Наук, куда попал благодаря счастливому стечению обстоятельств (куплен в 1864 г. на толкучке в Казани, среди других, изорванных, рукописей и препровожден в Академию Наук).

жащий до 6000 слов, „Словарь языка вотского“, содержащий до 2800 слов, — все рукописные.[1]

Положение вещей, характерное для конца XVIII в., остается и в начале XIX в. Работа по собиранию материалов идет и в столице — назову здесь Ф. П. Аделунга, энергичного коллекционера рукописных словарных материалов,[2] и на местах — назову здесь А. Флёрова, составителя первой зырянской грамматики под заглавием: „Зырянская грамматика“.[3]

4.

Эпоху в истории финноугорского языкознания в России создала деятельность А. М. Шёгрена, первого русского академика, который вел работу по изучению финноугорских народностей, как основную. Шёгрен был лингвистом только отчасти: он был также этнографом, историком и археологом. В то же время он был не исключительно финноугроведом: на его обязанности лежало также изучение кавказских народностей. Правда, финноугроведом он был по преимуществу. Были и другие обстоятельства, которые не позволили ему стать для финноугорского языкознания тем, чем стал его младший современник Кастрен. Тем не менее, его наследие по финноугорскому языкознанию очень велико. Некоторые его работы, вроде работы по ливскому языку (которые, впрочем, трудно отделить от работ Видемана по ливскому языку, так как материалы Шёгрена изданы в переработке и с дополнениями Видемана), сохраняют полное значение до настоящего времени. С другими его работами до настоящего времени приходится считаться. Помимо этого, сам факт появления русского академика-финноугроведа был фактом

---

[1] Хранятся в Публичной Библиотеке в Ленинграде в числе рукописей, полученных из Эрмитажа.

[2] Федор Павлович (Фридрих) Аделунг (1768—1843), востоковед, оставил большую коллекцию лингвистических материалов, которая ныне хранится в Публичной Библиотеке в Ленинграде; в эту коллекцию вошли и бумаги Бакмейстера. Перу А. принадлежит, между прочим, Übersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte, СПб., 1820. Об А. см., напр., „Энциклопед. Слов.“ Брокгауза-Эфрона.

[3] СПб., 1813. А. М. Шёгрен, Über den grammatischen Bau der syrjänischen Sprache . . .— „Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg“, t. I, livraisons 1—2, 1830, вслед за митр. Евгением, оспаривает авторство Ф., приписывая труд одному семинаристу-зырянину.

исключительного значения. Этот факт знаменовал, между прочим, переход от „рукописного“ периода развития финноугорского языкознания в России к „печатному“ периоду.

В своих более ранних работах Шёгрен принадлежит еще к первому, докастреновскому, периоду развития финноугорского языкознания. В этих работах его нет еще ни системы в собирании лингвистических материалов, ни отражений тех достижений научного метода в использовании этих материалов, какие были уже добыты в индоевропейском языкознании. Правда, для отражения этих достижений еще не пришло время. Не говоря уж о том, что Шёгрен имел дело с материалами совсем иного количества и качества, чем индоевропейские — что, естественно, отражалось и на методах их использования —, упомянутые достижения в научном мире еще не успели вполне окрепнуть. В некоторых отношениях у Шёгрена даже в более ранних его работах мы замечаем значительное продвижение вперед по сравнению с его предшественниками. Те только собирали, а Шёгрен приступил к использованию собранного. Он не занимался реконструкциями доисторических состояний речи — да и позволяли-ли это имевшиеся в его распоряжении материалы?—, но уже сравнивал и извлекал из сравнения объяснения, хотя и не всегда удачно. Кругозор тех ограничивался материалами, укладывающимися в словарь и грамматику живой речи. Кругозор Шёгрена расширился в сторону различных следов раньше звучавшей речи. Он в полной мере оценил значение собственных названий, как свидетелей языкового прошлого изучаемой территории. Он затрагивал и географические названия, и фамилии, распространенные в населении. К тому же он стал широко привлекать лингвистические материалы к освещению проблем этнографии и истории, увязал лингвистическую работу с работой по смежным дисциплинам. Это ли не заслуги перед финноугорским языкознанием в России?

В своих более поздних работах Шёгрен принадлежит уже целиком ко второму, кастреновскому, периоду развития финноугорского языкознания. В этих работах он достиг той систематичности в собирании материалов, которая отличает второй период от первого, сохраняя прежнюю широту кругозора и прежнее понимание направлений использования материалов. К числу его более поздних работ принадлежат такие работы, как работы по изучению ливского языка.

Характерной особенностью Шёгрена, как ученого, является его способность развиваться, совершенствоваться. Почти в каждой из его работ можно заметить то или иное новое достижение в области метода. И то обстоятельство, что он стоит на грани двух периодов развития финноугорского языкознания, этой его особенностью вполне объясняется.

Андрей Михайлович Шёгрен (Andreas-Johann Sjögren) родился в 1794 г. в Финляндии. В 1819 г. он получил в Абоском университете степень доктора философии и в следующем году переселился в Петербург. В 1821 г. он написал работу о финском языке и литературе, где коснулся, между прочим, вопроса о финских словах русского происхождения. Эта работа привлекла внимание Н. П. Румянцева, устроившего и работу, которая была немедленно напечатана,[1] и автора, который был несколько позднее назначен у него библиотекарем.

В 1823 г. Шёгрен получил от государства 3000 рублей на двухлетнюю поездку к народам финского племени, живущим в России, и отправился в путешествие по Северо-Западному краю, Карелии, Финляндии, Лапландии и восточнее до Мезени. На возвратном пути, в Архангельске, он заболел, и срок его поездки был продолжен еще на два года. Во время пребывания в Архангельске, он обработал свои материалы о Лапландии, которые издал в Гельсингфорсе.[2] В 1826 г. он продолжил путешествие и посетил Вологодскую, Казанскую и Пермскую губернии.[3] Содержание его наблюдений было самое разнообразное, и нельзя сказать, чтобы в течение поездки он отдавал преимущественное внимание языку.

В 1829 г. Шёгрен был избран адъюнктом Академии Наук, а в 1831 г. — экстраординарным академиком, и с этого времени начали одна за другой, в изданиях Академии Наук, появляться его работы, содержание которых во многом созрело, очевидно, раньше.

Первая из этих работ — Über den grammatischen Bau der Syrjänischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische.[4]

---

[1] Über die finnische Sprache und ihre Literatur, СПб., 1821.

[2] Anteckningar om församlingarne i Kemi-Lappmark, Hels., 1828.

[3] Печатные отражения — в „Abo-Tidningar", „Journal de St.-Pétersbourg", „St.-Petersburger Zeitung".

[4] „Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", VI-e série, t. I, livraisons 1—2, 1830, стр. 149—169.

Замечательны начальные слова этой работы. „Многие ученые утверждают, что зырянский язык свидетельствует о своей принадлежности к той же древней большой семье, что и финский; другие же... отрицают это. Последние имели к этому основание, так как им были известны из всего языка только некоторые немногочисленные и, притом, часто неправильно записанные *слова,* да еще некоторые, еще более дурные, еще более неправильные „Отче наш“; грамматика же им была совсем неизвестна. Если бы мы основывали решительное суждение по вопросу о родстве зырянского языка с финским *только* на примерах отдельных слов, то вышло бы приблизительно то же, что у этих ученых. Однако, в случае, если родство в области словаря в действительности всетаки есть, ни в коем случае нельзя упускать из вида, что финские языки, т.-е., собственно *финский, карельский, эстонский* и даже *лапландский,* так изобилуют словами из ново- и древне-шведского, немецкого, готского, одним словом, из языков *германской* семьи—особенно поскольку дело касается отвлеченных понятий, — что... нельзя строить никакого положительного суждения о действительном родстве“. Все это прекрасные мысли. Несколько странна только мысль, что изменение первоначального словарного содержания языка в силу заимствований создает препятствие к соизмерению его со словарным содержанием других языков. Однако, к этой мысли в сноске мы находим корректив: „Было бы чрезвычайно благородной и важной работой когда-нибудь приличным образом и основательно, т.-е., не только по простому звучанию, но и по твердым законам правильных звуковых преобразований, сопоставить *финский* словарь во всем его объеме со словарями названных германских языков, и все слова, которые перешли в финский язык из этих языков, тщательно выделить... Такое исследование позволило бы подойти к массе *старых,* настоящих *чудских* слов, которые можно было бы тогда сравнивать с такими же *чудскими* языковыми остатками во внутреннерусских языках и добраться до праязыка“.[1] Итак, словарное содержание языка несоизмеримо со словарным содержанием других языков до тех пор, пока оно не изучено с точки зрения происхождения. Оказывается, и та мысль, которая сначала кажется несколько

---

[1] Чудскою речью Шёгрен называет финноугорскую речь древнейшей формации или даже прафинноугорскую речь.

странной, мысль прекрасная... Эти мысли являются мотивировкой намерения вести доказательство родства зырянского языка с финским не путем сопоставления слов, а путем сопоставления грамматических явлений.

То, что следует дальше, не совсем соответствует вступительным словам, достойным гораздо более зрелой эпохи. Перед нами работа всетаки первого периода развития финноугорского языкознания. Нет ни бережного отношения к материалам, ни методологически оформленного их использования. Примерами неудачных комбинаций могут служить комбинации с числительными, особенно с зыр. *kökjamiss* (=*ķikjamiș*) '8' и *ökmüss* (=*okmiș*) '9'.[1] Своеобразно, но совсем неудачно произведено выделение русских элементов в зырянской грамматике. Дело доходит до того, что зырянское спряжение представляется построенным по образу и подобию русского и в типе, и в отдельных суффиксах. „Вообще этот (русский) язык оказал на зырянский язык насквозь приникающее влияние, особенно на глагол, и это влияние свидетельствует о том, что мы уже знаем из истории, именно о том, что русские имели с зырянами очень *старые* тесные сношения".[2]

Следующие работы Шёгрена — Über die ältern Wohnsitze der Jemen...,[3] Wann und wie wurden Sawolotschje und die Sawolokschen Tschuden russich?,[4] Über die finnische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland.[5]

По основному существу это работы палеоисторические. Но и лингвистическое начало в них представлено довольно сильно. Именно в этих работах Шёгрен обнаружил и то расширение кругозора, и то стремление увязать лингвистическую работу с работой по смежным дисциплинам, о которых мы упоминали выше. Дело касается собственных названий, преимущественно географических собственных названий, которые так мало привлекали внимание раньше. Эти собственные названия Шёгрен широко использовал в помощь палеоисторическому исследованию.

---

[1] Стр. 158.

[2] Стр. 165—167.

[3] „Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", VI-e série, t. I, livraisons 3—4, 1830—1832, стр. 263—345.

[4] Ibid., t. I, livraison 6, 1832, стр. 491—526.

[5] Ibid., t. II, livraisons 2—3, 1833, стр. 123—241.

Как и предшествующая работа, эти работы имеют недостатки. Однако, они гораздо выше первой. В сущности, топонимические изыскания, представленные в этих работах, ничуть не хуже топонимических изысканий многих последующих десятилетий. Ими нельзя пренебрегать и теперь.

В 1835 г. Шёгрен получил поручение изучить на месте кавказские народности. В путешествии он пробыл до 1838 г. С этих пор занятия по финноугорским народностям у него шли бок-о-бок с занятиями по кавказским народностям. Эта двойственность занятий была запечатлена в названии его кафедры в Академии Наук, где с 1844 г. он стал ординарным академиком: он стал академиком по филологии и этнографии финских и кавказских племен.

Конец своей жизни Шёгрен посвятил по преимуществу финноугорским народностям. Работы его в это время значительно выше его работ в предшествующее время. Он переходит во второй период финноугорского языкознания, как старший современник Кастрена. Его работе в этот период свойственны все особенности второго периода развития финноугорского языкознания: систематичность в деле собирания материалов и прежняя неоформленность методов использования этих материалов.

В области собирания материалов Шёгрену в это время принадлежат громадной важности работы среди ливов, к которым он ездил в 1846 г., по поручению только что основанного Русского Географического Общества, и дополнительно в 1852 г. Вполне обработать свои богатейшие записи он не успел — заслуга обработки и пополнения этих записей принадлежит его преемнику Ф. И. Видеману, но некоторое отражение в печати его ливские занятия получили.[1]

В области использования материалов Шёгрену в это время принадлежит немного. Интерес имеет его маленькая и, притом, незаконченная работа „Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточ-

---

[1] Reise nach Liv- und Kurland zur genauen Untersuchung der Reste der Liven und Krewingen, СПб., 1849; Zur Ethnographie Livlands — „Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", т. VII, 1849; Извлечение из отчета, представленного Русскому Географическому Обществу членом-сотрудником А. М. Шёгреном об этнографической экспедиции в Лифляндию и Курляндию — „Зап. Русск. Геогр. Общ." I, II, 1849.

ных“,[1] затрагивающая частично ту же тему, что и незадолго до того появившиеся работы П. Буткова и М. А. Кастрена и одновременно появившаяся работа Я. К. Грота (см. ниже). Эти работы Шёгрена принадлежат к числу неудачных его работ. Шёгрен вообще не любил этимологизации слов, как это явствует из его работы Über den grammatischen Bau der Syrjänischen Sprache..., и к этимологизации он более или менее успешно подходил только в тех случаях, когда мог вести ее от германских языков, которые были в науке разработаны уже прекрасно.[2] Финноугорские языки были разработаны слабо, а русского языка Шёгрен научно не знал.[3]

Шёгрен умер в 1855 г.[4] После него остался богатый „Архив Шёгрена“.

5.

Младшим современником Шёгрена был великий М. А. Кастрен. Кастрен по своим интересам был по преимуществу лингвист, но, по обстоятельствам того времени, ему пришлось заниматься и этнографией, археологией и многим другим. Дальше, по своим интересам он был по преимуществу финноугровед, но пути его работы направились так, что ему пришлось посвятить силы и другим народностям: самоедам, енисейцам, туркам, тунгусам. В области самоедоведения он сделал больше всего, больше даже, чем в области финноугроведения. Труды его в области самоедоведения не превзойдены и служат почти единственным

---

[1] Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики, под ред. акад. И. И. Срезневского, СПб., 1854.

[2] Ср., напр., Шёгрен, Was bedeutet das in den russischen Chroniken unter dem Jahre 1024 vorkommendes Wort „Луда“? — „Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg“, VI-e série, t. II, livraison 6, 1834, стр. 565—592.

[3] Оценка той части работы Шёгрена, которая затрагивает финноугорские языки, дана у Jalo Kalima, Die ostseefinnischer Lehnwörter im Russischen — „Mémoires de la Société Finno-Ougrienne“ XLIV, 1919.

[4] Полный список трудов Шёгрена помещен в „Ученых Записках Акад. Наук по I и III Отд.“, 1855, стр. 596—583. Важнейшие труды вошли в состав издания: Andr.-Joh. Sjögren, Gesammelte Schriften, СПб., 1861. Bd. I: Historisch.-etnologische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. Bd. II: Livische Grammatik nebst Sprachproben и Livisch-deutsches und deutsch-livishces Wörterbuch. Биографический очерк жизни Шёгрена дан, напр., в „Журн. Мин. Нар. Просв.“, ч. LXXXVI, 1855, отд. 5, стр. 1—8.

источником позднейших исследований по самоедскому языку.[1] Тем не менее, в области финноугроведения и, в частности, в области финноугорского языкознания им слелано чрезвычайно много. Работа Кастрена в области финноугорского языкознания касалась, главным образом, собирания материалов, хотя Кастрен лучшие свои мечты связывал с использованием на финноугорском материале сравнительного метода, который на индоевропейском материале одерживал уже первые победы и праздновал уже первые триумфы. Это потому, что прежде, чем обращаться к использованию сравнительного метода, надо было собрать подлежащие сравнению материалы.

Деятельность Кастрена была переломной точкой в истории финноугорского языкознания не только в России, но и вообще в Европе. До Кастрена финноугорского языкознания, как научной дисциплины, в сущности, не было. Некоторые ученые и до Кастрена вплотную подходили к научной постановке этой дисциплины, но той точки, где эта научная постановка оказывается осуществленной, не переходили. Отсутствовали и система в собирании материалов, и методологически оформленные приемы их разработки. Кастрен твердо ввел одно: систему в собирании материалов. Этого было уже достаточно, чтобы финноугорское языкознание стало научной дисциплиной. Правда, методологически оформленных приемов разработки материалов он не создал, и в этом отношении остался на том же уровне, что и его старшие современники и предшественники. Но могло-ли быть иначе в обстановке почти полного отсутствия материалов? Впрочем, там, где Кастрену не хватало метода, ему на помощь приходила интуиция. Так, ему принадлежит первая решительная попытка обоснования идеи финноугорско-самоедского языкового родства. Как бы ни обстояло дело практически, но теоретически Кастрен прекрасно представлял себе пути разработки материалов, как и цели, к которым может стремиться эта разработка.

Для характеристики теоретических воззрений Кастрена чрезвычайно характерны следующие его слова:[2] „Все исследователи, которые до сих пор пытались разъяснить взаимное род-

---

[1] См. Н. Н. Поппе, Кастрен — исследователь самоедских языков — „Академия Наук СССР. Очерки по истории знаний, II: Памяти М. А. Кастрена к 75-летию дня смерти", Лгр., 1927, стр. 65—75.

[2] По E. N. Setälä, Mathias Alexander Castrénin satavuotiaspäivänä — „Journal de la Société Finno-Ougrienne" XXX, 1913—1918, стр. 22.

ство скифских (т.-е., финно-угорских) языков, хотели этим путем разрешить вопрос о родстве народов. Языковое исследование не было для них главной задачей, — они пользовались им как средством для исторического исследования и полагали, что в их целях достаточно сделать сопоставление отдельных слов и форм, оставляя в стороне языковые законы и весь грамматический строй. Но этим сравнительное языкознание не удовлетворяется. Оно ставит себе задачей сравнивать не только слова и формы, но и весь внутренний строй языков — законы, которые в них обнаруживаются. Ибо, если языки находятся в непрерывном развитии и, притом, подвергаются внешним воздействиям, то ясно, что они в разной обстановке в своем внешнем облике могут развиваться самым различным образом... Если, таким образом, сравнительное языкознание желает приносить плоды, то ему надо опираться главным образом на языковые законы. Разумеется, и последние на протяжении развития языков могут подчиняться изменениям, но задачей филологии является разъяснить, сравнительным и генелогическим путем, первоначальную природу языковых законов". Эти слова во многом напоминают приведенные выше, на стр. 89, слова Шёгрена. И другие теоретические высказывания Кастрена очень близки к высказываниям Шёгрена. С теми словами Шёгрена, которые приведены вслед за сейчас упомянутыми на стр. 89, можно, например, сравнить следующие слова Кастрена:[1] „Если желательно уловить первоначальный тип лапландского языка, то это возможно только одним путем: надо подвергнуть отдельные наречия тщательному сравнению и по отношению к каждому различию беспристрастно исследовать, не может-ли оно быть объяснено воздействием со стороны, — разъяснительная работа, которая была бы у места и применительно к финскому языку".

Труд и жизнь Кастрена, поистине, труд и жизнь героя. Их направляла пламенная любовь к маленькому родному народу, заброшенному на далекий, малогостеприимный север, но умеющему и там создать себе человеческую обстановку существования, несправедливо обойденному вниманием народов Европы, но тем не менее достойному и интереса, и уважения, — а кроме пламенной любви к родному народу, такая же пламенная любовь

---

[1] M. A. Castrén Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844, СПб. 1853, стр. 153.

к науке, стоящей выше не только личного, но и национального. Их он принес в жертву этой великой любви.

Матиас Александр Кастрен (Mathias Alexander Castrén) родился в 1813 г. в северной Финляндии, в пасторской семье, учился в Улеаборге, а затем, как студент, в Гельсингфорсе. Первоначально он желал последовать по стопам своего отца и стать пастором, но под влиянием новых идей, кипевших в Гельсингфорской студенческой среде, под влиянием научных успехов Раска, Боппа и Гримма и деятельности Леннрота (записавшего и издавшего руны Калевалы), решил посвятить свою жизнь исследованиям языка и быта финских и родственных им народностей.[1] В 1838 г. он предпринял свое первое путешествие в Лапландию,[2] а в 1839 г. был в Карелии. В том же 1839 г. он был избран доцентом финского и древнесеверного языка Гельсингфорского Университета, защитив диссертацию на тему De affinitate declinationum in lingua Fennica, Esthonica et Lapponica,[3] интересную тем, что в ней Кастрен впервые затронул проблему чередования ступеней согласных, как явления общего для прибалтийско-финских и лапландского языков. Этой же темы он коснулся в статье Anmärkningar rörande några ljud i Finskan.[4] В 1841 г. он, вместе с Леннротом, отправился снова в Лапландию и в Архангельск,[5] а оттуда, уже без Леннрота, получив вспомоществование из Финляндии, к самоедам и в Обдорск. Вернулся он в Гельсингфорс, с расстроенным здоровьем, только в 1844 г.

На 1844 г. падает ряд интереснейших работ Кастрена: две работы по зырянскому языку: De nominum declinatione in lingua Syrjaena и Elementa grammatices syrjaenae[6] — первый результат систематической собирательской деятельности Кастрена, и, кроме того, Anteckningar om savolotscheskaja

---

[1] Ср. начальные слова его Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844, СПб., 1853.

[2] Ср. M. A. Castrén, Några dagar i Lappland — гельсингфорская газета „Morgonbladet", 1839.

[3] Helsingfors, 1839. Перепечатано в составе Nordische Reisen und Forschungen, V (Kleinere Schriften), СПб., 1862.

[4] „Suomi", 1841, тетр. II, стр. 7—16.

[5] Ср. M. A. Castrén, Anteckningar under en resagenom Finska och Ryska Lappmarken — „Suomi", 1842, тетр. IV, стр. 3—35.

[6] Обе: Hels., в отд. издании.

Tschud[1] — хороший образец доступного для того времени использования лингвистических материалов для палеоисторических построений. В последней работе громадное внимание уделяется топонимике. Хотя далеко не все объяснения географических названий у Кастрена верны, однако, можно сказать, что Кастрену вполне удалось доказать былое распространение карел до нижней половины течения Сев. Двины. Мысль Кастрена о том, что топонимические следы карел простираются до бассейна Мезени, оказалась, однако, неверной. В той же работе приводятся объяснения из финских источников многих северно-русских слов, в половине правильные и, во всяком случае, более удачные, чем в упомянутой в своем месте более поздней работе Шёгрена на ту же тему.[2]

На 1845 г. падают другие интересные работы Кастрена: Elementa grammatices tscheremissae (написана в Гельсингфорсе на основании наблюдений над одним черемисином, а потом проверена в путешествии)[3] — второй результат систематической собирательской деятельности Кастрена, и Om accentens inflytande i lappsk a spraket,[4] представляющая важное явление в истории учения о чередовании ступеней согласных.[5]

В 1845 г., едва оправившись от приступов мучившей его болезни — чахотки, Кастрен отправился в новое путешествие, более далекое, чем предшествующие, в Сибирь, к самоедам и их соседям. Это путешествие было предпринято им по поручению Академии Наук[6] и на ее средства в качестве „путешественника-этнографа по северной экспедиции со всеми правами и пре-

---

[1] „Suomi", 1844, стр. 1—22.

[2] Оценка лингвистической части статьи Кастрена дана у Jalo Kalima, Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen — „Mémoires de la Société Finno-Ougrienne", XLIV, 1919.

[3] Kuopio, в отд. издании.

[4] „Suomi", 1845, стр. 23—86. В нем. переводе, под заглавием: Vom Einflusse des Accents in der Lappländischen Sprache, — „Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", т. II, № 46, стр. 337—339, 1845; „Mémoires présentés à l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg par divers savants...", т. VI, 1851, стр. 1—44.

[5] Ср. E. N. Setälä в „Journal de la Société Finno-Ougrienne" XXX, 1913—1918, стр. 24.

[6] Ср. инструкцию Шёгрена и дополнительные к ней указания П. И. Кёппена в приложении к I тому Кастреновских Reiseberichte und Forschungen aus den Jahren 1845—49, СПб., 1856.

имуществами адъюнктов..., со времени отправления в экспедицию и до представления окончательного отчета". Несмотря на приступы терзавшей его болезни, Кастрен в этом путешествии сделал больше, чем во все остальные свои путешествия. Он обследовал сибирских самоедов, остяков, енисейцев и коттов, различные турецкие племена, бурят, тунгузов. Среди этих народов он был первым ученым исследователем, и заслуги его по отношению к изучению их языков неизмеримы, особенно потому, что он изучал их систематически. С пути он посылал донесения Академии Наук и письма своим друзьям.[1] Некоторые из них представляют громадный научный интерес. Особенно важно донесение Академии Наук из Сургута от 13 сентября 1845 г.,[2] где приводится материал по вопросу о финноугорско-самоедском языковом родстве — длинный ряд (120) этимологий. Эти этимологии во многом слабы, но в то время в области сравнительной работы лучшее было невозможно. Тем не менее, около половины этих этимологий впоследствии составило прочное достояние науки. Можно считать, что это донесение Академии Наук было началом финноугорско-самоедских исканий, которые, в сущности, не могут считаться оконченными и в наши дни.[3]

---

[1] Печатались в „Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", частично в „Современнике" (1845, т. XXXIX, стр. 36—74) и „Журн. Мин. Нар. Просв." (1846, ч. L, отд. 7, стр. 31—33) и в финляндских периодических изданиях.

[2] Напечатано в „Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", т. III, № 15 и 16 и в „Suomi", 1845.

[3] После работы E. N. Setälä, Zur Frage nach der Verwandtschaft der finnisch-ugrischen und samojedischen Sprachen — „Journal de la Société Finno-Ougrienne" XXX 5, 1913 — 1918, вопрос о финноугорско-самоедском языковом родстве считают окончательно решенным в положительном смысле. Однако. несомненно, что кое-что в этом вопросе надо еще доработать. Главное, до сих пор далеко не выяснены явления финноугорско-самоедского параллелизма в области морфологии. Этих явлений пока известно немного больше, чем явлений финноугорско-индоевропейского параллелизма в той же области, или финноугорско-юкагирского параллелизма в той же области (ср. H. Paasonen в „Finnisch-Ugrische Forschungen" VII, 13—30). Во всяком случае, еще нельзя говорить с уверенностью об этимологической связанности финноугорской и самоедской морфологических систем в целом; только такая связанность морфологических систем в целом может быть свидетельством родства языков, ср. E. N. Setäla в названной работе, стр. 14—18. Таким образом, еще не изжита возможность тех или иных поправок к мысли о финноугорско-самоедском языковом родстве. Возможна мысль, что самоедская речь — результат *не до самого конца* протекшей замены одной, нам совсем

В 1848 г. Кастрен, совершенно погибая от своей страшной болезни, отправился в обратный путь, который закончил только в начале 1849 г.

Поразительна была жизненная сила Кастрена. Он вернулся умирающим, но уже в конце 1849 г. появилась, кроме отчета Академии Наук,[1] его Versuch einer ostjakischen Grammatik,[2] первая в литературе грамматика остяцкого языка, — третий результат систематической собирательской деятельности Кастрена.

В 1850 г. Кастрен написал работу De affixis personalibus linguarum Altaicarum,[3] которая была предназначена для снискания права на профессорскую кафедру в Гельсингфорсе, а в следующем 1851 г. он получил диплом о назначении на эту кафедру.

Странствования Кастрена окончились. Ему улыбнулся признанный успех — кстати сказать, в 1850 г. вышел приказ о до-

---

неизвестной (чтобы получить слово, возьмем ни к чему не обязывающий термин и скажем — палеоазиатской) речи другою речью, которая, не являясь финноугорской, находилась с финноугорской в родстве. Возможна и мысль, что финноугорская речь — результат *не до самого конца* протекшей замены одной, нам совсем неизвестной (чтобы получить слово, возьмем ни к чему не обязывающий термин и скажем — палеоевропейской) речи другою речью, которая, не являясь самоедской, находилась с самоедской в родстве. Поскольку нам неизвестно, какие именно группы людей в отдаленнейшем прошлом пользовались финноугорской и самоедской речью, ведь, допустимо, что историческая финноугорская речь есть речь остаточная, нашедшая убежище в лесах и льдах северовосточной Европы (и в соседних частях Азии), а доисторическая финноугорская речь свойственна была гораздо более обширным группам людей, и точно также допустимо, что историческая самоедская речь есть речь остаточная, нашедшая убежище преимущественно во льдах северной Азии (и в соседней части Европы), а доисторическая самоедская речь была свойственна гораздо более обширным группам людей, — то обе указанные возможности должны считаться равновесными. Во избежание недоразумений: ни одна из этих возможностей не грозит никакими нарушениями установившейся в финляндской и венгерской науке практике сравнительного изучения финноугорских и самоедских языков.

[1] Generalbericht an die Kais. Akademie der Wissenschaften — „Bulletin de a classe historico-philologique de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pétersbourg", 1849, № 130, стр. 148—156. То же в „Suomi", 1850, стр. 81—91, и в „Mélanges Asiatiques", 1852, т. I, стр. 16—27.

[2] Издание Академии Наук.

[3] Гельсингфорс, отдельным изданием.

зволении ему считаться на службе при Академии Наук.[1] В то же время ему улыбнулось и семейное счастье. С удвоенной энергией принялся он за научный труд, теперь уже — кабинетный. Из его работ этого периода важно назвать: über die Ursitze des finnischen Volkes[2] и Was bedeuten die Wörter Jumala und Ukko in der finnischen Mythologie?[3] В то же время им подготовлялся к печати ряд других работ, в частности, грамматика финского языка и новая редакция путевых записок.

В 1852 году Кастрен скончался, оставив не приведенными в порядок богатейшие записи по самоедскому, енисейскому с коттским, различным турецким, бурятскому, тунгузскому языкам — многочисленные свидетельства систематической собирательской деятельности Кастрена за пределами финноугорской области.[4]

---

[1] „Журн. Мин. Нар. Просв.", ч. LXVII, 1850, № 8, стр. 3—4.

[2] „St.-Petersburger Zeitung", 1850, № 7, стр. 25—26, и № 8, стр. 29—30.

[3] „Suomi", 1851, стр. 117—162; „Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pétersbourg", т. X, № 217—219, 1853, стр. 30—62, № 220, стр. 49—62; „Ученые Записки Академии по I и III Отделениям", 1853, т. I, вып. 4, стр. 491—528; „Archiv für wissensch. Kunde v. Russland" Эрмана, 1853, т. XII, стр. 634—642; „Mélanges Russes" 1855, т. II, стр. 175—217.

[4] Непосредственно после смерти Кастрена было предпринято два издания его сочинений. В Гельсингфорсе стали выходить Nordiska resor och forskningar в составе: I. Reseminnen från åren 1838—1844, 1852, II. Reseberättelse och bref från åren 1845—1849, 1855, III. Föreläsningar i finsk mythologi, 1853, IV. Ethnologiska föreläsningar öfver altaiska folken, vamt samojediska och tatariska sagor, 1857, V. Smärre afhandlingar och academiska disputationer, 1858, VI. Tillfälliga uppsatser, 1870. В Петербурге стали выходить Nordische Reisen und Forschungen (издание Академии Наук, под редакцией А. А. Шифнера) в составе: I. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1833—1844, 1853, II. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849 (с приложением отчета Кастрена и инструкций Шёгрена и П. И. Кёппена), 1856, III. Vorlesungen über die finnische Mythologie, 1853, IV. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, nebst samojedischen Märchen und tatarischen Heldensagen, 1857, V. Kleinere Schriften (где перепечатаны, в немецком переводе, многие, раньше напечатанные, мелкие работы Кастрена), 1862, VI. Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss (2-е издание книги), 1858, VII. Grammatik der samojedischen Sprache, 1854, VIII. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, 1855, IX. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss, 1856, X. Versuch einer burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss, 1857, XI. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinsshen Kreises, 1857, XII. Ver-

Очень важно подчеркнуть, что издание не приведенных в порядок записей Кастрена было бы неосуществлено, если бы за него не взялся самоотверженно акад. А. А. Шифнер, посвятивший совершенно невероятный труд на изучение, связывание, перевод, редактирование, снабжение объяснительными предисловиями и примечаниями и, наконец, издание этих записей.[1]

6.

Преемником Шёгрена по Академии Наук был Ф. И. Видеман.

Видеман был исключительно финноугроведом и притом преимущественно лингвистом. Этим он существенно отличается от более ранних исследователей. Благодаря этому, его наследие по финноугорскому языкознанию очень велико. Из его современников нет ни одного, который работал бы так продуктивно.

Видеман — типичный представитель второго периода развития финноугорского языкознания. Он — непрерывное систематическое собирание и упорядочение материалов.

В Видемане нет романтизма, который так характерен для Шёгрена и особенно Кастрена. Он работает строго позитивно, ограничиваясь собиранием и упорядочением материалов и не дерзая в область шатких построений на основе этих материалов, а равным образом, в область слишком общих рассуждений. Он устраняет из своей работы все, что еще

---

such einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen, 1858. Некоторые сочинения Кастрена переиздавались и позднее. Список работ Кастрена и работ о Кастрене см. в сборнике „Памяти М. А. Кастрена к 75-ти летию дня смерти“ (издание Академии Наук СССР), Лгр., 1927. Довольно полный очерк жизни и трудов Кастрена дан К. Ф. Тиандером в „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1904, май.

[1] Антон Антонович Шифнер (Franz-Anton Schiefner) (1817—1879, акад. с 1852)—знаменитый востоковед, работавший над языками кавказскими, финноугорскими и самоедскими, палеоазиатскими, турецкими, монгольскими, тунгузским, тибетским, иранским и по санскриту. В академическом издании сочинений Кастрена Шифнером обработаны на основании записей Кастрена тт. VI—XII. Шифнеру принадлежит, между прочим, немецкий перевод Калевалы, как Кастрену — шведский ее перевод. О Шифнере см. биографич. заметку Ф. И. Видемана в „Bulletin de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg“, т. XXVI, 1880.

не окрепло или не оформилось практически. Он работает спокойно, ограничиваясь, в общем, тем, что он может добыть, не выходя из своего кабинета, — будь то книги, рукописи или люди, — и не склонен пускаться в далекие путешествия... В отсутствии романтизма — и сила, и слабость Видемана. Сила его в том, что, не теряя сил на непрактичное и на берущее чрезмерно много сил, он производит чрезвычайно много. Его труды и многочисленны, и монументальны. Слабость его в том, что, не возбуждая мысль и не возбуждая энергии, он никого за собой не ведет. Он один... Нет слов: много черт в деятельности Видемана объясняется тем, что он выступает на научной арене уже не молодым человеком. Он только на одиннадцать лет моложе Шёгрена и на восемь лет старше Кастрена. Его первый научный труд появился тогда, когда ему было 42 года. Его научная деятельность укладывается между пятым и девятым десятилетиями жизни.

Фердинанд Иванович Видеман (Ferdinand Johann Wiedemann) родился в 1805 г. в Эстонии, изучал в Дерптском университете юриспруденцию и древние языки, затем, почти тридцать лет, до самого избрания в Академию Наук, до 1857 г., работал в качестве преподавателя в гимназиях Прибалтийского края.

В 1847 г. вышли в свет его первые труды: Versuch einer Grammatik der syrjänischen Sprache nach dem in der Übersetzung des Evangeliums Matthäi gebrauchten Dialekt и Versuch einer Grammatik der Tscheremissischen Sprache nach dem in der Evangelien-Übersetzung v. 1821 gebrauchten Dialekte,[1] в деле напечатания которых пришла на помощь денежными средствами Академия Наук. Немного позже, в 1851 г., появилась его Grammatik der Wotjakischen Sprache,[2] которая, если не считать упомянутых выше на стр. 85—86 работ XVIII века, была первой грамматикой вотяцкого языка. Материал для этого труда, как и для предшествующих, был не собран на местах, а извлечен из рукописей.[3] Все три труда, особенно последний, были встре-

---

[1] Оба — Ревель, в отд. издании.

[2] Ревель, в отдельн. издании.

[3] Главным образом из рукописных переводов четырех евангелий, при помощи Шёгрена полученных из Вятки, где они хранились в Библейском Обществе.

чены в науке с большим вниманием.[1] Они этого заслуживали, так как для своего времени отличались исключительными достоинствами, особенно полнотой. К этим трудам прибавился в 1852 г. труд, который Видеман предпринял в сотрудничестве с Вебером и в котором он разработал, между прочим, лингвистическую часть — Beschreibung der phanerorganischen Gewächse Ehst-, Liv- und Curlands".[2]

В 1857 г. Видеман был избран академиком на опустевшее место Шёгрена. С этого момента стали подготовляться и появляться в печати наиболее важные его произведения.

Прежде всего, по поручению Академии Наук, Видеман взял на себя заботы, связанные с изданием записей Шёгрена по ливскому языку. Записи были разобраны им еще в начале 1857 г., до избрания в Академию Наук, теперь же предстояло пополнить их некоторыми новыми наблюдениями на месте. Это Видеман сделал летом 1858 г., причем он ограничился только курляндскими ливами, не посетив лифляндских, так как, по его сведениям, из 22 человек, помнивших кое-что из лифляндско-ливской речи во время поездки Шёгрена в 1846 г., осталось только 8 человек, почти совсем ее позабывших. Среди курляндских ливов Видеман занялся изучением фонетики, которая была Шёгреном совсем не разработана (Шёгрен не оставил даже указаний, как понимать буквенные знаки, употребленные в его записях), изучением флексии (Шёгрен оставил только некоторые примерные парадигмы) и вообще грамматики, пополнением словарного материала и текстов. Весь материал был издан через три года в составе Gesammelte Schriften Шёгрена, т. II.[3]

Дальше последовали: в 1864 г. Versuch über den werroehstnischen Dialekt;[4] в 1865 г. Grammatik der Erzamordwinischen

[1] О вотяцкой грамматике см. отзыв Шёгрена в „19-м присуждении учрежденных П. Н. Демидовым наград", СПб., 1850, стр. 105—123.

[2] Ревель, в отдельн. изд.

[3] СПб., 1861. Часть I: Livische Grammatik nebst Sprachproben (предисловие Видемана, стр. I—VI; обширное историко-этнографическое введение, принадлежащее Видеману, стр. VII—CIV; грамматика в составе: Lautlehre, Wortbildung, Formenlehre, Satzlehre, принадлежащая преимущественно Видеману, стр. 1—290; тексты с немецким переводом, стр. 291—480). Часть II: Livisch-deutsches und deutsch-livisches Wörterbuch (ливско-немецкий словарь, стр. 1—140; немецко-ливский словарь, стр. 141—387; дополнения и поправки, стр. 388—398).

[4] „Mémoires de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pétersbourg", VII-e série, t. VII, № 8

Sprache nebst einem kleinen mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch,[1] составленная на основании маленького катехизиса, короткой библейской истории и некоторых рукописей Азиатского Музея — первая, если не считать совсем неудовлетворительной грамматики немецкого ученого H. K. Gabelentz'a,[2] грамматика эрзянского наречия мордовского языка, остающаяся пока и последней; в 1869 г. Ehstnisch-deutsches Wörterbuch,[3] результат нескольких поездок по населенным эстонцами местностям и изучения различных печатных и рукописных материалов,— громадный (более 1500 стр.), богатейший и прекрасно построенный словарь, снабженный указателем, заменяющим немецко-эстонский словарь, — словарь, не имеющий себе равных в прошлом и до сих пор являющийся единственным большим словарем эстонского языка; в 1872 г. Über die Nationalität und die Sprache der jetzt ausgestorbenen Kreewinen in Kurland,[4] труд важный для сравнительной грамматики прибалтийско-финских языков; в 1875 г. Grammatik der ehstnischen Sprache, zunächst wie sie in Mittel-Ehstland gesprochen wird, mit Berücksichtigung der anderen Dialekte,[5] — громадная, богатейшая и хорошо построенная грамматика, составившая эпоху в истории изучения эстонского языка и сохраняющая свое значение до сих пор; в 1880 г. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch, nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhange und einem deutschen Register,[6] составленный на основании громадного рукописного русско-зырянского словаря Попова, зырянско-русского и русско-зырянского словаря Савваитова и пермяцко-

---

[1] Ibid., t. IX, № 5 (вступление, стр. 1—10; грамматика в составе: Lautlehre, Formenlehre, куда входит и словообразование, Satzbildung, стр. 10—112, мордовско-немецкий словарь, стр. 113—172; немецко-мордовский словарь стр. 173—260; дополнения и исправления, стр. 261).

[2] В „Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes", 1837, II.

[3] СПб., издан Академией Наук; вторично, под редакцией и с некоторыми поправками Я. Гурта (J. Hurt'a), издан Академией Наук в 1893 г.

[4] „Mémoires de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pétersbourg", VII-e série, t. XVII, № 2. Напечатано и на русском языке под заглавием: „О происхождении и языке ныне вымерших в Курляндии кревинов" в „Ученых Записках Имп. Академии Наук", т. XXI, 1872.

[5] СПб., издание Академии Наук. Состав: Einleitung (Geschichtliches, Dialekte und Schriftsprache), стр. 1—80; Lautlehre, стр. 81—158; Wortbildung, стр. 158—321; Formenlehre, стр. 321—576; Satzlehre, стр. 576—660.

[6] СПб., издание Академии Наук.

русского и русско-пермяцкого словаря Рогова, о которых см. ниже, а также других печатных и рукописных источников, а в вотяцкой части на основании словарика самого Видемана, приложенного к его Grammatik der Wotjakischen Sprache и некоторых рукописных материалов, — словарь, в зырянской части сохраняющий значение и до сих пор; в 1884 г. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und der Wotjakischen,[1] составленная на основании грамматик Кастрена, Савваитова и Рогова, о которых см. ниже, различных печатных и рукописных текстов, а отчасти и наблюдений над некоторыми зырянами в Петербурге, — грамматика, до сих пор ничем в полной мере не замененная; и, кроме того, мелкие лингвистические работы и несколько работ историко-этнографического характера.

Видеман скончался в 1887 г.

7.

Кроме трех гигантов — Шёгрена, Кастрена, Видемана, в середине XIX в. по финноугорскому языкознанию трудилось довольно много людей и из ученой среды, и на местах.

В связи с работами по словарному изучению русского языка возник значительный интерес к выяснению происхождения слов русского языка и, в частности, к выявлению состава северно-русских слов финского происхождения. Кроме Кастрена[2] и Шёгрена,[3] в этом направлении работал П. Бутков[4] и Я. Грот.[5] Чрезвычайно интересны вступительные слова Я. Грота

---

[1] СПб., издание Академии Наук. Состав: Einleitung, стр. 1—14; Lautlehre, стр. 15—44; Wortbildung, стр. 45—110; Formenlehre, стр. 111—236; Satzlehre, стр. 237—252.

[2] M. A. Castrén, Anteckningar om Sawolotscheskaja Tschud — „Suomi", 1844, стр. 1—22, и Nordische Reisen und Forschungen, V (в немецком переводе), СПб., 1862.

[3] А. М. Шёгрен, Материалы для сравнения областных Великорусских слов со словами языков северных и восточныхъ — „Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики", под ред. акад. И. И. Срезневского, СПб., 1854.

[4] П. Бутков, О финских словах в русском языке и о словах русских и финских, имеющих одинаковое знаменование — „Труды Имп. Академии Наук", V, 1842, стр. 115—177.

[5] Областные Великорусские слова финского происхождения — „Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики", под ред.

к его статье: „Слов ... из него (финского языка) заимствованных, оказалось в Словаре довольно много; напротив, таких, которые, происходя от общих корней, показывали бы родство обоих языков, нашлось очень мало. Большая часть финских слов собрана в северных губерниях; замечательно однако же, что некоторые подслушаны и в средних великорусских. Вопрос об отношении финского языка не только к русскому, но и вообще к индоевропейским почти не тронут еще, и самое знакомство европейских филологов с этим замечательным языком только что начинается. Но при исследовании русского языка необходимо принимать в соображение финский, который даже в грамматическом отношении может представить некоторые интересные сближения с первым. Здесь место упомянуть об одном слове нового лексикона, которое поразило меня финским образованием своим, хотя по корню оно и русское, именно о наречии сравнительной степени: *бережее*. Его никак не должно выводить из какого-нибудь прилагательного: в сравнительную степень возведено тут существительное имя *берег*, в чем удостоверяет финское *rannallampi*, образованное от дательного падежа существительного *ranta* ('берег' = шведск. *strand*). Странность этого финского слова так поразительна, что для объяснения его русским я и прежде употреблял слово *бережее*, не подозревая, что оно где-либо в России действительно слышится". Тут перед нами в общем вполне правильное предварительное определение положения вещей, вполне правильное указание на значение вопроса и вполне правильная оценка его широты. То, что за этими вступительными словами следует, представляет собою наиболее удачное для своего времени и в своей области исследование, хотя и очень небольшого размера и, разумеется, с некоторыми промахами...[1] В то же время в ученой среде деятельно развивался интерес к изучению собственных названий, в частности.

акад. И. И. Срезневского, СПб., 1854; перепечатано в „Филологических разысканиях" Я. К. Грота, т. I, СПб., 1873.

[1] Яков Карлович Грот (1812—1893), ордин. академик с 1858 г., председатель Отделения русск. яз. и слов. с 1884 г., был, еще со времени своей работы в Гельсингфорсе в качестве профессора русского языка и словесности, большим другом Финляндии, учился финскому языку у Кастрена, путешествовал по Финляндии с Лённротом. Ср. „Библиографический список сочинений, переводов и изданий Я. Грота" (сост. С. И. Пономаревым), СПб., 1883.

топонимики Северной России. Кроме Шёгрена[1] и Кастрена,[2] в этой области работали, подходя от языка, П. Бутков,[3] подходя он палеоистории, Н. П. Барсов[4] и, подходя от палеоэтнологии, А. С. Уваров.[5] На ту же тему печатал Д. Европеус.[6] Одновременно и в связи с указанными интересами развивался интерес к финским древностям, поскольку они освещаются из лингвистических материалов.

Показателем интереса к финским древностям может служить принадлежащее Л. Н. Майкову изложение книги гельсингфорского ученого А. Альквиста.[7]

Много внимания уделено собиранию материалов. Перед нами черемисская грамматика 1837 г.,[8] грамматика мокшанского наречия мордовского языка П. Орнатова,[9] „Грамматика зырянского языка" П. Савваитова,[10] составленная по руководящим указаниям Шёгрена, „Зырянско-русский и русско-зырян-

---

[1] A. J. Sjögren, Über die älteren Wohnsitze des Jemen — „Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", VI-e série, t. I, livraisons 3—4, 1830—1832; Wann und wie wurden Sawolotschje und die Sawolokschen Tschuden Russisch? — Ibid., t. I, livraison, 6, 1832; Über die finnische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland — Ibid, t. II, livraisons 2—3, 1833.

[2] M. A. Castrén в Anteckningar om Savolotscheskaja Tshud — „Suomi" 1844, стр. 1—22 и Nordische Reisen und Forschungen, V, СПб., 1862 (в немецк. перев.), passim и в других работах.

[3] В работе, названной на стр. 104, прим. 4.

[4] Н. П. Барсов, Материалы для историко-географического словаря России, Вильно, 1865; Очерки русской исторической географии, Варшава, 1873 (глава V).

[5] Меряне и их быт по курганным раскопкам — „Труды I Археолог. Съезда 1869 г.", 1871.

[6] К вопросу о народах, обитавших в нынешней России до поселения в ней славянъ — „Журн. Мин. Нар. Просв.", 1868, июль. На те же темы писал Европеус в „Suomi", 2-я серия, ч. VII, 1868, и ч. VIII, 1870 (Tietoja suomalais-ugristenlai kansain muinaisista olopaikoista). Построения Е. очень рискованны. Европеус (1820 — 1884) известен, главным образом, как собиратель фольклорных материалов. Об Е. см., напр., Karjalun kirja, II osa, „Porvoossa" (без года), стр. 356—366.

[7] О древней культуре финнов по данным их языка — „Журн. Мин. Нар. Просв.", 1877, июнь — декабрь (по Ahlqvist'y, Kulturwörter der westfinnischen Sprachen, Hels., 1875).

[8] Черемисская грамматика, Казань, 1837.

[9] Мордовская грамматика, Москва, 1838.

[10] СПб., 1850.

ский словари" того же П. Савваитова,[1] „Опыт грамматики пермяцкого языка" Н. Рогова,[2] составленный по руководящим указаниям Видемана, „Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словари" того же Н. Рогова.[3] Из этих трудов своей ценностью выделяются труды П. Савваитова и Н. Рогова. Из рукописных трудов необходимо упомянуть громадный труд Н. П. Попова[4] — четырехфолиантовый русско-зырянский словарь, составленный, по предложению Шёгрена, как перевод академического словаря русского языка и оказавший неоценимые услуги Видеману при составлении Syrjänisch-deutsches Wörterbuch и Grammatik der syrjänischen Sprache. Как видно, особенно полно разрабатывался зырянский язык, включая сюда пермяцкие диалекты.

Той или иной формы организованности работы на местах не было. Деятельность Н. И. Ильминского[5] не получила важных отражений в области работы по финноугорскому языкознанию, и только теперь приходится встречать работников по финноугорскому языкознанию, выросших в традициях его школы.

8.

Ученым, внесшим в Россию веяния третьего периода развития финноугорского языкознания, периода первых решительных успехов в деле приближения к тому уровню методов использования материалов, какой был свойствен индоевропейскому языкознанию, был М. П. Веске.

Веске нельзя судить с точки зрения уровня современного финноугорского языкознания, — он ученый третьего периода развития этой дисциплины, и ему свойственны все вытекающие из этого недостатки. Становясь на точку зрения третьего периода развития финноугорского языкознания, мы должны при-

---

[1] СПб., 1850.

[2] СПб., 1860.

[3] СПб., 1869.

[4] Хранится в Академии Наук. Характеристика у Видемана в предисловии к Syrjänisch-deutsches Wörterbuch.

[5] Николай Иванович Ильминский (1821—1891)—знаменитый руководитель миссионерской работы в Казани, ратовавший за работу среди национальностей Поволжья на родном языке. Из его школы вышло много миссионеров и работников по просвещению Поволжья.

знать за Веске чрезвычайно важные заслуги. Он уже выходит из хаоса старых приемов использования лингвистических материалов и намечает новые приемы, и не только в порядке пожеланий, пожеланий было много и в предшествующее время, но и в порядке осуществления этих пожеланий. Чрезвычайно характерная его черта — стремление, где возможно, установить возможно более точные звуковые законы. Множество его наблюдений в этом направлении оказались безусловно верными. В этом его бесспорная заслуга в области методологии разработки лингвистических материалов. Далее Веске выдвинул во всей широте ряд тем, которых раньше касались лишь слегка. Особенное значение имеют его занятия по русско-финским языковым отношениям, отразившиеся в книге „Славяно-финские культурные отношения по данным языка". До сих пор предпринимавшиеся в этом направлении попытки, о которых упоминалось выше, были не только слабоваты методологически, но и чрезвычайно неполны. Они возникали либо как экскурсы в исследованиях, главный интерес которых сосредоточивался в других направлениях, либо как более или менее случайные сообщения. Никогда они не были результатами специальной длительной работы. Веске первый поставил дело и методологически для своего времени хорошо, и полно.

Вот что говорит о труде Веске И. И. Миккола,[1] после того как указал некоторые его недостатки: „Сказанным выше я вовсе не хочу преуменьшить достоинства работы Веске; как первое серьезное исследование по своему предмету она навсегда сохранит свое значение". Наконец, Веске очень много сил положил на собирание материалов.

Имея большие заслуги перед финноугорским языкознанием вообще, Веске имеет особенные заслуги перед финноугорским языкознанием в России. Упомянутым своим трудом он сумел привлечь к вопросам финноугорского языкознания интерес чрезвычайно широких кругов русского культурного общества. Кто из русских людей, хотя бы немного причастных к вопросам языкознания, не знает труда Веске или о труде Веске? Можно смело сказать, что, если в России после кончины Видемана

---

[1] Joos. J. Mikkola, Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen — „Mémoires de la Société Finno-Ougrienne" VIII, 1894, стр. 21.

интерес к вопросам финноугорского языкознания заглох не совершенно, то это заслуга Веске. Веске жил в русской науке десятилетия после своей ранней смерти.

Значение Веске в значительной мере вытекает из особенностей его личности. Он умел возбуждать мысль и возбуждать энергию, напоминая в этом отношении Кастрена. Он был романтик, конечно, в достойнейшем значении этого слова.

Михаил Петрович Веске (Weske) родился в 1843 г. в эстонской части Лифляндской губ., в крестьянской семье. Учился он сначала в местной деревенской школе, затем в приходском училище, позднее в Дерптской гимназии. Увлеченный желанием стать миссионером в экзотических странах, Веске в 1866 году, не окончив гимназии, отправился в Лейпциг и поступил для продолжения образования в тамошний миссионерский дом (Missionshaus). В Лейпциге Веске оказался в атмосфере германской науки, и его незрелые мечты о миссионерской деятельности очень скоро уступили место серьезному решению отдать свои силы науке и родному народу, в то время находившемуся в самом бедственном положении. Уже в 1867 г. Веске оставил миссионерский дом, чтобы поступить вольнослушателем в Лейпцигский университет, а в 1868 г. был зачислен в студенты этого университета. Занятия его в университете протекали в более или менее обеспеченной обстановке, так как в нем приняла участие вел. княг. Елена Павловна. Лейпцигские научные круги приняли Веске чрезвычайно тепло, и они-то и направили интересы начинающего ученого в сторону сравнительного изучения финноугорских языков. Состав предметов, какими занимался в университете Веске, был очень разнообразен: немецкий язык и литература, древнесеверный язык и литература, романские языки и литературы, греческий язык и литература, латинский язык и литература, санскритский и зендский языки, древне-церковно-славянский и литовский языки (у Л. Лескина), сравнительная грамматика индоевропейских языков и мн. др.[1] По финноугорской части Веске получил некоторые указания у Л. Лескина. В 1872 г. Веске напи-

---

[1] Состав этих предметов перечислен в curriculum vitae Веске, относящемся ко времени его назначения в Казанский университет и найденном проф. И. Я. Депманом в архиве бывш. Мин. Нар. Просв.

сал работу: Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes,[1] которая была встречена в Лейпциге очень сочувственно, и получил звание доктора философии.

Возвратившись в Дерпт в 1873 г., Веске некоторое время занимался частными уроками, но уже в следующем году был избран лектором эстонского языка в Дерптском университете. С этого времени он, несмотря на свой чрезвычайно скудный заработок, ежегодно предпринимал путешествия по населенной эстонцами территории, а в 1880 г. ездил в Финляндию. В этот период своей жизни Веске вел и чрезвычайно энергичную научную работу, и чрезвычайно оживленную общественную деятельность, будучи горячим служителем интересов родного народа. К этому периоду относится громадное число работ Веске, из которых особенного внимания заслуживают: Über die historische Entwickelung der finnischen Sprachen im Vergleich mit den indogermanischen und über die Methode der esthnischen Grammatik,[2] сообщения о путешествиях по Эстонии,[3] Über die esthnischen Ortsnamen auf were, im Deutschen auf fer,[4] удостоившаяся чрезвычайно лестного отзыва И. Буденца.[5]

В 1885 г. Веске получил, по ходатайству Дерптского университета, длительную командировку. Он должен был ехать сначала в Венгрию, а затем к финским племенам на Волгу. Еще не успел он выполнить эту командировку, как в Казанском университете, который выделялся среди других русских университетов широкой постановкой работы по изучению восточных народностей, был возбужден, по инициативе проф. А. И. Бодуэн-де-Куртенэ, вопрос о привлечении Веске в Казань. После длительной переписки с Мин. Народного Просвещения и Академией Наук, исход которой был решен благоприятным

---

[1] Leipzig, 1872.

[2] „Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft", Bd. VIII, H. 2, 1875, стр. 13—26.

[3] Ibid., Bd. VIII, 1876, 1777; „Ежегодник Эстонского Литературного Общества", 1878, 1879, 1881, 1882.

[4] „Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft", Bd. VIII, H. 4, 1877, стр. 47—95.

[5] Список работ Веске см. у Н. Загоскина, За сто лет. Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского Университета, ч. I, Казань, 1904.

ответом акад. В. В. Радлова, перевод Веске в Казань был оформлен.[1]

В Казань Веске прибыл в 1887 г., в качестве преподавателя финских наречий в звании профессора. Как преподаватель, Веске в Казани не мог развернуться: этому препятствовал целый ряд внешних обстоятельств вроде необязательности его предмета, отсутствия студентов, которые интересовались бы его предметом, а отчасти и неполное знакомство Веске с русским языком. Тем шире развернулся Веске в Казани, как ученый. По отношению ко всем своим научным начинаниям Веске встречал в казанских научных кругах самую деятельную поддержку.

Одно важное научное предприятие Веске в Казанский период его деятельности — путешествия к черемисам и мордве и, как результат, ряд работ о черемисах. „Экскурсии" Веске, на средства Казанского университета, состоялись следующие: летом 1888 г. — к черемисам разных наречий, летом 1889 г. — к черемисам Козмодемьянского уезда, мордве-терюханам Нижегородской губернии и к мордве-эрзе Нижегородской и Симбирской губерний, летом 1890 г. — к мордве разных наречий.[2] Наиболее важный труд Веске о черемисах — „Исследование о наречияхъ черемисского языка.[3] В этом труде Веске поднимает вопрос о неправильности разделения черемис по географическому признаку на горных и луговых, предлагая вместо этого новое их разделение по лингвистическому признаку на западных и восточных; далее, дает характеристику отдельным наречиям и говорам черемисского языка, устанавливая ряд звуковых соответствий между ними, наконец, критически рассматривает передачу черемисской речи в относящемся к 1821 г. черемисском переводе евангелия, в грамматике Видемана,

---

[1] Эта переписка, в части, касающейся б. Мин. Нар. Просв., найдена в архиве б. Мин. Нар. Просв. проф. И. Я. Депманом, а в части, касающейся Казанского университета, имеется в копии у Г. П. Айнсона (сына племянника Веске). За разрешение ознакомиться с этой перепиской, как и с другими бумагами, касающимися Веске, приношу проф. И. Я. Депману (Ленинград) и Г. П. Айнсону (Москва) глубокую благодарность.

[2] Соответствующие дела Казанского университета имеются в копии у Г. П. Айнсона. В состав дел входит и краткий отчет Веске.

[3] „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Имп. Казанском Унив.", т. VII, Казань, 1889.

в грамматике 1837 г. Этот труд в истории изучения черемисского языка представляет явление очень большой важности.

Другое важное научное предприятие Веске в казанский период его деятельности — занятия по изучению славянско-финских языковых отношений и, как результат, работа „Славяно-финские культурные отношения по данным языка“ — лебединая песнь Веске. Вышла только первая часть труда,[1] содержащая преимущественно сравнительный материал. Вторая часть, содержащая дополнительные сравнительные материалы и выводы, за смертью Веске осталась необработанной и не вышла.[2] Первая глава труда озаглавлена: „Финские слова в русском языке“ (здесь, между прочим, много внимания посвящено топонимике), вторая — „Славянские, русские и литовские слова в финских наречиях“, третья — „Общие слова в славянском, русском, литовском и финских языках“. Построения Веске очень смелы. Современным требованиям они, естественно, кое-в-чем не удовлетворяют; они принадлежат концу восьмидесятых годов. Требованиям восьмидесятых годов они удовлетворяют вполне. Обращает на себя внимание попытка построить исследование на основе изучения звуковых соответствий, — первая в своей области. Труд Веске свидетельствует о громадном научном кругозоре автора, о его богатой научной инициативе, о его редких комбинаторских способностях, не говоря уже об его благородном желании быть полезным для усыновившего его народа. Труд этот далеко не утерял значения до сих пор.[3]

Веске скоропостижно скончался в год выхода в свет первой части своего важнейшего труда — в 1890 г.[4] В нем русская наука утеряла одного из энергичнейших и способнейших работников. Только ранняя смерть помешала тому, чтобы он был почтен высшими для ученого знаками признания.[5]

---

[1] „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Имп. Казанском Унив.“, т. VIII, вып. I, Казань, 1890.

[2] Рукопись находится ныне в Эстонии. Отдельные фрагменты ее имеются в Казани.

[3] Подробная оценка труда Веске дана у Joos. J. Mikkola, Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen — „Mémoires de la Société Finno-Ougrienne“ VII, Hels., 1894, стр. 10—21.

[4] Дело о смерти Веске имеется в копии у Г. П. Айнсона.

[5] Список трудов Веске и сведения о его жизни и деятельности см., напр., у Н. П. Загоскина; За сто лет. Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанск. унив., I, Казань, 1904. Литература о Веске очень велика.

9.

Преемником Веске по Казанскому университету был Н. И. Андерсон. Если Веске внес в Россию веяния третьего периода развития финноугорского языкознания, то Андерсон, в своих позднейших работах, подошел вплотную к современному периоду. Вряд-ли могут быть споры о том, что Андерсон является одной из крупнейших величин в истории финноугорского языкознания. В России в его лице представлен кульминационный пункт развития этой науки.

Андерсон был человеком исключительно одаренным, и в его руках работа была для своего времени исключительно совершенной. Методологическая ценность трудов Андерсона является общепризнанной. К сожалению, Андерсон не мог себя вполне выявить, так как лучшее время своей жизни провел в глухой провинции, где был стеснен в нужных средствах работы, а последние годы жизни был болен.

Николай Иванович Андерсон (Anderson) родился в 1845 г. в Эстонии, учился в Ревельской гимназии и в Дерптском университете и был здесь в 1870 г. оставлен для приготовления к профессорской деятельности. Мечты об ученой карьере ему, однако, вскоре пришлось на время оставить, и целые 22 года, с 1872 г. по 1894 г., ему пришлось провести учителем древних языков в Минске.

Несмотря на чрезвычайно трудные условия научной работы в глухой провинции, он там работал. Кроме некоторых мелких работ, к этому периоду жизни Андерсона относятся две большой ценности работы. Первая из этих работ — Studien zur Vergleichung der indogermanischen und finnisch ugrischen Sprachen,[1] которая в 1891 г. дала ему звание магистра Дерптского университета. Эта работа наметила до сих пор совершенно не затронутую в науке тему — тему о возможном родстве индоевропейских и финноугорских языков. Несмотря на то, что доводы Андерсона в пользу этого родства не оказались достаточно вескими,[2] работа оказалась вполне удачной в некоторых отдельных своих частях, да и сама тема не умерла, а только на время вышла из поля внимания широких ученых

[1] „Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft", т. IX, 1879.

[2] Ср. отзыв J. Budenz'a в „Nyelvtudományi Közlemények", XV.

кругов, с тем, чтобы через десятилетие возвратиться.[1] В России, как мы увидим ниже, эта тема возбуждала ученых и в тот период ее жизни, когда на Западе она временно интереса не вызывала. Вторая из упомянутых работ — Wandlungen der anlautenden dentalen Spirans im Ostjakischen.[2] Эта работа является одним из главнейших достижений в области сравнительного изучения сибилянтов в финноугорских языках. Все дальнейшие работы в той же области опираются на достижения Андерсона, как на бесспорно удачные. В этой именно работе Андерсон вплотную подошел к современному периоду развития финноугорского языкознания.

В 1894 г. Андерсон был избран в Казань на место покойного Веске. Отсюда он в 1896 г. совершил поездку к черемисам, а в 1897 г. готовился ехать к остякам, предмету своего давнишнего интереса, но болезнь заставила его остаться в Казани.

Андерсон скончался в 1905 г. Незаконченным остался предпринятый им этимологический словарь финноугорских языков.[3]

10.

Кроме Веске и Андерсона, в конце XIX века по финноугорскому языкознанию трудились и другие лица.

Темы работ, связанных с использованием материалов, по большей части знакомые: это тема о финско-русских языковых отношениях, по которому, кроме Веске,[4] работал и Н. Лес-

---

[1] Ср. к истории этой темы H. Paasonen, Zur Frage nach der Verwandtschaft der finnisch-ugrischen und indoeuropäischen Sprachen — „Finnisch-Ugrische Forschungen", VII, 1907. Позднее появилась и статья E. Öhmann'a, Zu den Beziehungen zwischen den finnisch-ugrischen und indo-germanischen Sprachen — „Finnisch-Ugrische Forschungen", XVI, вып. 1, 1923, с некоторыми дополнительными соображениями. Вопрос о родстве финноугорских и индоевропейских языков при современном состоянии науки неразрешим.

[2] „Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", VII-e série, t. XL, № 2, 1893.

[3] Об Андерсоне см., напр., E. N. Setälä в „Finnisch-Ugrische Forschungen" V, 1905, Anzeiger, стр. 187—189. Здесь же список работ Андерсона. К этому списку надо указать, что работы Андерсона об этимологии слова kantele и об именах „Биармия" и т. д. напечатаны в „Трудах X Археологического Съезда в Риге" 1896 г., III, 1900 (что учтено в „Finnisch-Ugrische Forschungen", I, 1901, Anzeiger, стр. 98 и 125).

[4] См. стр. 112.

ков,[1] тема о топонимике Сев. России, которой, кроме Веске,[2] касался И. Н. Смирнов в своих очерках волжских и камских финнов,[3] наконец, тема об индоевропейско-финноугорском языковом родстве, над которой, кроме Андерсона,[4] работал Ф. П. Кёппен.[5] Р. Штакельберг обратился к до сих пор не затрагивавшейся в России теме — теме об иранско-финноугорских языковых отношениях.[6]

В то же время не прекращалась работа по собиранию материалов. Отмечу „Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык" Г. С. Лыткина,[7] куда входят, между прочим, грамматика зырянского языка и зыряно-вотско-русский, вотско-зыряно-русский и русско-зыряно-вотский словари, и „Черемисско-русский словарь" В. П. Троицкого.[8]

---

[1] Н. Лесков, О влиянии карельского языка на русский в пределахъ Олонецкой губернии — „Живая Старина", год II, вып. 4, СПб., 1892, стр. 97—103.

[2] См. стр. 112.

[3] Черемисы — „Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Имп. Казанск. Унив.", т. VII, 1889; Вотяки — ibid., т. VIII, 1890; Пермяки — ibid., т. IX, 1891; Мордва — ibid., тт. X—XII, 1892—1895. Отзыв о лингвистической стороне этих очерков дал E. N. Setälä в „Journal de la Société Finno-Ougrienne", т. XVII, 1900. Ср. рецензия на отзыв E. N. Setälä — Y. Wichmann в „Finnisch-Ugrische Forschungen". I, 1901. Иван Николаевич Смирнов (1856—1904) — казанский профессор всеобщей истории, много потрудившийся по этнографии волжских и камских финнов. Некролог со списком трудов по финноугроведению в „Finnisch-Ugrische Forschungen", IV, Anzeiger, 1904.

[4] См. стр. 113.

[5] Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финноугорского племени, СПб., 1886. Отдельные замечания не лишены интереса, но в общем труд имеет только историческое значение. Реферат L. Stieda о работе Ф. П. Кёппена помещен в „Archiv für Antropologie", XX, 1891—1892. Ф. П. Кёппен — сын акад. П. И. Кёппена (1793—1864, акад. с 1843), знаменитого составителя этнографической карты С.-Петербургской губ. и многочисленных статистических трудов.

[6] Р. Штакельберг, Ирано-финские лексикальные отношении — „Древности Восточныя. Труды Вост. Ком. Имп. Моск. Арх. Общ.", т. I. Работа эта сыграла в истории своей темы важную роль.

[7] СПб., 1889. Георгий Степанович Лыткин (1835—1907) — известный зырянский деятель.

[8] Казань, 1894 (и отд. частями в „Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Имп. Казанск. Унив.").

11.

Начало XX века — до революции — время, когда занятия по финноугорскому языкознанию в России ослабевают. Причины этого явления выше уже указывались. Пришло время, когда работать в области финноугорского языкознания надо было уже не отдельным людям, а целым группам людей, объединенным связями одной школы. Так как финноугорские народности России не могли выделить хорошо вооруженных специалистов, а русские лингвистические силы, по естественным причинам, направлялись преимущественно в область изучения русских, славянских, индоевропейских языков, то возникновение таких групп людей оказалось невозможным.

В попытках оживить финноугорское языкознание в России не было недостатка, — но все эти попытки были неудачны. Таких попыток было три. В 1902 году в Петербургском Университете стал вести занятия по финскому языку О. Каллас, но это длилось лишь год. В 1911 г. со стороны большой группы лиц, куда входили: И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, Ф. А. Браун, С. К. Булич, К. Г. Залеман, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов, А. Д. Руднев, Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов, был возбужден перед Министерством Народного Просвещения вопрос о кафедрах финноугроведения в университетах и о представителе финноугроведения в Академии Наук,[1] но Министерство Народного Просвещения не дало хода этому вопросу. Перед самой революцией в Казанском университете стал вести занятия по финским языкам Ялo Калима, но эти занятия оборвались в связи с революцией.

Отдельные работы по финноугорскому языкознанию появлялись, и иногда очень крупного значения, вроде „Мордовского этнографического сборника“ А. А. Шахматова, о котором см. ниже. Но эти работы велись учеными, для которых финноугорское языкознание составляло интерес второстепенный. Естественно, что в смысле метода эти работы, в общем, не давали продвижения вперед по сравнению с концом XIX века. Если за рубежом России, в Финляндии и Венгрии, в начале XX века начался новый, четвертый, период развития финноугорского языкознания, то в России в начале XX века, в общем, еще продолжал жить старый, третий, период развития этой науки.

---

[1] Соответствующее дело имеется в архиве Академии Наук.

Несомненно, в начале XX в. наиболее важное значение имеет деятельность акад. А. А. Шахматова. Шахматов в своих построениях, касавшихся русского языка и русского народа, никогда не терял из вида финских языков и финских народов. Один финский язык он знал хорошо — мордовский.

Из работ Шахматова, посвященных финноугорскому языкознанию, наиболее важен „Мордовский этнографический сборник".[1] Этот громадный по размеру труд содержит множество мордовских текстов (предания; обычаи; свадьба; сказки; загадки, пословицы, поговорки; песни; рассказы, письма и проч.), записанных в сс. Оркино и Сухой Карбулак Саратовского уезда, большей частью Шахматовым лично, и очерк звуковых особенностей и очерк морфологии Сухо-карбулацкого и Оркинского говоров. Записи сделаны точно. Грамматический очерк разработан прекрасно — так, как Шахматов разрабатывал темы, касающиеся русского языка. Перед нами труд, который вполне достигает уровня, характеризующего четвертый период развития финноугорского языкознания. Вот что говорит об этом труде финский рецензент: „Обсуждаемый здесь значительный по объему труд при своем появлении возбудил среди финноугроведов настоящее изумление, изумление самое радостное. Известный русский ученый, научная деятельность которого касается собственно совершенно других областей, пожелал, как это видно из его труда, основательно познакомиться с эрзянским диалектом мордовского языка на определенной ограниченной территории и издал, как результат своей работы, потребовавшей и времени, и напряжения, чрезвычайно содержательное и в этнографическом отношении необычайно ценное собрание народных текстов и, кроме того, очерк фонетики и морфологии изученных им говоров".[2] Далее: „В качестве... приложения мы видим разработанные г. Шахматовым фонетику и морфологию селений Карбулака и Оркино, за что наше финноугорское языкознание обязано автору особой благодарностью. Г. Шахматову удалось дать в сжатой форме точную и углубленную картину изученных им говоров. При этом он не ограничился простым описанием, но попытался осветить историю зву-

---

[1] Изд. Акад. Наук, СПб., 1910.

[2] H. Paasonen в „Finnisch-Ugriche Forschungen", XIII, 1913, Anzeiger, стр. 15.

кового развития, исходя, насколько это возможно, из прамордовского или праэрзянского языка".[1] Возражений со стороны финского рецензента, изучившего труд с редкой внимательностью, очень немного.[2]

Менее важна, но во всяком случае никак не может быть обойдена вниманием другая работа Шахматова — „К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях".[3] Работа эта оказалась во многих отношениях неудачной,[4] но отдельные высказанные в ней мысли очень ценны.[5]

---

[1] Ibid., стр. 18.

[2] С этими возражениями всякому читателю труда Шахматова надо ознакомиться. Даны: поправки к переводам и поправки к грамматике, а кроме того, список не отмеченных у Шахматова опечаток. По поводу замечания рецензента, что мордовское *roź* 'рожь' нельзя выводить из русского *рожь*, надо заметить, что некогда русское *ж* было „мягким", а мордовская речь могла передать это мягкое *ж* не через *ž*, а через *ź* (*ǯ* в мордовском языке нет). Ср. H. Jacobsohn, Arier und Ugrofinnen, Göttingen, 1922, стр. 135. Впрочем, вопрос о происхождении мордовск. *roź* еще нельзя считать решенным.

Как на дополнение к „Морд. этногр. сборн." можно смотреть на статейку Шахматова Eine mordwinische Überlieferung über die Herkunft der Mokša und Erzä в „Journal de la Société Finno-Ougrienne" XXX, 1913—1918.

[3] „Bulletin de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg" 1911 г. №№ 9 и 10.

[4] Ср. М. Ф. Фасмер в статье Kritisches und Antikritisches zur neueren slav. Etymologie — „Rocznik slawistyczny" VI.

[5] Очень ценна ребром поставленная мысль Шахматова, что древнейшие славянские заимствования в прибалтийско-финских языках не могут быть названы русскими, а должны быть названы праславянскими. Русская речь перед нами только там, где налицо признаки русской речи. А признаков русской речи в древнейших славянских заимствованиях в прибалтийско-финских языках нет: в них нет еще русского полногласия (финское *karsta* при русск. *короста*, финское *palttina* при русск. *полотно*, финск. *taltta* при русск. *долото*, финск. *värttänä* при русск. *веретено* и т. п.), нет еще русской утраты носовых гласных (финск. *suntia* или *suntio* при русск. *судии*, эст. *und* при русск. *уда*), нет еще преобразования *t'* в *č* (финск. *kaatio* при русск. диал. *гачи*). Из этого, однако, не следует еще, как это полагает Шахматов, что древнейшие славянские заимствования в прибалтийско-финских языках совершены в эпоху проживания праславян на ограниченной территории где-нибудь в Повислинье: они могут быть совершены и в гораздо более позднюю эпоху, когда праславяне в своих передвижениях достигли Севера и здесь еще не успели стать русскими. Замечания Шахматова, клонящиеся к тому, чтобы показать чуть ли не дославянскую древность некоторых заимствований в прибалтийско-финских языках, неверны.

Вместе с Шахматовым[1] интересовался финноугорскими языками, в последние годы своей деятельности, и акад. Ф. Е. Корш. Ему принадлежат несколько остроумно написанных статей, касающихся вопросов взаимоотношений финноугорских языков с другими языками Европы и Азии: Zur Etymologie des finnischen ajattara,[2] Несколько лингвистических данных для исторической этнографии Вост. Европы,[3] Zur Frage von den finnisch-ugrischen Zahlwörtern für 7—10.[4]

Из других академиков принимал в расчет финноугорские языковые материалы А. И. Соболевский. Отражающие эту сторону интересов Соболевского работы касаются вопросов топонимики. Наиболее важны: „Название оз. Селигера в связи с вопросом о праславянской родине“[5] и, в некоторых частях, написанные позднее, но вытекающие из раньше налаженной работы „Русско-скифские этюды“.[6]

---

[1] Список трудов Шахматова дан в посвященном его памяти т. XXV „Известий Отд. Русск. Яз. и Словесн. Акад. Наук“. О Шахматове, как исследователе мордвы, см. Б. Коплан в журн. „Краеведение“, т. II, вып. 1 и 2, 1925.

[2] „Finnisch-Ugrische Forschungen“, XII, 1912.

[3] Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина, Москва, 1913. Важно отметить, что статья эта не имеет того значения, которое ей иногда приписывается, особенно в части, касающейся финноугорско-кавказских языковых отношений. Финск. *kari, aura* (диал. *atra*), а также *verka* гораздо лучше объясняются из германского источника, чем из кавказского. Финск. *kirja* ‘книга’ (значение не первоначальное) при арм. *gir* ‘книга, грамота’ и финск. *vaski* ‘медь’ при арм. *oski* ‘золото’ любопытны, но слишком слабы в числе, чтобы на их основании можно было что-нибудь заключать. Финск. *hyyrä* ‘чибис, пиголица’ и ‘удод, потатуйка’ при арм. *jopor* не интересно, так как осуществляет звукоподражание. Комбинации с финск. *metsä* ‘лес’ и *metso* ‘глухарь’ — ошибочны, так как *metsä* значит ‘глухарь’, а не ‘медведь’, как указывает Корш. Финский суффикс *-lainen* не может объясняться так, как объясняет его Корш: этот суффикс в одних случаях является распространением суффикса *-la*, означающего место (который имеет различные связи с другими явлениями), а в других случаях является по происхождению самостоятельным словом *lajinen* или *lainen*, производимым от *laji* или *lai* ‘род, вид, сорт’ и т. п., ср. уклонение суффикса *-lainen* в упомянутых других случаях от гармонии гласных.

[4] „Journal de la Société Finno-Ougrienne“ XXX, 1913—1918. О литературной деятельности Ф. Е. Корша см., напр., написанный А. А. Шахматовым некролог в „Bulletin de l’Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg“ 1915, № 5.

[5] Труды Тверского Обл. Археол. Съезда, 1904. Против Соболевского — А. А. Погодин, Из истории сношений финнов с индоевропейцами — „Известия Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук“, X, кн. 3, 1905.

[6] „Известия Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук“ XXVI, 1921 (1923) и XXVII, 1922 (1924).

За пределами Академии Наук больше всего внимание привлекает деятельность А. Л. Погодина, который в России в свое время был, несомненно, лучшим другом финноугорского языкознания. Перу Погодина принадлежит много статей, преимущественно малого объема, полностью или частично посвященных проблемам финноугорского языкознания. До особенной высоты метода Погодин не поднимался, но ему никогда не изменяли изумительная широта кругозора, прекрасное умение следить за литературой и искреннее желание учиться и изучать. Важнейшие его работы, затрагивающие финноугорское языкознание: „Следы корней-основ в славянских языках“,[1] „Северно-русские словарные заимствования из финского языка“,[2] „Из истории сношений финнов с индоевропейцами“,[3] „К вопросу о русских словарных заимствованиях из финского языка“.[4] Кроме этих работ, много других.[5]

Кроме Погодина, из университетских ученых того же времени надо назвать И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, который неоднократно обращался к финноугорским языкам за объясне-

---

[1] Варшава, 1903. Финноугорским языкам уделено преимущественное внимание в гл. II; разработка финноугорских тем слаба.

[2] „Варш. Унив. Известия“, 1904, IV. Материал богатый, но слабо проработанный. Рецензии Д. К. Зеленина в „Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук“, X, кн. 2, 1905, и М. Фасмера в „Живой Старине“, год XVI, вып. 2, 1907.

[3] „Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук“, X, кн. 3, 1905. Большое богатство различных соображений, но невысокая техника работы.

[4] „Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук“, XII, кн. 3, 1907. Статья написана в ответ на рецензию М. Р. Фасмера на статью „Северно-русские словарные заимствования из русского языка“. Ответ не силен.

[5] К вопросу о фракийцахъ — „Сборн. статей по археологии и этнографии“, СПб., 1902; К вопросу о влиянии индоевропейских языков на кавказские — „Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа“, т. XXXI, Тифлис, 1902; Этимологические заметки — „Нов. сборн. статей по славяноведению, сост. учениками В. И. Ламанского“, СПб., 1905 и др., где мимоходом привлекаются финноугорские языки; Последние труды в области финских древностей — „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1897, июль; Заметки по славянским древностямъ — „Русск. Филолог. Вестн.“, т. LIII, Варшава, 1905, где реферируются новые явления финляндской лингвистической литературы; наконец, Отзыв о сочинении Jalo Kalima „Finnische Lehnwörter im Russischen“ (рук.) — „Сборн. отчетов о премиях и наградах за 1909 г.“, СПб., 1911. Список трудов Погодина на 1905 г. в „Нов. сборн. статей по славяноведению, сост. учениками В. И. Ламанского“, СПб., 1905.

нием тех или иных явлений славянских языков, в частности, в статье „О смешанном характере всех языков“,[1] Булича, который, кроме того, что вложил свою долю участия в разработку вопроса о финских элементах в русском языке,[2] в своем „Очерке истории языкознания в России“[3] дал, между прочим, прекрасную картину развития знакомства с финноугорскими языками в России в XVIII в., К. Ф. Тиандера, который, работая по вопросу о Биармии, в статьях „О происхождении имени Пермь“[4] и „Поездки скандинавов в Белое море“[5] дал ряд важнейших замечаний по географическим названиям, Р. М. Фасмера, который занимался вопросами о финских заимствованиях в русском языке, посвятив этому вопросу статью „Финские заимствования в русском языке“,[6] а также вопросами об индоевропейских заимствованиях в финских языках, написав в связи с этим прекрасные статьи: „Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologie“[7] и „Fi. varsa 'Füllen' ein iranisches Lehnwort?“.[8]

Кроме упомянутых лиц, мало кто обнаруживал себя в области изучения финноугорских языков. Перед нами несколько слабых работ по топонимике[9] и несколько слабых словарных

---

[1] СПб., 1904.

[2] „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1901, сентябрь. Здесь проводится мысль о том, что ряд особенностей некоторых польских говоров связан с соответствующими латышскими и прибалтийско-финскими особенностями.

[3] Материалы для словаря русского языка — „Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук“, I, 1896.

[4] „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1901, январь.

[5] „Записки Историко-Филол. Фак. Имп. С.-Петербургскаго Унив.“, LXXIX, 1906.

[6] „Жив. Стар.“, год XVI, вып. 2, 1907. Статья написана по поводу статьи А. Л. Погодина „Северно-русские словарные заимствования из финского языка“, см. стр. 120. По методу разработки материалов статья эта стоит значительно выше предшествующих работ на ту же тему. Ответом на статью является статья А. Л. Погодина „К вопросу о русских словарных заимствованиях из финского языка“, см. стр. 120

[7] „Rocznik slawistyczny“, VI. Здесь содержится, между прочим, критический отзыв о статье А. А. Шахматова. К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях.

[8] „Journal de la Société Finno-Ougrienne“, XXX, 1913—1918 (статья помечена 1913 годом).

[9] Напр., д-р П. И. Якобия, Вятичи Орловской губ., СПб., 1907; А. Орлов, Происхождение названий русских и некоторых западно-европейских рек, городов, племен и местностей, Вельск, 1907; Вл. Трапезников,

работ.[1] Совершенно исключительное значение имеет деятельность Серафима Патканова, давшего громадной важности исследования об остяцком языке. Лингвистические работы Патканова печатались в Венгрии. Это: большое собрание словарных материалов[2] и составленная совместно с D. R. Fuchs'ом фонетика и морфология южно-остяцких диалектов.[3]

12.

Здесь можно подвести некоторые итоги.

После того, как в XVIII в. были сделаны первые шаги в деле знакомства с финноугорскими языками, в XIX в. развилось интенсивное изучение этих языков, и в период, когда финноугорское языкознание было представлено в Академии Наук, Россия в деле разработки финноугорского языкознания вкладывала не меньше, чем Финляндия и Венгрия, а в дело разработки восточно-финских языков и гораздо больше, чем Финляндия и Венгрия. В начале XX века изучение финноугорских языков ослабело, но это не значит, что не появлялось отдельных высокой ценности работ по финноугорскому языкознанию.

Городами, где сосредоточивалась работа по финноугорскому языкознанию. были Петербург и, в период Веске-Андерсона, Казань, а учреждениями, где эти работы имели прочную почву, Академия Наук в Ленинграде и, в период Веске-Андерсона, Казанский университет. Кроме Ленинграда и Казани, работа по финноугорскому языкознанию велась и на местах.

Больше всего внимания посвящалось собиранию материалов. Рядом разрабатывались и некоторые темы, связанные с использованием материалов. Много энергии уделено изучению финско-русских языковых отношений.[4] Оформление результатов

Первобытное население Северной России — „Изв. Вологодск. Общ. изучения Северного края", 1916, вып. 3.

[1] Напр., М. Д. Георгиевский, Русско-карельский словарь, 1908; П. Успенский, Русско-чудский словарь (русско-вепский словарь), СПб., 1913.

[2] Irtisi-osztják szójegyzék в „Nyelvtudományi Közlemények", XXX и XXXI и отдельно, Budapest, 1902.

[3] Laut- und Formenlehre der süd-ostjakischen Dialekte в „Keleti Szemle" VII, X—XII, и отдельно, Budapest, 1911.

[4] См. выше, стр. 104 след., 114 след., 118—121.

этих изучений сделано, однако, не в России, а в Финляндии.[1] Кое-что сделано и в более широкой области, в области индоевропейско-финских языковых отношений, причем разрабатывались и вопросы заимствований,[2] и вопросы исконного родства.[3] Много внимания уделялось, далее, топонимике Севера России.[4] В этой области оформление результатов изучений еще впереди.

13.

Те явления в области финноугорского языкознания в СССР, которые относятся к послереволюционному времени, еще не поддаются подытожению. Они пестры и многосложны. Несомненно, они начинают группироваться около некоторых определенных линий, но точно определить эти линии было бы сейчас задачей слишком смелой.

Революция, давшая каждой из народностей СССР возможность широко пользоваться в общественной жизни родным языком, вызвала среди нацменьшинств стихийную работу по изучению своих языков. Прежде всего на очередь встали задачи практические: создание литературных языков и разработка систем письма. Но практические задачи естественно потянули за собой и теоретические задачи, так как определенной границы между практикой и теорией в деле изучения языка нет: без теории в деле изучения языка обходится только плохая практика.

В плоскости движения, исходящего из финноугорских народностей СССР, укладывается значительное число явлений.[5]

---

[1] По вопросу о русских заимствованиях в прибалтийско-финских языках: Joos. J. Mikkola, Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen — „Mémoires de la Société Finno-Ougrienne", VIII, 1894. По вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в русском языке: Jalo Kalima, Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen — „Mémoires de la Société Finno-Ougrienne", XLIV, 1919. К работе Jalo Kalima ср. прекрасную работу Л. П. Якубинского, Несколько замечаний о словарном заимствовании — сборн. „Язык и литература", изд. Научно-Исследовательского Института языков и литератур при Ленинградском Университете, I, Лгр., 1926 (теоретич. соображения).

[2] См. выше, стр. 112, 115, 118—121.

[3] См. выше, стр. 115.

[4] См. выше, стр. 105 след., 115, 119—121. Ср. С. М. Середонин, Историческая география, Пгр., 1916.

[5] Заранее оговариваюсь, что приводимые ниже указания могут быть неполными, особенно относительно мордвы.

Очень много работают коми-зыряне.[1] Из их среды выдвинулся ряд работников, которые все уже переросли чисто практический интерес к родному языку. Назову имена В. А. Молодцова (лингвиста), автора многих ценных трудов по зырянскому языку, ныне аспиранта Московского Института народов Востока, В. И. Лыткина (лингвиста), автора многих содержательных статей по зырянскому языку, ныне находящегося в заграничной командировке, А. С. Сидорова (историка культуры с лингвистическим уклоном), ныне аспиранта Финско-Русской секции КИПС Академии Наук, Г. А. Старцева (этнографа с лингвистическим уклоном), ныне аспиранта Научно-Исследовательского Института языков и литератур при Ленинградском Университете. Все эти лица с большой энергией разрабатывают вопросы зырянского языка.[2] Много их статей помещено в выходящем с 1924 г. в Устьсысольске журнале „Комі Му“ („Зырянский Край)“, а отчасти в газете „Jугыd тyj“ („Светлый путь“). Из отдельных изданий особого внимания заслуживает „Комі граматіка тyj питкӧдыс“ („Опыт зырянской грамматики“) Сандрӧ Васӧ (В. А. Молодцова)[3] и его же „Некоторые принципы зырянского правописания“.[4] Представляют интерес также „Коми-русский словарь“ Н. Шахова[5] и „Краткий самоучитель зырянского языка“ М. Л. Молодцовой.[6]

Не меньше работают также удмурты-вотяки.[7] Из их среды выдвинулся также целый ряд работников. Назову имена И. В. Яковлева (лингвиста), ныне аспиранта Яфетидологического Института при Академии Наук, К. М. Баушева (лингвиста), ныне аспиранта Научно-Исследовательского Института языков и литератур при Ленинградском Университете, И. Д. Дмитриева-Кельда (лингвиста), ныне аспиранта Московского Института народов Востока, К. П. Герда (этнографа с линг-

---

[1] Сведениями о коми-зырянах я обязан Г. А. Старцеву и В. А. Молодцову.

[2] В. И. Лыткин разрабатывает также вопросы сравнительного характера. Г. А. Старцев разрабатывает также вопросы остяцкого (и самоедского) языков.

[3] Устьсысольск, 1921.

[4] Устьсысольск, 1927.

[5] Устьсысольск, 1924.

[6] Устьсысольск, 1924. Редакция принадлежит В. А. Молодцову.

[7] Сведениями об удмуртах-вотяках я обязан К. П. Герду. Ср. очерк К. П. Герда в журн. „Этнография“, I.

вистическим уклоном), ныне аспиранта Московского Института народов Востока, И. С. Михеева (этнографа с лингвистическим уклоном), ныне преподавателя Казанских высших учебных заведений по вотскому языку. Из работ, изданных вотяками, заслуживают упоминания: „Краткая грамматика языка народа удмурт“ П. П. Глезденева,[1] „Руководство к изучению удмуртского языка“ Г. Г. Верещагина (под псевдонимом Удмурт),[2] „Удмурт кыл радъян“ („Вотская грамматика“) И. В. Яковлева,[3] также „Словарь глазовского наречия вотяков“ И. Крылова,[4] „Сравнительный словарь вотских наречий“ И. В. Яковлева[5] и его же „Основные правила вотского правописания“.[6] Имеются рукописные труды: П. П. Глезденева (грамматика, словарь), Т. К. Борисова (словарь), К. М. Баушева (синтаксические этюды), И. Д. Дмитриева-Кельда (грамматика), И. С. Михеева (диалектологические наблюдения — материал для диалектологической карты).

Стремятся не отставать от других и марийцы-черемисы.[7] Из их среды выдвинулись Г. Г. Кармазин (лингвист), ныне аспирант Московского Института народов Востока, и В. М. Васильев (лингвист). Им принадлежит значительное число статей, касающихся по преимуществу вопросов литературного языка и письма.[8]

Не бездействует и мордва.[9] В ее среде выделяется маститый исследователь М. Е. Евсевьев, автор обширного руко-

---

[1] Вятка, 1921.

[2] Ижевск, 1924.

[3] Ижевск, 1927.

[4] Вятка, 1919.

[5] Казань, 1920.

[6] Ижевск, 1925.

[7] Сведениями о марийцах-черемисах я обязан Г. Г. Кармазину.

[8] Г. Г. Кармазин: брошюра „Основы транскрипции языка марий“, Казань, 1918; книга „Материалы к изучению марийского языка“, Краснококшайск, 1925; статья „К вопросу о письме...“ — „Марийское Хозяйство“, № 5 за 1925 г.; статья „К вопросу об исключении буквы ы из мар. алфавита“ (на мар. языке) — газ. „Йошкар Кэче“, 18 XII 1926. Ряд работ В. М. Васильева: статья „К вопросу о транскрипции языка марий“ — газ. „Ужара“, № 18, 18 XII 1917; книга „Записки по грамматике народа марий“, Казань, 1918; статья „К вопросу об объединении наречий и говоров марийского языка“ — „Марийское Хозяйство“, № 5—6 за 1927 г.; ряд рукописных работ, в том числе обширный словарь марийского языка (начал печататься).

[9] Сведениями о мордве я обязан М. Е. Евсевьеву и И. Я. Бондякову.

писного мордовско-русского словаря и рукописной (подлежащей печатанию в ближайшем будущем) грамматики мордовского языка по эрзянскому наречию, и молодые исследователи Е. Б. Буртаев (лингвист), Ф. М. Чесноков (литературовед. с лигвинистическим уклоном), А. П. Рябов (лингвист), И. Я. Бондяков (лингвист), С. С. Абузов (этнограф с лингвистическим уклоном), Евсеев (историк с лингвистическим уклоном), последние четверо аспиранты Московского Института народов Востока.

Слабо развивается лингвистическая работа у карел и других прибалтийских финнов. Это объясняется, надо думать, тем, что у этих народов отсутствует стимул к лингвистической работе, который приводит в движение остальные финские народности, — необходимость создания литературного языка и письменности. Впрочем, в последнее время и у этих народностей начинается лингвистическая жизнь. Сейчас приходится связывать надежды с С. А. Макарьевым (этнографом с лингвистическим уклоном), аспирантом Ленинградского Университета, вепсом, Г. Х. Богдановым (лингвистом), аспирантом Финско-Русской Секции КИПС'а Академии Наук, карелом, и некоторыми другими.

На ряду с движением, исходящим из финноугорских народностей, ширится и движение, исходящее из русских ученых кругов. До последнего времени затрагивались по преимуществу темы, ориентирующиеся на палеоисторию. Сюда относится, напр., статья Д. К. Зеленина „Древняя финская Весь“,[1] статья Д. В. Бубриха „О языковых следах финских тевтоновчуди“[2] и его же критический отзыв на статью E. Lewy

---

[1] „Ученые Записки высшей школы г. Одессы“, т. II, 1922. *Весь < Vepsä* и др.

[2] Сб. „Язык и литература“, изд. Научно-Исследов. Института языков и литератур при Ленинградском Университете, I, Лгр., 1926.—Статья, напечатанная через год после написания, в настоящий момент не удовлетворяет автора. Но основные идеи этой статьи он до сих пор поддерживает полностью. Они сводятся к следующему. Финноугорская речь до эпохи, когда у берегов Балтийского моря распространилась ее разновидность — прибалтийско-финская речь, была речью малодоступной окраины Европы. А речь малодоступных местностей часто бывает речью реликтовой, эхом речи, господствовавшей некогда на хорошо доступных территориях, в среде людей других расовых особенностей и других культурных укладов. Ничто не мешает допускать для прошлого финноугорской речи самые широкие возможности. В этой обстановке особый

„Betrachtung des Russischen“,[1] многочисленные статьи А. Ф. Теплоухова;[2] как палеонтолог речи подходил к финноугорским языкам академик Н. Я. Марр.[3] Вместе с тем собирались и некоторые материалы (А. М. Селищевым — по черемисскому языку, Н. Н. Поппе — по ингерманландским и карельским диалектам, А. И. Емельяновым — по вотскому, черемисскому и обскоугорским языкам). В настоящий момент созрело сознание, что надо особенное внимание обратить на планомерное, согласное с требованиями современной науки, обследование финноугорских языков во всех их диалектах.

Между движением, исходящим из финноугорских народностей, и движением, исходящим из русских ученых кругов, успела уже создаться живая связь. На это указывает хотя бы

интерес приобретает наличие в германской речи явлений, близко напоминающих финноугорские. Дело не только в германской фонетике с ее консонантизмом (построенным на тех же основаниях, что и финноугорский), с ее ударением. Дело и в германском словаре, где как будто немало слов, сопоставленных с финноугорскими (и притом, с финноугорскими, распространенными по всему финноугорскому миру). Слова эти подходят под определенную систему звуковых соответствий, как будто обрисовывающих фонетику определенного финноугорского языка, ныне не имеющего потомков, и, кроме того, группируются около определенных систем понятий, напр., около системы понятий низшей религии. Не невозможно, что прагерманская речь есть индоевропейская речь, привитая народности, пользовавшейся речью финноугорского происхождения.

[1] Статья E. Lewy в „Zeitschrift für slavische Philologie“, Bd. II, H. 3—4, 1925. В статье приводится ряд соображений о финноугорских элементах в строе русского языка. Отзыв Д. В. Бубриха — в этом же журнале, Bd. III, H. 3—4, 1926. В отзыве указывается на недостаточность соображений E. Lewy.

[2] Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губ. и последующая смена их пермским и русским народами — „Записки Уральского Общества Любителей Естествознания“ XXXIX; Обзор данных о географическом распространении пермяков. Материалы для составления этнографической карты Уральской области — „Записки Уральск. Общ. Любителей Естествознания“, XL; О фамилиях и географических названиях 6б. Кунгурского, Красноуфимского и Осинского уездов — „Кунгурско-Красноуфимский край“, № 11—12, 1925; Фамилии и географические названия Пермяцкого края в этнографическом и историческом отношениях — „Комі Му“, 1925, № 10—11; Пермяки и зыряне — „Пермск. Краеведческий Сборник“, в. II, 1926.

[3] Отчет о лингвистической поездке к волжско-камским народам — Прилож. к проток. XIII заседания Отд. Ист. Наук и Фил. Академии Наук, 1926. Отдельные замечания также в книге „По этапам развития яфетической теории“, Москва, 1926, изд. Моск. Инст. нар. Вост., и во многих статьях, начиная с 1925 г.

то обстоятельство, что почти все выразители движения, исходящего из финноугорских народностей, являются аспирантами в учреждениях, руководимых лицами из русской ученой среды, а если не являются аспирантами, то уже избраны в аспиранты или участвуют в общих с лицами из русской ученой среды научных предприятиях. Два разных движения уже успели слиться в одно нераздельное движение.

Организационно дело ныне обстоит следующим образом.

У коми-зырян и удмуртов-вотяков организованы специальные комиссии по реализации своих языков в смысле проведения их в общественную жизнь. Комиссии ведут некоторые работы научного характера, между прочим, собирают диалектологические материалы.

Возникло значительное число научных обществ, изучающих финноугорские народности вообще или ту или иную финноугорскую народность в отдельности, между прочим, в отношении языка. Из этих обществ особенное зничение имеют: Общество изучения Коми-края в Устьсысольске с отделениями в Москве и Ленинграде, Научно-Краеведческое Вотское Общество в Ижевске, Общество по изучению Вотяцкой культуры в Москве (с отделениями в Вятке и Казани), финноугорский кружок при Тимирязевском Научно-Исследовательском Институте в Москве, Ленинградское Общество исследователей культуры финноугорских народностей, возникшее в 1925 г. по инициативе В. А. Егорова (историка). Сформировано объединение финноугорских научных и краеведческих обществ при Главнауке.

В ряде высших учебных заведений возникли занятия по предметам финноугорского языкознания. В Ленинградском Университете занятия ведут Д. В. Бубрих, Н. Н. Поппе, А. И. Емельянов. В Педагогическом Институте имени Герцена в Ленинграде занятия теоретического характера ведут Д. В. Бубрих и Э. А. Лемберг. В I Московском Университете занятия ведет Д. В. Бубрих. На Педагогическом Факультете Пермского Университета есть лингвистическое отделение народа Коми, руководимое А. Н. Греном. Занятия по финноугорским языкам ведутся также в Казанском и Саратовском Университетах.

Работы по финноугорским языкам возникли и в некоторых научно-исследовательских институтах. В Научно-Исследователь-

ском Институте языков и литератур при Ленинградском Университете работают Д. В. Бубрих, Н. Н. Поппе, А. И. Емельянов. В Научно-Исследовательском Институте Народов Востока в Москве работает Д. В. Бубрих.

Наконец, с весны 1927 г., по инициативе акад. С. Ф. Ольденбурга, к работе по финноугорскому языкознанию приступила Академия Наук. В составе Комиссии по изучению племенного состава населения СССР (КИПС) создана Финско-Русская секция, руководимая Д. А. Золотаревым (антропологом и этнографом). Задачей секции является изучение финноугорских народностей самих по себе и в их связях с русской народностью. Работу по финноугорскому языкознанию ведут Д. В. Бубрих, Н. Н. Поппе, А. И. Емельянов. Из корреспондентов на местах выделяется А. В. Фомин-Светляк (вепский словарь). Как крупные предприятия 1927 г. намечены: лингвистическая экспедиция к мордве, под руководством Д. В. Бубриха,[1] и этнографическая экспедиция (ставящая целью и лингвистическую разведку) в Карелию, в Ингерманландию и на Кольский полуостров, под руководством Д. А. Золотарева. Работы по мордве и по Северо-Западному краю будут планомерно продолжаться, пока не дадут достаточно полных результатов.[2]

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПО ФИННОУГОРСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ СССР.

Андерсон, Н. И., см. Anderson, N.

Бодуэн-де-Куртенэ, И. А. О смешанном характере всех языков — „Журн. Мин. Нар. Просв." 1901, сентябрь.

Бубрих, Д. В. О языковых следах финских тевтонов-чуди — Сборн. „Язык и Литература", изд. Научно-Исслед. Инст. языков и литератур при Ленингр. Унив., I, Лгр., 1926.

—— См. Bubrich, D.

Булич, С. К. Материалы для словаря русского языка — „Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Ак. Наук" I, 1896.

---

[1] В эту экспедицию вольется один из отрядов экспедиции к финноуграм, организуемой Московским Институтом народов Востока. Другой отряд отправляется к вотякам.

[2] Считаю себя обязанным высказать благодарность В. А. Ильинскому, помогавшему мне технически при составлении настоящего краткого очерка.

Бутков, П. О финских словах в русском языке и о словах русских и финских, имеющих одинаковое знаменование — „Труды Имп. Ак. Наук". V, 1842.

Васильев, В. М. Записки по грамматике народа марий. Казань, 1918.

Верещагин, Г. Г. (Удмурт). Руководство к изучению удмуртского языка. Ижевск, 1924.

Веске, М. П. Исследование о наречиях черемисского языка — „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Имп. Казанск. Унив.", VII, 1889.

—— Славяно-финские культурные отношения по данным языка — VIII, вып. 1, 1890.

—— См. Weske, M.

Видеман, Ф. И. О происхождении и языке ныне вымерших в Курляндии кревинов — „Уч. Записки Имп. Ак. Наук", XXI, 1872.

—— см. Wiedemann, F.

Глезденев, П. П. Краткая грамматика народа удмурт. Вятка, 1921.

Грот, Я. К. Областные великорусские слова финского происхождения — „Материалы для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики". СПб., 1854 (перепечатано: Грот, Я. К., Филологические разыскания, I, СПб., 1873).

Европеус, Д. К вопросу о народах, обитавших в нынешней России до поселения в ней славян — „Журн. Мин. Нар. Просв.", 1868, июль.

Зеленин, Д. К. Древняя финская Весь — „Уч. Записки высш. школы г. Одессы", II, 1922.

Кармазин, Г. Г. Материалы к изучению марийского языка. Краснококшайск, 1925.

Кастрен, М. А., см. Castrén, M. A.

Кёппен, Ф. П. Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финноугорского племени. СПб., 1886.

Корш, Ф. Е. Несколько лингвистических данных для исторической этнографии Вост. Европы — „Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина". Москва, 1913.

—— См. Korsch, Th.

Крылов. Словарь глазовского наречия вотяков. Вятка, 1919.

Лесков, Н. О влиянии карельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии — „Жив. Стар.", год II, вып. 4, 1892.

Лыткин, Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889.

Марр, Н. Я. Отчет о лингвистической поездке к волжско-камским народам. — Прилож. к протоколу XIII заседания Отд. Ист. Фил. Ак. Наук, 1926.

Молодцов, В. А. Некоторые принципы зырянского правописания. Усть-сысольск, 1927.

—— (Сандрӧ Васӧ), Комі грамматіка туj питкӧдыс. Устьсысольск, 1921.

Орнатов, П. Мордовская грамматика. Москва, 1838.

Патканов, С., см. Patkanov, S.

Погодин, А. Л. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903.

—— Северно-русские словарные заимствования из финского языка — „Варш. Унив. Изв.", 1904, IV.

—— Из истории сношений финнов с индоевропейцами — „Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Акад. Наук", X, кн. 3, 1905.

Погодин, А. Л. К вопросу о русских словарных заимствованиях из финского языка — „Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Акад. Наук", XII, кн. 3, 1907.

Рогов, Н. Опыть грамматики пермяцкого языка. СПб., 1860.

—— Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словари. СПб., 1869.

Савваитов, П. Грамматика зырянского языка. СПб., 1850.

—— Зырянско-русский и русско-зырянский словари. СПб., 1850.

Смирнов, И. Н. Черемисы. — „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Имп. Казанск. Унив.", VII, 1889.

—— Вотяки — ibid., VIII, 1890.

—— Пермяки — ibid., IX, 1891.

—— Мордва — ibid., X—XII, 1892—1895.

Соболевский, А. И. Название оз. Селигера в связи с вопросом о прославянской родине — „Труды Тверского Областного Археол. Съезда", 1904.

Сочинения, принадлежащие к грамматике вотяцкого языка. СПб., 1775.

Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка. СПб., 1775.

Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы (под ред. П. Палласа). СПб., 1787—1789.

Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный (под ред. Ф. И. Янковича-де-Мириево). СПб., 1790—1791.

Теплоухов, А. Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губ. и последующая смена их пермским и русским народами — „Записки Уральск. Общ. Люб. Естествозн.", XXXIX, 1924.

—— О фамилиях и географических названиях бб. Кунгурского, Красноуфимского и Осинского уездов — „Кунгурско-Красноуфимский Край," № 11—12, 1925.

—— Фамилии и географические названия Пермяцкого Края в этнографическом и историческом отношениях — „Комі Му", 1925, № 10—11.

Тиандер, К. Ф. О происхождении имени Пермь —„Журн. Мин. Нар. Просв.", 1901, январь.

—— Поездки скандинавов в Белое море — „Записки Ист.-Филол. Фак. Имп. С.-Петербургск. Унив.", LXXIX, 1906.

Троицкий, В. П. Черемисско-русский словарь. Казань, 1894.

Уваров, А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам — „Труды I-го Археол. Съезда", 1869—1871.

Фасмер, М. Р. Финские заимствования в русском языке — „Жив. Стар.", год XVI, вып. 2, 1907.

Фасмер, М. Р. См. Vasmer, M.

Флеров, А. Зырянская грамматика. СПб., 1813.

Черемисская грамматика. Казань, 1837.

Шахматов, А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.

—— К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях — „Bulletin de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", 1911, №№ 9 и 10.

Шахов, Н. Коми-русский словарь. Устьсысольск, 1924.

Шёгрен, А. Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных — „Материалы для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики". СПб., 1854.

—— См. Sjögren, A.

Штакельберг, Р. Ирано-финские лексиконные отношения — „Древности Восточные. Труды Вост. Ком. Имп. Моск. Археол. Общ.", I.

Яковлев, И. В. Сравнительный словарь вотских наречий. Казань, 1920.

—— Основные правила вотского правописания. Ижевск, 1925.

—— Удмурт кыл рад'ян. Ижевск, 1927.

Anderson, N. Studien zur Vergleichung der indogermanischen und finnisch-ugrischen Sprachen — „Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft", IX, 1879.

—— Wandlungen der anlautenden dentalen Spirans im Ostjakischen — „Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", VII-e série, t. XL, № 2, 1893.

Bubrich, D., E. Lewy, Betrachtung des Russischen — „Zeitschrift für slavische Philologie", Bd. III, H. 3—4, 1926.

—— См. Бубрих, Д. В.

Castrén, M. A. De affinitate declinationum in lingua Fennica, Esthonica et Lapponica. Helsingfors, 1839.

—— Anmärkningar rörande några ljud i Finskan — „Suomi", 1841, тетр. II.

—— De nominum declinatione in lingua Syrjaena. Helsingfors, 1844.

—— Elementa grammatices Syrjaenae. Helsingfors, 1844.

—— Anteckningar om Savolotscheskaja Tschud — „Suomi", 1844.

—— Elementa grammatices tscheremissae. Kuopio, 1845.

—— Om accentens inflytande i lappska språket.— „Suomi", 1845=Vom Einflusse des Accents in der Lappländischen Sprache — „Bulletin de la classe historico-philol. de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", II, № 46, 1845; „Mémoires présentés à l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg par divers savants", VI, 1851.

—— Reisebericht aus Surgut 1/13 sept. 1845 — „Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", III, №№ 15—16; „Suomi", 1845.

—— Versuch einer ostjakischen Grammatik. St.-Petersburg, 1849.

—— De affixis personalibus linguarum Altaicarum. Helsingfors, 1850.

—— Was bedeuten die Wörter Jumala und Ukuo in der finnischen Mythologie — „Suomi", 1851; „Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Imp. des Sciénces de St.-Pétersbourg", 1853, X, № 217—220; „Ученые Записки Имп. Акад. Наук по первому и третьему Отд.", 1853, I, вып. 4; Erman's „Archiv f. wissensch. Kunde v. Russland", 1853, XII; „Mélanges Russes", 1855, II.

Castrén, M. A. Nordiska resor och forskningar, томы I—VI, Helsingfors, 1852—1870.

—— Nordische Reisen und Forschungen im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von A. Schiefner, томы I—XII, СПб., 1853—1862.

Korsch, Th. Zur Etymologie des finnischen ajattara — „Finnisch-Ugrische Forschungen", XII, 1912.

Korsch, Th. Zur Frage nach den finnisch-ugrischen Zahlwörtern für 7—10— „Journal de la Société Finno-Ougrienne", XXX, 1913—1918.

—— См. Корш, Ф. Е.

Linguarum totius orbis vocabularia comparativa (под ред. P. Pallas'a), СПб., 1786—1789.

Patkanov, S. Irtisi-osztják szójegyzék — „Nyelvtudámónys Közlemények", XXX—XXXI, и отдельно, Budapest, 1902.

—— & D. R. Fuchs, Laut- und Formenlehre der südostjakischen Dialekte — „Keleti Szemle", VII, X—XII, и отдельно, Budapest, 1911

Sjögren, A. Über die finnische Sprache und ihre Literatur. СПб., 1821.

—— Über den grammatischen Bau der syrjänischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische — „Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", VI-e série, t. I, №№ 1—2, 1830.

—— Über die älteren Wohnsitze der Jemen — ibid., t. I, №№ 3—4, 1830—1832.

—— Wann und wie wurden Sawolotschje und die sawolokschen Tschuden russisch? — ibid., t. I, № 6, 1832.

—— Über die finnische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland — ibid., t. II, №№ 2—3, 1833.

—— Gesammelte Schriften, St.-Petersburg, 1861 (Bd. I. Historisch-ethnologische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. Bd. II. Theil I. Livische Grammatik nebst Sprachproben. Theil II. Livisch-deutsches und deutsch-livisches Wörterbuch).

—— См. Шёгрен, А.

Vasmer, M. Fi varsa 'Füllen' ein iranisches Lehrwort? — „Journal de la Société Finno-Ougrienne", XXX, 1913—1918.

—— Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologie — „Rocznik slawistyczny", VI.

—— См. Фасмер, М. Р.

Weske, M. Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes. Leipzig, 1872.

—— Über die historische Entwickelung der finnischen Sprachen im Vergleich mit den indogermanischen und über die Methode der estnischen Grammatik — „Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft", Bd. VIII, H. 2, 1875.

Weske, M. Сообщения о путешествиях по Эстонии — ibid., Bd. VIII, 1876—1877; „Ежегодник Эстонского Литературного Общества", 1878, 1879, 1881, 1882.

—— Über die estnischen Ortsnamen auf were, im Deutschen auf fer — „Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft", Bd. VIII, H. 4, 1877.

—— См. Веске, М.

Wiedemann, F. Versuch einer Grammatik der syrjanischen Sprache nach dem in der Übersetzung der Evangeliums Matthäi gebrauchten Dialekt. Ревель, 1847.

—— Versuch einer Grammatik der Tscherimissischen Sprache nach dem in der Evangelien-Übersetzung v. 1821 gebrauchten Dialekte. Ревель, 1847.

—— Grammatik der Wotjakischen Sprache. Ревель, 1851.

Wiedemann, F. Versuch über den werroehstnischen Dialekt — „Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", VII-e série, VII, № 8, 1864.

—— Grammatik der Erzamordwinischen Sprache nebst einem kleinen mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch — ibid., t. IX, № 5, 1865.

—— Ehstnisch-deutsches Wörterbuch. St.-Petersburg, 1-е изд. 1869, 2-е изд. 1893.

—— Über die Nationalität und die Sprache der jetzt ausgestorbenen Kreewinen in Kurland — „Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg", VII-e série, t. XVII, № 2, 1872.

—— Grammatik der ehstnischen Sprache, zunächst wie sie im Mittel-Ehstland gesprochen wird, mit Berücksichtigung der anderen Dialekte. St.-Petersburg, 1875.

—— Syrjänisch-deutsches Wörterbuch, nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhange und einem deutschen Register. St.-Petersburg, 1880.

—— Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St.-Petersburg, 1884.

—— См. Видеман, Ф. И.

Археологическое изучение древностей севера СССР.[1]

А. В. Шмидт.

I.

Сложные и длительные процессы создали современный культурный и физический облик финноугорских народностей. Без их изучения не может быть понята своеобразная многогранность финноугорского племени, объединяющего первобытных охотников и рыболовов бассейна Оби с высокоцивилизованным населением Финляндии или Венгрии.

Однако, источники, из которых может черпать исследователь прошлого финноугров, являются весьма скудными. Большинство этих народностей весьма поздно вступили в историческую жизнь, письменность на родном языке у многих из них появилась лишь в недавние годы.

Если сами финноугры мало могут сообщить о своих былых судьбах, то и иноземные, в первую очередь русские, свидетельства об этой народности тоже не очень многочисленны. Исторические источники таким образом дают исследователю совершенно недостаточный материал. Этнографические описания и памятники языка в огромной части восходят к весьма недавнему времени, и выводы о далеком прошлом, полученные на основании их изучения, настоятельно требуют во многих случаях проверки на основании подлинного древнего материала. Подлинные остатки прошлого финноугров дошли до нас в виде много-

---

[1] Автор считает своим приятным долгом высказать глубокую благодарность А. А. Спицыну, П. П. Ефименко, В. М. Лемешевскому, С. А. Теплоухову, Б. А. Куфтину, А. С. Рыкову, Н. И. Репникову, М. Г. Худякову, В. И. Смирнову и другим лицам, советами и указаниями весьма облегчившими его труд. С. А. Трусовой он признателен за энергичную помощь при розыске и подготовке к печати необходимых материалов.

численных древностей, в изобилии встречающихся на территории финноугорского расселения, и естественно, что изучающая их доисторическая археология имеет чрезвычайное значение для познания прошлой культуры финноугров.

Северная полоса СССР и смежные с ней области являются той территорией, где исследователь застает финноугорские племена на заре их исторического бытия. Имеются серьезные основания предполагать, что эти страны являлись местопребыванием финноугров и в течение очень долгого времени до первого их упоминания в письменных памятниках в первом тысячелетии нашей эры.

Доисторическая археология севера нашей страны в очень значительной мере создалась и развивалась благодаря трудам русских ученых. Зарождение ее относится к пятидесятым годам минувшего века. Таким образом она много моложе своих сестер-финноугорской лингвистики и финноугорской этнографии, восходящих еще к XVIII веку. Сравнительная молодость науки объясняется тем, что доисторическая археология вообще в Европе стала выходить из стадии любительского коллекционирования лишь в тридцатых-сороковых годах прошлого века.

Недолгий срок существования археологической науки является одной из причин недостаточного осознания важности увязки выводов лингвистики и этнографии с достижениями археологии, что наблюдается и у нас, и в Финляндии, несмотря на большой расцвет археологических изысканий в этой стране в последнее время.

Другая причина лежит в значительных трудностях определения этнической принадлежности ископаемых культурных остатков. В частности, племенной состав носителей культур каменного и бронзового века, а также многих эпох железного не может быть в настоящее время определен со сколько-нибудь значительной степенью достоверности, хотя несомненно, что среди этого населения находились предки современных финноугров.

Последнее обстоятельство и побудило дать в настоящей статье очерк изучения древностей севера СССР вообще, безотносительно их бытования в той или иной племенной среде.

При этом под термином „север“ понимается территория настоящего и прошлого расселения финноугорских племен СССР.

Эта территория обнимает всю лесную полосу европейской части нашей страны примерно вплоть до линии Могилев — Орел — Воронеж — Саратов. На западе она граничит с рекой Двиной, за которой начинается область литовского расселения. Археологические изыскания в финских частях бывших прибалтийских провинций Российского государства будут затронуты лишь постольку, поскольку они выполнялись русскими исследователями. На востоке граница принимаемой во внимание территории переходит Урал и захватывает населенный уграми Тобольский край. Что же касается до временных границ, то очерк касается древностей всех доисторических эпох, начиная с палеолита вплоть до утверждения власти Русского государства, как известно, лишь медленно и постепенно охватывавшей финно-угорские области. Затрагиваются также изыскания по древностям финнов под русским господством и особенно по бытовым памятникам X—XV века в областях северорусских княжеств, точная этническая аттрибуция которых представляется пока не вполне выясненной. Естественно остаются в стороне работы по изучению заведомо турецких культурных остатков, как не связанных с основной темой обзора.[1]

I.

Древности севера стали привлекать к себе внимание еще в самом начале XVIII века. Живший в Петербурге в это время евангелический пастор В. Толле (ум. в 1710 г.), движимый любознательностью, раскопал „за Шлиссельбургом и Старой Ладогой“ несколько „языческих“ курганов и обнаружил в них, между прочим, „древние готские языческие сосуды“, золу, какие-то неясно описанные предметы и несколько монет, частью, кажется, арабских. Повидимому, пастор натолкнулся на погребения X—XI вв.

Изыскания Толле являются первыми раскопками на территории России, произведенными под влиянием интереса научного характера, а не из кладоискательских побуждений.

Пробудившийся около того же времени в Западной Европе интерес к каменным орудиям, которые после Жюссье, Лафито

[1] Цифры в дальнейшем изложении обозначают год публикации или хотя-бы краткого печатного упоминания.

и других перестали считаться своеобразной игрой природы, нашел свое отраженне в России. Этим предметам было уделено известное внимание и деятелями тогда возникшей Академии Наук, куда поступили каменные изделия, найденные в 1731 г. при рытье Ладожского канала. В составленном одним из виднейших работников первого периода существования Академии, Гмелином, каталоге Минералогического музея дано им краткое описание. Он, правда, причислил эти предметы к царству минералов, но тем не менее, хотя и с большой осторожностью, отметил, что они имеют вид искусственных изделий, а некоторые „камни", в частности, изготовлены как будто посредством резца.

Еще раньше дал некоторые сведения о находках древностей в бассейне Оби Мессершмидт, объехавший в 1720—26 гг. значительную часть Сибири.

Ко второй половине XVIII в. относится знаменитая „Вторая академическая экспедиция", целью которой являлось широкое изучение различных областей России в естественно-научном отношении. Ее участники, со свойственным им живым интересом к самым разнообразным явлениям окружающего мира, дали ряд описаний древних памятников Поволжья, Приуралья и Сибири, отчасти затронув таким образом и территории финноугорского расселения. Конечно, при современном им уровне археологических знаний, они не могли отделять памятников доисторических от исторических и наряду с остатками первобытных эпох описывают древности булгарского и татарского времени.

Особенно много сведений дал академик Паллас (1772), в частности, впервые сообщивший о древних разработках меди на Урале, так называемых „чудских копях". Паллас, а также академик Лепехин (1771) описали некоторые уральские пещеры со следами использования их человеком. Академик Георги (1775) подробно ознакомил с некоторыми камскими городищами.

Больше всего сведений археологического характера содержит „Журнал" адъюнкта Н. П. Рычкова (1776), под руководством Палласа, объехавшего Волгу и Каму в 1770 г. Касается он, главным образом, городищ, причем, впервые в русской литературе, дает их планы.

Пораженный обилием древних укреплений в районе Чердыни, в верховьях Камы, Рычков приписал их биармийцам, известным из скандинавских записей и саг, и, следуя шведу Страленбергу,

отожествил Пермь Великую, т.-е., область г. Чердыни, со сказочной Биармией. Рычков один из первых русских исследователей принял воззрения скандинавских ученых XVII и XVIII веков на Биармию, как на великую и славную финскую страну, находившуюся на высоком уровне культуры и поддерживавшую оживленные торговые сношения с персидским и иноземным югом. Как и Страленберг, он полагал, что торговый путь из Индии и Переднего Востока в Северную Европу шел по Каме и Печоре в Ледовитый океан, а оттуда к берегам Норвегии. Находки в районе Чердыни восточной серебряной посуды и восточных монет, известные еще Страленбергу, подкрепили эту фантастическую теорию, возможную лишь при отсутствии критического отношения к известиям скандинавских саг, и способствовали отожествлению камской Перми с Биармией.

Положения Рычкова были приняты многими русскими историками конца XVIII и начала XIX веков. Чулков, например, немало писал о „великом биармийском государстве“, простиравшемся от Белого моря до Урала, и о „знатных развалинах“ городов около Чердыни, куда будто бы некогда ходили индийские и персидские купцы.

„Глупую сказку об индийской торговле, производимой еще до Рюрика от р. Гангеса до Белого моря“ поколебал с историко-критической точки зрения Шлецер, а сокрушительный удар всей теории Великой Биармии нанес В. Берх, подвергнувший проверке ее археологические основы. В 1821 г. этот скромный чиновник Пермской Казенной Палаты раскопал городища Урольское и Искорское недалеко от Чердыни, где обнаружил лишь „скудные“ находки, в виде остатков плавильных печей, железных вещей, медных серег и серебряного кольца. „Ежели бы жители местностей сих были действительно на такой ступени просвещения, на которой нам хотят представить, то памятники величия их, например, признаки больших городов и значительных развалин, достигли бы и до наших времен“, заметил Берх и, приводя свидетельства новгородцев о народах Заволочья, как племенах „грубых“, питавшихся только звериной и рыбной ловлей, совершенно основательно объявил всю биармийскую теорию „плодом фантазии“.

Тем не менее некоторые исследователи продолжали держаться этой теории, и еще в 1847 г. автор „Мухаммеданской

нумизматики" П. С. Савельев выразил надежду, что „подземная Пермь воскресит древнюю Биармию".

На почве первого знакомства с доисторическими памятниками северной и средней России, в двадцатых годах XIX в. возникла другая теория, также пытавшаяся строить широкие картины прошлого. Автором ее является З. А. Доленга-Ходаковский, „перенесший, по выражению историка М. П. Погодина, впервые систему исследования из письменной области на землю и ее памятники". За недостатком средств этот ревностный исследователь исходил пешком многие губернии России, собирая сведения о старинных сооружениях. „Благодаря редкой способности беседовать с простолюдинами", как пишет археолог Кеппен, ему это легко удавалось.

„Учение" Ходаковского касалось городищ. Он утверждал, что „столько есть городищ, сколько было квадратных миль, заселенных славянами", и приписывал все городища славянскому населению. По его мнению, они „может быть, некогда служили идолопоклонникам капищами".

Хотя взгляды Ходаковского, против которых тогда же высказался Калайдович, широко не были приняты, и его материалы в большей части даже не увидали света, тем не менее отзвуки этой теории держались еще до шестидесятых годов, и Р. Игнатьев, например, описывая уфимские городища, счел нужным указать на сомнительность их принадлежности славянам.

Значение этого странного фантаста следует видеть в другом. Ходаковский впервые обратил внимание на курганы и даже раскопал некоторые из них по р. Волхову, где обнаружил погребения в виде трупосожжения. Его примеру последовали другие. В 1836 г. появился отчет Ф. И. Глинки о раскопках курганов в Бежецком у. Тверской губ., а в 1843—1844 гг. Ушаков произвел весьма тщательные по тому времени раскопки курганов в Весьегонском и Вышневолоцком уездах той же губернии, а также в Устюженском у. Новгородской губ. В 1838 и 1845 гг. А. Д. Чертков раскапывал курганы в Звенигородском у. Московской губ. Он первый выдвинул вопрос о времени насыпания курганов. Весьма характерным образом для своего времени этот исследователь приписал раскопанным им курганам значительную давность на основании толстых пней на поверхности насыпей. Так как при раскопках, разумеется, совершенно

случайно, не встретилось никаких железных предметов, то он отнес захоронения к бронзовому веку. Но в виду того, что, судя по находкам, „искусства были на гораздо большей ступени, чем даже у нынешних финнов", Чертков счел погребенных за варяго-руссов. В те же годы Кеппеном был составлен список курганов, касавшийся, правда, главным образом южных губерний.

Разнообразные сведения о доисторических древностях начинают появляться еще с начала XIX в. в различных официальных и справочных изданиях. Так, некоторые указания имеются в „Хозяйственном описании Пермской губернии" (1811). Небольшие очерки отдельных памятников и находок печатались в очень многих „Губернских Ведомостях". Проявляли интерес к старине и некоторые правительственные учреждения, в 1819 г., например, Казанским Учебным Округом собирались сведения о древностях.

Наряду с этим, путешественники по России иногда уделяли в своих описаниях место и доисторическому материалу. Так, в „Дорожных записках" Мельникова, печатавшихся в сороковых годах в „Отечественных Записках", живо описаны предметы из собрания пермских древностей в селе Ильинском Пермской губ. управляющего имениями Строгановых Волегова. Это собрание возникло еще в тридцатых годах.

Счастливые находки также способствовали привлечению внимания к доисторической и тогда еще не отделявшейся от нее раннеисторической старине. Так, в 1822 г. был открыт знаменитый рязанский клад драгоценных предметов убранства великокняжеской эпохи. В 1835 г. в Костромской губ., возле села Туровского Галичского у., был добыт крестьянами знаменитый Галичский клад предметов бронзового века. В 1836 г. в Ярославской губ. был случайно найден известный Белогостицкий клад серебряных изделий и монет X—XI вв. Описания обоих кладов тогда же появились в „Русском Историческом Сборнике".

В сороковых годах стали интенсивнее интересоваться многочисленными находками монет восточных и западно-европейских на территории России и, в частности, в ее северной полосе. В. В. Григорьев, Б. В. Кене, а особенно П. С. Савельев и В. Тизенгаузен давали описания монет, бытовавших в доисторической и ранне-исторической народной среде севера.

К концу сороковых годов скопился таким образом довольно значительный материал по древностям северной и средней

России. Он составился благодаря случайным наблюдениям, находкам и случайным раскопкам. Систематическая работа по изучению памятников прошлого еще не велась. Возраст обнаруженных предметов обыкновенно оставался невыясненным, и самый вопрос о выделении находок различного времени из общей массы остатков доисторических эпох научным образом даже не ставился. Не было и исследователей, специально интересовавшихся древнейшими периодами жизни населения России.

Резкое изменение произошло в начале пятидесятых годов. Оно связано с именем Алексея Сергеевича Уварова.

II.

Судьбы археологии северной и средней полосы России неотделимы от судеб русской доисторической археологии вообще. Как самостоятельная научная дисциплина, эта отрасль гуманитарного знания стала складываться в период между пятидесятыми и восьмидесятыми годами прошлого века. В этот сорокалетний период возникли научные учреждения, поставившие себе целью исследование древностей Русского государства; тогда же были основаны музеи или отделы музеев, ставшие хранилищами накопленных памятников доисторической жизни. В это же время было положено основание полевым археологическим изысканиям многочисленными раскопками памятников различных эпох; одновременно появились первые исследования, правда, редко выходившие за пределы описания найденных предметов.

Возникшие археологические учреждения и хранилища не ограничивали своих задач территорией севера, а охватывали своей работой всю страну. Исследовательская деятельность многих ученых также не замыкалась в отдельных районах, но распространялась на самые различные области.

Тем не менее северная, лесная часть России являлась преимущественным объектом археологических изысканий. Руководящая роль в этих работах принадлежала графу Алексею Сергеевичу Уварову. Этот выдающийся человек соединял в себе широкое гуманитарное и естественно-научное образование с талантом крупного организатора. Он умел ставить и осуществлять широкие задачи и большие начинания. Многие учреждения

и объединения, по справедливости, могут быть названы его детищами, ряд основных научных работ принадлежит ему же.

Начало деятельности Уварова на севере относится к 1850 г., когда гр. Л. А. Перовский, министр народного просвещения того времени, предложил еще молодому исследователю, только что возвратившемуся из удачной археологической поездки по причерноморским областям, „испытать почву“ в районе Новгорода и его окрестностей. Дав принципиальное согласие, Уваров, однако, выдвинул проект начать исследования в местности около Суздаля, как имеющей „важное значение в отечественной истории“ и еще не тронутой изысканиями. Эта мысль была принята, и уже весной 1851 г. Уваров приступил к своим историческим изысканиям. Они продолжались четыре года и велись „богатырским розмахом“. Было вскрыто всего 7729 курганов в 163 местностях Владимирской и Ярославской губ.

Неожиданно-блестящий успех работ Уварова, огромное количество добытых предметов, ярко осветивших древнюю культуру края и давших новые перспективы исследователям русской истории, вызвали подъем интереса к древностям севера в широких кругах общества того времени.

Основанное еще в 1846 г. в Петербурге Археологическое Общество, сначала концентрировавшее свое внимание на классической археологии и нумизматике, стало, правда, очень постепенно, направлять свои интересы в сторону археологии России и, в частности, ее севера. Более интенсивно оно повело работы по северным древностям после переформирования в 1866 г. В семидесятых годах Археологическое Общество уже занимало видное место среди учреждений, ставивших себе целью изучение археологии северной полосы. Главная же деятельность Общества в этом направлении относится к последующему периоду.

Учрежденная в 1859 г. Археологическая Комиссия, целью которой намечалось производство археологических исследований, „преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, некогда обитавших на пространстве, занимаемом ныне Россией“, хотя и обратила свое главное внимание на южно-русские древности, также проявила интерес к памятникам севера; еще в 1860 г. она организовала раскопки так называемого кургана Синеуса около Белозерска.

Академия Наук не могла остаться в стороне от развившегося интереса к изучению доисторических древностей. „Для

облегчения розысканий" Академия издала в русском переводе классический для того времени труд датского ученого И. Ворсо „Северные Древности", касавшийся скандинавской археологии. В предисловии к этой книге, подписанном академиками К. М. Бэром и Шифнером, была отмечена важность изучения „колыбели народной жизни", т.-е., той эпохи, которая предшествовала письменности, и, в частности, указывалось, что решение вопроса о переселениях „образовательных элементов из Азии" может быть найдено только в России. С целью разъяснения проблемы древнейших переселений Бэр, вообще широко интересовавшийся доисторической археологией, представил совместно с Шифнером и другими в Академию Наук записку (1862), предлагавшую организовать большие экспедиции для изучения в археологическом отношении проходов из Азии в Европу, в частности, среднего Урала. Этот проект, однако, не получил осуществления.

С того же времени академический Музей Антропологии и Этнографии начинает собирать коллекции доисторических древностей.

В Москве организация археологических изысканий в значительной степени принадлежит Уварову. Широко образованный ученый, прекрасный организатор, обаятельный человек, умевший сплачивать вокруг себя интересующихся людей, он сначала шестидесятых годов стал собирать в своем доме ученых и любителей, занимавшихся доисторической и русской стариной. Из этих объединений и выросло Московское Археологическое Общество (основано в 1864 г.).

Главный интерес этого Общества сосредоточивался на художественных памятниках древней и Московской Руси и вообще вокруг исторической русской старины; тем не менее оно не мало внимания уделяло и доисторическим древностям, в частности, северной полосы. Значительно содействие Московского Археологического Общества в деле создания провинциальных археологических музеев, напр., Тверского, Ростовского.

Но важнейшей его заслугой в эти эпохи является организация археологических съездов. Инициатором этого дела был тот же Уваров, ему же принадлежит главная работа по устройству и проведению первых съездов. Съезды, на которые собирались представители ученых учреждений, исследователи и интересующиеся лица, сыграли выдающуюся роль в деле изучения

древностей России, возбудив интерес к прошлому в различных областях России. В их „Трудах" было напечатано весьма значительное число исследований по доисторической археологии. Особое значение для северной и средней России имели I-ый съезд, собравшийся в Москве в 1869 г., II-ой, заседавший в Петербурге в 1871 г., IV-й, имевший место в Казани в 1877 г., VII-й, собравшийся в Ярославле в 1887 г.

IV съезд широко всколыхнул работников Восточной России и явился мощным толчком для подъема археологической работы на этой территории. На нем возникло предположение о создании в Казани специального общества для изучения местной старины. Эта идея получила осуществление уже в 1878 г., когда было организовано Общество Истории, Археологии и Этнографии при Казанском Университете, весьма много сделавшее для разработки проблем доистории и протоистории Восточной России.

VII съезд поднял археологическую работу в центральных губерниях. Значительна также его заслуга в деле создания провинциальных музеев, столь способствовавших сохранению, а позднее и изучению доисторических памятников.

Съезды привлекали также исследователей Финляндии и Остзейского края, где уже с сороковых годов велась самостоятельная, очень энергичная работа по изучению местных древностей. Начиная с IV съезда, где читались доклады Аспелина и Гровинга, почти на каждом съезде присутствуют ученые балтийских стран, благодаря чему стал устанавливаться научный контакт между русской и прибалтийской археологической мыслью. Финляндские археологи уже тогда ставили себе широкие проблемы изучения доистории всего севера Евразии, вследствие чего работа их скрещивалась с изысканиями русских исследователей. Однако, ряд обстоятельств, особенно то, что ученые писали на недоступных русскому читателю финском и шведском языках, помешали созданию в это время более тесных связей между археологической наукой обоих стран. Весьма важные сводные работы Аспелина, напр., основанные на широко предоставленном финляндскому ученому русском материале, оставались долгое время почти неизвестными русским исследователям.

Помимо съездов, сыграла большую роль для развития северной и среднерусской археологии Антропологическая Выставка 1879 г. в Москве. На этой выставке был устроен большой

археологический отдел, составленный в значительной части из результатов специально организованных изысканий.

Коллекции Антропологической Выставки были переданы в основанный в 1883 году в Москве Российский, ныне Государственный, Исторический Музей. Это хранилище древностей, скоро ставшее центральным не только для северной и средней России, но и для всего вообще государства, явилось последним детищем гр. Уварова, скончавшегося в 1884 г.

Известия об успехах раскопок Уварова под Суздалем, деятельность археологических обществ, а особенно археологические съезды широко всколыхнули провинцию. В ней археологические изыскания велись первоначально отдельными любителями-коллекционерами: Н. Ф. Бутенев в Олонецкой губ., С. С. Стрекалов в Тульской губ., А. Ф. Лихачев и В. И. Заусайлов в Казани, А. Е. и Ф. А. Теплоуховы в Пермской г., П. А. Алабин в Вятке, а потом в Самаре, равно как и многие другие, своими сборами и изысканиями положили основание изучению древностей отдельных районов.

Кое-где в этом направлении работали и местные научные общества: в Екатеринбурге (ныне Свердловске), основанное в 1870 г. Уральское Общество Любителей Естествознания, в других местах — Губернские Статистические Комитеты (напр., Архангельске, Вятке, Уфе, Казани, Владимире, Ярославле, Пензе и др. городах). Работы местных исследователей, особенно в более отдаленных областях севера и востока, протекали часто вне всякой связи с центрами. Контакт с центром укрепился лишь в следующую эпоху, в девяностых годах, когда энергичная постройка железных дорог помогла значительному усилению научных связей окраин со столицами.

Соответственно этому и научная работа севера и востока шла другими путями, чем в областях непосредственного воздействия Москвы и Петербурга.

Исследователи материальной культуры прошлого в Вологде, Архангельске, Казани, Вятке, Перми, Екатеринбурге и др. городах северо-востока ставили целью прежде всего возможно всестороннее изучение археологических памятников местного края. Обычно они не ограничивались доисторическими культурами, пределы которых тогда представлялись еще весьма неотчетливо, но интересовались также памятниками исторических эпох, напр., болгарскими и даже русскими. Работы Лихачева в Казани, пер-

вые работы Спицына в Вятке являются примерами этого направления исследовательской деятельности.

Иной характер носили археологические изыскания в средней и северо-западной России. В этих местностях, тесно связанных с Петербургом и Москвой, в шестидесятых-восьмидесятых годах прошлого столетия не развилось самостоятельного краевого археологического движения. Исследования обыкновенно велись деятелями столиц, по поручениям центральных научных и других учреждений, иногда и по собственной инициативе на свои средства.

Местные работники, если они имелись, работали в тесном контакте со столичными учреждениями, нередко по заданиям последних. Самостоятельной археологической традиции, какая сложилась в Казани, Перми, Екатеринбурге и др. городах востока, в более западных городах не возникло. Задача порайонного изучения древностей в центральных областях не ставилась. Наоборот, укреплялось стремление смотреть на всю обширную территорию от Нижнего Новгорода до Петербурга и от Костромы до Могилева, как на целое, в доисторическом прошлом весьма тесно связанное в культурном отношении. В значительной степени этому способствовало сходство наиболее бросающихся в глаза древностей. С одной стороны памятники каменного века, с другой стороны — курганы эпохи, близкой к началу Русского государства, обнаруживают ряд сходных черт по всей указанной области.

Характер находок и определил постановку проблем в западной половине северной России. Изыскания пошли по двум направлениям: изучение каменного века и исследование курганных древностей.

Обе задачи могли быть резко отделены одна от другой, тем более, что памятники раннего железного века, являющегося промежуточной культурной ступенью между каменным веком и поздними курганами, оставались в эту эпоху совершенно неизвестными.

Обе исследовательские линии пошли разными путями. Интерес к каменному веку поддерживался, как и в Западной Европе, главным образом, представителями естественно-научных дисциплин, курганные же древности изучались археологами с историко-культурным уклоном.

Проблемы почвенно-геологического характера, изучение древней фауны и флоры, вопросы археологической технологии

занимали видное, иногда подавляющее место в изысканиях по каменному веку. Наоборот, проблемы культурных связей, этнической принадлежности обнаруженных предметов играли большую роль в изучении курганных древностей.

III.

Интерес к памятникам каменного века начал подниматься с конца пятидесятых годов. Иллюстрации к статье Эйхвальда о чудских копях, вышедшей в 1858 г., явились первой публикацией каменных изделий в России; эти предметы происходили из Сибири.

Главная заслуга в деле постановки изучения каменного века в России принадлежит академику Бэру. С 1859 г. в ряде докладов, статей, записок он неустанно знакомил русское общество с достижениями западно-европейской археологии. То была пора всеобщего увлечения доисторическим прошлым человека. Только что получил научное признание факт совместного существования человека с гигантскими млекопитающими дилювиальной эпохи, и каждый год открытие остатков четвертичного человека и его быта бросали новый свет на нашего первобытного предка. Разыскания в области каменного века на обширной территории России, тогда рассматривавшейся как одна из дорог первобытного человечества на пути из исконной родины Азии в Западную Европу, представлялись неотложно важными.

Специальное внимание естественно обратилось на северную полосу России, более близкую и более доступную для исследования. Эйхвальд еще в 1860 г. дал некоторые сведения о кремневой индустрии Олонца, Рязани и Костромы, обратив внимание на то, что в последнем районе встречаются поделки из кремня неместного происхождения. Инженер Бутенев собрал в районе Петрозаводска большую коллекцию каменных орудий, поступившую в 1863 г. в Музей Антропологии и Этнографии Академии Наук и положившую начало археологическому отделу этого Музея. Он впервые в России обратил внимание на сверленые каменные изделия; сверление, по его мнению, производилось металлическими изделиями (1865). Лерх, по командировке Археологической Комиссии, производил в 1865 г. сборы каменных орудий в Вологодской и Вятской губ. Этому исследователю принадлежат первые попытки классификации северных каменных

орудий (1871). Он же указал на некоторые отличительные особенности каменной индустрии отдельных районов и, в частности, на отсутствие сверленых топоров в значительной части севера и северо-востока, правда, лишь частично подтвердившееся впоследствии.

Основной проблемой, ставшей сразу же перед археологами каменного века севера России, был вопрос о возрасте встречавшихся каменных изделий. Надо помнить, что под влиянием французских открытий в то время готовы были допустить принадлежность русских находок даже к четвертичному периоду. С другой стороны изыскания Уварова во Владимирской и Ярославской губ., ставившие себе целью изучение курганов, привели к обнаружению довольно значительного числа каменных изделий и выдвинули вопрос о возможности совместного бытования каменных изделий с железными курганных типов.

Одним путем для разрешения вопроса о возрасте представлялось выяснение культурных остатков встречающихся совместно с каменными предметами. На этот путь указывал вопрос I Археологического Съезда, спрашивавший о сосуществовании каменных поделок с железными типа курганных древностей. Этот путь предполагал и доклад Лихачева на II-м Съезде, полагавшего возможным выяснить проблему времени и культурной принадлежности каменных топоров в случае обнаружения их совместно с другими предметами.

В том же направлении были поведены изыскания М. Ф. Кусцинского, указавшего, что в курганах Витебской губ. никогда не встречаются каменные орудия (1871).

Другой путь определения хронологии искали в выяснении почвенно-геологических условий залегания остатков каменного века. Пионером этого метода был казанский профессор Н. Головкинский (1868), обследовавший место находки двух каменных орудий в Тетюшском у. Казанской губ. Он пришел к выводу, что эти изделия бытовали в „эпоху степи“ современной геологической эры.

Изыскания И. С. Полякова на юго-востоке Олонецкой губ. в 1871 г. привели к аналогичному выводу, что „принадлежности каменного века“ попадаются лишь в послеледниковых наносах (1873). Олонецкие местонахождения на песках и в „растительном слое“ у Тудозера, Кумбасозера, Кенозера являются первыми открытыми в России стоянками и мастерскими каменного

века. Уже беглое сравнение найденной индустрии в виде шлифованных топоров и долот из глинистого сланца, оббитых ножей, наконечников копий и стрел из кремня, каменных поделок, шлифовальных плит, глиняных фрагментов сосудов с узорами и т. д. с изделиями курганной эпохи показало Полякову, что открытая им, лишенная металла, культура носит совершенно особый, самостоятельный характер и, несомненно, более древнего происхождения, чем курганы средней России. Форма некоторых орудий, напр., топоров, была им правильно сближена со скандинавскими находками.

У Кумбасозера Поляков впервые в России произвел, правда, весьма примитивным способом, раскопки стоянки каменного века. Он велел вспахать сохой соответствующий участок.

Собирание предметов каменного века в семидесятых годах приняло более широкие размеры. В Тульской губ. составилось собрание С. С. Стрекалова; в 1879 г. Поляков выяснил условия находки некоторых из этих предметов. В Костромской губ. собирал каменные изделия А. П. Поливанов, также подметивший, что они залегают в „поверхностном слое“ (1877).

Конец семидесятых и начало восьмидесятых годов является периодом особенно оживленных изысканий по каменному веку севера. Было открыто и исследовано много новых местонахождений и выяснен ряд вопросов геологического и палеонтологического характера. Детально изучались вопросы археологической технологии. Для освещения уровня культуры и истолкования отдельных находок впервые широко стали применяться данные этнографии, тогда рассматривавшейся как одна из естественных наук. Среди исследователей этой эпохи должны быть отмечены, помимо Уварова, геологи А. А. Иностранцев и П. И. Кротов, почвовед В. В. Докучаев и уже упоминавшийся зоолог Поляков.

Уварову принадлежит первая и до сих пор единственная сводка по каменному веку России. Вышедшая в 1881 г. под названием „Археология России“, она явилась для своего времени книгой замечательной, а ее атлас до сих пор не утратил известного значения. Широкий охват и разносторонний подход к материалу характеризуют этот труд, впервые давший временное определение древностям каменного века России. Если в общей части его исследователь был мало самостоятелен, то особую важность имело опубликование собственных изы-

сканий Уварова, имеющих основное значение для археологии севера.

Открытие Уваровым в 1877 г. возле дер. Карачарова под Муромом древней каменной индустрии совместно с костями мамонта и сибирского носорога доказало существование палеолита на севере России, опровергнув таким образом высказанное еще в 1875 г. мнение датского исследователя Ворсо об отсутствии следов четвертичного человека на этой территории.

Уварову же принадлежит честь если не открытия, то детального обследования и опубликования первых неолитическик стоянок долины Оки. Еще в 1875 г. кн. Голицын открыл на песчаных незаливных берегах долины этой реки следы каменного века. В 1877 и последующих годах там же был найден и исследован П. П. Кудрявцевым, Уваровым и Докучаевым ряд стоянок, из которых самые богатые обнаружены у д. Волосовой и на Плехановом бугре. Под тонким слоем растительной земли в верхнем культурном слое песчаных бугров найдены тысячи каменных изделий различных типов, как то: топоры, долота, наконечники копий и стрел, скребки, разнообразные костяные изделия, обломки орнаментированных и не орнаментированных глиняных сосудов, а также остатки еды в виде костей.

Основным мотивом узоров керамики окских стоянок, как отмечает Уваров, являются „углубления или ямочки различных величин“. Подметив существование аналогичной орнаментации, ямочно-гребенчатого характера по современной терминологии, также на Олонецких посудных фрагментах, он правильно счел ее за отличительную для гончарных изделий неолитической эпохи. Орудием для нанесения этого узора Уваров считал некоторые костяные острия.

Сходство „отбивных изображений“ из кремня из Волосова с примитивными кремневыми фигурами из Золотицы на берегах Белого моря, где было открыто Зандбергом и Кельсиевым богатое местонахождение орудий каменного века, побудило автора „Археологии России“ считать окские и беломорскую стоянки „неоспоримо“ принадлежащими к одному времени.

В Волосове были открыты и могилы с глиняными плоскодонными сосудами и кремневыми стрелами. Однако, как показали много позднее исследования В. А. Городцева, они должны быть отнесены к бронзовому веку; произведенное под руковод-

ством А. П. Богданова изучение добытого материала установило, что погребенные были суббрахицефалами.

Основным вопросом, связанным с окскими стоянками, являлась их датировка. Недостаточная „характеричность“ найденных костей, среди которых отсутствовали остатки представителей мамонтовой фауны, помешало Уварову придти к какому-либо положительному выводу на основании изучения фауны. Изучение же геологических условий привело его к заключению, что древнейшие культурные остатки стоянок предшествуют возникновению песчаных бугров, истолкованных им, как позднейшие водные наносы. При таком взгляде на природные условия стоянок естественно, что возраст их представлялся Уварову весьма древним: действительно, он датировал поселения переходной эпохой от палеолита к неолиту, допуская, впрочем, на основании находок шлифованных изделий, что некоторые бугры посещались человеком и позднее.

Стоянки в долине Оки Уваров счел за временные поселения и думал, что постоянные обиталища надо искать в пещерах, присутствие которых предполагалось в проходящих невдалеке возвышенностях Перемиловских гор.

Отдавая дань господствовавшему тогда мнению об азиатском происхождении древних насельников русской равнины, исследователь окских стоянок смотрел на их обитателей, как на „вторую волну“ переселенцев из Азии.

Если исследование волосовской и других окских стоянок явилось отправным пунктом для изучения неолитических культур северной полосы России, то раскопки близ дер. Фатьяновой в Ярославской губ. дали материал, оставшийся до сих пор основным для суждения об эпохе переходной от камня к металлу.

Около Фатьянова, благодаря раскопкам Андиона, Л. К. Ивановского и особенно Уварова и Полякова, был обнаружен в семидесятых годах древний могильник. При плохо сохранившихся, частью даже истлевших, костяках в нем найдены: многочисленная круглодонная керамика, прекрасные сверленые топоры ладьевидной формы, плоские шлифованные каменные топоры, кремневые ножи, подвески из зубов животных. Наличность медного кованого колечка от подвески и пятна от медной окиси на одном черепе с несомненностью показали, что захоронения относятся ко времени знакомства с металлами. Считая, однако, что самое открытие металла ни в чем не

изменило прежнего культурного состояния человека, Уваров не признал возможным исключить фатьяновские находки из каменного века и датировал их „крайним его пределом". В истолковании обнаруженного Уваров разошелся с Поляковым. В то время как последний совершенно правильно считал находки исключительно остатками погребений, автор „Археологии России", под влиянием груд раздавленных сосудов и расбросанных каменных изделий, полагал, что в Фатьянове на ряду с обширным могильником была и временная стоянка. Уваров не учел почвенных условий — находки залегали под слоем глины „$1^1/_2$ аршина в глубину", исключающих всякую возможность толковать их, как остатки стоянки.

Исследования Уварова нашли широкий отклик. Многие ученые затронули в своих работах произведенные им изыскания.

Условия местонахождения возле с. Карачарова были изучены также Поляковым, Кротовым и более углубленно Докучаевым. Знаменитый почвовед подтвердил палеолитический характер находок этой стоянки (1881).

Важное для определения возраста окских стоянок и правильное освещение геологических условий долины было дано Кротовым и, особенно, Докучаевым. Последний опроверг взгляд Уварова на водное происхождение песчаных бугров долины Оки и категорически высказался за их дюнный характер. Человек, по мнению Докучаева, пришел в долину реки после образования дюн и поселился на их вершинах, что доказывает присутствие культурного слоя исключительно в верхней части бугров. Таким образом отпали основания для датировки этих стоянок эпохой очень раннего неолита, как думал Уваров, предполагавший, что после пребывания человека остатки его быта были занесены водными наносами. Докучаев, едва ли не первый в России, поколебал и теорию азиатского происхождения носителей неолитической культуры, отметив полную недостаточность приводимых в ее пользу доказательств.

Поляков, по поручению Географического Общества осмотревший в 1878 г. места окских находок, дал описание условий залеганий, а также многих вновь найденных предметов (1882). Обратив внимание на массу деревьев, выставившихся из береговых обрывов и лежавших, по его мнению, в известной правильности, ученый счел их остатками бобровых построек. Так как среди деревьев изредка попадались и остатки челове-

ческой индустрии, Поляков признал эти „постройки“ одновременными стоянками и сделал предположение, что неолитический человек имел в бобре как бы „домашнее животное“ (1882). Впрочем, возможность такого странного предположения была еще раньше опровергнута Докучаевым, подчеркнувшим, что отложения с массой деревьев типичны для северных рек и, в частности, на Оке видны в сотнях-тысячах разрезах.

В 1882 г. в классической книге „Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера“ были опубликованы результаты изысканий А. А. Иностранцева. По глубине и всесторонности этот труд далеко опередил все современные работы по каменному веку, и лишь некоторые недавно вышедшие исследования могут выдержать сравнение с ним.

Ряд новых методов был введен Иностранцевым в исследовательскую работу. Отчетливо осознав трудность охвата одним человеком разнообразных возникающих проблем, он пригласил ряд специалистов, обработавших соответствующие области. Палеофитологические исследования были им впервые в России весьма плодотворно связаны с археологическими изысканиями. В изучении керамики он ввел детальное изучение форм, размеров и состава керамики и использовал данные химического анализа. В описании орудий им впервые последовательно был проведен типологический метод и даны ясные и отчетливые характеристики типов изделий.

Работа Иностранцева коснулась остатков каменного века, залегавших на дне тогда прокладывавшегося Нового Сясьского канала. Известный геолог исчерпывающе разобрался в сложных геологических условиях местности и выставил точку зрения, теперь широко признанную, что сясьские находки относятся к эпохе, предшествовавшей трансгрессии Ладожского озера. Климат этой эпохи был мягче современного, как показали произведенные Шмальгаузеном исследования остатков флоры и фауны. В сыроватых лесах, где росли дубы, бродили в то время, на ряду с северными оленями, кабаны и первобытные быки. Среди найденных остатков изобиловали шлифованные долота и топоры из глинистого сланца и различных типов костяные заострения, шилья и наконечники. Оббитых кремневых поделок было найдено очень мало. Иностранцев дал ряд тонких технологических наблюдений над способами изготовления изделий. В частности, химический анализ черепков посуды, выполненный

Венюковым, показал, что она в большей части безусловно лепилась из местной глины. Иностранцев считал, что находки указывали на место постоянных поселений доисторического человека; к поддерживавшейся Уваровым теории временных поселений пещерных обитателей на берегах водоемов он, опираясь на сравнительный этнографический материал, справедливо отнесся совершенно отрицательно.

Найденные человеческие остатки были изучены Богдановым, который определил черепа, как долихоцефальные и субдолихоцефальные, и отметив их близость к черепам курганного периода, поставил наблюдающуюся в современных русских черепах тенденцию к длинноголовости в связь с этой особенностью древнейших обитателей русской равнины.

Кости собак подверглись исследованию Д. Н. Анучина, установившего среди них присутствие новой неизвестной расы, окрещенной им Canis familiaris Inostranzewi. Исследователь дал и относительную хронологию своих находок, поместив их, на основании фауны, между датскими кучами кухонных отбросов и свайными постройками, „ближе к первым".

Сотрудниками Иностранцева было также открыто около д. Вельсы, в низовьях Волхова, поселение каменного века с кремневой индустрией и технически более совершенной керамикой. Последнее обстоятельство автор „Доисторического человека" считал прекрасным подтверждением своей теории трансгрессии, так как пески около Вельсов должны были обнажиться, по его мнению, в самом начале регрессии вод озера.

Смелые геологические построения Иностранцева не сразу встретили сочувствие. Поляков, напр., возражал против теории трансгрессии и объяснял глубокое залегание ладожских находок следствием подмыва дюн озером и провала культурных остатков в трясины (1882).

Бранденбург с археологической точки зрения не мог согласиться с выводами Иностранцева о большей древности приладожских стоянок со шлифованной индустрией сравнительно с оббивными изделиями стоянки около д. Вельсы (1887).

В 1882 г. были опубликованы Поляковым результаты новых исследований по каменному веку в восточных частях Олонецкой губ. и на верховьях Волги, где им был открыт ряд стоянок. Изучение их выдвинуло совершенно новое, очень важное, предположение, до сих пор не вполне опровергнутое, хотя и мало

вероятное, что эти стоянки непосредственно предшествуют курганному периоду или, в Олонии, русскому заселению. С другой стороны Поляков отметил в последнем районе существование чрезвычайно архаических форм топоров, напоминающих палеолитические орудия ашельской эпохи, едва ли не впервые указав таким образом на находки изделий, впоследствии получивших название макролитических.

К середине 80-х годов замечается ослабление интереса к каменному веку. В это время могут быть отмечены лишь интенсивные исследования около Бологово Новгородской губ. князя П. А. Путятина, обратившего, в частности, большое внимание на изучение гончарства.

Касался проблем каменного века и Анучин, осветивший некоторые моменты истории домашних животных, а также выдвинувший весьма важное предположение о преемстве между каменными орудиями, украшенными головами животных, и аналогичными бронзовыми (1884).

В конце 80-х годов начались плодотворные исследования В. А. Городцевым окских стоянок каменного века.

Общие итоги первого периода археологии в области изучения каменного века севера довольно значительны. Обнаружено существование палеолита в этом районе. Открыты следы нового каменного века в различных областях, в частности, более подробно изучены неолитические стоянки Ладожско-Онежского края и долины Оки. Наконец, в Фатьянове исследован памятник эпохи самого конца каменного века.

В итоге этих работ стали вырисовываться отличительные черты каменного века северо-западной и центральной полосы лесной территории.

Если изучение каменного века севера России таким образом весьма подвинулось вперед и к началу 90-х годов имело значительные достижения, то вопрос о бронзовом веке этой территории оставался в общем в том же положении, как в 50-х годах. Следов бронзового века почти не было известно, и многим представлялся весьма вероятным непосредственный переход от камня к железу.

Лишь на крайнем юге территории около Скернякова в Задонском уезде Воронежской губернии было раскопано два кургана с инвентарем, относящимся к бронзовому веку, как правильно отмечено Сизовым (1886). Явно связанные с культурой степного

района, они не могли бросить света на бронзовый период более северной лесной области.

IV.

Изучению „курганных" древностей, как стали называть памятники позднего железного века средней полосы России, наиболее характерно выраженные в курганных погребениях, дал сильный толчок блестящий успех работ Уварова в 1851 и последующих годах.

Среди статей по археологии севера России, которые чаще и чаще стали появляться на страницах „Записок Археологического Общества" и др. столичных изданиях, а главным образом в „Губернских Ведомостях" различных городов, видное место заняли описания курганов, городищ и других памятников поздней эпохи.

Так начали освещаться древности Московской, Тульской, Нижегородской, Владимирской, Ярославской, Тверской, Витебской и других губерний. Соответственно значению нумизматики в археологии того времени многие работы (Григорьева, Кене, Савельева) были посвящены находкам чужеземных монет, бытовавших на рубеже исторического времени на севере России. Интерес к нумизматике усилился благодаря многим важным находкам. Из ставших в эти годы известными монетных кладов особенно выделяется Муромский (1868), состоявший из более, чем 11000 куфических монет с VII по XI вв.

Пример Уварова не мог не увлечь и в сторону раскопок. Во Владимирской губернии, преимущественно в западных уездах, но также и в Шуйском, нетронутом Уваровым, раскопал около 692 курганов К. Н. Тихонравов (1852—1864). В Московской губ. вели раскопки А. Гатцук (1865, в Подольском и Звенигородском уу.), А. Нечаев (1866, в Бронницком у.) и особенно проф. Московского Университета, зоолог и антрополог, А. П. Богданов, под руководством которого было систематически раскопано около 200 курганов.

В Ярославской губ. тщательные раскопки (1866, Моложский у.) производились А. Сабанеевым.

В Новгородской губ., по поручению Археологической Комиссии, были выполнены, правда, неудачные, раскопки двух курганов около Белоозера, среди них так называемого кургана Синеуса (1860).

Подробных сведений о раскопках Уварова, давших богатейший материал для характеристики курганов и их инвентаря, долгое время не было опубликовано, и работа по изучению вновь добывавшегося археологического материала поневоле должна была вестись ощупью. В результате Сабанеев (1869) считал, что курганы, раскопанные им на реке Сити в Ярославской губ., являются погребальными насыпями над телами павших в несчастной битве великого князя Юрия II с татарами в 1237 г. Датировка находимых предметов оставалась неясной, и Гатцук (1865), напр., следуя Черткову, приписал обнаруженные им захоронения „бронзовой старине", которую, впрочем, датировал VII—XII вв. нашей эры. Гатцук был одним из первых, предполагавших в некоторых предметах курганного инвентаря восточный, болгарский импорт.

Этот исследователь делил Московские курганы на два типа, с чем не согласился Богданов, считавший все могильные насыпи этой губернии однотипными. Скелет обыкновенно лежал на материке, головой на запад. В большей части курганов находят угли. Никакого оружия с покойниками Богданову не встречалось, „вероятно, наше курганное племя было очень мирное", так формулировал исследователь свой вывод.

Работы Богданова были предприняты с целью уяснить антропологический тип народности курганов. В довольно большом числе произведенные им краниологические изыскания дали результаты, не соответствовавшие установившемуся после раскопок Уварова представлению о принадлежности Суздальских курганов финской народности.

В „Материалах для антропологии курганного периода в Московской губ." (1867) Богданов подчеркнул, что встречающийся также в Ярославской, Калужской и Московской губ. типичный череп курганного племени есть субдолихоцефалический в противоположность характерному для финнов короткоголовому. Следуя Бэру, еще ранее изучившему несколько московских курганных черепов, Богданов высказал осторожное предположение, что, вероятно, длинноголовая народность окажется не финской. Впоследствии он определенно признал эту народность славянской.

Эти взгляды известного ученого долгое время не находили сочувствия среди представителей археологической науки.

Не были приняты они и Уваровым. Само заглавие доложенного на I Археологическом Съезде и опубликованного в 1871 г. труда „Меряне и их быт по курганным раскопкам“ красноречиво доказывает, что и после выхода книги Богданова, знаменитый создатель русской археологии продолжал не сомневаться в принадлежности финской мере обнаруженных им древностей, хотя немногие измеренные „мерянские черепа“ тоже показали долихоцефалию. Исследование Уварова, содержавшее результаты произведенных им с П. С. Савельевым раскопок громадной массы курганов (7729 насыпей), дало весьма богатый материал для характеристики культуры курганного периода. В этих курганах, высотой от 70 см. до 3,5 м., встретились как сожжения, так и трупоположения. Сожжение производилось, по Уварову, не на месте курганов, а где-то в стороне. Кости покойника вместе с вещами нередко складывались в глиняный сосуд, над которым и насыпался курган. Погребенные лежали головой на запад. Нередко встречались в курганах угольные прослойки. Могильный инвентарь мужских и женских погребений во многих случаях был весьма близок, что при плохой сохранности костей затруднило для исследователя определение пола. Височные кольца, шейные гривны, бусы, браслеты, серьги, ножны встречались, по словам Уварова, у мужчин и женщин. В монистах из бус бросались в глаза подвески в виде монет или подражания им. В некоторых погребениях сохранились остатки одежд из толстой шерстяной материи, иногда на груди обшитой золотым позументом. Одежда часто украшалась многочисленными металлическими подвесками. Кожаные пояса богато убирались наборными бляхами и привесками. Ножи, огнива, точильные брусья, костяные гребни обычно привешивались к поясу. В голове и в ногах захороненного ставились глиняные сосуды. Кроме того, в женских могилах попадались серпы, а в мужских — довольно часто копья, топоры и другое оружие.

Среди „мерянских“ курганов Уваров констатирует две группы: древнейшую, относимую им на основании монет к IX — XI вв., и позднейшую, редко сопровождающуюся монетами. В позднейших курганах не встречается сожжений и наблюдается „постепенное отступление от обычая предков класть вместе с усопшим в могилу и все предметы, которые ему принадлежали“. Оба типа погребений, различия между которыми, особенно в инвентаре, детально не охарактеризованы, Уваров приписы-

вает мере, следуя скудным указаниям летописи на места обитания этого народа и мало удачно использованным данным топонимики. На основании последних, а также результатов изысканий других археологов, он даже устанавливает пределы мерянского расселения, при чем, считаясь с выводами Богданова, исключил из них почти всю Московскую губ. Впрочем, не все курганы „мерянской" земли исследователь приписал мере; некоторые, где обнаружены „изделия, которые считаются неотъемлемым признаком викингов", он предположительно счел норманскими. Довольно подробно Уваров остановился на происхождении различных элементов материальной культуры народности. Восточным торговым импортом, попадавшим через Болгарию, он считал, следуя отчасти Савельеву, помимо арабских монет, бусы, серебряные изделия с зернью, некоторые браслеты, бляхи, булатные клинки ножей и т. д. Едва ли не первый Уваров отметил существование в курганных древностях значительных масс предметов западного происхождения, куда он относил, кроме западно-европейских монет, некоторые виды браслетов и бус, пряжки, железное оружие, изделия скандинавского стиля. Ткани с золотым шитьем и нередко попадавшиеся кресты он выводил из Византии, а многие бронзовые украшения от западных, прибалтийских соседей мери.

Кроме курганов, экспедицией Уварова были обследованы еще некоторые городища.

Раскопки Уварова, одни из первых на территории лесной полосы, конечно, с нашей точки зрения, обладают значительными недостатками. Отчеты о раскопках часто не содержат точных описаний курганов и их устройства, не всегда они указывают местонахождение предметов при костяках. Во многих погребениях не было составлено описи предметов, вследствие этого ряд положений „мерян" не может быть проверен и правильность им является спорной. Тем не менее труд Уварова, открывший, казалось, безвестно исчезнувшую культуру целой народности и показавший огромное значение археологических раскопок для ранней истории России, справедливо привел современников в восхищение. Обширность, основательность, новизна материала, сделали эту работу на долгое время классической, и до сих пор она сохраняет довольно большое значение.

Исследование Уварова имело глубокое влияние. В течение свыше 30 лет после его появления внимание исследователей

железного века средней и северо-западной России было обращено почти исключительно на курганы. Сведения, собранные в „Мерянах", сделались отправной точкой для новых работ, а атлас книги Уварова основным пособием при изучении всех новых находок.

С 70-х годов раскопки курганов, раньше производившиеся почти исключительно в Подмосковной области, распространились на более обширную территорию. Русское Археологическое Общество (в Петербурге), Московское Археологическое Общество, некоторые другие научные учреждения, а также частные лица, энергично повели новые исследования, принявшие особенно широкий размах в 80-х годах.

Из этих изысканий наиболее важны нижеперечисленные.[1]

Во Владимирской губ., прославленной работами Уварова и Тихонравова, раскопки производились в незначительном размере; заслуживают упоминания лишь работы Керцелли, копавшего в Муромском уезде. В Ярославской губ. особенно важны раскопки Ивановского (1875 г.), А. И. Кельсиева (1878, слишком 150 курганов в разных уездах), Я. А. Ушакова (1878 в Углицком уезде, 1887 в Моложском уезде). Много изысканий велось в Тверской губ.: Д. П. Европеус (1872) и А. Е. Гроздов (1878) копали в Бежецком уезде, В. Я. Щербаков (1878) и В. А. Плетнев (1880) в Тверском уезде, А. Я. Воробьев (1878) и В. И. Власов (1891) в Осташковском у., Д. Ф. Щеглов (1878) и Чистяков (1886) в Ржевском у., А. И. Михайловский в Новоторжском у. (1883).

В Новгородской губ. раскапывали курганы: Ивановский (1871) в югозападной части, Данилов (в окрестностях Бологово), Прохоров (Валдайский у.). В Псковской губ.: В. Л. Беренштам и др. (1880 г. в Псковском у.), Д. И. Эварницкий (около 1890, Великолуцкий у.). В Ленинградской вол. многолетние раскопки, по поручению Русского Археологического Общества, делал Ивановский, вскрывший 5877 насыпей. По размеру его раскопки можно сравнить лишь с Уваровскими. Кроме того, в этой губернии очень основательно работал Н. Я. Бранденбург (1878—84, Приладожье). Исследования курганов в Смоленской губ. были

---

[1] В нижеприведенном перечне годы показывают, в противоположность принятому в настоящей работе, время работ, а не выхода публикаций. Значительная часть результатов упомянутых изысканий не издана.

весьма многочисленны, можно отметить работы М. Ф. Кусцинского (1874), Соколова (132 кургана, у Гнездова, 1882), В. И. Сизова (1881—1891, несколько сот курганов, между прочим, много у Гнездова), Уварова (1883), геолога Н. И. Криштофовича (1889). В Витебской губ. копал Е. Р. Романов (1889—1891). В Могилевской он же (1888) и Сизов (1890—1891). В Московской губ. должны быть отмечены исследования А. И. Кельсиева (1883), Н. О. Зографа и Сизова (1883—1890). Наконец, в Рязанской губ. копал Ф. Д. Нефедов (1878, Касимовский у.) и А. В. Селиванов (рубцовские курганы, 1889).

Изучение других памятников в Центральной и Северозападной области велось в совершенно незначительных размерах.

Плетнев дал сведения о городищах Тверской губ. (1876), Кусцинский—о городищах Тверской и Смоленской губ. (1881). Единственные городища, раскопки которых в эту эпоху должны быть отмечены, это исследованное Бранденбургом (1887, 1892) городище Старой Ладоги, восходящее в значительной части к XII в., Дьяково городище под Москвой, копавшееся Г. Филимоновым (1876) и Сизовым; добытая в последнем интересная костяная индустрия сближает это городище с некоторыми ранними камскими, как отметил и Сизов (1893); на ряду с архаической керамикой она определенно указала на существование этого поселения в эпоху докурганную. Важное значение раскопок Дьякова городища выяснилось лишь потом.

Постепенно все увеличивавшееся количество исследованных курганов не могло не вызвать ряда проблем. Актуальный в более раннее время вопрос о назначении курганов, в которых на ряду с обычными могильными насыпями были склонны видеть и сторожевые пункты и насыпи над телами павших в бою („боевые курганы"), получил определенное разрешение после опубликования работ Уварова, почти все из бесчисленных курганов которого оказались нормальными захоронениями. Ивановский доказал, что и курганы прославленной Сити также являются обычными могилами, при том более ранними, чем смертная битва князя Юрия II (1884).

Среди всей массы курганов стали намечаться постепенно группы более сходных. Ивановский (1878) и Кельсиев (1878) отметили сходство инвентаря разрытых ими Ярославских курганов с исследованными Уваровым. „Мерянский" же характер отметил Европеус в Бежецком у. (1881).

На отличительные признаки Московской группы, существование которой нашел Уваров, указал отчетливее Анучин (1877); отметил он в качестве характерных для нее предметов многогранные сердоликовые бусы, подвески полукруглой формы дугой, витые из проволоки шейные обручи и браслеты и семилопастные, височные кольца и т. п. В этих курганах отсутствуют скорлупообразные фибулы, оружие и некоторые другие формы, типичные для „мерянских" курганов. К московской группе Кельсиев отнес и курганы, раскопанные им около Митиной дер. Московской губ. (1885).

Стала вырисовываться и рязанская группа погребений.

Смоленские курганы и примыкавшие к ним некоторые Могилевские впервые Сизов выделил в особую группу, обладающую точками соприкосновения с Московской (1890); он приписал их кривичам, как еще в 1881 г. Кусцинский. Сизов различил в Смоленском крае три типа курганов. Ему же принадлежит указание на сильное норманское влияние в инвентаре знаменитых гнездовских курганов около Смоленска (1887).

Еще в 1881 г. Ивановский отметил в Новгородских курганах „жертвенник", т.-е., сложенную из камней кучу возле костей погребенного. Подобные курганы обнаружены им же в очень большом числе в „Водской пятине", т.-е., в северо-западной части Ленинградской губ. Далее к востоку Бранденбург отметил два типа курганов: высокие сопки, встреченные на Волхове, и низкие полушарные насыпи юго-восточного Приладожья (1881). В курганах отмеченных групп почти всюду попадались как сожжения, так и трупоположения. Этот факт отметил Сизов в Смоленском крае, Ивановский и Бранденбург в Северо-западном, совершенно то же, как раньше Уваров в „мерянских" курганах.

Вопрос о способах датировки курганов имел значение лишь в начальном периоде. В числе предложенных I-му Археологическому съезду вопросов пятнадцатый спрашивал, напр., о возможности определения времени насыпи на основании факта сожжения трупов. Опубликование результатов раскопок Уварова, по мнению современников, внесло достаточно ясности в этот вопрос, так что в течение нескольких десятилетий он вновь не поднимался. Курганы относились к X—XI веку (более древняя группа) и XI—XII (более поздняя).

Зато весьма актуальной продолжала оставаться проблема этническая. К ней подходили двумя методами. Один метод можно назвать археологическим. Народность захороненных пытались определить на основании способа погребения и могильного инвентаря. При этом принимались во внимание данные летописи, правда, очень незначительные. Этим путем шел и Уваров. Однако, несмотря на неоднократную постановку этого вопроса, трактовавшегося и на археологических съездах, все-таки оставалось неясным, какие же признаки с полной несомненностью свидетельствуют о принадлежности погребений норманнам, славянам или финнам. Роли финского элемента в среде носителей курганной культуры склонны были придавать особенно большое значение. Объяснение этому следует искать, помимо присутствия остатков во многих местностях былого финского населения, указаний летописи, данных топонимики, также во влиянии лингвиста Кастрена, начиная с 40-х годов, с настойчивостью доказывавшего, что исконными обитателями всего севера Евразии были финноугры. В результате курганы многих областей были приписаны мере, води и другим финским племенам.

Археологический метод был, пожалуй, удачнее всего применен в эту эпоху Сизовым, правильно связавшим с кривичами курганы Смоленского края, и Бранденбургом, приписавшим Волховские сопки славянам, Приладожские же низкие курганы — финнам (1831).

Другим методом определения этнической принадлежности курганов явился антропологический, использованный еще Богдановым. В более новых работах этот исследователь считал курганных длинноголовых определенно славянами. Наблюдавшееся в более поздних захоронениях усиление процента короткоголовых он объяснял „самостоятельным“ постепенным видоизменением черепа (1882, 1892). Та же долихоцефалия побудила Европеуса выступить со своеобразной теорией угорского происхождения курганной народности (1881). Соответственно своей точке зрения этот исследователь ошибочно счел медные изделия, обнаруженные в Бежецких курганах, отлитыми из алтайской меди, принесенной уграми из своей родины — Алтая. Европеус обосновывал свои выводы изучением топонимики, далеко на запад обнаруживавшей, по его мнению, угорские элементы. По краниологии некоторых Смоленских курганов вышла небольшая

работа Анучина (1881), нашедшего в них хамепрозопо-мезоцефальный тип.

Мнение Богданова о господстве долихоцефалии среди черепов курганных погребений стало оспариваться лишь в самом конце первого периода. На международном антропологическом конгрессе в Москве в 1892 г. швейцарский антрополог Кольман отметил, что по имеющимся данным на длинноголовых падает менее половины всей массы черепов.

Появилось и несколько специальных исследований, посвященных тому или иному типу предметов. Анучин коснулся мечей северной полосы (1884). Бранденбург дал типологию приладожских фибул; отметив скандинавское происхождение самого типа, исследователь однако подчеркнул несомненность местного изготовления многих из них (1884). Анучин в статье „Сани, ладья и кони, как принадлежности похоронного обряда“ (1890) осветил путем широкого привлечения сравнительного материала также некоторые особенности курганных погребений.

Городища России вообще и в частности севера явились предметом работы Д. Я. Самоквасова (1874), опровергавшего старую теорию Ходаковского об обрядовом характере этих погребений. Самоквасов правильно видел в большинстве из них места поселений.

Древности эпох позднее XI—XII вв. подверглись изучению лишь в слабой мере. Волькенштейн в 1863 г. (1881) и Ивановский (1881) раскопали несколько жальничных погребений XIII—XIV вв. Новгородской губ., при чем первый указал на большое сходство захороненных в краниологическом отношении с современными обитателями той же местности. Анучин опубликовал сведения о раскопках курганов, по его мнению, XIV в., возле деревни Терюшево Нижегородской губ., произведенных Дружкиным (1887).

До 1880 г. раскопки касались почти исключительно курганных и жальничных погребений. Могильники с захоронениями, лишенными внешних признаков, в средней и западной полосе не были известны. Исключение составляет лишь Максимовский могильник близ Мурома, копавшийся Н. Г. Добрынкиным в 1877 г., Уваровым в 1878 г. и Нефедовым в 1886 г. Но результаты этих работ, нигде не опубликованные, оставались мало известными.

Зато широкую известность приобрели открытие и раскопки Ф. А. Уваровым в 1888 г. рядового могильника около Курманского на Оке Тамбовской губ. Исследование Курманского могильника, с полной несомненностью показавшего, что центральная область знает не одни курганные захоронения, но и более древние по времени рядовые могильники, имело очень важное значение. Дата его первоначально была определена VII—VIII вв. (1890), но уже в 1891 г. С. С. Слуцкий, на основании работы де-Бая о готских древностях в России, предположительно отнес Курманский могильник к более раннему времени, именно к V—VI вв. В том же 1888 г. Селиванов раскопал аналогичные могилы в Старой Рязани (1891).

Таким образом, в первый период археологической науки было заложено в нашей стране прочное основание изучению как каменных культур западной части лесной полосы, так и древностей позднего железного века этой территории. Были намечены характерные элементы памятников курганной культуры. Однако, весьма значительные материалы, добытые раскопками, оставались вне изучения. Их публикация и разработка относятся уже к последующему времени.

Если доисторические древности Северо-западной и Центральной областей таким образом начали выступать с большей отчетливостью, то относительно памятников более отдаленного севера этого сказать нельзя. Исследования в Вологодской и Архангельской губ. в течение всего первого периода носили характер накопления случайного материала. По Архангельской губ. некоторые, основанные на слухах, сведения дал еще Кастрен (1844); на I Археологическом съезде были оглашены материалы А. Ф. Тышинского и П. С. Ефименко. Главным образом они касались городищ. Из Тиманской тундры привез каменные орудия А. А. Штукенберг (1884). В Вологодской губ. П. Мельников раскопал несколько поздних могил с восточными монетами в районе Усть-Сысольска. Заметки о них и затем о некоторых находках англосаксонских монет в том же районе помещены П. С. Савельевым в „Записках Археологического Общества“ (1852). Лерх (1865), Ордин (1887), Полиевктов (1887) дали немногие сведения о городищах различных уездов губернии.

Очень интересные бронзовые фигурные изображения пермских типов, найденные у впадения реки Сопляс в Печору, опи-

саны Эйхвальдом (1860). Они позднее были изданы Аспелином.

В восточной полосе Европейской России интерес к древностям стал складываться еще до мерянских раскопок Уварова. Под влиянием богатых открытий греко-скифских памятников в Крыму в 20-х и 30-х годах XIX в. в 30-х годах началось собирание доисторической старины в обильном интереснейшими находками Пермском крае. Успех раскопок Уварова в Суздальской земле произвел впечатление и на востоке, и раскопки знаменитого Ананьинского могильника, несомненно, обязаны своим осуществлением удаче Уварова.

Первый Археологический съезд, обративший внимание широких кругов общественности на археологические памятники, дал некоторый толчок к археологической работе на востоке. С этого времени усилилось коллекционирование предметов древностей и стали чаще появляться в печати некоторые работы, главным образом, описательного характера.

После IV-го Археологического съезда, собравшегося в Казани в 1877 г., археологическая исследовательская работа на востоке стала развиваться быстрым темпом. Восьмидесятые годы являются периодом чрезвычайного оживления палеоэтнологических изысканий в восточной России; в это время были проведены первые систематические раскопки и заложено прочное основание научному изучению доисторических культур обширных территорий Поволжья и Урала.

Эти работы производились, главным образом, местными силами. Исследователи Вятки, Казани, Перми, Свердловска (Екатеринбурга) и других городов были пионерами, двинувшими дело археологического изучения северо-востока Европейской России. Археологи Москвы и Петербурга принимали первоначально очень слабое участие в этих изысканиях.

Проблема сказочной Биармии, культура Волжских „серебряных“ болгар, славное прошлое татарских царств Казани и Сибири, неясные сведения III-й книги отца истории Геродота о народах, живших на северо-восток от скифов,—вот тот круг вопросов, который волновал пытливые умы восточной России и побуждал к археологическим исследованиям. В скандинавских сагах, в летописи, у Геродота, наконец, в народных легендах искали объяснения случайно ставшим известными остаткам древности, и известия этих же источников пытались истолковать

с помощью находок. Первоначально в изысканиях отчетливо не сознавалось различие между памятниками доисторическими и памятниками историческими, и болгарам или сибирским татарам приписывались древности значительно более ранние.

Усиление влияния естественных наук на археологию стало чувствоваться на востоке с 80-х годов. В работах археолога видное место заняли вопросы антропологического, зоологического и геологического характера. Соответственно этому усилилось и использование данных этнографии, тогда тесно связывавшейся с биологическими науками. Влияние естественных наук отразилось и на составе исследователей. Ряд важнейших археологов восьмидесятых годов, напр., Штукенберг, Теплоухов, Малахов, были натуралистами.

Изучение доисторических древностей востока велось порайонно. Особенно интенсивно шло оно в Волжско-Камском крае, охватывавшем Казанскую и Вятскую губернии, следовательно, территории царств Болгарского и Казанско-татарского, особенно интересных с точки зрения проблем русской истории. В двух пунктах сосредоточивалась работа в этом крае: в Казани, тогда духовном центре востока и Сибири, и в Вятке. В обоих городах еще с пятидесятых годов стали приглядываться к старине. В местной прессе начали появляться описания некоторых памятников до-русского прошлого. Одна такая заметка, напечатанная в „Казанских Губернских Ведомостях“ и содержавшая перевод писателя XVI в. Шерефеддина, привлекла внимание уроженца Вятской губ. профессора Московского Университета К. И. Невоструева. Шерефеддин, в частности, сообщал, что недалеко от современной Елабуги, на устьях реки Тоймы, имеются какие-то могилы последователей Магомета, посещенные Тамерланом в его губительный набег на Волжскую Болгарию. Невоструев обратился по этому поводу с расспросами к своему приятелю, Елабужскому коммерсанту Шишкину, и тот действительно обнаружил недалеко от устьев реки Тоймы возвышение, слывшее у окрестного населения под названием могильника. Холм подмывала река Кама, и в осыпи его крестьяне нередко находили бронзовые и железные изделия. Таким образом был открыт знаменитый Ананьинский могильник — первый пункт в восточной России, подвергнутый правильным раскопкам.

Попытка самого Шишкина произвести изыскания натолкнулась на сопротивление владельца земли, Удельного Ведомства, которое поручило работу своему чиновнику П. В. Алабину.

В 1858 г. Алабин раскопал могильник. Обнаруженные 46 (точнее 48) захоронений представляли частью обычные трупоположения, частью сожжения, частью, наконец, частичные погребения лишь некоторых остатков человека, напр., голов. Костяки сопровождались довольно богатым инвентарем, состоявшим из бронзового оружия (кельты, секиры, кинжалы, наконечники копий и стрел), разнообразных бронзовых украшений, предметов конского убора, железных изделий (кинжалы, наконечники копий и стрел, ножи) и значительного числа глиняных горшков.

В отчетной статье, появившейся в 1860 г. в „Записках Русского Географического Общества", исследователь попытался дать некоторые пояснения своим выдающимся по интересу находкам. Частичные погребения голов он приписал рабам местного князя и толковал их, как умилостивительные жертвы. Относительно сожжений он высказал, впоследствии неподтвердившуюся, мысль, что тела сжигались в особых местах вне могильника, а сохранившиеся кости складывались на нарочно устроенных „одрах" „по рисунку скелета". Совершенно правильно Алабин отнес могильник ко времени предшествующему цветущей эпохе Болгарского царства, т.-е., до IX—X вв., причем странным образом счел, что погребены в нем „наши предки, такие же русские, как и мы", слывшие в отдаленные времена у соседей под разными наименованиями: скифов и др.

Открытие Ананьинского могильника, бросившее первый луч света на старину востока России, было событием выдающимся и вызвало ряд откликов. В том же 1860 г. один из крупнейших геологов того времени Эйхвальд высказал ряд положений по поводу открытия Алабина. Впервые подметив некоторые сходные черты между могильником и тогда ставшими известными скифскими могилами юга, он приписал погребение скифам, описанным у Геродота, или другим, и, увлеченный этой мыслью, истолковал весь могильник как одно погребение, а все 46 скелетов, как сожженные в тот же день тела придворных и рабов, „положенных по древним обычаям вместе с умершим властителем" земли на Каме. Соответственно своей основной точке зрения он датировал могильник „быть может, VI в." до нашей

эры, примерно угадав таким образом истину, и отнес его к железному веку.

Академик Бэр тоже высказался по поводу могильника (1863), отметив, что на основании раскопок Алабина выяснилось бытование бронзовых кельтов, до тех пор известных только на западе, также в восточной Европе. Ананьинские черепа Бэр склонен был связать с восточно-финскими.

Более детальному изучению подверг ананьинские древности Невоструев. В обстоятельной монографии (1871) он решительно возразил против фантастической теории Эйхвальда об одновременном сожжении всех погребенных в могильнике, указав, что захоронения имеют весьма различный характер. Невоструев впервые в археологической литературе севера России дал детальное описание отдельных найденных предметов, с указанием размеров. Он использовал также данные химического анализа, показавшие ему, что металл большинства предметов, Алабиным определенный как какой-то сплав, является бронзой, и первый отнес могильник к бронзовому веку. Датируя погребения эпохой, предшествующей началу нашей эры, Невоструев приписал их тем же скифам, но не европейским, а азиатским, чем и объяснил подмеченное им сходство некоторых ананьинских с ассирийскими. Это, правда, впоследствии неподтвердившееся, наблюдение является первым указанием на существование связей северо-восточных доисторических культур России с Древним Востоком.

Хотя раскопки Алабина носили случайный характер и не увязывались с основной для Казанско-Вятского края проблемой культуры Болгарского царства, тем не менее значение их для Востока очень велико. Интерес, возбужденный ими, в известной степени приближается к впечатлению, произведенному раскопками Уварова в „мерянской“ земле. Долгое время Ананьинский могильник оставался почти единственным более древним памятником, научно-раскопанным и богатым находками. Древности Ананьина сохранили свое важное значение и до нашего времени, недаром эпоха этого могильника получила в науке название Ананьинской. Естественно, что изыскания Алабина вызвали ряд новых исследований. Сам Алабин (1864) и Лерх (1865) производили раскопки на некоторых городищах Вятской губ. Невоструев дал описание некоторых городищ Поволжья и Прикамья, составленное, главным образом, на основании случайных упоми-

наний в различных исторических актах, но содержащее также некоторые сведения, добытые от корреспондентов.

Все указанные им памятники Невоструев считал болгарскими или казанско-татарскими. Перед ним не вставало даже предположения о принадлежности, хотя бы части, этих сооружений более древним эпохам. Проблему до-болгарских памятников впервые поднял А. Ф. Лихачев. Страстный коллекционер местной старины, этот исследователь впервые в Казани научно поставил изучение древностей дорусской эпохи. В своих „Бытовых памятниках Великой Болгарии" (1876) он, дав очерк культуры волжских болгар[1] по письменным источникам, вместе с тем осветил и археологические остатки Волжско-Камского края, среди которых видное место занимали изделия каменного и бронзового веков, причем к последнему он тогда ошибочно причислял и разного рода более поздние поделки из меди и ее сплавов. Лихачев не решился с полной уверенностью утверждать, принадлежат ли эти предметы болгарам в более ранний период их истории, или же другой народности; со свойственной ему осторожностью, он допускал для них датировку первыми веками нашей эры. Решение вопроса о времени этих изделий представлялось ему в правильно поставленных раскопках, которые обнаружили бы и обстановку их залегания и сопровождающие остатки. В атласе к своей работе этот исследователь опубликовал ряд „шумящих" привесок, подвесок с гусиными лапками и других украшений аналогичного стиля. Сравнив их с „мерянскими" предметами из раскопок Уварова, он заключил, что последние отчасти „может быть, занесены из Болгарии", как предполагал и Уваров, болгарского материала, однако, не знавший.

Собиравшиеся в семидесятых годах археологические сведения статистическими комитетами Казани и Вятки, полученные официальным путем через неподготовленных лиц, имеют весьма ограниченное значение. Как уже отмечено, серьезно двинул вперед археологическую работу в среднем Поволжье Казанский Археологический съезд. В нем приняли участие историки, археологи различных специальностей и востоковеды, среди которых

---

[1] История изучения болгарских древностей, в собственном смысле этого слова, как не связанная с основной темой Сборника, затрагивается лишь постольку, поскольку связывается с доисторией северной полосы.

уже тогда выделялся будущий академик-турколог В. В. Радлов, бывший одним из наиболее активных работников съезда. К съезду была выпущена С. М. Шпилевским важная работа „Древние городища и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губ." (1877); так же, как в предшествующих исследованиях, в этой книге еще не различаются памятники болгарские от более ранних.

Н. А. Толмачев выступил на съезде с описанием различных древностей Казанской губ. Ряд докладов был посвящен болгарской цивилизации. Съезд, однако, не мог значительно продвинуть дело изучения разнообразных культур края. Проблема расчленения древних памятников по отдельным периодам продолжала стоять так же остро, как и раньше. Сознавая это, присутствовавший на съезде Уваров поднял вопрос о создании в Казани специального общества, в задачи которого и вошло бы детальное изучение прошлых судеб края.

Это предположение получило осуществление, и в 1878 г. было основано Общество Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете, интересы которого с самого начала и направились в значительной степени на изучение археологических проблем. Как и отметил в своей речи на годовом собрании Общества в 1878 г. вице-председатель Шпилевский, работа нового Общества намечалась в тесном контакте с представителями естественно-научных дисциплин, в целях углубленного освещения антропологических, геологических и других вопросов, постоянно встававших перед археологом.

Под влиянием IV съезда в Казани многие частные лица начали собирать доисторические древности. Среди этих коллекционеров, помимо Лихачева, уже давно собиравшего старину, особенно выделяются профессор Н. Ф. Высоцкий, интересовавшийся, главным образом, остатками каменного века, и богатый купец В. И. Заусайлов, сумевший благодаря страстной энергии и редкой удаче в сравнительно короткое время составить прекрасное собрание древностей каменного и бронзового периодов. Впоследствии, после краха коммерческих дел владельца, это собрание долго не могло найти покупателя и, наконец, приобретенное Финляндией, ныне составляет гордость Финляндского Национального Музея; оно явилось одним из краеугольных камней работ выдающегося современного финляндского археолога А. М. Тальгрена.

Общество Археологии, Истории и Этнографии сумело объединить вокруг себя не только научных деятелей, но и любителей собирателей, благодаря чему работа последних пошла по научному пути, и собранные коллекции могли послужить важным научным материалом.

Работы Общества сразу пошли очень энергично, и уже в 1881 г. основная проблема археологии края, именно вопрос о проведении грани между древностями историческими, болгаро-татарскими и доисторическими, более ранними, стала на пути к разрешению.

Эти успехи тесно связаны с именем Петра Алексеевича Пономарева. Скромный учитель, он горел беззаветной любовью к старине края, изучение которой стало для него целью жизни. Его пылкое рвение заражало молодых работников, и ряд исследователей нашего времени с чувством глубокой благодарности вспоминает о тех искрах, которые были в них заброшены горячим интересом и участием Петра Алексеевича.

Начались работы Пономарева в 1881 г., когда, на ставшем историческим заседании Общества 16 мая, он сделал доклад, в котором решительно высказал убеждение, что среди древностей Казанской губернии должны быть различаемы, по крайней мере, два культурных наслоения: одно относящееся к бронзовому веку, другое более новое, относящееся к болгарской цивилизации. Установка этого положения имела большое значение: после доклада 16 мая перестали связывать с болгарским временем предметы бронзового периода и смешивать воедино памятники этих весьма различных эпох. В докладе Пономарева впервые на севере России была сделана попытка расчленить разновременные культурные комплексы одной и той же территории. До этого времени делались только редкие и случайные указания на более ранние и более поздние предметы одной и той же местности.

На том же заседании Пономарев предложил Обществу направить усилия в сторону изучения тогда еще темного бронзового века края и организовать ряд исследований по наиболее богатому находками нижнему течению Камы. Это предложение было принято, и в 1881 г. мы видим Пономарева, совместно с другими членами Общества, на доследовании знаменитого Ананьинского могильника. Эти раскопки имели целью выяснить некоторые недоумения, возникшие в связи с отчетом Алабина.

В противоположность слишком поспешным работам последнего, вскрывшего все 48 погребений в один день, при помощи большого числа „согнанных“ рабочих, раскопки Пономарева были проведены с редкой тщательностью.

Выводы исследователя появились в печати много позднее (1892). Они подтвердили соображения Алабина о трех видах захоронений: трупоположении, сожжении и частичном погребении. Пономарев обнаружил весьма интересные погребения, в которых в могиле оказывались только ничтожные остатки человека, напр., зубы, сложенные в берестяной футляр. При этом оказалось, что наиболее сложными и богатыми погребениями являются именно частичные. Своеобразная гипотеза Алабина о перенесении костяков после сожжения на какие то „одры“ и расположение их „по рисунку скелета“ совершенно не подтвердилась, а единственное обнаруженное сожжение оказалось произведенным на месте погребения.

Согласясь с Аспелином, Пономарев отнес Ананьинский могильник не к эпохе расцвета бронзы, как полагал Невоструев, но к концу ее и переходу к железу. Эта точка зрения принята и в настоящее время.

Весьма важно указание Пономарева на то, что могильник расположен на месте более древней дюнной стоянки каменного века, к которой, очевидно, восходит большая часть предметов из камня, найденных крестьянами возле могильника.

Тем же летом 1881 г. Пономарев исследовал городище около дер. Сорочьи Горы на Каме. В 1882 г. появилось предварительное сообщение об этих раскопках. Городище изобиловало костяными изделиями; там встретились костяные молоты, иглы, лопатки, ложки, шилья, стрелы и т. п., а также большое количество черепков глиняной посуды и расколотых костей животных. Пономарев подчеркнул с одной стороны резкое отличие этого городища от болгаро-татарских, с другой стороны невозможность отнести его к каменному веку, вследствие почти полного отсутствия каменных изделий. Он сблизил Сорочегорское городище с так называемыми „чудскими“ городищами Вятской губернии и отнес его ко времени доболгарскому. Раскопки городища у Сорочьих Гор были первым обследованием так называемых „костеносных“ городищ, и Пономарев уже тогда предположительно высказал мысль, впоследствии вполне потвердившуюся, об известной близости городищ

названного типа к культуре Ананьинского могильника, в пользу чего он и привел несколько веских доказательств.

В том же 1881 г. Пономарев копал и на известном Пьяноборском могильнике, близ устья реки Белой, в результате чего открыл новый культурный тип древностей нижней Камы, отнесенный им тоже к бронзовому веку. Как весьма характерный элемент этого типа, он отметил крупные эполетообразные застежки. В 1888 г. Пономаревым велись раскопки на могильнике „Атамановы кости" Вятской губ., который еще раньше копался С. К. Кузнецовым (1882). „Атамановы кости", где встретились, между прочим, типичные „эполетообразные" застежки, были еще последним связаны с Пьяноборским могильником.

Оба могильника дали немало железных предметов, и в настоящее время относятся к железному веку.

Исследования Пономарева представляют весьма важный шаг вперед. Они наметили три группы культурных комплексов края: ананьинскую, костеносную и пьяноборскую.

Несмотря на указанную им близость первых двух, Пономарев все-таки до конца дней своих считал их разновременными и выделял Ананьинский могильник, как „единственный в крае памятник приалтайской культуры". Ранние эпохи бронзового века он не мог выделить, и раскопанный им среднебронзовый могильник у дер. Маклашеевки отнес к железному веку.

Кроме Пономарева, занимался бронзовым веком Волжско-Камского края и уже упоминавшийся Лихачев. Он опубликовал в „Трудах VII Археологического Съезда" (1887) ряд предметов бронзового периода, среди них, между прочим, серпы. Эти находки навели его на подтвердившуюся впоследствии мысль о существовании на территории Казанского края, на ряду с переходными к железному веку эпохами Ананьинского могильника и другими, и самостоятельного бронзового века, предшествовавшего знакомству с железом.

Другой доклад Лихачева о скифских элементах в чудских древностях, читанный на VI Археологическом Съезде (1884), явился значительным углублением проблем бронзового и железного веков (не болгарского) края. Широкими штрихами намечаются в них связи, сближающие культуру Ананьинского могильника с древностями Сибири с одной стороны, и с предметами скифской культуры с другой. Многие мысли Лихачева сохранили свое значение до сих пор. Детальнее всего исследо-

ватель коснулся памятников художественного значения, в разборке которых он вышел далеко за пределы ананьинской культуры. Стиль животных и человеческих фигур, столь распространенных на востоке России и в Сибири, представлялся ему единым художественным явлением, которое он назвал „чудским" стилем, употребляя выражение „чудь" исключительно в условном смысле. Чудской стиль держался, по его мнению, в Приуралье, может быть, вплоть до эпохи монголо-татарской, что ныне и подтвердилось. Сходство в проявлениях этого стиля, который теперь называют звериным, Лихачев не решился объяснить простым заимствованием. „Может быть, распространенность и господство известного рода предметов, пишет он, обусловливались сходством в образе жизни у разноплеменных народов и своего рода модой на известные предметы". Иначе говоря, он допускал возможность конвергентного возникновения сходных форм у различных народов. Наряду с этим для лучших в художественном отношении предметов, он принимает заимствование из Скифии и даже влияние античных культур, во многих случаях, правда, ошибочно.

Исследование Лихачева далеко выделялось среди русских работ того времени, может быть, потому оно и прошло мало замеченным.

К более поздним эпохам железного века относится инвентарь кургана, раскопанного Пономаревым около дер. Белымер. А. А. Штукенберг, описавший эти находки (1892), пришел к заключению, что найденный меч является типично скандинавским, и датировал могилу эпохой от 700—1000 г. нашей эры. Народность погребенного для него осталась открытой. Затем бедные погребения, повидимому, железного века, раскапывал Высоцкий у Укречи и в других местах губернии (1881).

Древности каменного века также привлекали внимание казанских исследователей того времени.

Впервые каменные орудия из Казанского края, как уже отмечалось, были опубликованы Н. Головкинским (1868); об издании Лихачевым некоторых каменных изделий также упомянуто. Лихачев же открыл в 1878 г. первые стоянки с каменной индустрией на берегах Волги в окрестностях Казани. Поляков, в 1878-м же году посетивший Казанскую губ., выяснил несомненно неолитический характер орудий, попадавшихся близ деревни Карташихи и других, по краям волжской поймы,

в растительном слое II террасы. Как в Олонецком крае (Кенозеро), Поляков под Казанью констатировал, что на изделия шел местный материал, в виде кремня Пермской формации (1880). Уваров также опубликовал описание некоторых орудий, найденных в Казанской губернии и других местах востока (1881).

Систематически стоянки каменного века стали изучаться Высоцким и Штукенбергом (1885), открывшими на песчаной надлуговой террасе Волги ряд поселений, обильных каменными изделиями и глиняными черепками. У деревни Мал. Отары были обнаружены котлообразные ямы, по всей вероятности, по мнению исследователей, представлявшие остатки землянок. Также были открыты и погребения. В своей статье Высоцкий, один из первых в России, дал классификацию каменных изделий и типологию стрел и некоторых других видов орудия. Как в настоящее время выясняется, эти стоянки (и погребения) должны быть отнесены к бронзовому веку.

В 1884 г. Заусайлов выпустил большой атлас каменных орудий, собранных в пределах Казанской губернии.

П. И. Кротов, изучая (1891) условия находки сверленых топоров и других каменных изделий в Яранском у. Вятской губ., пришел к важному, хотя недостаточно обоснованному, выводу, что в этой местности каменные орудия не относятся к каменному веку, а принадлежат к эпохе финских городищ, обитатели которых употребляли также бронзовые и железные предметы.

Перечисленными изысканиями далеко не исчерпывались работы Общества и его членов. В „Известиях“ Общества было напечатано очень большое число статей и заметок, освещавших отдельные древние памятники края. Обыкновенно исследования казанских ученых ограничивались или отдельными группами древностей или единичными памятниками. После скоро устаревшей книги Шпилевского в Казани не делалось попыток дать общую сводку древностей. Систематическое обследование территории в губернском масштабе было впервые проведено в Вятке трудами А. А. Спицына, этой работой начавшего свой плодотворный научный труд.

В течение восьмидесятых годов он тщательно собирал сведения о местных древностях. Благодаря многочисленным личным поездкам, благодаря умелой организации целой сети добровольных корреспондентов, Александру Андреевичу Спицыну, тогда учителю одной из местных гимназий, удалось составить

весьма полную и подробную опись коллективных памятников и отдельных находок, относящихся к дорусскому времени губернии. Одновременно он дал в вятской прессе ряд очерков, осветивших доисторические эпохи края (1882—1889).

Важное дело, проведенное Спицыным, являлось совершенно новым для того времени, и уже на VII Археологическом съезде в Ярославле в 1887 г. инициатор его был отмечен и поддержан собравшимися представителями археологической науки.

Развитие археологических работ в Казани весьма сказалось и на изучении других областей восточной России, начатом уже раньше. По древностям Пензы, Симбирска, Саратова работал в восьмидесятых годах Чекалин, о курганах и других памятниках Саратовской губ. писал А. Н. Минх, о древностях Самары — еще раньше Алабин (1871).

В Уфе, еще в шестидесятых годах, член Статистического Комитета Р. Г. Игнатьев (1871) произвел несколько раскопок курганов железного века и дал ряд сведений о местных древностях. На Уфимский край обратили внимание и московские исследователи, и по поручению комитета Антропологической Выставки 1879 г. Нефедов произвел обследование некоторых довольно поздних, возможно уже башкирских, курганов к югу от Уфы (1879).

Пермские доисторические древности привлекали внимание, как мы видели, еще в 30—40 гг. Владельцы громадных имений в Пермской губ. Строгановы, на землях которых в 40-х годах весьма участились находки древних предметов, стали интересоваться ими, и гр. С. Г. Строганов, будущий председатель Археологической Комиссии в Петербурге, даже обратился в главную контору имения в селе Ильинском Пермской губ. с письмом, в котором дал подробную инструкцию относительно наблюдения над случайными находками и их сбора. В результате его распоряжений в петербургский дворец Строгановых начали поступать различные предметы, положившие начало интересному собранию, ныне хранящемуся в Эрмитаже.

В противоположность Казанскому краю, где внимание было устремлено, главным образом, на бронзу, интерес исследователей Перми направлялся преимущественно на весьма обильные в этом крае памятники железного века, здесь обыкновенно называвшиеся „чудскими“. В 1859 и 1860 гг. появились статьи Ешевского, содержавшие описания и воспроизведения неко-

торых находок; в них впервые отмечено сходство ряда пермских изделий с некоторыми „дотатарскими“ вещами нижней Камы.

Важная задача сбора археологического материала стала энергично осуществляться с переходом в 1864 г. вышеупомянутой коллекции Волегова в руки А. Е. Теплоухова. С этого времени начинается плодотворная археологическая деятельность семьи Теплоуховых, продолжавшаяся свыше полувека.

А. Е. Теплоухов представлял необыкновенную фигуру для русской провинции 60-х гг. Бывший крепостной Строгановых, он получил высшее образование заграницей в лесной академии в Тарандте (Германия), откуда вывез широкий интерес к самым различным отраслям естественно-исторических и гуманитарных знаний. С большой эрудицией у него соединялись острый и даровитый ум и тонкая наблюдательность.

Дело собирания древностей, которому Теплоухов предавался со страстным увлечением, приняло в его руках серьезный научный характер. Все предметы, а они поступали в большом числе, чему немало способствовало видное положение его в качестве главного лесничего обширных земель Строгановых, тщательно описывались в особом археологическом дневнике, где помещались также подробные описания мест находок.

Обширные материалы, скопившиеся у Теплоухова, естественно стали понуждать к их разработке, и в 1879 г. в „Archiv für Anthropologie“ в Германии вышла прекрасная работа о произведенных им раскопках весьма любопытного „костища“, т.-е., древнего жертвенного места, близ дер. Старая Гаревая Пермского у. В этой статье, помимо детального описания найденных предметов, помимо углубленной трактовки вопросов техники изготовления предметов, останавливает на себе внимание широкое привлечение этнографии, специально финноугорской. Этнография дала возможность истолковать самое значение костища, представлявшего груду расколотых костей с разбросанными среди них предметами исключительно нескольких определенных типов (бусами, наконечниками стрел, ножичками, сосудами). За слабостью археологического изучения востока России в те времена, Теплоухов не пытался определить время раскопанного памятника, относящегося, как выяснилось позднее, к первым векам нашей эры.

В другой работе (1884) А. Е. Теплоухов дал, впервые в России, опыт классификации орнаментов глиняной посуды, составленной применительно к находкам на городище возле с. Кудымкор Соликамского у.

По смерти А. Е. Теплоухова (1885) коллекция перешла к его сыновьям, поведшим еще более интенсивно дело собирания древностей. К 1890 г. собрание Теплоуховых насчитывало уже около семи тысяч предметов, происходивших почти исключительно из трех северо-западных уездов Пермской губ.

В 1880 г. осмотрел многие доисторические памятники верхней Камы А. П. Иванов (1881). Между прочим, им впервые указаны местонахождения каменных орудий в этом районе.

Богатое остатками прошлого Зауралье (т.-е., зауральские части Пермской и Оренбургской губ.), „чудские копи“ и писанцы которого привлекали внимание еще академиков XVIII в., не могло не вызвать интереса археологов. Эйхвальд дал описание некоторых „чудских“ копей, а также нескольких предметов, найденных по восточную сторону хребта (1858).

В самом Свердловске, тогда Екатеринбурге, начало археологической работы относится к 70-м годам, когда было основано Уральское Общество Любителей Естествознания, так много сделавшее для всестороннего изучения края. Душа этого общества, О. Е. Клер, родом из Швейцарии, где недавно были произведены нашумевшие открытия свайных построек, стал искать доисторические остатки по берегам многочисленных озер и в торфяниках горнозаводского Урала. Поиски древностей увенчались успехом. В 1873 г. один из его учеников, Брюханов, увлеченный рассказами о швейцарских находках, нашел каменные изделия на берегах Карасьего озера (около Свердловска). За этим открытием последовал ряд других. Гебауер (1880) раскопал известную Сухоложскую пещеру, в которой обнаружил каменные и костяные изделия, повидимому, неолитического возраста. Другие лица, члены того же Уральского Общества, обследовали берега различных озер и рек и открыли множество стоянок с каменной индустрией. Открытия были так многочисленны, что уже в 1884 г. один из наиболее видных местных работников, М. В. Малахов, сделал попытку распределить по отдельным эпохам сделанные находки. Эта попытка ныне совершенно устарела, и лишь один факт, установленный Малаховым, сохранил свое значение до нашего

времени, именно отнесение „чудских“ копий к бронзовому веку. Старинные выработки окрестностей Свердловска являются единственными доныне известными в северной России местами добычи меди в эпоху бронзового периода.

В это же время А. Е. Теплоухов впервые подметил большое различие между керамикой Зауралья и Предуралья, проведя таким образом важную культурную грань (1884). Соловьев тогда же детальнее осветил вопрос о древних способах разработки руд, Гендриков дал материал по писанцам Верхотурского у., Зырянов (1859, 1863) и Остроумов (1886) изучили курганы Ирбитского и Шадринского у., содержавшие железные предметы, Н. Ю. Зограф, по поручению комитета Антропологической Выставки в Москве, раскопал ряд поздних, вероятно, башкирских, курганов в том же Шадринском у. (1878).

В Тобольской губ. древности каменного периода впервые стали собираться в 70-х годах Поляковым; по его инструкции позже продолжались сборы в Курганском окр., где стали известны каменные посты, столь характерные для культур с каменной индустрией в бассейне Тобола. Тюменскому исследователю И. Я. Словцову принадлежат раскопки стоянок с каменной индустрией у озера Адреевского близ г. Тюмени.

В Тобольской губ. была также поставлена работа по возможно более полному учету местных древностей. В 1890 г. вышли составленные Словцовым „материалы“ о курганах и городищах Тобольской губ. В Тобольске, расположенном поблизости старой татарской столицы Искера, древности железного века естественно должны были привлекать внимание. В 80-х годах там производили раскопки курганов и других памятников первого тысячелетия нашей эры А. И. Дмитриев-Мамонов и художник М. Знаменский. Последним была собрана богатая коллекция находок, поступившая потом частью в Музей Томского Университета, частью в Финляндский Национальный Музей.

Научной разработки собранных материалов в Тобольске не велось, и Знаменский, напр., был уверен, что собранные им на городище Чувашский Мыс остатки первых веков нашей эры иллюстрируют эпоху завоеваний Искера Ермаком. Лишь позднее В. М. Флоринский, и на основе его работ финляндский ученый А. М. Гейкель, дали научное описание материалов, найденных под Тобольском.

Этническая проблема, в более западных областях осложнявшаяся несомненным присутствием в последние эпохи доистории славян и норманнов, на севере и востоке безоговорочно решалась в пользу финноугров.

Особенно веским основанием для этого считались широко распространенные предания о чуди, которой народные массы приписывали все решительно попадавшиеся в земле древние остатки культуры. Эти предания сильно повлияли и на Кастрена. Эйхвальд тоже считал, следуя Кастрену, финскими различные „чудские" памятники не только Европы, но и Сибири, отводя последней большую древность сравнительно с европейскими металлическими находками. Он шел даже дальше и считал скифов чудью-финнами.

Тышинский, П. С. Ефименко, Волегов, Теплоуховы и многие другие, совершенно аналогично Кастрену, считали все доисторические памятники северной и восточной полосы чудскими, т.-е., финскими. Пономарев тоже приписывал древности бронзового века нижней Камы чуди-финнам. Несколько иную позицию занял Спицын, называвший чудскими лишь памятники железного века.

В восьмидесятых годах однако уже началась реакция против чудской теории. Малахов (1884) отбрасывает совершенно термин „чудь", как различно понимавшийся исследователями, и оставляет открытым вопрос о доисторических обитателях Зауралья. Также поступает и Кротов (1891), впрочем, не сомневавшийся в финском происхождении обитателей изучавшихся им древних поселений Яранского у. Впервые отчетливо уяснил научную ценность преданий о чуди Лихачев, указавший (1887), что этот термин в народном языке равнозначен выражению „доисторический", почему и не должен связываться с какой-нибудь определенной этнической индивидуальностью. Если, таким образом, исследователи Волжско-Камского края и Зауралья перестали употреблять этот сбивчивый термин, то в археологической литературе по Пермскому и Вятскому краю, а также некоторых других местностей, он еще долго держался, приводя к различным ошибочным выводам.

Таким образом, на востоке в первый период археологической науки наибольших результатов достигли в Казани и Вятке, где был намечен культурный облик некоторых эпох жизни края и между древностями доисторическими и историческими прове-

дена отчетливая межа. В других районах научные изыскания почти не выходили за пределы отдельных описаний.

До девяностых годов работа по изучению доисторического прошлого северной полосы России сводилась в значительной мере к сбору и описанию материалов. Такая книга, как „Археология“ Уварова, является в значительной части лишь механической сводкой описаний отдельных изысканий. Иностранцев в своей прекрасной монографии о доисторическом человеке на берегу Ладожского озера также не вышел, в собственно археологической части, за пределы подробного описания отдельных находок. Вопросов хронологии, установления культурных комплексов, культурных взаимоотношений, эволюции форм, этнологической характеристики отдельных культур, если иногда и касались, то лишь мимоходом; детально и методически эти проблемы не ставились, да и не могли ставиться по недостатку материала.

Во второй период археологической науки, с девяностых годов вплоть до войны и революции, когда уже накопился довольно значительный материал, исследовательская работа начинает переходить на новое русло. Не оставляя сборов имевшегося еще в далеко недостаточном количестве материала, исследователи направляют свои изыскания в сторону разрешения более широких задач синтетического характера. Выяснение характерных форм отдельных культурных периодов и их датировка становятся во второй период археологии севера важнейшими целями изучения.

Центр внимания снова переходит с древностей каменного века на более поздние памятники бронзовой и железной эпох. Вместо ученых других областей знания, лишь порой уделявших свое внимание археологическим изысканиям, теперь важнейшие работы ведутся специалистами-археологами, и археология нашей страны окончательно превращается в самостоятельную научную дисциплину, со своими собственными задачами и методами. Этот процесс затрагивал доисторическую археологию России вообще, но наиболее интенсивно он протекал именно в северной полосе, в сфере более близкого влияния культурных центров государства; изучение же доистории Кавказа, Сибири, а отчасти и Украйны, почти не вышло, вплоть до революционного времени, из стадии простого накопления материала.

Активная доля в этом процессе в весьма значительной степени принадлежала ученому, сумевшему охватить все многообразие

русской доистории, но главное внимание направившему на северную территорию, именно Александру Андреевичу Спицыну.

Вышедшее в 1893 г. его исследование „Археологические изыскания в Вятской губ." представляет первую попытку дать характеристику отдельных культурных типов и их последовательную смену. В этом направлении автор осветил Вятский край, древности которого он систематически изучал в течение ряда лет.

Систематическая постановка исследовательских работ характерна для рассматриваемого периода. Московское Археологическое Общество, по заданиям которого Спицын заканчивал свое обследование Вятского края, еще с 1887 г. повело экспедиционным путем планомерные изыскания на востоке Европейской России, охватившие ряд районов и сопровождавшиеся многочисленными раскопками.

В то же время оно продолжало изучение Смоленского края, ведшееся попрежнему под руководством В. И. Сизова. С 1895 г. к этим областям присоединился бассейн Оки, где успешно вел изыскания В. А. Городцев, впервые в России начавший при раскопках мест поселений выделять слои различных эпох.

Тесно связанные с Московским Археологическим Обществом Всероссийские Археологические Съезды собирались в это время большей частью на юге, вследствие чего естественно уделяли меньше внимания доистории севера. Для северной археологии наибольшее значение имели X Съезд (1896), собравшийся в Риге, и XV Съезд, созванный в Новгороде (1911); они, между прочим, много способствовали смычке работы русских исследователей с расцветавшей археологической деятельностью финляндцев и других прибалтийцев.

Однако, археологическая работа в северной России отнюдь не ослабевала. В центральных областях впервые в это время в нее были втянуты местные работники и местные научные учреждения. Многие из Архивных Комиссий, создававшихся, начиная с 1884 года, в ряде губерний для сохранения и разработки архивных материалов, энергично повели изыскания по доисторической археологии. Таковы, напр., Рязанская, Тамбовская, Пермская, Саратовская, а позднее Владимирская, Калужская и многие другие Комиссии.

Ряд местных музеев, возникших в это время, напр., Казанский, Пермский, также не мало помогли развитию интереса

к старине в отдельных областях страны, в результате чего археологические отделы в них заняли видное место.

В Центральной России остро ощущавшаяся среди работников архивного дела, местной истории, различных отраслей археологии потребность в периодическом обмене достижениями привела к организации областных съездов, начавших собираться с 1902 г. Они много занимались и доисторической археологией.

В 1900-х годах в Москве начинает наблюдаться известный упадок работы по археологии северной полосы. То же самое происходит, в еще более сильной степени, на востоке, где, напр., в Казани и Перми, после расцвета девяностых годов, археологические изыскания почти совершенно замирают. Исключение составляет только Саратов, где работа, сначала выражавшаяся почти исключительно в описаниях отдельных памятников, велась весьма оживленно вплоть до революции.

Центр исследования переходит в Петербург. С 1898 года возобновляются планомерные изыскания Русского Археологического Общества, начавшиеся с Северо-Западной области, но скоро перекинувшиеся на другие районы. В работах Общества, равно как и Археологической Комиссии, еще с конца восьмидесятых годов интенсивно организовывавшей раскопки и исследования в северной полосе, видное участие принимал Спицын, в начале девяностых годов переселившийся из Вятки в Петербург.

Работы, предметом которых в более западных территориях являлись, главным образом, курганные древности и так называемые городища Дьякова типа, а на востоке — могильники железного века, скоро развернулись в очень широком масштабе. Обильные материалы многочисленных раскопок публиковались в прекрасно иллюстрированных изданиях Комиссии и Общества.

Техническая сторона раскопок все время совершенствовалась. Особенно тщательно велись наблюдения и особенно тщательно отмечались мелкие, но подчас очень важные особенности изучаемых объектов в работах Археологического Общества и Комиссии после 1905 г., большею частью ведшихся молодыми учениками и сотрудниками Спицына. Важную роль среди учреждений, ведших работы по изучению северной полосы, стали играть некоторые столичные музеи, особенно Русский Музей в Петербурге и Исторический Музей в Москве.

В самом конце изучаемого периода в последние годы перед войной древности севера стали усиленно привлекать интересы археологов других стран. Особенно финляндские ученые, уже раньше в лице Аспелина углубленно разрабатывавшие древние памятники лесной полосы России, теперь, в лице Тальгрена, Аилио и некоторых других, начинают, базируясь на русских исследованиях, монографически изучать отдельные стороны доистории этой области; интерес финляндцев к археологии России объясняется поисками в ней ключа к прошлым судьбам финноугров.

Война 1914 г. и последовавшие за ней события надолго прервали успешно развивавшуюся работу.

Возобновившиеся после 1920 г. изыскания по палеоэтнологии СССР стали протекать в новых формах и новых организационных рамках; о них мы скажем далее.

Направление археологической научной мысли во второй период начало определяться в „Археологических изысканиях“ Спицына. Систематизация древностей в виде выделения отдельных культурных типов и определения их хронологии проходит красной нитью через дальнейшие работы этого исследователя.

Фатьяновская культура, культура городищ Дьякова типа, медный век, культуры типа Пьяноборского и Борковского могильников, типы курганных древностей X, XI, XII и XIII вв. и некоторые другие культурные стадии были им выявлены и охарактеризованы в ряде статей.

Конечно, эта работа не могла быть произведена без исчерпывающего учета результатов более ранних изысканий. И Спицын выпускает с 1895 г. ряд погубернских археологических обзоров, в которых памятники прошлого описывались, посколько возможно, в хронологическом порядке. Ту же цель опубликования собранных материалов имела произведенная им публикация сведений, собранных в 1873 г. Губернскими Статистическими Комитетами.

Накопление материала вызывало потребность в синтезирующих обзорах. Первая попытка в этом направлении была сделана И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым, подошедшими к памятникам древности различных областей страны с художественно-археологической точки зрения.

Доисторических культур севера России касались III (1890) и особенно V выпуски (1897) „Русских Древностей“ этих

авторов. V выпуск содержит набросанную широкими штрихами характеристику древностей курганного периода, и им, примерно одновременных, более восточных. Финским элементам авторы, следуя взглядам того времени, отводят пассивную роль; как характерные признаки финского творчества они подчеркивают, с одной стороны, консервативность, с другой, пристрастие к обилию металлических украшений.

Изучение поздних древностей создало и „Расселение славянских племен по археологическим данным" Спицына (1899). Этот блестяще написанный, поражающий глубиною охвата, очерк является первой в России последовательно проведенной попыткой связать те или иные типы памятников с определенными племенными группами. Спицын предвосхитил в нем те идеи о Siedelungsarchäologie, которые играют такую важную роль в современной германской археологической школе Коссины, стремящейся выделить древности, характерные для отдельных германских племен, и, таким образом, установить области, занятые последними. Спицын касается всех восточных славян, но более северные территории им разработаны особенно детально.

Как и в книгах Толстого и Кондакова, в работе Спицына ярко проходит славянская точка зрения: многие группы памятников, относительно этнической принадлежности которых были колебания, он приписывает славянам.

Обилие материала естественно вызвало потребность в специальном изучении отдельных групп памятников материальной культуры. Важную попытку выяснить техническую сторону гончарства, классифицировать формы и орнаментацию сосудов и дать номенклатуру сделал Городцов (1901). Его работа, хотя и имеет в виду всю территорию России, главным образом касается севера. Городцову же принадлежит первая попытка дать обзор доисторической археологии России на фоне общей истории культуры древнего мира. Недостаточность материала и отсутствие предварительной проработки многих важных проблем, однако, очень резко сказалась в вышедших на правах рукописи обеих частях его курса: „Первобытной Археологии", посвященной каменному веку, и „Бытовой Археологии", освещающей металлические эпохи.

Проблема культурных влияний в разные эпохи намечена и в наброске Готье, касающемся связи археологической науки

с русской историей (1916), и в работах М. И. Ростовцева (напр., в „Оренбургских Курганах", 1918).

Из отдельных областей доисторической археологии севера каменный век сравнительно мало привлекал к себе внимания в разбираемую эпоху. „В России каменный век является еще областью любительского знания", — так формулировал в 1903 г. Спицын положение изучения остатков этого культурного периода. Действительно, какой-либо систематизации или периодизации памятников каменного века не существовало, а при изучении стоянок почти не обращалось внимания на разновременные напластования.

Особенно мало интереса возбуждал к себе палеолит. Сводка Спицына „Русский палеолит" (1915) знает, помимо Карачарова, в северной полосе только еще две подробно неизученные и даже не вполне достоверные стоянки древнего каменного века.

Одно время, правда, к палеолиту относили также крупные каменные орудия макролитических типов, обнаруженные в значительном количестве в Бологом и других местностях Новгородской губ., а в особенности в районе гор. Ржева Тверской губ. и вообще по верхней Волге. Внешнее, хотя и довольно отдаленное, сходство этих изделий с типами орудий шелльской, мустьерской и других эпох нижнего палеолита побудило Н. А. Путятина и П. Ф. Симсона связать новгородско-тверские находки с древне-каменным веком, хотя Спицын еще в 1903 г. мимоходом отметил сходство одного из встречающихся в Бологом типов орудий с характерной для датских кьеккенмеддингов раннего неолита (мезолита) формой tranchet. Ржевские находки вызвали было большой интерес и оживленную полемику. Н. Е. Макаренко (1904) вообще отрицал принадлежность верхне-волжских предметов к орудиям человека. Криштафович (1904) также считал находки Симсона естественными обломками, валунным материалом, но не орудиями. Сам Симсон, археолог-любитель, однако, продолжал горячо защищать искусственный характер и древность поделок его коллекций, и некоторые исследователи, напр., И. Т. Савенков (1913), готовы были допустить не только происхождение из рук человеческих, но и палеолитический возраст этих орудий.

Путь для разрешения верхневолжской проблемы был правильно намечен лишь П. П. Ефименко (1916). Для этого исследователя не существовало сомнений в изготовлении большин-

ства упомянутых предметов руками человека. Работа Ефименко покончила с тенденцией относить к палеолиту макролитические изделия верхней Волги. В годы войны исследовательские работы по макролиту верхней Волги вел В. М. Лемешевский.

Из памятников более позднего неолита детальнее всего изучались стоянки бассейна Оки. П. Кудрявцев, много лет собиравший древние остатки возле Мурома, дал подробное описание находок из Волосова (1892). Стратиграфию Волосова впервые изучил Городцов, констатировавший на стоянке существование слоев двух эпох: неолитической и железного века (1914). Городцову же наука обязана многолетними исследованиями рязанских и тульских окских стоянок, начатыми еще в 1888 г.

Одной из интереснейших стоянок являются Дубровичи. В „Русской доисторической керамике" Городцовым дана характеристика гончарных остатков дубровичской стоянки, причем едва ли не впервые отмечена своеобразная „боязнь пустоты", как весьма характерный признак орнаментации керамики северно-русского неолита (1901). Подробные сведения о сопровождающихся каменной индустрией дюнных стоянках долины Клязьмы Владимирской губ. дали В. М. Соколов и П. И. Попов (1917). На многих из них обнаружена плоскодонная керамика.

В Тамбовской губ. стоянку каменного века обнаружил П. Г. Тарасов (1906), а ряд данных о находках каменного века привел А. Н. Норцов.

На верхней Оке Н. И. Булычев (1899) обследовал в окрестностях села Гремячего Калужской губ. стоянку с многочисленными остатками кремневой индустрии, но без керамики. В той же губернии производил изыскания по каменному веку И. Д. Четыркин, вообще много потрудившийся над калужской археологией.

Верхне-волжские и новгородские стоянки составляли предмет усердных и систематических поисков Путятина и Н. К. Рериха.

Весьма большой интерес представляют результаты раскопок Рериха в 1902 г. Им обнаружены около с. Кончанского Новгородской губ. курганы с кострищами, содержащие черепки неолитического вида, каменные орудия и большое число янтарных привесок (1903). Исследователь отметил большое сходство янтарных поделок с находками из Восточной Пруссии, отнесен-

ными Р. Клебсом ко времени Гальштадта (1907). Кончанские захоронения являются древнейшими курганами северной полосы. У озера Пирос той же губернии Рерихом открыта стоянка с гончарными изделиями, кремневыми орудиями и янтарной привеской кончанских типов (1905), у озера Мстина — характерные фигурки, изготовленные из кремня (1907).

В. С. Передольским раскапывалась стоянка возле дер. Коломцы, на оз. Ильмень. В Коломцах, в довольно обычных для стоянок пластах раковин, обнаружены одиночно и кучно человеческие кости, часто расколотые, а иногда со следами огня. Передольский полагает, что открытые им остатки свидетельствуют об антропофагии. Геологические условия коломцевской стоянки осветил Иностранцев (1905), отметивший, что она существовала во времена более низкого стояния Ильменя, чем настоящее.

В Олонецком крае остатки каменного века собирал А. Гальченко (1913). А. Шидловским были изучены замечательные наскальные изображения на восточном берегу Онежского озера (1914). Беломорские стоянки, где обнаружены кремневые изделия, керамика, очаги, исследовал К. Рево (1893—1907). Им же открыты на Кольском полуострове и в других местах несколько интересных каменных кладок, так называемых лабиринтов. Спицын (1904), специально изучивший северные лабиринты (известные еще К. М. Бэру), не согласился с мнением Я. И. Смирнова и Кондакова о связи их со средневековыми церковными лабиринтами и высказал предположение об „языческом“ характере и сравнительно большой древности этих сооружений.

Изыскания по стоянкам беломорского побережья вел Острогский (1908). Некоторые сведения по каменному веку Вельского у. Вологодского губ., на основании сборов В. Ф. Кулакова и сведений Глазова, опубликовал Спицын (1907). В Костромской губ. работали по каменному веку Н. М. Бекаревич и Нефедов.

Сведения по нижегородскому неолиту дали Городцов (1897) и Спицын (1903). Последним обработан совместно с В. И. Каменским богатый материал из раскопок последнего в 1902—1904 гг. у Балахны (1905).

Немногие сведения о казанской каменной индустрии дали Износков (1896), Кротов (1905), Штукенберг (1900).

Вятский неолит изучался Спицыным (1893), который делит его на две группы: южную, примыкающую к волжскому району шлифованных изделий, и северную полосу мелких кремневых изделий. Он впервые подчеркнул, что каменные орудия могли употребляться туземцами вплоть до весьма поздней поры.

Описание некоторых пермских каменных изделий опубликовал Ф. А. Теплоухов (1892).

Каменный век Зауралья привлекал к себе внимание еще в восьмидесятых годах; сведения о производившихся в конце этого времени сборах и раскопках О. Е. Клера, известного писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка и К. Фаддеева были опубликованы только в девяностых годах. Появившаяся в 1896 г. работа Клера и Фаддеева „Гончарное производство доисторического человека, жившего у дер. Палкиной на реке Исети" представляет одну из первых в северной полосе специальных работ по гончарству; особенно детально она трактует орнаментацию.

Стратиграфия зауральских торфяниковых находок выяснялась В. Я. Толмачевым (1914), много лет систематически изучавшим древности восточного склона Урала. Каменные изделия, деревянные обломки, предметы костяной индустрии обыкновенно залегают над торфом, в студневидном иле оливкового цвета. Конец времени бытования этих изделий Толмачев определяет, на основании кельтов, ножей и других медных приборов, попадающихся в тех же условиях, эпохой I тысячелетия до нашей эры (1916).

Этому автору принадлежат также обстоятельные описания замечательных деревянных идолов из Шигира (и правильная реставрация последних) и деревянных заступов из различных пунктов. Эти предметы относятся к той же культурной эпохе и сохранились благодаря консервирующему действию мощной толщи торфа (1916). В 1914 г. Толмачев изучил уральские писанцы. Проведенные им раскопки на р. Миас обнаружили курганы бронзового века (1918).

М. О. Клер опубликовал сведения об очень интересной находке деревянного помоста с керамикой и кремневыми изделиями, обнаруженном в Горбуновском торфянике близ Нижнего Тагила под слоем торфа. Ученый высказал предположение, что это сооружение представляет остаток свайной постройки (1909).

Данные стоянки низовьев Оби подробно описаны В. М. Новицким (1916). Стоянки на р. Тоболе, частью несомненно бронзового века, исследовались Н. Н. Бортвиным.

Единственная попытка суммарной трактовки русского неолита, главным образом, северного, имеется в „Первобытной археологии" Городцова (1908). Автор, однако, привлекает сравнительно мало материала.

Другой исследователь, антрополог, Ф. К. Волков, имевший большое влияние на науку о каменном веке России вообще, в краткой заметке (около 1914 г.) попытался расчленить северорусский неолит на две культурные группы: речные стоянки средней России и северные приморские и озерные стоянки.

Начало систематизации памятников бронзового века относится еще к восьмидесятым годам, когда в работах казанских исследователей Пономарева и Лихачева стал вырисовываться облик отдельных культурных периодов Волжско-Камского края. В девяностых годах, и особенно позднее, культурные комплексы различных эпох бронзового века севера стали вычерчиваться более отчетливо.

Кроме периодизации древностей были поставлены во втором периоде русской археологической науки и другие проблемы, особенно вопрос о тех влияниях, которые создали и питали бронзовый век севера.

Первая работа девяностых годов, коснувшаяся бронзового века, „Археологические изыскания в Вятской губ." Спицына, во многом еще стояла на точках зрения Пономарева.

Девяностые годы являются эпохой энергичнейших поисков остатков бронзового века на Востоке. Штукенберг описал ряд находок из Волжско-Камского края, Нефедов вел в 1893 и 1894 гг. многочисленные раскопки и сборы на берегах Камы. Нефедовым же раскапывалось костеносное городище около с. Грахань, Казанской губ., во внутренней стороне вала которого обнаружены интересные печи (1899).

Небольшие раскопки в Котловке вел И. Н. Смирнов (1895). Спицын, в 1893 г. вновь занявшийся изысканиями на костеносных городищах, предпринял в 1898 г. большую поездку по Волге и Каме, во время которой, между прочим, раскопал 218 погребений в большом могильнике Ананьинского типа близ дер. Зуевки Вятской губ. Как и в Котловке, в Зуевке не было обнаружено каменных кладок, подобных ананьинским.

Изыскания, ведшиеся в более западных областях, также привели к выявлению следов бронзовой культуры. На стоянке с кремневой индустрией возле дер. Алекановой, в долине Оки, Городцов в 1897 г. обнаружил около очага обломок бронзового кельта (1900). Сопровождающая керамика с характерным, необильным орнаментом из полос, нанесенных нитью, а отчасти из перегородчатых линий гребенчатого орнамента, весьма отличается от неолитической также и сильно выраженными шейками сосудов. Среди костных остатков исследователь отмечает зубы лошади и овцы; сходную орнаментацию сосудов Городцов указывает в Ужальской стоянке в Рязанской губ.

В статье „Курганы с окрашенными костяками" (1899), посвященной преимущественно древностям Украйны, Спицын собрал все известные сведения о подобных памятниках, обнаруженных в более южных частях средней России, и указал на существование скорченных погребений бронзового века или находок предметов той же культуры в Орловской, Пензенской, Саратовской и Пермской губерниях. Грунтовые ямы, кострища, кости животных, краска, глиняные сосуды и другой инвентарь этих курганов находят себе полную аналогию в степных древностях.

Обильное накопление материала на востоке вызывало потребность в сводке. Эта работа была впервые выполнена Штукенбергом. В „Материалах для изучения медного (бронзового) века" этот ученый дал детальную типологию кельтов, серпов, топоров, наконечников копий и других бронзовых орудий казанских собраний. В своей статье он, между прочим, впервые высказал предположение о принадлежности раскопанных Пономаревым и Лихачевым курганов около Маклашеевки и Полянок Казанской губ. к бронзовому веку, вполне подтвердившееся впоследствии. Очень важным является утверждение Штукенберга, что „восточная половина Европейской России была более или менее обособленной областью развития культуры медного века", отличной и от центрально-русской и от сибирской; эта мысль была впоследствии блестяще развита Тальгреном. Добыча меди на восточно-русской территории, по мнению Штукенберга, производилась из местных руд.

После „Материалов" Штукенберга исследовательская работа по бронзовому веку востока почти замерла. Помимо некоторых работ Пономарева, можно отметить лишь заметку

Штукенберга о знаменитой Воткинской секире (1903), „Древности восточной России“ Н. И. Булычева (1902 и 1904) с прекрасным воспроизведением ряда предметов бронзового века, хранящихся в Уфимском музее (между прочим, клада из дер. Дербедень Мензелинского у.) и статью А. С. Лебедева, содержащую описание и воспроизведение некоторых находок из известного пижемского костеносного городища (1908).

В 1901 г., в докладе, читанном в Русском Археологическом Обществе, А. А. Спицын, изложив результаты своих исследований на востоке, впервые попытался выяснить отдельные культуры этой территории, причем выделил в медный век памятники, имевшие „видимое отношение“ к культуре окрашенных костяков. Сюда он отнес маклашеевский могильник. Более молодую эпоху Ананьина Спицын тогда датировал слишком поздно (I—II вв. нашей эры).

В центральной России могильники с каменными сверленными топорами вновь стали обращать внимание после раскопок Городцовым и Спицыным (1895, 1896) аналогичного Фатьяновскому могильника близ с. Великого Ярославской губ.

Культурный облик древностей Фатьяновского типа был выявлен Спицыным в вышедшей в 1903 г. сводке памятников этой культуры, которую он характеризует как „определенное, стройно сложенное явление самобытного характера“. Спицын относит могильники фатьяновского типа ко времени расцвета медного века, „если не к концу его“. Термин „медный век“ он употреблял в широком смысле раннего и среднего бронзового века. Возможность сравнительно поздней датировки фатьяновской культуры начинает встречать сочувствие лишь в настоящее время. Носителей культуры этот ученый предположительно выводит с юга. Он впервые отметил большую аналогию в форме, орнаментации и материале между фатьяновской круглодонной керамикой и посудой некоторых кубанских курганов. На основании работ Макаренко и других, Спицын скоро (1905) значительно пополнил данные им сведения о медном веке средней России, указав, между прочим, сходство некоторых прибалтийских находок с фатьяновскими.

Если фатьяновскую культуру Спицын отделял от Волжско-Камских древностей, то, напротив, известный клад в Галичском у. Костромской губ. он счел, в результате подробного изучения, явно „примыкающим к восточному медному веку“

(1903). Спицын впервые оценил эту находку „первоклассного научного значения". Работы Спицына имели большое значение для развития науки о бронзовом веке России. Труды Тальгрена в значительной мере основываются на них.

В касающихся бронзового века частях обобщающей работы Городцова „Бытовая Археология" (1910) основной интерес автора направляется на выяснение культурных влияний, создавших формы бронзового века средней России. Все они идут, по мнению исследователя, с Востока, в конечном итоге из Месопотамии. Городцов придает очень большое культурное значение бронзовому веку; он полагает, между прочим, что в эту пору впервые появилось в средней России скотоводство.

Широкие построения Городцова целиком не приняты в науке. Особенно много возражений встречает теория сибирского влияния.

Городцову же принадлежит большой труд: „Культуры бронзовой эпохи в средней России" (1916), в котором он дал подробный анализ древностям фатьяновского типа и несколько более поздним, наиболее характерно представленным в открытом в 1912 г. весьма замечательном местонахождении близ дер. Сейма Нижегородской губ. В своей работе автор использовал и другие новые находки, напр., фатьяновские 1908 г., описанные академиком А. С. Лаппо-Данилевским, и погребения двух типов, обнаруженные Городцовым в Волосове (1914). В „Культурах бронзовой эпохи" дается подробное описание типов каменных топоров фатьяновской культуры и бронзовых вислообушных; предком последних намечаются эламские формы. Городцовым подчеркивается сходство фатьяновской керамики с донецкой катакомбной. Важные сейминские находки, обнаруженные раскопками, которые исследователь выделяет в особую культуру, он относит, принимая хронологию Тальгрена, к XII—XIII вв. и считает „авангардом сибирского культурного течения", во многом отразившем „далекие, но животворные влияния месопотамского знания и искусства второго тысячелетия до нашей эры".

Выявление средне-бронзовой (по Городцову, поздне-бронзовой, так как она, по мнению этого исследователя, непосредственно предшествовала первому появлению железа) сейминской культуры является чрезвычайно важным достижением московского исследователя.

Связывает с Сибирью сейминские находки и Спицын (1916), относящий их к „концу старшего медного века". Спицын также отметил близость некоторых сейминских находок к знаменитому Бородинскому кладу, обнаруженному в Бессарабии.

К концу рассматриваемого периода стали интенсивнее изучаться древности бронзового века Поволжского края и Зауралья.

Изыскания, ведшиеся в Саратовском крае, весьма многочисленны. Еще Спицын в 1895 г. раскопал ряд курганов со скорченными костяками. Аналогичные погребения описали и А. А. Кротков (1912), вообще очень много сделавший для изучения археологии края, и В. Ф. Орехов (1914). Еще ранее (1909) Спицын описал находку запаса мастера литейщика или торговца из Сосновой Мазы Хвалынского у., отнесенную им к среднему медному веку, — термин, впервые введенный этим ученым (1907). Дюнные стоянки раннего бронзового века, весьма многочисленные в крае, изучались особенно детально Б. Зайковским (1913) и затем Ореховым (1915) и В. Онезорге (1916).

Спицыну (1912) и Зайковскому (1913) принадлежат общие обзоры древностей края, касающиеся и бронзового века.

Вероятно, тоже относящиеся к бронзовому веку курганы Тамбовской губ. копал Тарасов (1906). В Самарском крае впервые В. Я. Толмачев раскопал (возле Бугуруслана) курганы со скорченными костяками и бревенчатым настилом, по Спицыну, относящиеся к позднему периоду „старшего медного века" (1914).

О работах Толмачева на восточном склоне Урала было уже упомянуто выше в обзоре изучения каменного века, так как древности бронзового и каменного периода в этом районе не могли быть отделены и изучались совместно. Добавим лишь, что в „Древностях восточного Урала" получил освещение и описание также ряд находок своеобразных изображений и других предметов из бронзы (1913). Городища Зауралья, в которых попадаются также кельты и другие изделия бронзового века, кратко описаны Спицыным (1906). Толмачев (1918) детально изучил писанцы этого края, может быть, относящиеся к бронзовому веку.

Основным достижением в археологии бронзового века севера во второй период является периодизация памятников. Несмотря

на результаты, достигнутые русскими исследователями, а также финляндским ученым Тальгреном, более ранние стадии бронзового века, однако, не могли быть намечены достаточно отчетливо. Дальнейшее изучение древностей как энеолита, так особенно средней бронзовой поры, представлялось настоятельно необходимым.

IV.

Центром внимания археологов севера в рассматриваемый период, несомненно, были древности железного века. С одной стороны, благодаря своей многочисленности они больше бросались в глаза, с другой стороны — и это обстоятельство играло немаловажную роль в эпоху тесной связи доисторической археологии с гуманитарными и особенно историческими науками — время их бытования непосредственно соприкасалось с представлявшим весьма актуальный интерес периодом зарождения Русского государства.

Соответственно этому наиболее поздняя эпоха курганных древностей изучалась особенно деятельно и внимательно. Проблемы установки культурных типов и временного их определения, едва намечавшиеся до девяностых годов, теперь были поставлены в основу работы. Исходя из того же интереса к поздним памятникам, подходят и к более восточным, финским древностям, систематизация которых началась, собственно говоря, только в эту эпоху. Вставшие задачи могли быть выполнены лишь при значительном увеличении материала и при условии систематического сбора его. Действительно, было поставлено очень много, большей частью проведенных строго методически, раскопок, которые весьма обогатили новыми фактами. Эти работы не мало помогли открытию новых культур, до тех пор почти неизвестных. Докурганные древности, в виде так называемых городищ Дьякова типа и рязанско-окских могильников, стали изучаться только начиная с девяностых годов. Углубление работы обострило интерес к этническому вопросу, стоявшему перед исследователями и раньше, и отражения племенных отношений в материальной культуре в сильной мере стали занимать археологов.

Дьяково городище под Москвой, обследованное еще раньше Филимоновым и Смирновым, является первым памятником докурганных металлических эпох средней полосы, обратившим на себя внимание исследователей.

Изыскания Городцова на Оке привели к открытию новых поселений аналогичного характера. Так, во втором слое Федяшевского городища Белевского у. Тульской губ. были обнаружены тигли и обломки орнаментированных сосудов, вполне сходные с дьяковскими находками. Городцов относит к той же эпохе и интересный вал городища, состоящий из песчаных насыпей, обложенных слоями глины, подвергнутыми обжигу (1900).

Керамика и другие предметы Дьяковского типа дали также верхние слои поселения около „Ловецких выселок" Зарайского у. и городище у с. Городец Спасского у. Рязанской губ. (1900, 1901).

Все перечисленные поселения Дьякова типа, кроме Городецкого, были заселены еще в неолитическую эпоху. Городцов отметил возможность сближения этой культуры с более ранними эпохами, указав на известную близость дьяковской керамики к алекановской, бронзового века (1901). Возраст окских поселений этот ученый первоначально определял примерно VI в. н. э.

Аналогичные культурные памятники были обнаружены Булычевым в верховьях Оки. Из них особенно важно Мощинское городище (исследовано в 1888 г., издано в 1900 г.) Масальского у. Калужской губ. и бугор около с. Гремячего Перемышльского у. той же губ. (1899).

В Калужской же губ. возле д. Шанково на р. Пополте Булычевым раскопаны интереснейшие курганы с сожжениями, окаймленные канавками с фибулами и другими вещами „поздне-готских" типов, сходными с находками на некоторых городищах той же губернии, особенно Спас-Перекшинском (1900). Вопрос об их принадлежности был поставлен Спицыным (1899), но не решен. Могли быть в них погребены, по его мнению, или финны, или литва (голядь), или даже вятичи.

Кроме перечисленных местностей, сходные остатки обнаружены на городищах Дуна Лихвинского у. Калужской губ. (раскопки Н. В. Теплова, 1897 г.) и у с. Поречья Одоевского у. Тульской губ. (раскопки Н. Троицкого, 1898 г.), где, между прочим, найдены кремневые наконечники стрел.

Первую, до сих пор единственную, весьма обстоятельную сводку сведений о городищах Дьякова типа дал Спицын (1903, дополнение 1905), представивший на карте их широкое распространение в бассейне верхней Волги и Оки. Как характерные признаки этих памятников, исследователь отмечает наличие

слоев золы весьма значительной массивности, скрывающих иногда довольно богатые находки, присутствие колотых камней, определенные типы орнаментации керамики (часто сетчатая). Спицын считает городища жертвенными местами, оставленными скорее всего „мерянским, вероятно, восточно-финским" населением, жившим охотой, рыбной ловлей и скотоводством. Время этих памятников, по его мнению, VI—VIII века н. э., что в настоящее время не разделяется большинством исследователей. Шанковский, Федяшевский и другие сравнительно ранние курганы Спицын сближает с культурой верхне-окской группы городищ Дьякова типа, что в настоящее время также может быть принято лишь с известным ограничением.

В тесной связи с проблемой названных городищ стоит вопрос о предметах, украшенных выемчатой эмалью, довольно распространенных в бассейнах Оки и Днепра.

Толстой и Кондаков, описавшие мощинский клад, в состав которого входили перекладчатые фибулы, браслеты, диадемы и другие украшения с эмалью, датировали его I—V вв. н. э. и высказали мысль, что прорезные геометрические формы вещей имитируют тонкие работы в золоте, характерные для варваров-конников, явившихся из прикаспийских степей (1890).

Спицын в 1903 г. опубликовал весьма полную сводку подобных предметов, найденных на территории б. Российской Империи и с нею смежной. Он высказал предположение, в настоящее время оставленное, что техника выемчатой эмали была усвоена приднепровскими аланами во II—III веках и ими передана, между прочим, на Оку.

Другой вопрос, возникший в связи с городищами Дьякова типа, связан с находками на них каменных изделий. Специальное исследование, произведенное Макаренко на верхней Волге, однако, не показало массового употребления последних в эпоху городищ (1904). Тем не менее непосредственное примыкание Дьяковских слоев к неолитическим отмечено Спицыным, напр., на Бологовской стоянке, открытой Путятиным (1903).

Некоторые верхневолжские и новгородские городища Дьякова типа с характерным сетчатым орнаментом были исследованы Спицыным (1904), высказавшим предположение, что эти городища служили не только жертвенными местами, но и своего рода крематориями, где сжигали покойников, кости которых потом куда-то уносились.

Из дальнейших исследований сходных памятников важны раскопки Ю. Г. Гендуне на городищах Дуна Калужской губ. и Топорок Корчевского у. Тверской губ.; в слабом культурном слое последнего, между прочим, обнаружены глиняные плоские круги, на которых лежали глиняные фигурки и различные металлические и другие поделки, может быть, имеющие культовое значение (1906).

С совершенно новой точкой зрения на городища Дьякова типа выступил Городцов в „Бытовой Археологии". Он делит их на две группы: холмища, бывшие „вероятно" жертвенными местами, напр., бугор у с. Гремячего, и места поселения, наиболее типичным примером которых является Городецкое городище с его четыреугольными, содержащими очаги, ямами-землянками. Дьяково городище, по его мнению, принадлежит двум эпохам: в первую оно было простым холмищем, во вторую же служило поселением и было укреплено валом. Культура этих памятников, по мнению московского исследователя, существовала уже в эпоху начала н. э. Носителями ее могли быть финны. Характерный сетчатый орнамент Городцов (1914) отмечает еще в конце бронзовой эпохи (которую он заканчивает сейминской культурой).

Работы 1910—1916 гг. широко раздвинули область распространения культуры Дьякова типа, принадлежность которой финнам теперь считалась несомненной. Спицын отметил их существование в Саратовском крае (1912). Ряд городищ с сетчатой и рогожной керамикой были открыты (в Хвалынском и других уездах) Зайковским и М. Радищевым в 1912—1913 гг. Около г. Гдова Ленинградской губ. Спицыным было обследовано в 1911 г. городище того же типа, крайнее к северо-западу. Опубликованные Спицыным находки со сходного с „Топорком" городища „Черная Гора" в Тверской губ. (1907) показали бытование на верхней Волге предметов рязанско-окских типов. Тоже подтвердили образцовые раскопки безвременно погибшего молодого талантливого археолога А. В. Тищенко в 1910—1911 гг. на Ловницком городище Новгородской губ. (1914), интересного, между прочим, своим валом; при постройке первоначальная насыпь была обложена для укрепления сосновыми бревнами, затем обожженными и засыпанными землей. Близкую к городищу культуру дали некоторые из раскопанных возле него курганов с сожжениями. Датировка остатков дана Тищенко по Спицыну

(VII—IX века), хотя исследователь отметил сходство находок с древностями городищ „Черной Горы“ и „Топорка“.

Обследованные Тищенко курганы, несомненно, принадлежат, на ряду с Шанковскими, к древнейшим погребениям железного века северной и средней полосы и с этой точки зрения представляют выдающийся интерес.

Открытие и исследование Курманского могильника в конце восьмидесятых годов ознаменовало наступление новой эры в исследованиях по железному веку северной полосы. До тех пор внимание археологов привлекали одни только курганы, теперь же изыскания стали направляться на поиски и раскопки рядовых могильников.

Эти работы, в значительной мере затрагивавшие бассейн Оки, очень интенсивно велись также на востоке. Отчасти работами местных исследователей, теперь вступивших в тесный контакт с работниками центров, отчасти путем планомерно организованных экспедиций центральных учреждений, были систематически и успешно обследованы территории прежнего, а отчасти еще и современного финского населения по Волге и Каме. Эти изыскания ввели археологов в новый мир, очень своеобразный и чрезвычайно богатый разнообразными формами материальной культуры, особенно личного убранства. Они в весьма большой степени обогатили и изменили наши знания прошлого финских народностей.

После открытия Курманского могильника быстро последовали исследования других, тоже крупных, рязанско-окских могильников. В 1892 г. А. В. Селиванов, А. И. Черепнин и Городцов раскапывали богатый могильник около с. Борок в Рязанской губ. и уезде. В 1894 и 95 году Черепниным было подвергнуто раскопке кладбище того же типа около с. Кузьминского той же губернии. В 1895 г. был исследован Спицыным Кошибеевский могильник (Елатомского у. Тамбовской губ.). В первых двух могильниках, на ряду с трупоположениями, оказались и сожжения, число которых, однако, не превышало 10%. Примерно, в пятой части погребений Борковского и Кузьминского могильников обнаружены остатки дерева, может быть, от колод или гробов. В инвентаре мужских могил выделялись железные изделия: кельты, наконечники копий, ножи, удила, а также бронзовые нагрудные пряжки, поясной набор и бронзовые или железные поясные пряжки. В женских захоронениях

встречались различные головные женские уборы (иногда с венчиками), разнообразные ожерелья, шейные гривны, как и некоторые другие украшения, иногда попадавшиеся и в мужских погребениях, плечевые привески в виде колокольчиков, фибулы, браслеты и т. д., а также ножи, пряслица, редко удила. Горшки преобладали, повидимому, в мужских погребениях. Инвентарь кошибеевских могил, многие из которых отличаются своей необычной длиной, отчасти сходен с описанным. Черепнин считал народность захороненных финскою с значительною примесью тюркских элементов; могилы он датировал VII — VIII в. нашей эры (1897).

Начало исследования тамбовских могильников было положено еще в 1888 г., когда В. Н. Ястребов подверг раскопке могильник на р. Ляде; результаты этих работ были опубликованы в 1893 г. В Лядинском могильнике сожжения также занимали скромное место: на 143 захоронения их установлено всего 12. Инвентарь погребения очень богат разнообразными украшениями.

Основываясь на времени найденных арабских монет и детальном сравнении с известным в то время археологическим материалом России и отчасти других стран, Ястребов остановился на датировке могильника эпохой X—XI в. Принадлежность его мордве этот исследователь считает недоказанной.

Ястребов (1893) издал также находки из Томниковского могильника Тамбовской же губернии. Считаясь с большим архаизмом вещей, он предположительно отнес его к несколько более раннему времени, чем Лядинский.

В Симбирской губ. многолетние раскопки очень крупного могильника близ д. Муранки Сенгилеевского у. вел, начиная с 1890 г., В. Н. Поливанов (1896, 98). По Спицыну, могильник может относиться к XIV в., Поливанов же датировал его не позднее XIII в.

В Пензенской губ. частично обследован (1895—1900) В. М. Терехиным, вообще много сделавшим для изучения этой губернии в археологическом отношении, могильник близ Ефаева, датированный Спицыным XII—XIII веками.

В Нижегородской губ. близ с. Гагина Сергачского у. копал сходный могильник XIV в. В. А. Снежковский (1894).

В 1892 г. Спицын, по поручению Археологической Комиссии, предпринял большую поездку по окско-волжскому району, при-

чем обследовал, отчасти совместно с И. Н. Смирновым (1893), могильники: „раннего лядинского“ типа около с. Серпова Моршанского у. Тамбовской губ., муранского типа (XIV в.) у Пичпанды Спасского у. той же губ. и у имения Казбек близ Наровчата Пензенской губ. и очень поздний мордовский (XVIII в.) у с. Рыбкина Пензенской губ. По предположению исследователя, все могильники этого района, начиная с Лядинского, принадлежат мордве.

В 1895 г. Спицын раскапывал копавшийся еще Уваровым Максимовский могильник на Оке недалеко от Мурома. Сожжения встретились в нем также в небольшом количестве.

В Казанском крае отдельные археологические исследования рекогносцировочного характера вели в эти годы Пономарев, В. К. Магницкий, Н. А. Архангельский и другие. В экспедицию 1898 г. Спицын обследовал поздние городища юго-востока губернии. Кроме того, энергично изучались памятники турецкой культуры.

Древности железного века Вятского края осветили известные „Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии“ (1893), давшие подробное описание городищ и отдельных находок. Автор устанавливает для периода около VIII—X вв. н. э. существование двух культур в Вятском крае: „чудской“ в более северных и „болгарской“ в более южных частях губернии. К несколько более позднему времени он относит камские сарапульские городища, значительные по площади, но бедные другими находками, кроме черепков. Еще позднее, но не позже XIV в., исследователь датирует „Одолемы“—городища в глубине Яранского и Уржумского уездов и „средневятские“ городища по р. Вятке. Три последние группы памятников Спицын считал вятскими. Группировка городищ была им произведена на основании изучения как типов самих сооружений, так и характера попадающихся на них остатков, особенно керамики. Работа Спицына имеет большое общее значение, как первая попытка наметить культурные типы края на протяжении всей доистории; ее положения, однако, к тому же не достаточно иллюстрированные, в настоящее время несколько устарели; тем не менее, как единственная для востока попытка установить отдельные культурные периоды на основании изучения городищ, „Археологические изыскания“ остаются важным пособием для исследователя древностей восточной полосы.

Хронологические определения книги были впоследствии уточнены самим автором.

Работу Спицына дополняют исследования Н. Г. Первухина (1896), составившего прекрасное описание городищ (с планами и разрезами) и отдельных находок древностей в Глазовском уезде. Дальнейшие сведения по археологии края дали: Спицын, исследовавший места находок предметов „чудского“ типа на р. Юме, по его мнению, связанные с захоронениями, И. Н. Смирнов, копавший вятские кладбища XVII—XVIII вв., Нефедов, обследовавший могилы железного века у Пьяного Бора и Котловки. В экспедицию 1898 г. Спицын раскопал два могильника пьяноборского типа около д. Ныргында Сарапульского у.; они являются единственными научно-исследованными кладбищами этого типа. Что касается до их времени, то еще в „Археологических изысканиях“ Спицын подчеркнул принадлежность могильников пьяноборского типа железному веку, а не бронзовому.

Древности Пермского края исследовались в девяностых годах с большою интенсивностью. Ф. А. Теплоухов, в результате изучения все возраставшего родового археологического собрания Теплоуховых, выпустил ряд работ. В „Земледельческих орудиях древней Чуди“ (1892) он дал классификацию ральников и топоров. „Древности Пермской Чуди в виде баснословных людей и животных“ (1893) являются первой попыткой подробного описания и классификации замечательных пермских фигурных изображений, значение которых Теплоухов пытался истолковать, с помощью данных о верованиях древней Перми и особенно современных угров. Аналогии в религиозном быте и некоторые другие соображения заставили его считать пермскую „чудь“, то-есть, носителей пермских доисторических культур, не пермскими финнами, но уграми. Что же касается до самих изображений, то Теплоухов видел в них предметы туземного изготовления, хотя и допускал подражание иноземным образцам. В „Древностях Пермской Чуди из серебра и золота и ее торговых путях“ (1895) он, отметив существование довольно оживленных связей доисторического Пермского края с Востоком, указал, что гипотеза апологетов великой Биармии о существовании торгового пути из Средней Азии в северную Европу через Пермский край не находит доказательств. Тем самым он окончательно лишил почвы предположения о посреднической торговой роли богатой Биармии, созданной некритическим изучением скандинавских саг.

Много изысканий произвели в крае С. И. Сергеев (в 1894—1896 гг.) и особенно Н. Н. Новокрещенных (в 1896—98 гг.). Из работ последнего наиболее важны раскопки знаменитого Гляденовского костища к югу от Перми. Это костище является наиболее крупным до сих пор известным памятником данного типа.

Жертвенные места около д. Подбобыки Чердынского у. и в Чашвенской пещере Соликамского у. были раскопаны Сергеевым и описаны Теплоуховым (1897, 1895).

Из изысканий Спицына особенно значительны раскопки, совместно с Новокрещенных, богатого могильника близ д. Броды Кунгурского у. (1898).

Могильник той же эпохи близ д. Деменки (раскопки 1901 г.) Пермского у. оказался перерытым, по Спицыну, с обрядовой целью. Сергеев еще раньше объяснял подобные факты кладоискательскими раскопками (1897). Спицыным же копались поздние могильники близ д. М. Аниковой Чердынского у. (X в., 1895), Шабановский Пермского у. и Селянинский Кунгурского у. (оба XII—XIV вв., 1901); в последнем, между прочим, обнаружены серебряные сосуды передне-восточной работы.

В 1900—1901 гг. В. Л. Борисов вскрыл ряд могильников в Чердынском у. Часть их, с инвентарем нового типа (главным образом, у дер. Хариной), осталась без точной датировки и была провизорно отнесена к VIII—IX вв.

В пермском Зауралье производил многолетние раскопки городищ около озера Иртяш к югу от Екатеринбурга (Свердловска) В. Г. Дружинин. Найдены, между прочим, железные и костяные предметы, а также бронзовые наконечники стрел. Сходную с иртышской керамику дало исследование им же (1895) городища у д. Муслюмовой Шадринского у., близ места находки известного клада „сармато-готских“ вещей. Городища Тобольской губ. изучал Бортвин (1918). На Искерском городище, месте былой столицы сибирских татар, вел изыскания Пигнатти (1915).

В южных частях среднего Поволжья древности разных эпох железного века изучались слабо. Нефедов копал курганы в Бузулукском у. Самарской губ., Поливанов — в Симбирской губ., Спицын — в Камышинском у. Саратовской губ.

Довольно многочисленные работы по изучению татарских древностей этого района уже выходят за пределы настоящего очерка.

С конца девяностых годов начинают делаться попытки сводки обширного накопившегося материала по древностям железного века более восточного, финского района.

Толстой и Кондаков в „Русских Древностях“ (1897) относят их „преимущественно к VI—XII вв.“ и, в частности, допуская возможность датировки Борковского, Курманского, Лядинского, Томниковского могильников эпохой VIII—IX вв., они рассматривают приокские и поволжские могильники как одно целое с более западными курганными древностями, объединенное славянским связующим элементом, постепенно убывающим к востоку. Вопрос об этнической принадлежности отдельных групп памятников авторы считают для своего времени неразрешимым. Финские компоненты культуры появляются, по их мнению, только в тяжелых и многочисленных украшениях, и лишь в таких поздних могильниках, как Гагинский XIV в., исследователи отмечают „сравнительно мало общего с древней Русью“. Весьма важное значение Толстой и Кондаков, соответственно основной тенденции своего труда, придают восточным элементам, усиливающимся, как ими указывается на многих конкретных примерах, вниз по течению Оки и Волги.

Иначе подошел к рассматриваемым культурам Спицын. Для него основными задачами являлись установка отдельных культурных типов, их обоснование, датировка и этнический вопрос. „Древности Оки и Камы“ (1901) и „Древности Пермской Чуди по коллекции Теплоуховых“ (1902) являются капитальными работами, положившими основание синтетическому изучению финских древностей железного века от Оки до Урала. Наиболее древняя железная культура области, сменившая на Каме цивилизацию ананьинского типа, представлена, по Спицыну, в Пьяноборском могильнике с его характерными эполетообразными застежками, заканчивающимися спиралью серьгами, пряжками с кнопкой, косниками и другими бронзовыми предметами. Эту культуру Спицын доводит до VI—VII вв. н. э., относя Гляденовское костище, содержащее некоторые ананьинские формы, к III—VI вв. Кошибеевский могильник на Оке, знающий не мало аналогий Пьяноборскому, по его мнению, „удобнее всего относить к V—VII вв.“. Борковский могильник он был склонен датировать VIII, отчасти IX веком, а Темниковский и Лядинский IX—X веками. XI веком им определяется, на основании монет, Максимовский могильник. К XII—XIII вв. тянут Ефаевский,

к XIV в. — Муранский, Гагинский и аналогичные древне-мордовские. Вещи типов XII в., во всяком случае не русские, дали случайные находки из еще нераскопанного к тому времени Заколпского могильника Меленковского у. Владимирской губ. Принадлежность либо финской мещере, либо славянам допускал Спицын для аналогичных по инвентарю с заколпскими находками курганов XII в. и позднее у д.д. Парахина и Поповой Касимовского у. Рязанской губ. (раскопаны Нефедовым еще в 1878 г.), хотя вообще им проводилась строгая грань между обрядом погребения в могильниках, свойственным финнам, и обрядом захоронения в курганах, типичным для славян.

Рязанско-окских могильников после Спицына касались еще две работы более общего характера. Селиванов впервые указал на разнохарактерность захоронения этих кладбищ. Он попытался выделить в них памятники двух культурных периодов, IV—V вв. и VIII в. (1906). Городцов в свой „Бытовой археологии“ (1910) также склонен допустить для этих могильников длительное существование (со II по VIII века). Он первый отметил отражение в их инвентаре не только восточных, но и более ранних, сарматских и готских, влияний.

В Пермском крае, на основании сравнительного анализа украшений и монетных находок, Спицын (1902) после периода древнейших костищ типа Гляденовского выделил культурные типы — ломоватовский (VIII—IX), X, XI, XII и XIII—XV веков.

Кроме вопроса о датировках, с Пермским краем тесно связана проблема фантастических религиозных изображений. Следуя в основах Теплоухову, Анучин дал новую классификацию этих фигур, особенно подробно остановившись на птицевидных бляхах. Он широко применил сравнительный метод для их истолкования и поставил эти изображения в связь с культовыми фигурами птиц у разнообразных сибирских туземцев. Прототипы образов пермских блях Анучин искал в более культурных областях юга Азии (1898).

Одновременно с Анучиным и Спицын придал шаманизму первенствующее значение для объяснения пермских и аналогичных им изображений, попытавшись, на основании данных о монголо-турецких шаманских представлениях, дать толкование отдельным композициям (1898). В 1906 г. Спицын издал очень полный атлас всех известных к тому времени древних шаманских изображений; в предисловии он очертил область их рас-

пространения, охватывающую Урал и Западную Сибирь, и наметил датировку трех установленных им групп изображений, из которых древнейшую определял периодом костищ, вторую — эпохой VIII—IX вв., а самую позднюю доводил, примерно, до XIV в.

Кроме того, Спицыным дана сводка по описанию зауральских городищ бассейна Иртыша (1906), причем впервые была отмечена вероятность принадлежности значительной части их к эпохе „сибирской золотой коллекции Эрмитажа".

Работа по изучению финских древностей железного века восточной полосы значительно ослабела после выхода основных трудов Спицына. Немногие производившиеся исследования не выходили за пределы частных изысканий.

Сведения о культурах к западу от Волги пополнили раскопанные Черепниным (1903) и И. И. Проходцовым (1913) могильники рязанско-окского типа, раскопки Глазовым могильника „кошибеевского" типа около Сергача Нижегородской губ. (1908), раскопки Макаренко Новленского и Заколпского могильников XII—XIII вв. в Меленковском у. Владимирской губ. (1908), а также Новотемниковского могильника IX—X вв. в Тамбовской губ. (1910), и особенно изыскания Городцова. Последний произвел тщательные и подробно опубликованные раскопки у д. Подболотье близ Мурома. Между прочим, им едва ли не впервые была введена статистическая обработка добытого материала. Обнаруженный могильник, отнесенный к VII—IX вв. и усвоенный мурому, содержал богатый инвентарь.

Древности некурганных типов к северу от Волги, до тех пор почти неизвестные, осветили произведенные В. И. Каменским, по поручению Академии Наук, раскопки „Чертова городища" на р. Ветлуге, где, между прочим, обнаружены захоронения с предметами VI—VIII вв. (1909), и могильника X в. с трупосожжениями и трупоположениями у д. Валовой, тоже в Костромской губ. (1909). Находки XI в. частью пермских, частью западнофинских типов из Архангельской губ. обнародовал Спицын (1915).

Изыскания по древностям Казанского края в небольшой мере продолжали Кротов, Г. Ахматов, М. М. Хомяков, копавший поздние чувашские могилы; Спицын обратил внимание на венгерский характер поясного набора витязя с нормандским мечем, захороненного в Биляморском кургане (1914).

В Вятской губ. П. Г. Тарасов и В. Д. Емельянов раскопали богатый и обширный Поломский могильник IX—X веков в Глазовском у., существенно расширивший сведения по железному веку Северо-Вятского края (1906—1908).

Во многом дополнили сведения, сообщенные Спицыным в 1893 г., разыскания, производившиеся Л. А. Беркутовым в 1910—13 гг. на прикамских городищах Сарапульского у., большею частью, без сомнения, относящихся к пьяноборской эпохе. Весьма неожиданными оказались находки на некоторых из них глиняных фигурок. Древности Малмыжского у. осветил М. Г. Худяков (1917).

Уфимские древности железного века были впервые воспроизведены Булычевым в „Древностях Восточной России" (1902 и 1904). В 1911—1912 г. В. В. Гольмстен раскапывала близ города Уфы интересный могильник эпохи, „сменившей в крае ананьинскую."

Из пермских находок после 1900 г. особенно важен клад серебряных изделий и бронзовых украшений VIII—XI вв., по Спицыну, найденный близ с. Редикор Чердынского у. (1910).

В Зауралье находки вообще мало изученного в этой местности железного века на дюнах у д. Могилевой Шадринского у. описал Ю. П. Аргентовский (1910).

Раньше мало изучавшиеся старинные остяцкие могилы, возможно XIX в., раскопал близ Обдорска С. И. Руденко (1914).

Как уже отмечено, в последние предвоенные годы весьма оживленно велась работа по накоплению археологических материалов в Саратовском крае. Ее деятелями в области железного века являлись Зайковский, А. А. Кротков, С. А. Щеглов и другие. М. Радищев (с другими) раскопал в 1913 г. небогатый вещами, вероятно, мордовский Черемшанский могильник в Хвалынском у., а в 1914 г., несомненно, мордовский могильник XVII—XVIII в. у Старой Яблонки того же уезда. В последнем металлические украшения уже заменяются бисером и вышивкой.

Открытие и изучение могильников Оки и Камы, а отчасти и Средней Волги, предварительная установка отдельных культурных ступеней в этих областях и датировка последних является очень важным достижением разбираемого периода. Этими изысканиями было положено прочное основание изучению доисторических судеб более восточных территорий России.

Курганные древности принадлежат к числу памятников, изучавшихся особенно усердно, начиная с девяностых годов. Их исследование велось, главным образом, Русским Археологическим Обществом и Археологической Комиссией; оно производилось строго систематически и с большой тщательностью, особенно с 1900 года. Главными целями изысканий являлось: установление культурных типов различных территорий курганной области, причем большое внимание уделялось обряду погребения, выяснение последовательной смены этих типов, производившееся теперь нередко на основании изучения генезиса форм, и, наконец, увязка с известными из исторических памятников этническими единицами, как-то: славянскими и финскими племенами. Полученные выводы во многом разъяснили и дополнили краткие летописные сведения о пределах распространения отдельных племен и народностей. Как и раньше, ставились в эту эпоху и вопросы, направленные к изучению отдельных особенностей бытового уклада, костюма, употребления утвари и т. д.

Работа эта обнимала и южно-русские славянские народности, но, так как центр ее перешел из Москвы в Петербург, главное внимание естественно направлялось на север и особенно на Северо-западную область.

Эти исследования прежде всего выразились в изучении и издании богатых результатов раскопок семидесятых и восьмидесятых годов в Петербургской губ., особенно Бранденбурга и Ивановского, благодаря чему впервые были выяснены отдельные группы памятников Северо-Западной области.

Бранденбург устанавливает существование в изученном им южном Приладожье двух родов курганов, инвентарь которых, впрочем, он отчетливо не различал: именно высокие крутобокие сопки в долине Волхова и невысокие круглые насыпи в бассейне р. Паши и других соседних рек.

Для уяснения культурного облика и связей, Бранденбург произвел детальный анализ находкам и сравнил их с памятниками, известными из других местностей севера. Однако, совершенно аналогично Ястребову и другим, он не вышел за пределы отдельных частичных наблюдений и не дал никаких обобщающих выводов.

Бранденбург считал народность волховских курганов славянской. Остальные же курганы, основываясь на обилии финских типов предметов, он считал западно-финскими и решительно

возражал против распространенного в те времена мнения, что культура древних финнов „не возвысилась даже до употребления металлов". Датирует курганы исследователь временем от VIII в. н. э. Спицын, давший обзор материалам Бранденбурга, подчеркнул сходство инвентаря приладожских курганов с финляндскими захоронениями и, напротив, отличие от курганов „Водской пятины" (1895).

Раскопки Ивановского в Водской пятине были обработаны Спицыным в капитальном сочинении „Курганы Санктпетербургской губ. по раскопкам Л. Г. Ивановского" (1896). Важнейшим достижением исследования является расчленение всей массы курганов на две группы: захоронения XI—XII и XIII—XIV вв. Кроме того, Спицын выделил еще погребения X в. и более ранние с предметами латышских типов.

Присутствие в первой группе типичных славянорусских предметов, напр., некоторых видов нагрудных пряжек, витых из проволок, браслетов и других, и полное совпадение в инвентаре и обряде погребения с заведомо русскими курганами заставило Спицына „без большого колебания" признать эти погребения, равно как и II группу, русскими. Лишь насыпи близ д. Мануйловой (XI в.) с широкими кожаными ножнами, окованными медной пластиной, и некоторыми другими предметами типа Пюхтицких курганов в Эстонии, раскопанных П. А. Висковатовым, равно как Войносоловские курганы XIV—XV вв. Спицын был склонен приписывать води или эстам. Подобно Бранденбургу, Спицын дал в своем труде много отдельных замечаний относительно характера одежд, способов ношения украшений, применения утвари и т. д., вводящих в бытовые условия захороненных народностей.

В дальнейшем существенно углубил сведения о курганах северо-запада известный художник Н. К. Рерих (1899), предпринявший с 1895 по 1899 г. ряд раскопок в Петербургской, Псковской и Новгородской губерниях, выяснивших культурное единство всей этой территории в X—XV веках.

Кроме того, по курганам и жальникам Петербургской губ. работали Г. О. Шмидт (Гдовский и Лужский у.), А. Е. Мальмгрен (Гдовский и Петергофский у., 1893 и 1897) и Глазов (Гдовский у., с 1898).

На территории древней Ростово-Суздальской области вели изыскания А. А. Тихомиров (1897) в Ярославской губ., а

в Костромской губ. — Нефедов (1899) и Костромская Архивная Комиссия (раскопки 1892—1900), вместе раскопавшие до 1670 курганов.

По работам Нефедова опубликованы довольно полно составленные дневники. Анучин (1899), давший сводку результатов этих работ, отметил многие черты сходства костромских курганов с „мерянскими" и отчасти с московскими. Датируя костромские курганы, на основании монет, эпохой X—XII вв., Анучин не счел возможным выделить из общей массы финские и славянские погребения.

В Московской области копали в девяностых годах А. Л. Кожевников (1894), Сизов и С. К. Богоявленский (1897).

В Смоленской губ. в девяностых годах раскапывали курганы Спицын и Эйбоженко (1892), Сизов (1894, 1896) и Булычев (1892—1893), опубликовавший весьма детально составленные отчеты, в Витебской — Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич (1900, 1901), в Могилевской — М. В. Фурсов, в Калужской — В. И. Лабушевский (1891), Булычев, И. Д. Четыркин (1898), в Орловской — П. М. Еременко (1896), в Тульской — Зограф (1890). В Рязанской губ. производила раскопки курганов Рязанская Архивная Комиссия в лице Черепнина (1896—1897). Из раскопанных последним курганных групп, рубцовскую (Рязанского у.) Спицын (1898) датировал не ранее XII в. и связывал с муромо-суздальскими курганами, тогда как зарайскую, XII—XIII вв., он сблизил с тульскими и московскими. Обе группы довольно бедны.

Черепнин счел возможным приписать все курганы (в том числе и пронские, раскопанные им в 1897 г.) вятичам. П. Н. Милюков (1898), давший обзор рязанским курганам, различил в них 4 типа, из которых наиболее многочисленный, представленный в зарайских курганах, отнес к кривичам.

Позднейшие места поселения исследовали Четыркин (Серанское городище Калужской губ., 1897), Городцов (верхний слой Федяшевского городища Тульской губ., 1897), Черепнин (Старо-рязанское городище, раскопки с 1898 г. по 1903 г.) и другие.

Скелетный материал из погребений железного века почти не изучался. Можно отметить только измерения А. Г. Рождественского (черепа из разновременных рязанских захоронений, 1893). Среди них встретились как брахицефалы, так

и долихоцефалы. Сильно смешанное население показало и изучение Н. П. Константиновым-Щипуниным (1897) черепов из костромских курганов; и среди них преобладали долихоцефалы.

Весьма быстро увеличивавшийся материал по курганным памятникам естественно вызывал потребность в синтезирующих работах. Первой попыткой в этом направлении явился 5-й выпуск „Русских Древностей" Толстого и Кондакова, посвященный „домонгольским древностям" и базирующийся, главным образом, на курганном материале. Как уже отмечено, в своем разборе древностей с VI по XII в. и несколько более поздних — давать более точные датировки авторы не считали возможным,— они стоят на ярко выраженной славянской точке зрения. Славянский элемент, по их мнению, оживлял и связывал воедино разноплеменные культуры народов русской равнины. Авторы отказываются от попыток выделить в массе древних памятников группы славянские и неславянские, лишь отмечая ослабление чисто славянских форм по направлению к среднему Поволжью. Выводы обоих авторов основываются исключительно на изучении предметов убранства.

В труде Толстого и Кондакова впервые отчетливо дана попытка выявить отдельные группы курганных древностей. В частности, на севере они намечают группы „Водской пятины", приладожскую, смоленскую, муромо-суздальскую и несколько более поздние гдовскую и московскую и дают им краткие характеристики. Выделить в пределах одной территориальной группы, несомненно, имевшиеся более ранние и более поздние предметы авторы не пытались. Главное внимание Толстой и Кондаков уделили выявлению различных заимствований, отметив в курганных древностях, наряду с восточными, также византийские, западные, скандинавские и некоторые другие формы. „Русские Древности", таким образом, впервые выяснили место русских и, в частности, северо-русских древностей в художественной культуре средневековья.

Подход Толстого и Кондакова был художественно-археологическим. С точки зрения исторической подошел к тому же материалу Спицын. В 1899 г., скоро после появления важной статьи А. А. Шахматова „К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей", выходит замечательная для того времени работа Спицына „Расселение древне-русских племен

по археологическим данным"; она сохранила свое первостепенное научное значение вплоть до нашего времени.

В „Расселении" предлагается характеристика курганных погребений и курганного инвентаря по территориям отдельных славянских племен. Эта работа показала совпадение археологических данных и летописных известий и весьма оживила и уточнила для исследователя сухие указания исторических памятников. Ценность ее увеличивается тем, что Спицын прослеживает смену типов захоронения и могильного инвентаря для каждой группы памятников и дает датировки отдельных культурных явлений. Кроме того, большое значение имела произведенная им проработка вопроса об этнической принадлежности древностей в областях на меже славянского и финского расселения.

Появление курганов Спицын относит к IX веку и считает древнейшими насыпями высокие сопки Новгородской области, перенятые от норманнов. Впрочем, распространение обычая насыпать курганы из Новгорода по всей территории восточных славян исследователь все-таки не считает доказанным. Он отмечает существование сравнительно ранних курганов у кривичей („длинные" курганы с вещами литовских типов), а также в земле вятичей. В X в. наиболее распространенной формой становятся полушарные невысокие курганы с кострищами в насыпях и ровиками вокруг, весьма многочисленные, в частности, в земле кривичей. Погребальным обрядом в них всегда является сожжение, содержавшееся на территории кургана или вне ее. Совершенно аналогичные захоронения, с сожжениями, кострищами и т. д., вполне идентичные смоленским, обнаруживают многие „мерянские" курганы, раскопанные Уваровым. Это тожество привело Спицына к очень важному выводу, что ростовские курганы оставлены кривичами, а не финнами. С конца X века, под влиянием христианства, трупосожжение исчезает. Кострище, кажется, остается; весьма часто посыпание места погребения золой. Труп обычно кладется на поверхности земли. Таким образом, Спицын решительно порвал с господствовавшим до того времени представлением об одновременности обрядов сожжения и трупоположения у носителей курганной культуры. К концу XI в. появляются в курганах грунтовые ямы. В XII в. нередки захоронения в гробах или колодах, от которых сохранились гвозди. С XI в. в Северо-Западной области курганы начинают заменяться жаль-

ничными погребениями, рассмотренными Спицыным же в статье „Сопки и жальники". В инвентаре XI в. и более поздних в Новгородской и Суздальской областях присутствует не очень многочисленный финский элемент в виде животных фигурок-подвесок. Суздальские курганы в остальном и в это время совершенно схожи с другими славянскими и решительно приписывались Спицыным не финской мере, а славянам, новгородцам и кривичам, как он полагает, на основании вещей. С XI—XII в. известны и курганы в области вятичей, предшествующий способ погребения которых неизвестен.

„Расселение древне-русских племен по археологическим данным" тесно связало историческую и археологическую науку. Известия Начальной летописи оказались в полном соответствии с результатами археологических исследований. Важность последних для разрешения многих проблем начала русской истории стала очевидной. Но работа А. А. Спицына дала хотя широкую картину, но во многих частях незаконченную, за недостатком материала. Для ее завершения требовались новые, планомерно поставленные изыскания. Организацию их и имела в виду „Записка об исследовании собственно-русских курганных древностей", направленная в 1900 г. в Русское Отделение Русского Археологического Общества деятельными членами последнего Спицыным и Н. И. Веселовским. Отделение, руководителем которого тогда являлся С. Ф. Платонов, согласилось с предложениями „Записки", и с 1900 г. Обществом были энергично поведены работы по исследованию курганов, в первую очередь некогда тянувшей к Новгороду и Пскову Северо-Западной области, занятой ильменскими славянами и отчасти кривичами. Одновременно вела изыскания по поздним древностям северной России и Археологическая Комиссия. Деятельность обоих учреждений скоро перекинулась на среднерусские области. Полевые работы, проведенные этими и некоторыми другими учреждениями за время между 1900 и 1917 гг., весьма многочисленны. Поэтому за недостатком места в дальнейшем будут отмечаться лишь наиболее важные изыскания.

Обработка отчетов о раскопках Глазова в 1898—1901 гг. в Гдовском у. Петербургской губ. дала Спицыну материал для улучшения хронологии петербургских курганов, а тем самым и вообще северно-русских.

Работы Глазова же в Псковской губ. (1901) осветили до той поры слабо изученные длинные курганы. Этот тип курганов, встреченный еще ранее в Смоленском крае, был отнесен Сизовым, на основании находок предметов с эмалью, к эпохе „не позже VII—VIII вв." (1899). Спицын в 1903 г. указал на необходимость строгого различия между сравнительно короткими, прямоугольными в основании, „удлиненными" курганами с сожжениями, содержащими вещи литовских типов, и „длинными", доходящими до значительной длины. Последние тоже с сожжениями, вполне сходны по устройству с обычными круглыми курганами и, следовательно, относятся к X в. Допуская принадлежность кривичам и удлиненных курганов, Спицын высказал предположение, что четырехугольные насыпи, может быть, представляют земляное подражание деревянному дому. На длинные курганы он смотрел как на переходную форму от удлиненных курганов к обычным круглым.

Таким образом, уже в 1903 г. этот исследователь был склонен совершенно отказаться от высказанного им с большими оговорками в 1899 г. предположения о происхождении кривичских насыпей, как и других славянских, от норманских сопок.

В 1903 г. Глазов обнаружил долгие курганы обоих типов в Крестецком у. Новгородской губ., а Колосов длинные курганы в Осташковском у. Тверской губ.; в 1904 г. А. А. Смирнову встретились под Муромом длинные курганы, правда, особого типа.

Проблема культуры суздальских курганов получила весьма полное освещение в статье „Владимирские курганы" (1905), в которой Спицын подробно обосновал свою точку зрения о русском происхождении этих курганов, подчеркнув почти полное тожество их инвентаря и погребального обряда с наблюдающимся в местах исконно-русских. Финский элемент, по его выводам, в этих курганах „едва заметен". Спицын отрицал даже самую возможность встретить курганные погребения финнов в „мерянской" области, считая, что последние хоронили своих мертвых в могильниках. Наряду с игравшими главную роль в колонизации Суздальской области смоленскими кривичами, исследователь выдвигает для XI—XII вв. кривичей двинских, а не новгородцев, на которых указывали раньше.

Другая точка зрения на народность владимирских курганов была, напр., высказана А. И. Соболевским в прениях по до-

кладу Спицына о заселении Верхневолжской области на Тверском Археологическом Съезде (1903). Соболевский считал суздальское население X—XII вв. в основе финским, а главную роль в колонизации приписывал вятичам, базируясь на лингвинистических соображениях. Смоленского типа височные кольца и другие предметы могли, по его мнению, проникнуть в край путем торговли.

В связи с изучением владимирских курганов Спицын подверг анализу и известный Белогостицкий клад и отнес его к концу XI в. В этом кладе он отмечает русские и восточные изделия. Изучение результатов работ Репникова, Макаренко, Гатцука в Тверской и Ярославской губ. (1902) побудило Спицына выделить особую группу тверских курганов XI—XII вв., захватывавшую и Углицкий край и представленную, кроме того, в Волоколамском у. Московской губ. погребениями, раскопанными Готье и Богоявленским (1901). Эта группа, близко связанная со смоленской, указывает на пути распространения кривичского племени. Иначе смотрели, в частности, на волоколамские курганы, Готье и Богоявленский. Они считали их новгородскими и полагали, что Волок „уже в XI в." составлял крайний южный предел Новгородской колонизации.

Особую точку зрения на народность более ранних владимирских, в частности, ярославских курганов высказал И. А. Тихомиров, приписавший их норманнам (1903 и 1906). По его мнению, обычай насыпать курганы был после X в. заимствован от последних финнами и славянами. Эта точка зрения встретила возражения Спицына, отметившего тожество инвентаря славянских и норманских курганов X в., вследствие чего не представляется возможным решать вопрос о национальности погребенных этой эпохи. Наличие в Смоленском крае норманских погребений отметил Сизов, в своей монографии (1902) обстоятельно разобравший результаты раскопок знаменитого Гнездовского курганного поля. Спицын, публикуя материалы работ С. И. Сергеева в 1899—1901 гг. в Гнездове, отметил возможность известного влияния норманских образов уже не на возникновение, но на видоизменения кривичских насыпей (1905).

Важное значение имели раскопки кн. А. А. Ширинским-Шахматовым рядового могильника близ д. Федово Вышневолоцкого у. Тверской губ. (1906). Как отметил Спицын (1905), последний является старейшим известным русским могильником

Новгородского края, показывающим, что уже в XI—XII вв., когда курганный обряд погребения начал исчезать, его местами сменял не жальничный способ захоронения, но могилы обычного типа.

Народность небрежно насыпанных, лишенных погребальной глиняной посуды, курганов близ д. Мануйловой Ямбургского у., известных еще по работам Ивановского, после изысканий Глазова, была Спицыным определена не как водская, но как эстонская (1905).

Вятичские курганы окского бассейна изучались в это время Апухтиным (1901) и особенно Булычевым (1903); результаты раскопок последним публиковались в прекрасных изданиях.

До 1905 г. в изучении курганных древностей решительно доминировала высказанная Толстым и Кондаковым и поддержанная Спицыным „славянская" точка зрения, приписывавшая их почти без исключения русскому населению. В последующие годы наступил перелом. Роли финского элемента в создании курганной культуры стало отводиться все большее и большее место. Важное значение в этом направлении имели прекрасно проведенные, сопровождавшиеся детальным изучением обнаруженных сооружений, раскопки С. С. Гамченко в Петербургской губ.

В районе Сестрорецка Гамченко (1908, 1909) исследовал различные погребальные сооружения, в том числе курганы круглые, овальные, квадратные, удлиненные и длинные, площадки, выложенные валунами, и плоские земляные насыпи, обложенные валунами. Среди насыпей Гамченко выделил „угольные" курганы, насыпавшиеся над местами сожжений, и „зольные", в которых погребались сгоревшие остатки. К последней группе относятся также площадки и плоские насыпи.

В Сестрорецком районе русские появились очень поздно, почему Гамченко и приписал обнаруженные им погребения финнам, датируя их предположительно X—XIII вв. Почти полное отсутствие вещей препятствовало дать более точную дату. Финнам же Гамченко (1908) приписал и обнаруженные им на р. Луге в 1908 г. удлиненные курганы, судя по немногим вещам, может быть, VIII—X вв. Большую вероятность принадлежности финнам удлиненных и вообще долгих курганов, а также сравнительно раннюю датировку (может быть, ранее VIII—IX вв.) некоторых из них стал допускать в это время и Спицын.

Вопрос о составе населения северной полосы в эпоху образования Русского государства, таким образом, был поднят вновь. Спицын высказал предположение, что и древнейшая керамика новгородского населения, обнаруженная Макаренко при раскопках в 1910 г., могла принадлежать финнам. Он стал допускать также возможность постройки Смоленска на территории финнов (1907). Раскопанные им в 1910 г. в Лужском у. курганы XI в., с окладкой из камней, он приписал не русскому, но полуфинскому-полурусскому населению. Финнам приписал и А. И. Колмогоров (1914) раскопанные им в Тихвинском у. курганы приблизительно XI в.; в одном из них был найден только горшок „с органическими остатками", обложенный по бокам камнями.

В вышедшей в 1916 г. статье Ю. В. Готье определенно высказал мнение о существовании, в частности, в Суздальском крае, долговременного славяно-финского сожительства, причем оттеснение туземного населения шло медленно; в земле финнов первоначально возникали лишь „славянские острова", как, напр., под Волоколамском и в Суздальском Ополье, где славяне захватили местности, наиболее удобные для земледелия и торговых сношений.

Проблема торговых путей интересовала и Спицына. В статье „Торговые пути Киевской Руси" он, между прочим, выдвинул гипотезу о торговом значении Мурома, как центра меховой торговли финнов и славян. М. Б. Едемский, в связи с находкой одного клада, заключавшего весы и гири XIII—XIV вв., осветил вопрос о торговых путях в Вельском крае Вологодской губ.

Почти все работы предвоенного времени касались курганов. Городища и вообще места поселения изучались сравнительно редко (изыскания И. А. Абрамова, П. Г. Любомирова и некоторых других). Н. И. Репников (1913) раскапывал в 1909—1913 годах „земляное городище" в Старой Ладоге. Им обнаружены остатки деревянных накатов и построек трех эпох: норманского времени, более ранней „финской" эпохи и, наконец, еще более древнего времени; в самом глубоком слое залегали в большом количестве костяные изделия. При раскопках встречены разнообразные, весьма интересные, деревянные изделия (напр., лук, остатки деревянной посуды) совместно с металлическими вещами курганных типов. Богатый материал раскопок ждет подробного издания.

Специальных работ, посвященных морфологии и типологии отдельных форм инвентаря, почти не выходило. Можно отметить лишь статью В. В. Гольмстен „Лунницы Исторического Музея“ (1914).

В период после 1890 г. русские археологи вели работу также и в некоторых областях финского расселения, ныне не входящих в состав СССР.

В Эстонии копал могильники с ладьевидными каменными ограждениями у Тюрселя П. А. Висковатов (1888 и 1889); он же успешно раскапывал поздние курганы (XI, XII в.) у Пюхтицы, к западу от Нарвы (1894). В 1895 г. ряд раскопок городищ и могильников железного века на Эзеле и в Западной Эстонии произвел, по поручению Московского Археологического Общества, Р. Р. Штакельберг. Н. Харузину принадлежит сводка сделанного по доисторической археологии в Прибалтийском крае до 1892 г. (1893). Спицын, изучая лифляндские древности, частью, может быть, ливские, отметил многие черты, сближающие их с русскими курганами (1904).

Финнам одно время приписывались, напр., Толстым и Кондаковым, и богатые могильники, датированные VIII в. и раньше, обнаруженные раскопками Е. Р. Романова и Сизова в различных местах западной части Витебской губ. (ныне Латвия), особенно близ Люцина и Канинского озера (Релинги). Позднее эта точка зрения была оставлена, и погребения отнесены к литовским народностям.

Важнейшие достижения второго периода в области археологии железного века касаются, без сомнения, курганных древностей. Но если многие типы этих памятников были намечены с почти исчерпывающей полнотой, то проблема народностей, их оставивших, осталась во многих случаях нерешенной.

Установка отдельных групп „могильных“ древностей более восточной полосы является другим важным результатом изысканий довоенной эпохи. Вследствие неполноты, а отчасти сложности материала, тип этих древностей был выявлен не столь отчетливо.

Третьим достижением является выделение городищ Дьякова типа из общей массы мест поселений. Так было положено начало исследованию докурганных древностей железного века.

Все эти результаты достигнуты в очень значительной степени трудами А. А. Спицына.

V.

В вихре событий войны 1914 года и последовавшей за ней революции почти замерла археологическая работа. Не стало средств на ведение раскопок и разведок, не было благоприятных условий для кабинетной исследовательской работы.

Прекращение в 1920 г. гражданской войны и объединение страны в Союз Советских Социалистических Республик не сразу благоприятно отразились на археологических исследованиях. Многие из научных учреждений, работавших в этом направлении в довоенное время, прекратили свое существование, как, напр., Русское и Московское Археологические Общества, другие, как Археологическая Комиссия, находились в стадии реорганизации соответственно новым условиям быта страны и первоначально не имели сил и возможности вновь повести научные изыскания.

Лишь, примерно, с 1922 г. началось оживление археологической работы в СССР и, в частности, в северной полосе ее. Инициатива в этом направлении принадлежала, однако, не столько научным работникам и учреждениям центра, сколько деятелям периферии. В Саратове, Самаре, Казани, Перми, Костроме, Нижнем-Новгороде, Смоленске, Рыбинске и других городах, нередко совершенно самостоятельно друг от друга, местные работники, группировавшиеся около музеев и возникших в эту пору в большом числе университетов, стали вновь ставить палеоэтнологические изыскания. Эти работы шли в одном русле со стихийно поднимавшимся по всей территории Союза движением к всестороннему изучению природы и человека в пределах родного края. Краеведение дало организационные формы археологическим исследованиям: в работе многих вновь сформированных краевых научных обществ они заняли видное место.

С ничтожными средствами, порою ощупью, не имея возможности достать необходимую литературу, научные работники провинции самоотверженно повели исследовательскую работу по систематическому археологическому изучению своих областей. Основным лейтмотивом местных деятелей было стремление вести изыскания не кустарно, не любительски, как практиковалось иногда в предшествующие годы, но, по возможности,

соответственно предъявляемым наукой требованиям. Благодаря краеведению, в очень короткое время во многочисленных, большею частью возникших после революции, местных музеях скопился обширный археологический материал, до сих пор еще в малой степени приведенный в известность.

Инициатива краевых работников нашла отклик в центре. В Москве Главное Управление Научных Учреждений при Народном Комиссариате Просвещения оказало широкую финансовую и моральную поддержку археологическим работам провинции. Вместе с тем центральные научные учреждения и сами постепенно начали вести исследовательскую работу. Особенно интенсивно повели изыскания по древностям севера из московских учреждений: Антропологический Институт имени Д. Н. Анучина при I Московском Университете, где во главе палеоэтнологической работы стоит Б. С. Жуков, и Государственный Исторический Музей, археологическая деятельность которого протекает под руководством В. А. Городцова. В Ленинграде в том же направлении работает Академия Истории Материальной Культуры (в числе сотрудников ее состоят А. А. Спицын и П. П. Ефименко), с 1926 г. обратившая большее внимание на северную полосу СССР, и Академия Наук, с 1924 г. ведущая, в лице сотрудника Музея Антропологии и Этнографии А. В. Шмидта, работу по систематическому палеоэтнологическому обследованию Уральского края. Наряду с этим продолжают свою деятельность научные учреждения в Саратове (руководитель работ П. С. Рыков), Самаре (руководитель работ В. В. Гольмстен), Казани (В. А. Смолин), Смоленске (А. И. Лявданский), Нижнем-Новгороде, Костроме (В. И. Смирнов), области Коми-зырян (А. С. Сидоров), Рязани (Н. И. Лебедева), Владимире (А. И. Иванов) и во многих других местах.

С 1924 г. улучшились издательские возможности, и число публикуемых работ стало быстро возрастать. Палеоэтнологическая наука переживает бурный подъем, только что еще начинающийся и несомненно таящий в себе большие возможности.

Могучий рост археологии, выдвинувший ряд новых молодых работников, связан со значительным переломом в развитии палеоэтнологической науки в СССР вообще. Были внесены новые методы разведок, раскопок, изучения собранного материала. Новые задачи стали перед исследователями. Тщательное ведение раскопок и точная и детальная регистрация обнару-

женных фактов, выдвигавшиеся и осуществлявшиеся Спицыным и его школой еще в довоенное время, являются характерным отличительным признаком новых изысканий. В этом отношении должны быть отмечены работы Жукова и его школы.

В дело изучения собранного материала были введены лабораторные методы. Вместе с тем, следуя примеру, показанному еще в 80-х годах XIX века Иностранцевым, палеоэтнологи стали широко привлекать для освещения возникающих геологических, зоологических, ботанических вопросов соответствующих специалистов. Особенно показательны в этом отношении работы Жукова в Льялове.

Использование статистического метода при обработке собранного материала, в известной мере осуществлявшееся и раньше, напр., Городцовым, является одним из характерных признаков руководящих работ последнего времени. Особенно плодотворно этот метод применен Ефименко, посредством него вскрывшим последовательные культурные наслоения рязанско-окских могильников.

Впервые введенные Ефименко методы выяснения культурной стратиграфии открывают большие возможности как для установления более точной датировки могильников, так и для изучения постепенного изменения всей культуры в целом. Своей работой Ефименко подводит исследователя вплотную к этнологическому изучению археологического материала, показывая конкретный пример увязки археологии с этнографией.

Сближение различных научных дисциплин, как-то: этнографии, антропологии, истории и др., с археологией является весьма важной чертой нового периода палеоэтнологической науки в СССР.

В эпоху войны и разрухи изучение доисторических древностей Восточной Европы и особенно ее севера было значительно продвинуто вперед благодаря работам финляндских и других иностранных ученых, среди которых на первом месте следует назвать Тальгрена, Арне и Аилио. Эти изыскания базировались, в значительной мере, на русских исследованиях. Эти достижения иностранных ученых, равно как вообще западноевропейская археологическая литература, теперь широко используются в русской палеоэтнологии. Таким образом, стала осуществляться та необходимая связь между доисториками различных стран, которая едва намечалась в довоенные годы.

Краеведческое движение естественно выдвинуло необходимость порайонных сводок археологических достижений. Многие работы Спицына, работы Смолина, Гольмстен, Жукова, Шмидта, Лявданского, Равдоникаса и других дают очерки доистории отдельных территорий севера. Появились и попытки общих сводок, затрагивающие, впрочем, Восточную Европу в целом.

Готье в своих „Очерках по истории материальной культуры Восточной Европы" (1925) осветил древности каменного и бронзового периодов, между прочим, и севера, в широком аспекте исторического процесса Евразии вообще. В связи с изложением основ археологии каменного века вообще Городцов дал в своем курсе „Археология" (1923) некоторые общего характера сведения о северорусском неолите.

После пышного расцвета интереса к каменным культурам СССР и особенно северной его полосы, имевшего место в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов, наступило длительное затишье, и, начиная с девяностых годов, внимание исследователя редко обращалось на эту эпоху. После революции положение резко изменилось, и древности каменного века вновь стали одним из излюбленных объектов изучения.

К Карачаровской стоянке, долгое время бывшей почти единственным палеолитическим местонахождением северной полосы, присоединились в 1926 г. весьма богатая кремневой индустрией и давшая ряд костяных поделок стоянка около Супонева близ Брянска, раскапывавшаяся П. П. Ефименко по поручению Академии Истории Материальной Культуры (1926), и стоянка около д. Гагариной в верховьях Дона (Липецкий у. Тамбовской губ., 1926), обследованная С. Н. Замятниным по поручению Музея Антропологии и Этнографии Академии Наук. Обе стоянки датируются верхним палеолитом.

К остаткам культуры присоединились и остатки ее носителей в виде двух черепных сводов, найденных еще в 1912 г. близ Ундор Ульяновской губ. совместно с фауной, характеризуемой мамонтом. Эти черепа изучены академиком А. П. Павловым (1925).

Более поздняя микролитическая индустрия также стала привлекать внимание. Составленный Ефименко систематический обзор микролитических памятников СССР (1924) указал ряд находок орудий микролитического облика около Вязьмы, в бас-

сейне Оки (где слой с микролитами подстилал неолитические слои, как отметил Городцов) и в Самарском крае (находки Гольмстен).

Интерес к микролитам также значительно возрос, приняв после исследования Ефименко более серьезные формы. Работы Е. Н. Басовой и особенно П. Н. Шульца под Ржевом Тверской губ. (1926) несколько разъяснили стратиграфию этих интересных предметов каменной индустрии, показав, что они обыкновенно залегают непосредственно под неглубоким почвенным слоем.

Памятники более поздней, Дьяковской, эпохи непосредственно напластовываются, во многих случаях, на остатки макролитической культуры. В Самарском крае (Постников овраг близ Самары) Ефименко отметил залегание макролитов, обнаруженных Гольмстен, под слоем с характерными макролитическими формами (1926).

В области поздне-неолитических культур особенно энергично велась работа московскими палеоэтнологами.

Углубленно поставленное Б. С. Жуковым (при участии Б. А. Куфтина) исследование стоянки в торфянике возле с. Льялова Московской губ. обнаружило весьма неожиданный факт бытования обильной и разнообразной грубой макролитической индустрии совместно с орудиями, изготовленными весьма совершенной отжимной техникой, а также с характерной, довольно поздней, „ямочно-гребенчатой“ керамикой. В том же слое залегали гарпуны и другие орудия из рога и кости, частью со следами шлифовки и пиленья. Детальный морфологический анализ макролитической и костяной индустрии показал исследователю, что в Льяловской культуре продолжали в сильной степени бытовать древние традиции, повидимому, связанные с культурами типа Маглемозе. Лабораторно поставленное изучение керамических остатков выяснило характерные особенности посуды из Льялова, в пользу большой древности которой сравнительно с Волосовской Жуков привел ряд доказательств. Датирует исследователь обнаруженный культурный комплекс, следуя схеме, принятой в Скандинавии, эпохой от конца I до конца II периода Монтелиуса. С этой датой может совпадать выясненное В. С. Дохтуровским и Кудряшевым геоботаническое определение возраста стоянки атлантическим климатическим периодом.

Жуков и Куфтин считают носителей льяловской культуры последней волной мощной этнической группировки, обитавшей в мезолитическую эпоху в северо-западной Европе; кроме того, Жуков допускает возможность этнической связи льяловцев и с носителями культуры „гребенчатой керамики".

В Смоленской губ. исследовал неолитические стоянки Лявданский, в б. Егорьевском у. Рязанской губ. раскапывал неолитическую стоянку у оз. Святого Куфтин (1920—21 и 1924), во Владимирской у Мурома вели изыскания Ф. А. Селезнев (1925) и Жуков (1925). Жуков же провел ряд работ в районе Нижегородской губ., где им была доследована, между прочим, известная дюнная стоянка около Балахны (1923). В Костромской губ. должны быть отмечены работы 1925—26 г. В. И. Смирнова на стоянке Борань и широко поставленные исследования (1922—1926 г.) сначала Смирнова и Л. Н. Казаринова, а затем А. А. Брюсова, М. Г. Фос и других у Чухломского озера („Федоровская стоянка"). Работы Жукова в 1925 г. на Ветлуге дали богатый, стратиграфически расчлененный, материал по поселениям и городищам этого мало-изученного района. Кроме керамики, обнаружено много кремневых поделок. Повидимому, кремневая индустрия бытовала в районе к северу от Волги вплоть до железного века.

В Северо-Западной области исследования по неолиту производились в очень слабой степени. По северному побережью Невской губы ряд изысканий выполнил Б. Н. Земляков, исследовавший стоянки у Тарховки и Лахты и детально выяснивший их геологические условия (1923, 1927). Обнаруженная керамика, с гребенчатой орнаментацией, сближена им с керамикой восточно-финляндских стоянок типа Каукола, почему и отнесена к IV периоду Монтелиуса.

Несколько стоянок открыты в Карелии Макарьевым (1927), а в Вологодском крае, близ Тотьмы, Праведниковым (1922) и Черницыным (1924). На одном из последних, между прочим, встретился сверленый топор, на другой отмечены находки макролитов, по Спицыну (1926), самые северные из известных. Д. Д. Руднев (1922) и особенно А. С. Сидоров (1924—26) опубликовали ряд сведений по стоянкам с каменной индустрией в Вычегодском крае (1924—25). Брюсов произвел значительные раскопки стоянки у Золотицы на Белом море (1926).

Среди изысканий по средней Волге особенно выделяются работы Гольмстен, наметившие несколько групп каменной индустрии в Самарском крае (1926). За Уралом могут быть отмечены работы А. Н. Словцова, обнаружившего (1924) близ Тагила стоянку культуры, в которой, повидимому, совместно, бытовали камень и железо, П. А. Дмитриева, копавшего близ Тюмени (1925) стоянку, может быть, относящуюся к I тысячелетию до н. э., и Д. Н. Эдинга, систематически исследовавшего знаменитую стоянку со свайными (?) сооружениями в Горбуновском торфянике близ Тагила (1926).

Вопрос о племенном составе носителей неолитической культуры подымался лишь московской школой палеоэтнологов. В частности, Жуков в 1924 г. выдвинул предположение о возможности сосуществования в лесных областях СССР, наряду с более развитыми народностями с культурой типа Фатьяновской, отсталых этнических групп, долго живших традициями эпох Маглемозе и Кьёккенмеддингов.

Наряду с актуально вставшей этнической проблемой, остро подымается вопрос о выявлении отдельных культурных типов в неолите лесной полосы СССР. В этом направлении уже вел работу финляндский исследователь Аилио, но его выводы требуют поверки. Необходимым условием для углубления наших знаний о неолите является проведение большего числа сопровождающихся внимательным наблюдением стратиграфических условий исследований стоянок. Наряду с этим представляется весьма существенным расширение работ в слабо изученных областях северо-запада, севера и востока.

Древности бронзового века лесной полосы, начиная с довоенной эпохи, интенсивно изучались Тальгреном. Созданная им система распределения памятников бронзовой поры этой территории между тремя эпохами: энеолитом, средним периодом бронзового века и поздним, совпадающим с Ананьинской культурой, и явилась отправным пунктом для исследований русских палеоэтнологов последнего времени. Очень скоро выяснилась необходимость внесения в эту схему ряда коррективов. Раскопки А. В. Шмидта в 1924—26 гг. около Перми показали, что плоские ножи и желобчатые браслеты типа Галицкого клада, относившиеся Тальгреном к энеолиту, бытовали совместно с среднебронзовыми кельтами сейминского типа. Благодаря работам Рыкова в 1921—26 годах в районе Саратова выяснилось, что и

сверленые каменные топоры, по Тальгрену энеолитического возраста, сосуществовали с копьями сейминского типа. Однако, весьма необходимого нового пересмотра схемы Тальгрена пока еще не произведено. Новый материал по бронзовому веку севера стал за последнее время известным в довольно большом количестве. Эпоху первого проникновения металла осветили раскопки Городцова в Панфилове близ Мурома (1926). Исследована была дюнная стоянка с богатой каменной индустрией и большим количеством обломков керамики, частью плоскодонной конической по форме, частью бомбовидной, вполне аналогичной Фатьяновской. Среди находок встретились и некоторые медные предметы, между прочим, „рубанковидная" пластинка, сближенная Городцовым со сходными предметами из кубанских курганов. Этот исследователь относит стоянку к III тысячелетию, что не является общепринятым. К энеолиту же относятся стоянка возле с. Левшино близ Перми, раскопанная Шмидтом (1925), затем, вероятно, вышеупомянутая Федоровская стоянка в Костромской губ. (по Фос) и находки Репникова (1926) близ д. Вельсы на Волхове, где обнаружен медный пластинчатый нож, самый северный из известных этого типа. Каменные изделия, бронзовые и железные предметы (и шлаки), по мнению исследователя, бытовавшие одновременно, добыты Городцовым при раскопках известной стоянки около с. Туровского близ Галича Костромской губ.

Сведения по средней бронзе углубили раскопки Шмидта около д. Турбиной (возле Перми), где были обнаружены кельты, ножи, серпентинные кольца сейминского типа. Местонахождение изобиловало также кремневыми изделиями весьма тщательной работы (1926). Раскопки Б. А. Куфтина и Н. И. Лебедевой у Подборного на Оке обнаружили интересную стоянку с керамикой, украшенной меандровым узором; кроме того, в Подборном найден обломок формы для литья копья сейминского типа (1926).

Энергичное развитие работ в Саратове, руководимых Рыковым, привело к установке трех культурных типов в Нижнем Поволжьи (1923, 27). Кроме культуры раннего бронзового века с круглодонной посудой яйцевидной формы, там обнаружена другая, по мнению Рыкова послесейминская, культура, названная Хвалынской. Как и еще более поздняя культура „погребения в насыпях", все эти культурные типы характеризуются курганным захоронением.

Как указал саратовский исследователь, они, несомненно, связаны с украинскими курганами типа скорченных и окрашенных костяков, подробно изученными Городцовым в начале XX века. Саратовские стоянки бронзового века изучались Спицыным (1923).

Курганные погребения, близкие к южнорусским, обнаружены Гольмстен в Самарском крае (1926), Смолиным (1927) и Ефименко (1926) в Чувашии. Гольмстен устанавливает в Самарском крае три курганные культуры, отчасти сходные с саратовскими; тоже три типа бронзовых курганных культур, но отличных от саратовских, наметил в Казанском крае Худяков, впервые опубликовавший и изучивший материал, добытый при раскопках Маклашеевского и Полянковского могильников (1926, 1927). С Хвалынской культурой сблизил Спицын (1926) стоянку возле Пензы, изученную Н. И. Спрыгиной (1923), где найдены, между прочим, бронзовые орудия, плоскодонная керамика и каменные стержни от сверления топоров. Сходные остатки бронзовых культур открыты также у с. Мокшаны в той же губернии. С восточной стороны Урала подходила к лесной полосе зона распространенная степной Андроновской культуры, как показала обстоятельная к углубленная работа С. А. Теплоухова (1927), впервые установившего эту культуру. Курганы, раскопанные Толмачевым (1918) на р. Миас, принадлежат именно этому культурному типу.

По Ананьинской культуре вышла сводка Худякова (1923). Большие перспективы, открывающиеся, благодаря изучению бронзового века, для истории первобытной России, наметил кратко Шмидт (1924) и широко развернул Готье в своих „Очерках по истории материальной культуры Восточной Европы“ (1925).

Развитие работ ставит новые проблемы. Помимо общего пересмотра всей системы периодизации бронзового века с учетом погребального обряда и керамики, важное значение имеет проблема бронзового века Урала и особенно Зауралья, чьи медные рудники („чудские копи“), несомненно, эксплоатировались в эту эпоху. Проблемы Фатьяновской культуры, волжско-камского бронзового века, культурных влияний, обусловивших появление средне- и восточно-русских бронзовых форм, требуют новых тщательных исследований. Весьма важным является также вопрос об отношении к культурам бронзовой

поры различных стоянок с каменной индустрией. Весьма вероятно, что подобные стоянки с плоскодонной керамикой целиком или в значительной части принадлежат бронзовому периоду.

Из древностей железного века весьма мало интереса вызывали памятники курганного периода. Наоборот, в связи с общим культурным подъемом национальных меньшинств древности финских территорий Поволжья все больше и больше привлекают внимание.

Городища Дьякова типа попрежнему занимали исследователей. Раскопки Ефименко в 1920 г. в Рязанской губ., обнаружившие на городище у Вышгорода два совершенно раздельных слоя, из которых верхний содержал культурные остатки типа рязанско-окских могильников, а нижний — Дьякова типа, показали правильность точки зрения Городцова, датировавшего городище дьяковской культуры эпохой не позже первых веков н. э. В пользу сравнительной древности этой культуры в известной мере говорили и результаты работ Рыкова, нашедшего на Алексеевском городище близ Саратова слой Дьякова типа непосредственно над остатками бронзового века (1926).

На Огубском городище в Калужской губ., раскопанном Городцовым (1926), помимо большого количества находок железных орудий, как-то: кельтов, серпов и т. д., найдены бронзовые браслеты и фибулы с эмалью типа Мощинского городища, что и побудило исследователя датировать этот памятник примерно I—IV вв. н. э.

Исследования последних годов значительно расширили область распространения городищ Дьякова типа. Так, в Смоленском крае большое число подобных коллективных памятников тщательно и подробно описал Лявданский (1924, 1926). Спицын склонен приписывать их литовцам (1926). Поселения с рогожной керамикой обнаружены Гольмстен в Самарском крае (1925). В Саратовском крае Рыковым открыты новые пункты с остатками посуды того же типа (1923, 1926).

Городцов в последнее время стал разделять памятники Дьякова типа на две группы: северную, типа Дьякова городища, и южную, типа Городецкого городища (1926).

Исследования Огубского городища, где обнаружены землянки, остатки литья в виде шлаков, жернова, многочисленные кости различных домашних животных, изыскания Лявданского на городищах Смоленского края и работы Шульца

в Ржевском крае дали много материала для уяснения культурного облика носителей этой культуры.

С новой точкой зрения на техническую сторону „рогожной" орнаментации выступил Н. Арзютов (1926), приведший ряд аргументов в пользу нанесения этого узора многократным прохождением гребенчатого штампа, а не рогожей.

Перечисленные работы окончательно не разрешили вопроса о времени городищ Дьякова типа. Также лишь намечены пути для разделения всей массы этих поселений на отдельные группы, частью, быть может, разновременные. Эти проблемы продолжают оставаться одними из важнейших задач будущих исследований.

Весьма продвинулось вперед в послереволюционные годы изучение финских могильников волжского правобережья, особенно их более древней рязанско-окской группы.

Гольмстен (1923) наметила деление всей совокупности могильников этой области на четыре группы. В другой работе она наметила типы керамики, последовательно бытовавшие в железном веке в районе Самарской луки вплоть до русского заселения (1925).

Рязанско-окские могильники явились предметом специальных штудий Ефименко, раскопавшего в 1920 г. два могильника этого типа: Шатрищенский и Гавердовский в Рязанской губ. На основании углубленного и тщательного культурно-стратиграфического анализа, он расчленил всю массу женских погребений могильников этого типа на семь стадий, последовательно сменявших одна другую. Одновременно Ефименко дал, наряду с эволюцией отдельных форм, общую картину постепенного изменения убора, поскольку оно может быть уловлено на основании материала раскопок.

Ефименко более подробно обосновал дату рязанско-окских могильников III—VII веками. Он считал народность этой культуры, корни которой „идут к периферии финской, а позже Византийской империи", пришлой с запада или юго-запада. На Оке она сменила или оттеснила другую народность, с которой лучше всего познакомиться по ранней стадии (до III в.) Кошибеевского могильника, ведущей на восток и теснейшим образом связанной с пьяноборской культурой.

Городцов (1925) дал описание находкам того же типа из Дубрович Рязанской губ., вероятно, представляющих остатки погребального инвентаря некогда существовавшего в этом месте

могильника. Могильник той же эпохи обнаружен работами Ефименко близ Ядрина б. Казанской губ. (1926) и, что особенно неожиданно, в северной части Саратовской губ. при изысканиях Рыкова в 1926 г.

Важные раскопки Рыковым и Рау более ранних сарматских могильников в саратовском степном Заволжьи территориально выходят уже за пределы нашего обзора.

Более поздние культуры типов Подболотьевского и Заколпского могильника осветили работы владимирских исследователей. А. И. Иванов (1923), как и более суммарно Ефименко, указали на необходимость выделять в Муромо-Владимирском крае в эпоху X—XII вв. несколько групп могильников. Одну, представленную, в частности, в раскопанном Ивановым в Судогодском у. Пустошенском могильнике (1925), а также в Заколпском, последний склонен приписывать мещере. Ей же, по его мнению, могут принадлежать родственные по инвентарю Парахинские и Поповские курганы Касимовского у. (XII в.), раскопанные в семидесятых годах Нефедовым. Подболотьевский могильник и аналогичные ему Корниловский, Пятницкий и другие, исследованные Селезневым (1926), Иванов, следуя Городцову, приписывает мурому, тогда как Селезнев склонен считать их мордовскими. Как отметил Иванов, группы эти значительно отличаются от могильников Лядинского типа.

В Сарлеях Нижегородской губ. подвергся обследованию Нижегородской Археолого-Этнографической Комиссией курганный могильник с сюльгамами, раковинами-каури сравнительно позднего времени (1923). Возле Самары А. С. Башкировым вскрыт Барбашевский могильник XIV в. (1924).

„Языческие“ кладбища и городища смежных с волжскими финнами чуваш были исследованы Ефименко (1926), а поздний (XVII—XVIII вв.) Большепольский могильник мари (черемис), находящийся уже на левом берегу Волги, был раскопан экспедицией Жукова (1925).

За пределы настоящего очерка выходит изучение турецких культур Поволжья. Работы Ф. В. Баллода, Смолина, Худякова, Кроткова (изучение татарского средневекового города Мохши, около Наровчата Пензенской губ.), Арзютова, К. Н. Папа-Афанасопуло и многих других весьма углубили сведения о быте болгар и татар, этих былых культурных гегемонов восточной полосы.

К северу от Волги, под Тотьмой, Н. А. Черницыным раскопано несколько погребений, по Спицыну, с вещами, частью аналогичными Костромским курганным древностям, частью несколько более поздними.

Многочисленные и обстоятельные сведения о малоизвестных поздних финских городищах и могильниках бассейна Вытегры опубликовал Сидоров (1924, 1925). Городища и могильники, по Башкирову XIII—XIV вв., раскапывались в том же районе в 1925 г. экспедицией Государственного Исторического Музея.

Работами этнографической экспедиции Государственного Русского Музея, под руководством Д. А. Золотарева, раскопано несколько „лопарских" могил с интересной костяной индустрией (1926). Древнелопарская культура, таким образом, вошла в сферу изучения русской палеоэтнологии.

Смолин начал в 1925 г. обследование своеобразной насыпи с кострищами и различными остатками, возможно представляющие „старых болгар мольбище жертвенное", близ с. Балымеры б. Казанской губ.

Пермские древности явились предметом ряда работ А. В. Шмидта. Им было установлено существование на верхней Каме культурной ступени (IV—V вв.), в которой в значительном числе бытовали предметы „сармато-готских" типов (1927). Близ Кунгура Шмидтом раскапывались в 1926 г. городище и могильник ломоватовской эпохи (VI—VIII вв.). Среди бытовавших в эту эпоху в изобилии в Пермском крае восточных изделий, исследователь выделил (1925) ряд предметов среднеазиатского до-арабского происхождения; в числе их он отметил фигуру всадника с р. Туя, культурная принадлежность которой была до этого темной. Путь проникновения этих изделий вел, по мнению Шмидта, через казакские степи. Тот же исследователь подчеркнул присутствие византийского импорта в материальной культуре ломоватовского периода (1925).

Присутствие элементов южного происхождения в поясном наборе того же времени в Пермском крае и вообще в северо-восточных областях отметил Л. А. Мацулевич (1927), указавший на тожество их с крымскими, кавказскими и другими южнорусскими.

Серебряная посуда сасанидского и византийского изделия, в изобилии бытовавшая в Пермском крае и соседних областях

в эпоху железного века, ранее изучавшаяся Я. И. Смирновым (1901), явилась предметом работ И. А. Орбели, Гирса (1927) и Мацулевича (1927).

Религиозные „шаманские" изображения Пермского края также служили предметом работ Шмидта, который дал (1927) новую хронологию, в частности, птицевидных изображений. Предложенная им схема развития мотива птицы с человеческой личиной на груди исключает возможность влияния мотивов Ганимеда или Гаруды на возникновение этого типа. Шмидт подчеркивает значительную долю туземного творчества в создании этого фантастического образа.

Сведения о поздних городищах и других древностях Тобольского округа дали Убытков, Преображенская, Копотилов (1925), отчасти также Л. Р. Шульц (1926, для Конды). Эти исследования двинули вперед изучение финских древностей восточной полосы. Однако, до сих пор значительные территории освещены далеко не достаточно. Многие эпохи жизни Вятского края, среднего Поволжья, не говоря уже о севере, Башкирии, Зауралье еще почти неизвестны.

Положено только начало более точному уяснению форм материальной культуры отдельных эпох и областей финского и железного века. О том, какие широкие перспективы могут открыться при выполнении этой работы, показывает исследование Ефименко о рязанско-окских могильниках, бросившее новый свет на создание ряда элементов более позднего быта финских народностей Поволжья.

Как уже отмечено, курганные древности, в известной части, несомненно, славянские, мало привлекали исследователей в после-революционную эпоху. Тем не менее и в этой области уже могут быть отмечены важные достижения.

В Тихвинском крае б. Новгородской губ. В. И. Равдоникас (1924) исследовал несколько финских курганов типов, близких к изученным Бранденбургом. Как и последний, Равдоникас настаивает на сосуществовании обрядов трупоположения и сожжения. Обнаруженные им совместные погребения мужчин и женщин исследователи объясняют существованием обряда, требовавшего в известных случаях, чтобы жена сопровождала мужа в могилу. В южной части уезда Равдоникас обнаружил славянские курганы XI—XIII вв. с трупоположением в грунтовых ямах, наметив, таким образом, границы славянского и финского

расселения в Тихвинском крае. Работа Равдоникаса (1924) дает ряд выводов, рисующих бытовые условия носителей курганных культур.

Для Тверского края Спицын (1926) более детально указал область заселения тремя группами кривичей: смоленской, полоцкой (двинской), имевшей больше значение для заселения края, и тверской.

Шульц (1926) произвел в Ржевском крае разведки на городищах литовских городов Сишска и Осеченя с характерной керамикой XIV в. В Ярославском крае Сарское городище около Ростова раскапывал Эдинг (1926). В той же губернии близ Рыбинска Л. Альбицкий раскопал ряд курганов (1923), антропологический материал которых был отчасти изучен Б. Н. Вишневским. Костромским курганам XI—XIII вв. дал характеристику Спицын (1924), подчеркнувший присутствие в их инвентаре, наряду с „мерянскими", немалого количества предметов с Камы и из Новгородского края. Иванов (1926) копал „Кляземский городок" во Владимирской губ., представляющий остатки бывшего удельного города Стародуба (XII—XVI вв.).

Некоторые раскопки курганов были произведены и в Смоленской (1924) и Орловской губерниях (1924). В первой Лявданский обследовал ряд славянских городищ. В Московской губ. под руководством Городцова и других было исследовано немало курганов в различных уездах (1924). В частности, у с. Саввина при одном богатом женском погребении с топором современного типа была найдена медная деньга Анны Иоанновны или Елизаветы Петровны. Это открытие показало, что курганный обряд погребения местами сохранялся в окрестностях Москвы вплоть до XVIII века. Раскопанные в Воскресенском у. курганы К. Л. Виноградов (1925), несмотря на отсутствие семилопастных привесок, приписал вятичам, а не кривичам, расселение которых он указывает западнее.

Работы Рыкова по радимичским курганам Курской губ. (1923) подвергли сомнениям некоторые положения Спицына о разновременности обрядов сожжения и трупоположения.

На нумизматическом материале, систематизированном А. Е. Марковым еще в 1910 г., базировалась работа П. Г. Любомирова (1923), осветившего линии торговых путей в Восточной Европе и, в частности, на ее севере в VIII—IX вв. н. э.

Острых проблем этнической принадлежности северо-западных и северо-восточных курганных групп исследования последнего времени почти не касались. Эти задачи остаются будущим исследователям. Вместе с тем требуют поверки некоторые положения, установленные Спицыным еще в 1899 году, в особенности группировка курганов и их хронология. Остаются весьма неясными культурная характеристика, в частности, обряд погребения, обитателей западной половины лесной полосы до X в. При намечающемся отнесении городищ Дьякова типа к эпохе первых веков н. э. и ранее возникает огромная лакуна, оставляющая в западной полосе почти без памятников всю вторую половину первого тысячелетия н. э. (до IX века).

Значительны проблемы, стоящие перед палеоэтнологией севера СССР. Большие территории еще слабо изучены в археологическом отношении. Многие и долгие эпохи жизни северной полосы остаются почти неосвещенными, и ряд элементов доисторических культур, достигнутых изысканиями палеоэтнолога, исследован пока еще совершенно недостаточно.

Но значительны и достижения. В результате свыше чем полувековой работы протянуты длинные ряды последовательно сменявших друг друга культурных типов от верхнего палеолита до образования Русского Государства. Произведенные исследования выяснили ряд важных моментов доисторической жизни обитателей севера.

Таким образом, благодаря трудам русских, а также некоторых иностранных, исследователей создалась возможность думать об общем синтетическом обзоре древних эпох жизни севера СССР.

Плодотворные возможности вносят в работу археолога этнологические методы, признание необходимости которых и вообще тесной связи с этнографической наукой уже слышится в самом названии палеоэтнология, все чаще применяемом для обозначения доисторической археологии.

Таким образом, становится реальной увязка двух гуманитарных научных дисциплин. Сочетание этих наук с работами историка и лингвиста, конкретно уже намечаемое в некоторых исследованиях, и широкое использование достижений естественных наук открывает грандиозные перспективы на путях познания прошлого обитателей необъятных пространств севера СССР во всем его многообразии.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА СССР.

Антропологическая выставка 1879 г. Т. III. „Изв. О-ва Любит. Естеств., Антропол. и Этногр.“ XXXV, 1879 г.

Анучин, Д. Н. К древнейшей истории домашних животных в России. „Труды VI Археол. Съезда“ I, 1886 г.

—— К истории искусства и верований у Приуральской чуди. „Матер. по археол. вост. губ.“ III, 1899 г.

—— О культуре Костромских курганов и особенно о находках в них украшений и религиозных символов. Ibid. III, 1899 г.

Арзютов, Н. К вопросу о так называемой рогожной керамике. „Тр. Нижне-Волжского Обл. Научн. Общ. Краеведения“, вып. 35, ч. I, 1926 г.

Берх, В. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для разыскания исторических древностей. М., 1821 г.

Богоявленский, С. К. и Готье, Ю. В. Отчет о раскопках Елизаровского могильника Волоколамского уезда Московской губ. 1901 г. „Древности. Тр. Моск. Археол. Общ.“ XIX, вып. 2, 1901 г.

Богданов, А. П. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губ. „Изв. О-ва Любит. Естеств., Антропол. и Этногр.“ IV, 1867 г.

Бранденбург, Н. Я. К вопросу о типах фибул, встречаемых в древних могилах Европейской России. „Тр. VI Археол. Съезда“ I, 1886 г.

—— Курганы Южного Приладожья. „Матер. по археол. России“ 18, 1895 г.

Булычев, Н. И. Древности Восточной России. I, 1902 г.; II, 1904 г.

—— Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. 1899 г.

—— Курганы и городища. 1900 г.

Бутенев, Н. Ф. Некоторые соображения о первобытных жителях Северной России по найденным остаткам их быта. „Зап. Русск. Геогр. Общ.“ 1864 г., кн. 4.

Висковатов, П. А. Тюрсельские раскопки. „Тр. VII Археол. Съезда“ II, 1891 г.

Гамченко, С. С. Исследование Сестрорецких курганов в 1908 г. „Зап. Русск. Археол. Общ. по Отдел. русск. и слав. археол.“ IX, 1913 г.

Гатцук, А. Исследование курганов в Московск. губ. в 1863—64 гг. „Древности. Тр. Моск. Археол. Общ.“ I, 1865 г.

Georgi, I. G. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. 1775 г.

Глинка, Ф. И. Описание раскопок в Тверской губ. „Журн. Мин. Внутр. Дел“ 1836 г.

Головкинский, Н. Древние остатки человека в Казанской губ. „Тр. I Съезда Русск. Естествоисп.“ 1868 г.

Гольмстен, В. В. Керамика древних мест поселения Самарской луки. „Бюлл. Общ. Археол., Ист., Этногр. и Естеств. при Самарск. Гос. Унив.“ № 3, 1925 г.

Гольмстен, В. В. Могильник близ г. Уфы. „Отчет Моск. Археол. Инст. за 1911—12 гг.“, 1913 г.

—— Хронологическое значение эволюции древних форм. „Изв. Самарск. Гос. Унив.“, вып. 5, 1923 г.

Городцев, В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. „Древности. Тр. Моск. Археол. Общ.“ XXIV, 1914 г.

—— Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1918 г. по 1923 г. „Древний Мир“ I, 1924 г.

—— Археология. М., 1923 г.

—— Болотное Огубское городище. „Тр. Госуд. Историч. Музея“ I, 1926 г.

—— Бытовая археология. 1910 г.

—— Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 г. „Древности. Тр. Моск. Археол. Общ.“ XVIII, 1901 г.

—— Культуры бронзовой эпохи в средней России. „Отчет Истор. Музея за 1914 г.“, 1916 г.

—— Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 г. „Древности. Тр. Моск. Археол. Общ.“ XVII, 1900 г.

—— Панфиловская палеометаллическая стоянка. „Тр. Владимирск. Гос. Обл. Музея“ II, 1926 г.

—— Русская доисторическая керамика. „Тр. XI Археол. Съезда“, 1901 г.

Готье, Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. 1925 г.

—— Что дала археологическая наука для понимания древнейшего периода русской истории. „Сборник в честь П. С. Уваровой“, 1916 г.

Докучаев, В. В. Уваров, А. С. Археология России. Каменный период (Рецензия). „Доклады Отд. Геолог. и Минерал. Общ. Естествоисп.“, 1881 г.

Доленга-Ходаковский, З. А. Отрывок из путешествия... по России. „Русск. Истор. Сборн.“ III, кн. 2, 1838 г.

Европеус, Д. П. Об Угорском народе. „Тр. II Археол. Съезда“ II, 1881 г.

Ефименко, П. П. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранне-неолитического возраста. „Русск. Антропол. Журн.“ XIII, вып. 3—4, 1924 г.

—— Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губ. и их место в системе европейской палеоэтнологии. „Русск. Антропол. Журн.“ XXXVII—XXXVIII, 1916 г.

—— Рязанские могильники. „Матер. по этногр.“ III, вып. 1, 1926 г.

Ешевский, С. Заметка о пермских древностях. „Пермск. Сборн.“ I, 1859 г.

Жуков, Б. С. Неолитическая стоянка вблизи с. Льялова, Московск. губ. „Труды Антропол. Инст. I Гос. Моск. Унив.“ I, прилож. „Русск. Антропол. Журн.“ XIV, вып. 1—2, 1925 г.

—— К вопросу о древнейших насельниках Прибалтики в связи с некоторыми проблемами неолита Восточной Европы. „Русск. Антропол. Журн.“ XIII.

—— Работы по палеоэтнологии в СССР в 1918—25 гг. „Этнография“ 1—2, 1926 г.

Жуков, Б. С. и Бадер, О. Н. Матер. к доистории Центр. Промышл. области. 1927 г.

Зайковский, Б. В. К открытию в Саратовской губ. стоянок и городищ медного века. „Тр. Саратовск. учен. арх. ком.“, вып. 30, 1913 г.

Земляков, Б. Б. О следах каменного века на побережье Невской губы. Сборн. „Северн. побережье Невск. губы в свете естествозн.“, 1923 г.

Ивановский, Л. К. Отчет о раскопке курганов в Моложском уезде, Московской губ. „Древности. Тр. Моск. Археол. Общ.“ IX, вып. 1, 1878 г.

—— Материалы для изучения курганов и жальников юго-запада Новгородской губ. „Тр. II Археол. Съезда“ II, 1881 г.

Игнатьев, Р. Г. Курганы и городища Оренбургского края. „Тр. I Археол. Съезда“ I, 1871 г.

Иностранцев, А. А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. 1882 г.

Клер, М. О. Заметка о деревянном мосте каменного века в Горбуновском болоте близ Нижне-Тагильского завода. „Зап. Уральск. Общ. Любит. Естествозн.“ XXIX, 1908 г.

Клер, О. Е. и Фаддеев, К. Гончарное производство доисторического человека, жившего на городище у дер. Палкина на р. Исети. „Матер. по археол. вост. губ.“ II, 1896 г.

Кротов, П. И. Древние поселения Яранского уезда. „Изв. Общ. Археол., Истор. и Этногр. при Казанск. Унив.“ X, 1892 г.

—— К вопросу об относительной древности остатков каменного века на р. Оке. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казанск. Унив.“ X, вып. 2, 1881 г.

Куфтин, Б. А. Льяловская неолитическая культура на р. Клязьме в Московск. уезде. „Тр. Общ. исслед. Рязанск. края“ V, 1925 г.

Лепехин, И. Дневные записки путешествия, 1814 г.

Лихачев, А. Бытовые памятники Великой Булгарии. „Тр. II Археол. Съезда“ I, 1876 г.

—— Скифские элементы в чудских древностях. „Тр. VI Археол. Съезда“ I, 1884 г.

—— Следы бронзового века в Казанской губ. „Тр. VII Археол. Съезда“ II, 1887 г.

Лявданский, А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. „Научн. Изв. Смол. Гос. Унив.“ III, ч. 3, 1926 г.

Малахов, М. В. О доисторических эпохах на Урале. „Зап. Уральск. Общ. Любит. Естествозн.“ XI.

Макаренко, Н. Е. Новленский и Заколпский могильники Владимирской губ. „Тр. Влад. учен. арх. ком.“ X, 1908 г.

Милюков, П. Н. О раскопках Рязанских курганов. „Тр. Рязанск. учен. арх. ком.“ XIV, вып. 2, 1899 г.

Невоструев, К. И. Ананьинский могильник. „Тр. I Археол. Съезда“ II, 1871 г.

Нефедов, И. Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье в 1893 г. „Матер. по археол. вост. губ.“ III, 1899 г.

—— Отчет об археологических исследованиях в Прикамье в 1894 г. „Матер. по археол. вост. губ.“ III, 1899 г.

—— Костромские курганы. „Матер. по археол. вост. губ.“ III, 1899 г.

Первухин, Н. Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губ. „Матер. по археол. вост. губ.“ II, 1897 г.

Передольский, В. С. Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья. Новгород, 1893 г.

Поливанов, В. Н. Муранский могильник. „Изв. Общ. Археол., Истор. и Этногр. при Казанск. Унив." XI, 1893 г.

Поляков, И. С. Антропологическая поездка в центральную и восточную Россию, исполненная по поручению Академии Наук. Прилож. к XXXVII т. „Зап. Акад. Наук", 1880 г.

—— О каменных орудиях в Олонецкой губ., найденных в 1871 г. „Зап. Русск. Геогр. Общ." III, 1873 г.

—— Исследования по каменному веку в Олонецкой губ., в долине Оки и на верховьях Волги. „Зап. Русск. Геогр. Общ. по Отдел. этногр." XI, 1882 г.

Пономарев, П. А. Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. I. Ананьинский могильник. „Изв. Общ. Археол., Истор. и Этногр. при Казанск. Унив." X, 1892 г.

—— По следам первобытных звероловов Камско-Волжского края. Прилож. к „Проток. Общ. Естествоисп. при Казанск. Унив.", № 290, 1914 г.

—— Предварительное сообщение о результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с. Шурана и д. Сорочьих Гор, произведенных летом 1881 г. „Изв. Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Казанск. Унив." III, 1880—82 гг.

Радищев, М. Старо-яблонский могильник. „Тр. Саратовск. учен. арх. ком.", вып. 31, 1914 г.

Репников, Н. И. Археологические исследования южного побережья Ладожского озера. „Сборн. Новгор. Общ. Любит. Древн." VI, 1913 г.

Рерих, Н. К. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой. „Зап. Русск. Археол. Общ. по Отдел. русск. и слав. археол." V, 1, 1903 г.

—— Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого ковца. „Зап. Русск. Археол. Общ." XI, 1899 г.

Rykow, P. Die Chwalynske Kultur der Bronzezeit an der Unteren Wolga. „Eurasia Septentrionalis Antiqua" I, 1927 г.

Рычков, П. И. Журнал или дневные записки путешествия. 1772 г.

Самоквасов, Д. Я. Историческое значение городищ. „Тр. III Археол. Съезда" I, 1874 г.

Сидоров, А. Памятники древности в пределах Коми края. „Komi-Му" 1924—25 гг.

Сизов, В. И. Курганы Смоленской губ. Вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска. „Матер. по археол. России", № 28, 1902 г.

—— Раскопки Дьяковского городища. „Археол. Изв. и Заметки" I, 1893 г.

—— Скорняковские курганы Воронежской губ. „Древности. Тр. Моск. Археол. Общ." XII, вып. 2, 1888 г.

Smoline, V. La necropole d'Abachévo. „Eurasia Septentrionalis Antiqua" I, 1927 г.

Спицын, А. А. Археологические разыскания в Вятской губ. „Матер. по археол. вост. губ." I, 1893 г.

—— Бологовская стоянка каменного века. „Зап. Русск. Археол. Общ. по Отдел. русск. и слав. археол." V, вып. 1, 1903 г.

—— Вещественные памятники древних обитателей Вятской губ. 1889 г.

—— Владимирские курганы. „Изв. Археол. Ком." 15, 1905 г.

—— Галицкий клад. „Зап. Русск. Археол. Общ. по Отдел. русск. и слав. археол." V, вып. 1, 1903 г.

Спицын, А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. „Матер. по археол. России", № 29, 1903 г.
—— Гляденовское костище. „Зап. Русск. Археол. О-ва" XII, вып. 1 и 2, 1901 г.
—— Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. „Изв. Археол. Ком." 15, 1905 г.
—— Городища Дьякова типа. „Зап. Русск. Археол. Общ. по Отдел. русск. и слав. археол." V, вып. 1, 1903 г.
—— Древности бассейнов Оки и Камы. „Матер. по археол. России", № 25, 1901 г.
—— Древности Камской чуди по коллекции Теплоухова. „Матер. по археол. России", № 26, 1902 г.
—— Зауральские древние городища. „Зап. Русск. Археол. Общ. по Отдел. русск. и слав. археол." VIII, вып. 1, 1906 г.
—— Каталог древностей Вятского края. 1882 г.
—— Курганы с окрашенными костяками. „Зап. Русск. Археол. Общ." XI, 1—2, 1899 г.
—— Курганы Санктпетербургской губ. по раскопкам Л. К. Ивановского. „Матер. по археол. России", № 20, 1896 г.
—— Люцинский могильник. Ibid., № 14, 1893 г.
—— Медный век в Верхнем Поволжьи. „Зап. Русск. Археол. Общ. по Отдел. русск. и слав. археол." V, вып. 1, 1903 г.
—— Обозрение некоторых губерний в археологическом отношении. „Зап. Русск. Археол. Общ." VIII, 1896 г.; IX, 1897 г.; XI, 1899 г.
—— Предметы с выемчатой эмалью. „Зап. Русск. Археол. Общ. по Отдел. русск. и слав. археол." V, вып. 1, 1903 г.
—— Расселение древне-русских племен по археологическим данным. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1899 г.
—— Раскопки Н. К. Рериха в Петербургской губ. „Зап. Русск. Археол. Общ." XI, 1899 г.
—— Русский палеолит. „Зап. Русск. Археол. Общ. по Отдел. русск. и слав. археол." XI, 1915 г.
—— Саратовские древности. „Тр. Сарат. учен. арх. ком." 29, 1912 г.
—— Сведения 1873 г. о курганах и городищах. „Зап. Русск. Археол. Общ." XI, 1899; „Изв. Археол. Ком." 5, 1903 г.
—— Сопки и жальники. „Зап. Русск. Археол. Общ." XI, 1899 г.
—— Старейшие русские могильники в Новгородской губ. „Изв. Археол. Ком." 15, 1905 г.
—— Удлиненные и длинные курганы. „Зап. Русск. Археол. Общ. по Отдел. русск. и слав. археол." V, вып. 1, 1903 г.
—— Шаманизм в отношении к русской археологии. „Зап. Русск. Археол. Общ." XI, 1899 г.
—— Шаманские изображения. „Зап. Русск. Археол. Общ. по Отдел. русск. и слав. археол." VIII, вып. 1, 1906 г.
Спицын, А. А. и Каменский, В. Стоянка каменного века близ г. Балахны. „Зап. Русск. Археол. Общ. по Отдел. русск. и слав. археол." VII, вып. 1, 1905 г.
Teplouchov, A. E. Über die prähistorische Opferstätte am Uralgebirge. „Archiv für Anthropologie" XII, 1879 г.

Теплоухов, Ф. А. Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных. „Пермский край“ II, 1893 г.

—— Древности Пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути Ibid. III, 1895 г.

—— Чудское жертвенное место на р. Колве. „Тр. Пермск. учен. арх. ком.“ III, 1897 г.

Тищенко, А. В. Отчет о раскопках 1910 и 1911 гг. в Новгородской губ. „Изв. Археол. Ком.“ 53, 1914 г.

Толмачев, В. Я. Древности Восточного Урала. „Зап. Уральск. Общ. Любит. Естествозн.“ XXXIII, 1913 г.; XXXIV, 1914 г.

Толстой, И. И. и Кондаков, Н. П. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, 1890 г.; вып. V, 1897 г.

Тышинский, А. Г. О чудских древностях в Архангельской губ. „Труды I Археол. Съезда 1871 г.“

Уваров, А. С. Археология России. Каменный период. 1881 г.

—— Меряне и их быт по курганным раскопкам. „Тр. I Археол. Съезда“.

—— О существенных и второстепенных признаках народности могильных насыпей. „Древности. Тр. Моск. Археол. Общ.“ III, вып. 3, 1869 г.

Уваров, Ф. А. Курманский могильник. Ibid. XIV, 1890 г.

Худяков, М. Г. Ананьинская культура. „Казанск. Губ. Музей за 25 лет“, 1923 г.

Chudjakov, M. Die Ausgrabungen von P. A. Ponomarev in Maklaševevka im Jahre 1882. Die Keramik des Begräbnissplatzes im Dorfe Poljanki. „Finnisch-Ugrische Forschungen“ XVIII, 1—3, Anzeiger, 1927 г.

Чертков, А. Д. О древних вещах, найденных в 1838 г. в имении Н. А. Толстого. „Русск. Истор. Сборн.“ III, кн. 3, 1838 г.

Schmidt, A. V. Die Ausgrabungen bei dem Dorfe Turbina am Kama. „Finnisch-Ugrische Forschungen“ XVIII, 1—3, Anzeiger, 1926 г.

—— К вопросу о происхождении Пермск. зверин. стиля. „Сб. Муз. Антроп. и Этногр.“ VI, 1927.

—— Kačka. „Eurasia Septentrionalis Antiqua“ I, 1927 г.

—— Туйский всадник. „Зап. Колл. Востоков.“ I, 1925 г.

Шульц, П. Н. Археологические разведки. „Ржевский край“ I, 1926 г.

Шпилевский, С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губ., 1877 г.

Штукенберг, А. А. Материалы для археологии Казанской губ. Древняя курганная могила около д. Белымер в Спасском уезде Казанской губ. „Изв. Общ. Археол., Истор. и Этногр. при Казанск. Унив.“ X, 1892 г.

—— Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России. Ibid. XVII, 1901 г.

Штукенберг, А. А. и Высоцкий, Н. Ф. Материалы для изучения каменного века. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казанск. Унив.“ XIV.

Эйхвальд, Э. И. О чудских копях. „Тр. Вост. Отдел. Археол. Общ.“ III, вып. 3, 1858 г

Eichwald, E. Über die Säugetierfauna der neueren Molasse des südlichen Russlands und der sich an die Molasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde. „Bull. de la Société des naturalistes de Moscou“ IV, 1860 г.

Ястребов, В. Н. Лядинский и Темниковский могильники Тамбовской губ. „Матер. по археол. России“, № 10, 1893 г.

Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР.

А. И. Андреев.

Интерес к изучению прошлого финноугорских народностей, населявших б. Российскую империю, появился у русских историков очень давно. Уже первые из них, Татищев и Щербатов, в XVIII в. старались использовать имевшиеся в их распоряжении исторические материалы, интересуясь, как и последующие общие русские историки XIX в. (Карамзин, Соловьев, Ключевский), преимущественно той эпохой, когда финские племена впервые столкнулись с славянами на территории Восточной Европы. Но изучение как этой эпохи, так и последующих затруднялось в XVIII в. отсутствием изданий источников русской истории. Правда, для изучения истории отдельных племен финноугров появились уже тогда ценные собрания исторических материалов, напр., в труде Г. Миллера „Описание Сибирского царства" (Спб., 1750), а отдельные вопросы, относящиеся к их прошлому, напр., гипотеза о том, что Пермь тождественна с древней Биармией и что праисторию пермской народности надо искать в скандинавских сагах, и тогда уже обсуждались живейшим образом.

Но лишь со времени опубликования во второй половине XVIII в. основных источников древнейшей русской истории, летописей, можно говорить о первых научных попытках выяснить первоначальную историю финноугорских племен, поскольку она отразилась в памятниках русской истории. С такой точки зрения издания летописей Радзивиловской и Никоновской в 1767 г., Новгородского и Архангелогородского летописцев в 1781 г., Типографского летописца в 1784 г., Древнего летописца в 1774—1775 гг., и особенно академических изданий летописей: шести частей Никоновской летописи в 1786—92 гг., Истории Казанского царства в 1791 г., Русской летописи по

Воскресенскому списку в 1793 — 94 г., Российской летописи по Софийскому списку в 1795 г., весьма содействовали подобному изучению.

Равным образом документальные материалы, собранные Г. Миллером во время его путешествия по Сибири и хранящиеся в копиях в известных портфелях Миллера, уже тогда были использованы для изданий не только самого Миллера, но и таких издателей, как Н. И. Новиков, в „Древней Российской Вивлиофике" которого (1-е изд. в 1773 — 1775 гг., 2-е изд. в 1788—1791 гг.) найдем, между прочим, много документов, относящихся к истории интересующих нас народностей. Тому же Новикову обязаны мы первой публикацией основного историко-географического источника, весьма ценного для истории расселения финноугорских народностей в XVII в., именно так называемой Книги Большого Чертежа, изданной им в 1773 г. под названием „Древняя Российская Идрография", переизданной в 1792 г. А. И. Мусиным-Пушкиным, по другому списку, под своим настоящим названием.

Таким образом, ко времени появления „Истории Государства Российского" Н. М. Карамзина накопилось уже достаточно изданий источников русской истории, в которых было много материалов о прошлом финноугров на русской территории в IX—XVII вв. Изображение прошлых судеб разных их племен в упомянутом труде весьма отличается от трудов предшественников Н. М. Карамзина, Татищева и других, отличается прежде всего большим количеством использованного исторического материала.

Деятельность Археографической Экспедиции, организованной Академией Наук в 1829 — 1834 гг. под руководством П. М. Строева и Я. И. Бередникова, и основанной в 1834 г. Археографической Комиссии оставила неизгладимые следы и в области изучения истории финноугорских народностей. Экспедиция, между прочим, посетила многие города, монастыри, соборы и церкви Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Новгородской, Казанской и Вятской губ., т.-е., таких местностей, в исторических источниках которых финноугорские народности оставили больше всего следов.

Материалы, собранные Экспедицией и постоянно пополняемые путем присылки из разных мест (между прочим, из Пермской губ.), составили тот богатейший фонд исторических источ-

ников, из которого черпала Комиссия материалы, относящиеся, между прочим, к прошлому финноугров, и которые в большом количестве напечатала в таких своих изданиях, как „Акты Археографической Экспедиции“ (4 тома, СПб. 1836), „Акты Исторические“ (5 томов, СПб. 1841—1842), „Дополнения к Актам Историческим“ (12 томов, СПб. 1846—1872), „Русская Историческая Библиотека“ (39 томов, СПб. 1872—1927, особенно тт. 2, 8, 16), „Памятники Сибирской истории XVIII в.“ (2 книги, СПб. 1882—1885), „Кунгурские акты XVII в“ (1888) и др. Комиссия занималась также изданием повествовательных русских исторических текстов. Ее неоценимой заслугой является издание русских летописей; составляющие серию „Полное Собрание Русских Летописей“ двадцать четыре тома (СПб. 1841—1927) заключают в себе тексты главнейших русских летописей, дающих, между прочим, драгоценный материал для изучения прошлого финноугорских народностей. Для той же темы важны также издания летописей, выпущенные вне серии, это —„Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)“ (1880) и особенно „Сибирские летописи“ (1907). Среди повествовательных текстов, ценных для нашей цели, нельзя не упомянуть еще два издания Комиссии: 1) „Житие св. Стефана, епископа Пермского“ (1897) и 2) „Сочинения кн. А. М. Курбского“ („Р. И. Б.“, т. 31, 1914). Особо должно быть отмечено выпущенное Комиссией издание „Чертежной книги Сибири, составленной Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.“ (1882), содержащее на 23 листах чертежи Сибирских городов и областей; в особом „Приложении к Чертежной книге Сибири“ (1882) перепечатан текст примечаний, находящихся при чертежах.

Издания Комиссии охватывают лишь незначительную часть тех материалов, которые собрала Комиссия со времени своего основания до настоящего времени. Лишь часть ее рукописных собраний описана, другая не имеет до сих пор печатных описей. Для нашей темы представляют несомненный интерес следующие коллекции Комиссии: 1) акты Кунгурские и Соликамские 1605—1735 гг. (описаны в „Летописи Занятий Археографической Комиссии“, в. 21, 1909); 2) акты Верхотурские 1598—1735 гг. (не описаны); 3) акты Ядрински XVII—XVIII вв. (не описаны).

Издания Археографической Комиссии дали большое количество новых материалов по истории финноугорских народно-

стей за время XI—XVII вв., что в связи с материалами, опубликованными в „Первом Полном Собрании Законов“ и упоминаемых далее изданиях архивных материалов, послужило основным источником для всех научных работ, вышедших во второй половине XIX в. и посвященных финноуграм.

Вторая половина XIX в. должна быть отмечена, между прочим, как эпоха упорядочения наших архивов. Такие архивохранилища, как архив Св. Синода, Московский Архив Министерства Юстиции и др. начинают выпускать описания хранящихся в них дел и материалов. Изданные архивом Св. Синода „Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св. Синода“ (т. I и след., 1868 и след. годов) и „Полное Собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания (т. I и след.) заключают в себе много ценных данных по истории распространения православия среди финноугорских народов XVIII—XIX вв. В „Описании документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции“ (тт. IX—XX, 1894—1921 гг.) рассеяно также немало материалов, касающихся мордвы, черемисов и др., живших в XVII в. в уездах, подведомственных Разрядному приказу. К этой же группе изданий относится „Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащих Московскому Главному Архиву Министерства Иностранных Дел“, составленный М. П. Пуцилло (Москва, 1879 г.).

Почти одновременно с появлением главнейших изданий исторических материалов на местах возникают повременные издания, в которых печаталось очень много документов, относящихся, между прочим, и к финноугорским народностям. Имею в виду „Губернские Ведомости“, возникшие с 1838 г. во многих губернских центрах (Архангельске, Вологде, Перми, Вятке и др.). В их неофициальной части напечатано немало текстов, подлинники которых теперь нередко утрачены. Далеко не все „Губернские Ведомости“ одинаковой ценности; в каждом из них можно отметить годы расцвета их исторических отделов, довольно долго (до 70-х годов XIX в.) обязанные этим пребыванию в данной губернии тех или иных ссыльных. Укажу, напр., на „Вятские Губернские Ведомости“ времени пребывания в Вятке А. И. Герцена или „Архангельские Губернские Ведомости“ 60—70-х гг., когда в Архангельской губ. проживали в ссылке и печатали в местных „Ведомостях“ свои статьи

П. С. Ефименко, А. Я. Ефименко, П. П. Чубинский и др., опубликовавшие так же немало документов по истории лопарей, самоедов, карел и проч.

В 60-х годах появляются также на местах другие печатные органы, в которых находим материалы, в сильной степени дополняющие те публикации, которые принадлежат, главным образом, Археографической Комиссии. Именно в эти годы в тех же губернских центрах возникают „Епархиальные Ведомости" (Вологодские — в 1864 г., Вятские — в 1863 г., Пермские — в 1867 г., „Известия по Казанской епархии" в 1867 г. и др.); на страницах этих изданий напечатано много ценных материалов, главным образом, по истории распространения православия среди финноугорских народностей данной губернии.

Одновременно получают широкое развитие издания губернских статистических комитетов, в которых, на ряду с чисто статистическими материалами, находим данные исторического характера. В „Трудах" Комитетов, „Памятных книжках" и „Календарях" помещено много статей об инородцах края, основанных на материалах местных архивов, и рассматривающих их историю нередко с более научной точки зрения, чем то наблюдаем в упомянутых выше „Губернских" и „Епархиальных Ведомостях". Многие из этих статей (как, например, помещенные в „Календарях Вятской губ." статьи А. А. Спицына) сохраняют свое значение и ценность до настоящего времени.

К той же второй половине XIX в. относится возникновение научных обществ, ставящих своей задачей собирание и изучение материалов, относящихся к прошлому данного края. В области расселения финноугорских народностей старейшим из этих обществ является Общество Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете, основанное в 1878 году. Казань с ее Университетом и Духовной Академией, в состав которой в 1855 г. вошло драгоценнейшее собрание рукописей Соловецкого монастыря, надолго становится одним из научных центров исторических изучений финноугорских народностей. В органе Казанской Духовной Академии — „Православном Собеседнике", по материалам ее архива, напечатаны столь важные источники, как житие Трифона Печенгского, одного из просветителей лопарей (1859, т. II), материалы к житию Зосимы и Савватия Соловецких (1859, тт. II, III) и др. Тот же архив дал материалы местным историкам Е. Малову, А. Можаровскому,

С. Нурминскому и др. для весьма ценных изысканий по истории миссионерского дела среди инородцев края.

Нет надобности распространяться о большой научной ценности изданий Общества Археологии, Истории и Этнографии: в вышедших за эти годы (1878—1926) „Известиях“ Общества (тт. I—XXXIII) напечатано, помимо многих документов, несколько исследований о черемисах, пермяках, вотяках, мордве и проч.

Значительную роль в изучении истории финноугорских народностей сыграли также основанные, по мысли Н. В. Калачова, начиная с 1884 г., губернские ученые архивные комиссии. Одной из старейших среди них является Тамбовская (осн. 1884 г.); в ее „Известиях“ (вв. 1—58) напечатано, между прочим, много документов о постепенном заселении Тамбовского края русским элементом и раздаче свободных земель разным лицам, главным образом, из мордвы и татар; на основании собранных и изданных Комиссией материалов возможно проследить историю отношения русского населения к инородческому и многое другое. Меньшее значение для нашей цели получила деятельность Комиссий Тверской (1884), Костромской (1885), Саратовской (1886), Симбирской (1895) и Пензенской (1901), но и в изданных ими „Трудах“, „Журналах“ и т. п. найдем немало материалов, новых и ценных.

Зато деятельность Комиссий Нижегородской (1887), Пермской (осн. в 1888 г., издала вв. I—XII „Трудов“) и Вятской (осн. в 1905 г., издала 46 вып. „Трудов“) должна быть отмечена особо. Пермь, начиная с 60-х годов, являлась одним из центров, где дело сибирания материалов об инородцах края и изучения их прошлого было поставлено высоко. Хорошо известны имена и работы Н. К. Чупина, Д. Д. Смышляева, И. Я. Словцова, А. А. Дмитриева, В. Н. Шишонко, много сделавших для изучения прошлого Пермского края. Работы их и их продолжателей, напечатанные в местных „Губернских и Епархиальных Ведомостях“, „Памятных книжках“, „Сборнике Пермского Земства“, а также в „Трудах“ Пермской ученой архивной Комиссии, составляют ценный вклад в изучение прошлого пермяков, вотяков, вогулов и остяков.

Вятская ученая архивная комиссия, при энергичном ее председателе А. С. Верещагине, за короткое время опубликовала в своих „Трудах“ главнейшие источники по истории края, в том

числе по истории живших в нем народностей. Она использовала для этого не только материалы местных архивов, но приступила к изданию и весьма много сделала по опубликованию богатых материалов б. Московского Архива Министерства Юстиции, по отделу писцовых и переписных книг и особенно важных для истории края документов из фонда „грамот Коллегии Экономии" по уездам Хлыновскому, Котельничскому, Слободскому, Уржумскому и др. В распоряжение историка края и, в частности, историка его инородческого населения благодаря изданиям Комиссии предоставлен исключительной ценности документальный материал, который, к сожалению, пока слабо использован.

Весьма ценно также с нашей точки зрения предпринятое в 1913 г. Нижегородской ученой архивной комиссией издание платежных книг по Нижегородскому краю XVII в., по входившим в его состав уездам. Книги являются драгоценным источником для истории мордвы и черемис этого края в XVII в.

В трех северных губерниях (Архангельской, Вологодской и Олонецкой), несмотря на обилие в них архивных материалов, архивные комиссии не были основаны, хотя попытки создания их делались. В известной степени роль их играли основанные уже в XX в. Общества по изучению местного края, из них особенно продуктивной оказалась деятельность Архангельского Общества изучения Северного края (1909): в его „Известиях", особенно в первые годы (1909—1912), помимо документов по истории лопарей, карел, зырян и др., печатались дельные статьи, посвященные их истории. Меньший интерес к историческим темам проявляли два других общества: Общество изучения Олонецкой губ. (1913) и Вологодское (1909), но и в их „Известиях" найдется несколько полезных публикаций на интересующие нас темы.

Если вторая половина XIX в. характеризуется усиленной работой по изданию источников по истории местного края со стороны местных ученых обществ и организаций, а также отдельных ученых и местных любителей старины, то в отношении центральных ученых учреждений приходится отметить весьма немногое. Основной здесь остается попрежнему деятельность Археографической Комиссии, указанная уже выше. Кроме того, Русское Историческое Общество издает наказы инородцев в Комиссию 1767 г., источник большой ценности для их истории в XVIII в.

В начале XX в. серьезное внимание на публикацию источников по истории Русского Севера обращает также Академия Наук. В издаваемых ею „Исследованиях по изучению русского языка“ появляется работа А. А. Шахматова о Двинских грамотах (1903), в которой впервые научно издаются тексты древнейших грамот Двинского края XV в., а с 1909 г. там же печатаются „Еще несколько Двинских грамот XV в.“, найденных Юст. Мих. Сибирцевым, неутомимым собирателем северных актов, организатором и устроителем Архангельского Епархиального Древнехранилища (с 1887 г.). Но самым крупным делом Академии Наук в области издания документальных источников по истории Русского Севера является задуманное покойным акад. А. С. Лаппо-Данилевским издание грамот Коллегии Экономии северных уездов Московского государства. После продолжительных подготовительных работ том первый „Сборника грамот Коллегии Экономии“ вышел в 1922 г., уже после смерти А. С. Лаппо-Данилевского (1919); он заключает в себе грамоты XV, XVI и до половины XVII в., относящиеся к Двинскому краю. Бóльший интерес представит для нашей темы оканчиваемый печатанием второй том „Сборника“: в нем напечатаны, между прочим, грамóты Кольского уезда XVI—XVIII вв., дающие много нового по истории лопарей. Означенное издание в настоящее время ведет Постоянная Историко-Археографическая Комиссия Академии Наук, образованная в апреле 1926 г. из слияния двух академических комиссий — Постоянной Исторической и Археографической, вошедшей в состав академических учреждений с 1922 г. Помимо этой работы, в Комиссии ведутся работы по продолжению издания древнейших северных актов XV в., в частности тех, которые послужили материалом В. О. Ключевскому в его известной работе о хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря и являются едва ли не единственным документальным источником о карелах в XV в. Комиссия разрабатывает также документы о лопарях Кольского полуострова в XVII в. и вогулах, остяках и проч. конца XVI—XVII вв., подготовляя, наряду с исторической картой Северного края, особую историческую карту Карело-Мурманского края.

Помимо Академии Наук, Археографической Комиссии и Русского Исторического Общества в Петербурге, некоторые московские ученые общества изредка публиковали во второй

половине XIX в. — начале XX в. материалы по истории инородцев. Так, Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, издавая в 66 томе своих „Известий“ известную работу Н. Н. Харузина о лопарях, напечатало в приложении к ней большую часть текста единственной писцовой книги Кольского уезда 1608, 1609 и 1611 годов, а также текст одной грамоты 1697 г., дающей много ценного по истории лопарей в XVII в. Общество Истории и Древностей Российских при Московском Университете неоднократно печатало документы, важные для истории финноугорских племен XVI—XVIII вв. Нельзя не отметить, однако, что все упомянутые и некоторые другие публикации центральных научных учреждений носили случайный характер и редко имели задачей опубликование материалов именно по истории финноугорских народностей.

Попыткой подвести итог всему историческому материалу, преимущественно документальному, напечатанному в изданиях Археографической Комиссии и других научных учреждений и лиц до 1860 г. и относящихся к „инородцам“ Европейской России является „Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России“, составленный под руководством П. И. Кеппена и изданный Академией Наук в 1861 г. „Указатель“ является естественным дополнением к изданной тем же автором брошюре „Об этнографической карте Европейской России“ (СПб., 1852). В нем довольно полно собраны данные о документальных текстах, напечатанных в главнейших изданиях до 1860 г.; материал по каждой народности расположен в хронологическом порядке, при чем перечню их предшествует краткая сводка сведений о данной народности на основании летописных и иных источников, а также научных исследований. Некоторые из этих вводных статей (напр., статья о води) разрослись в целые исследования, сохранившие свою ценность, равно как и весь „Указатель“, до настоящего времени. Из финноугорских народностей в него вошли: вогуличи, водь, вотяки, зыряне, ижора, карелы, лопь (лопари, лапландцы), мордва, пермь (пермяки), черемисы. В недавние годы Н. В. Никольским была сделана попытка дать новый указатель исторических материалов о финнах Поволжья (бесермяне, вотяки, зыряне, мордва, пермяки и черемисы): издательством центрального отдела мари при Наркомнаце был выпущен в 1920 г. его „Сборник исторических материалов о народностях Поволжья“,

в котором использованы некоторые издания, вышедшие после 1861 г., а также приведены в выдержках кой-какие архивные материалы. Являясь в этом отношении более полным по сравнению с „Указателем" П. И. Кеппена, труд Н. В. Никольского не заключает, однако, указаний на многие из тех исторических материалов о финнах Поволжья, которые напечатаны до 1920 г., и исследователь принужден попрежнему блуждать в поисках нужных ему исторических источников среди громадного количества печатного материала, разбросанного в столичных и провинциальных изданиях. Необходимость полного указателя напечатанных источников особенно остро чувствуется в наше время, когда интерес к прошлому финноугров весьма большой. Об этом интересе можно судить не только по отмеченной уже выше научной работе Академии Наук, а также по тому большому вниманию, которое уделяет вопросу об этих народностях центральная власть, создавшая специальный Комитет, в круг деятельности которого входят и некоторые финноугорские народности. Но этот интерес весьма силен и на местах, в особенности в тех научных обществах, которые возникли в эти годы в автономных республиках и областях, а также в некоторых местных краеведческих обществах, если судить по отдельным сообщениям, которые делаются в них на исторические темы об инородцах края. К сожалению, эти местные общества в деле издания источников по истории края пока не заменили упраздненные ученые архивные комиссии, так много сделавшие в этом отношении. Самый вопрос о праве этих обществ собирать исторические материалы, хранить их у себя и издавать, как известно, до сих пор решительно оспаривается архивным ведомством (Центрархивом РСФСР). В виду этого и отсутствия средств, деятельность местных краеведческих обществ по части издания исторических материалов в последние годы почти совсем приостановилась.

Если для издания источников по истории финноугорских народностей СССР сделано в предшествующие годы очень много, то обработка изданного материала в его целом началась лишь в 60-е годы XIX в. До того лишь отдельные группы источников, относящихся к той или иной народности, служили предметом исследования.

Именно, в 60-е годы XIX в. появляются первые научные исторические работы, посвященные изучению прошлого народов, живших в том или ином крупном районе или ряде

районов. Такой работой является, напр., труд Н. Фирсова „Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве“ (Казань, 1866). В нем автор, по его словам, имел в виду „собрать сведения об инородцах“, преимущественно те, которые рассеяны в актах.

В своем „рассуждении“ он дает прежде всего в отделе первом обстоятельный обзор жизни инородцев пред вступлением их в состав Московского государства, останавливаясь в первую очередь на инородцах Поволжья (Казанское царство, Ногайские орды, Астраханское царство, калмыки), затем переходит к истории инородцев на севере Европейской России и в Западной Сибири (Великая Пермь и Югорская земля; самоеды, остяки и др.) и инородцам по ту сторону Енисея. В отделе втором он не разделяет их на группы, а изучает уже независимо от этого „положение инородцев в Московском государстве“ и дает исторический очерк их жизни в XVI—XVII вв., поскольку она отразилась в опубликованном к тому времени актовом материале.

В другом труде того же Н. Фирсова, вышедшем в Казани в 1869 г. под заглавием „Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель в это время“, автор в том отделе своей книги, который посвящен инородческому населению области средней Волги (татары, черемисы, мордва, чуваши и вотяки), в главе первой (стр. 1—129), изучает его общественно-экономическое положение в Петровскую эпоху и позже; вотчинные права служилых иноверцев; обязанности и повинности инородцев по отношению к государству по законам Петра Великого; положение приписанных к работам корабельных лесов в период времени от кончины Петра до воцарения Екатерины II и условия общественно-экономического быта податного населения Империи, общие податным русского и инородческого происхождения в тот же период. В главе второй (стр. 130—210) автор останавливается на просветительной деятельности русских в новое время по отношению к инородческому населению области средней Волги; в связи с этим он изучает просветительное русское движение в Приволжский край при Петре Великом, причины медленности распространения христианства между инородцами того же края в эпоху Петра Великого и остановки просветительного движе-

ния при его преемниках и, наконец, просветительное движение 40-х и 50-х гг. XVIII столетия.

Оба труда Фирсова основаны на известных тогда печатных источниках и преследовали одну и ту же задачу: собрать печатные сведения о том, в какие условия жизнь инородцев, входивших в состав прежнего Казанского царства или тянувших к нему, старалось поставить и поставило Московское государство и новая Россия, с указанием, где возможно, результатов от возникавших вследствие того отношений для жизни как русских, так и инородцев.

Тожу же Поволжью и жившим в нем инородцам посвящены появившиеся позже труды Г. Перетятковича „Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации)“ (М., 1877) и „Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края)“ (Одесса, 1882). В своем первом труде автор ставил задачей проследить историю распространения по Волге русского господства и русской колонизации, но при скудости источников, в сущности, выполнил лишь первую половину задачи, слегка коснувшись колонизации края. Второй труд, составляющий продолжение первого, имеет своим предметом, главным образом, колонизацию края в XVII в. и начале XVIII в. (до 1708 г. — времени первого разделения на губернии). Главным материалом для второго исследования послужили писцовые и переписные книги, а также грамоты, хранившиеся в б. Московском Архиве Министерства Юстиции, выписки из которых отчасти напечатаны в приложении к исследованию; кроме того, автор приложил к нему карту Поволжья, с нанесенными на нее более важными поселениями и временем их основания. Оба труда Перетятковича были посвящены изучению распространения русского владычества и потому инородцами края интересуются в относительной степени, но все же дают много нового и ценного по сравнению с основанными на печатных источниках трудами Фирсова.

После упомянутых трудов, в изучении истории инородцев, в частности финноугорских, русские историки стали на путь изучения отдельных моментов истории упомянутых народностей, и трудов, посвященных изучению прошлого инородцев на протяжении всей их истории, поскольку она основывается на данных известных источников, более не появлялось. Лишь в последние годы, как можно судить по составленному Н. В. Никольским

„Конспекту по истории народностей Поволжья“ (Казань, 1919), намечается попытка подведения итогов монографического изучения, пока, впрочем, лишь в отношении Поволжских народностей. Но попрежнему, как и в XVIII — первой половине XIX в., не иссякал интерес к отдельным моментам истории финноугорских племен в их целом; особым вниманием здесь попрежнему пользовался вопрос о роли этих племен на первых страницах русской истории, поскольку о них упоминают летописи, в частности, о тех финских племенах, которые летописец называет мерей, весью и т. п.

При скудости исторических данных по этому вопросу приходилось прибегать, кроме собственно исторических, к данным других источников: 1) к доисторической археологии, 2) к лингвистическому анализу местных географических названий, 3) к изучению данных языка, 4) антропологии и др. При помощи всех их разрешался, напр., вопрос о том, какое племя надо иметь в виду под летописною мерей и какая ее дальнейшая судьба. В результате наметилось несколько течений в решении этого вопроса: 1) вслед за Кастреном („Reiseberichte...“ I, стр. 16—17) и А. С. Уваровым („Меряне и их быт по курганным раскопкам“, М. 1871, стр. 644 и сл.), одни сближают мерю с черемисами или мордвой (Диев, Семенов, Кузнецов) и полагают, что под влиянием славянской колонизации меря ушла на восток. Другие, как Корсаков, не отрицая родства мери с черемисами и мордвой, полагают, однако, что меря осталась на месте и мирно слилась со славянами. Наконец, третьи (Шестаков, Середонин), вслед за Д. Европеусом, относят мерю к угорской группе и считают, что вместе с древними уграми она ушла в Паннонию в конце IX в.; та же меря, о которой говорит летопись, связана с пермско-зырянской группой, которой и принадлежит большинство местных названий не славянского корня (И. Н. Смирнов, Середонин). Отражения изложенных взглядов найдем в различных исторических работах, в частности, в общих трудах по русской истории (Соловьева, Ключевского, Платонова и др.).

Другой вопрос, связанный с первым, о характере славянской колонизации среди финских племен, т.-е., была ли она мирной или наоборот, и о влиянии финнов на пришлую русь, привлекал к себе также большое влияние. Но как и предыдущий, он не мог решаться только на основании летописных источников,

единственных для историка этой ранней эпохи; решение его в ту или иную сторону было возможно лишь путем привлечения данных археологии, языка, этнографии и т. п., что обычно и встречается в трудах по русской истории (ср. Ключевский, Курс русской истории, ч. I, изд. 2-е (1906), лекция XVII).

Проявившийся в последние годы интерес к истории колонизации севера вызвал появление нескольких работ на эту тему. В них, конечно, затрагивается вопрос о колонизации земель европейского севера СССР, заселенных финноугорскими народностями, и с такой точки зрения работы акад. С. Ф. Платонова, А. А. Кизеветтера, А. И. Андреева и др. должны быть также упомянуты в обзоре работ, посвященных истории финноугров вообще.

Угры, вогулы, остяки.

Русские летописи очень рано начинают говорить об уграх или юграх и их земле Угорской или Югорской или просто Югре. О ней летописец сообщает баснословные вещи, что в связи с неопределенностью этих известий довольно рано вызвало попытки истолкования летописных данных в двух направлениях: 1) по пути выяснения вопроса о местоположении древней Югры и 2) по установлению связи угров с современными народностями угорской группы, вогулами и остяками. По мнению одних ученых (Татищев, Болтин, Рычков, Миллер, Фишер, Шлецер и др.), древняя Югра лежала к западу от Уральских гор; по мнению других, Югра находилась за Уралом, — этот взгляд был высказан впервые академиком А. Х. Лербергом, написавшим первое специальное научное исследование об Югре (1819); к его взгляду примкнули С. М. Соловьев, Кастрен, И. Д. Беляев, Оксенов и др. Наконец, третьи ученые, составляющие большинство, полагают, что Югра занимала оба склона Урала, хотя и не в одно и то же время: сначала западный, а после восточный. Это третье мнение было высказано впервые Георги, подтверждено в трудах финнолога Антона Регули и нашло горячего сторонника в известном Европеусе; к нему примыкали академик Гофман, Н. И. Костомаров, А. Бушен, автор второй специальной работы об Югре (1885). Необходимо отметить, что последний автор (как и некоторые позднейшие, напр., А. А. Дмитриев и др.) уже различал древнюю Югру в об-

ширном смысле, как ее знали новгородцы в первые времена существования Русского государства, простиравшейся на север до берегов Ледовитого океана, от Югорского шара до устьев Таза, а на юге достигавшей верховьев Лозвы и Вишеры, и Югру позднейших времен с более тесными границами. Ряд новых соображений был высказан позже (1873) Н. П. Барсовым, одним из сторонников той же „угорской теории": он утверждал, что господство югров к западу от Урала должно быть ограничено известным хронологическим пределом; подчинение их Новгороду Барсов относил к концу XI или началу XII в., после чего, ведя упорную борьбу с новгородскими даньщиками, югры в течение последующих столетий постепенно передвигались за Урал, на берега Иртыша и Оби, где их застает XV в. и где они были покорены Московскими воеводами. Последующие авторы (Смирнов, Дмитриев, Середонин и др.) в той или иной форме лишь дополняли новыми соображениями мнение о постепенном передвижении югров из Европы в Азию через Северный Урал.

В последние годы (1920 г.) В. И. Огородниковым была сделана попытка примирить изложенные мнения о первоначальном поселении угров. Автор этой попытки полагал, что несмотря на кажущееся противоречие в мнениях ученых, между ними нет существенного расхождения: все они изучают древнюю историю угров, только ученые первых двух групп останавливаются преимущественно на двух начальных периодах этой истории — азиатском и европейском, тогда как исследователи третьей группы почти исключительно занимаются позднейшей эпохой, т.-е., временем обратного переселения некоторых угорских племен из Европы снова в Азию.

По другому вопросу об отношении древних югров к современным вогулам и остякам существует также три группы мнений: одни считают югров предками нынешних вогулов и остяков вместе (Георги, Лерберг, Европеус, Теплоухов и др.), другие (Миллер, Фишер, Гофман, Барсов, Чупин) только вогулов, а третьи (Карамзин, Абрамов, Бушен, Беляев, Оксенов, Середонин) только одних остяков; надо заметить при этом, что большинство ученых второй половины XIX в. — начала XX в. склоняется к последнему взгляду.

Переходя к выяснению того, что сделано по изучению прошлого вогулов и остяков, поскольку сведения о них имеются в русских исторических источниках, необходимо отметить, что

общерусские летописи не знают остяков, а известия в них о вогулах (вогуличах, гогуличах) относятся к XIV веку, когда они упоминаются среди племен, живущих вокруг Перми. В следующем XV в. летописец останавливается на них трижды: в связи с походом их на Великую Пермь в 1455 г. и убиением ими епископа пермского Питирима, второй раз в рассказе о походе великокняжеских воевод Федора Курбского и Ивана Салтыка Травина 1484 г. на вогульских князей Ясыку и Юмшана и, наконец, в связи с походом 1499 г., в результате которого вогулы были окончательно присоединены к Москве. Необходимо отметить при этом, что лишь одна из летописей, Архангелогородская, в отличие от других, дает некоторые небезынтересные подробности, относящиеся к походу 1455 г.

Сведения о вогулах и остяках за XVI—XVII вв. находим преимущественно в источниках, относящихся к покорению Сибири и, в частности, сибирских летописях и документах, извлеченных из дел Сибирского приказа и Сибирских архивов. Впервые подверглась обработке именно последняя категория источников в известном труде Миллера „Описание Сибирского царства“ (1750) и в его продолжении, напечатанном в 1764 г., а затем в труде Фишера (1774). Позже, начиная с 20-х годов XIX в., когда количество источников по сибирской истории стало заметно увеличиваться благодаря изданию сибирских летописей сначала частными лицами (Спасским, Небольсиным и др.) и позже Археографической Комиссией („Краткая Кунгурская летопись“, 1888), а также новым публикациям документальных текстов (Берх, издания Археографической Комиссии), история покорения Сибири стала излагаться с большей основательностью, несмотря на разноречивые мнения ученых, занимавшихся Сибирским вопросом (Устрялов, Небольсин, Волегов, Спасский, Майков, Дмитриев, Адрианов и многие другие). Тем самым с большими подробностями стало вырисовываться и участие угорских народностей, вогулов и остяков, в этом крупном явлении русской жизни конца XVI—XVII вв. По мере выявления сохранившихся материалов Сибирского приказа, а также остатков местных Сибирских архивов, и по мере публикации этих материалов как в изданиях центральных ученых учреждений, так и в местных печатных органах или на средства местных любителей старины (издания Кузнецова-Красноярского), разработка истории Сибирских инородцев

в XVII в., в частности, вогулов и остяков, стала заметно более совершенной. Обработку сведений исторических источников о них находим прежде всего в общих трудах по истории Сибири, появившихся в XIX—XX в.: П. А. Словцова (1838—1844 гг., изд. 2-е — 1886 г.), В. К. Андриевича (1889 г.), В. И. Огородникова (1920 г.).

С 80-х годов, когда началось приведение в порядок хранившегося в Московском Архиве Министерства Юстиции делопроизводства Сибирского приказа, ведавшего Сибирью в XVII в., его драгоценные материалы стали привлекать к себе внимание историков, занимавшихся изучением отдельных сторон прошлого Сибири.

Одним из первых среди них был П. Н. Буцинский.

В его исследовании „Заселение Сибири и быт первых ее насельников" (1899) впервые введен в научный оборот богатый материал о Сибири и ее населении, сохранившийся, главным образом, в архиве Сибирского приказа и в других архивных фондах б. Московского Архива Министерства Юстиции („приказные дела") и б. Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел („портфели Миллера"). Автор имел намерение исследовать заселение Сибири по материалам, касающимся быта насельников этого края и взаимного отношения между ними и туземцами, при чем первая часть его исследования обнимает период от начала завоевания этого края до 1645 г. Касаясь инородцев преимущественно в первой главе своего труда, П. Н. Буцинский останавливается прежде всего на их расселении в уездах Верхотурском, Туринском, Тюменском, Пелымском, Березовском, Тобольском и Тарском и их количестве при начале русской колонизации. В главе девятой он вновь возвращается к ним, рассказывает, преимущественно на основании архивных данных, о борьбе остяков, вогулов, самоедов и татар за независимость, о связи инородческих бунтов с смутною эпохою на Руси, о замирении края, положении инородцев под русским владычеством, их службе и повинностях, взаимных отношениях русских и инородцев и проч.

Продолжением этой работы являются более поздние статьи П. Н. Буцинского, из которых должна быть особенно отмечена одна под заглавием: „К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г." (1893), дающая ценные сведения о Сургутских и Нарымских остяках конца XVI—середины XVII вв.

Над материалами Сибирского приказа, которыми пользовался П. Н. Буцинский, начал в те же годы работу Н. Н. Оглоблин. Изданное им позже „Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592 — 1778 гг.)“, части I — IV (1895 — 1902), является полезным пособием для ознакомления с этим ценным архивным фондом, разработка которого в интересующей нас части только еще начата. Несомненно, как результат работы над материалами Сибирского приказа, явились статьи Оглоблина, посвященные остякам XVII в.

В те же 80-е годы появляется ряд источников для истории вогулов и остяков в XVIII в. Весьма ценным вкладом явились изданные в 1882—1885 гг. Археографической Комиссией, на средства А. И. Зоста, „Памятники Сибирской истории XVIII в.“, для которых были использованы известные „портфели Миллера“, хранящиеся в Академии Наук. Из тех же „портфелей“ Комиссия в предшествующие годы напечатала большое количество документов XVII в., главным образом, в томах I—V „Актов Исторических“ (1841—1842 гг.), в томах I—XII „Дополнений к Актам Историческим“ (1846—1872 гг.) и во II-м томе „Русской Исторической Библиотеки“ (1875 г.); среди этих документов имеются относящиеся к вогулам и остякам. Тогда же появился, наконец, труд Гр. Новицкого, спутника схимонаха Федора (б. митрополита Филофея Лещинского) во время обращения им остяков в христианскую веру — „Краткое описание о народе остяцком“ (1884), которым в рукописи пользовался Н. А. Абрамов, автор ряда работ об остяках и вогулах; ранее его издания о научном значении труда Новицкого писали В. Н. Майнов (1874) и Л. Н. Майков (1875).

О распространении христианства среди Сибирских вогулов и Березовских остяков в XVIII в., в 1714—1715 гг., на основании материалов Березовской воеводской канцелярии писал впервые Н. А. Абрамов (1851—1854 г.). Позже та же тема привлекла внимание П. Н. Буцинского (1893), использовавшего для нее, между прочим, материалы Сибирского приказа. Тот же автор касался более ранних попыток распространения христианства среди Сибирских инородцев („Открытие Тобольской епархии“ (1891), „Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий и Герасим (1625—1650 гг.)“ (1891) и др.).

Меньше сделано по изучению прошлого европейских вогулов и остяков за тот же период XVI — XVIII вв. Кроме упомянутого

выше вопроса об участии вогулов и остяков в походах Ермака и завоевании Сибири, внимание историков останавливалось лишь на отдельных моментах их прошлого. Так, уже в „Кратком известии о Пермских Чердынских вогуличах“ архим. Платона Любарского (1792) находим любопытные данные о принятии христианства Чердынскими вогулами. На этой же теме останавливался позже автор „Исторического обозрения Сибири“ П. А. Словцов (1838) и К. Покровский (1868); сводку имеющихся данных находим у В. Шишонко (1881); сведения Платона Любарского о деятельности просветителей Чердынских вогуличей — игум. Иова Тукмачева и М. Е. Финицкого, с некоторыми дополнениями, были перепечатаны А. С. Верещагиным (1905).

В вышедшей в 1904 г. работе И. Г. Остроумова дана, между прочим, краткая сводка имеющихся в русских исторических источниках данных о вогулах-манси; говоря о крещении вогул, автор, кроме известных уже ранее миссионеров, дает сведения об одном из них, священнике села Никито-Ивдельского Аф. Позднякове, много сделавшем для просвещения вогул в 70-х годах XIX в.

В качестве источников для истории европейских остяков XVI—XVII вв. можно указать: 1) житие преп. Трифона Вятского, которого некоторые считают их просветителем, и 2) писцовые книги тех уездов, где жили остяки.

Житие преп. Трифона Вятского было издано впервые П. Шестаковым в 1868 г. (издание повторено в 1881 г.) и потом переиздавалось по новым спискам: В. Я. Струминским (1905) и Вятской ученой архивной комиссией (1912). Показания жития о деятельности Трифона среди остяков вызвали разноречивые суждения историков: если одни (как Макарий, Е. Попов, Дмитриев, Струминский и др.) признают ее весьма большой и оставившей заметные следы, то другие (преосв. Филарет, Осокин и др.) считают миссионерскую деятельность Трифона среди остяков случайной и очень непродолжительной. В связи с выяснением достоверности показаний жития были предприняты, между прочим, раскопки по р. Нижней Мулянке, левому притоку Камы, в районе так называемого Гляденовского городища, где, по мнению некоторых (Дмитриев), действовал Трифон, и где был центр остяцкого идолослужения; раскопки, как известно,

не подтвердили данных жития (работы Н. Н. Новокрещенных и др.).

Писцовые книги Соликамского и Кунгурского у. 1623—1624 гг., напечатанные в 1872 г. В. Н. Шишонко, а равно писцовые книги Чердынского уезда (1880), дают ценные сведения об остяках XVI—XVII в., использованные, например, А. А. Дмитриевым.

В последние годы отдельных моментов прошлого угорских племен касались преимущественно два исследователя: В. И. Огородников, автор „Очерка истории Сибири“ (1920) и нескольких статей о сибирских инородцах, и С. В. Бахрушин, автор „Исторического очерка заселения Сибири до половины XIX в.“ (1922) и других работ по истории того же края.

В „Очерке“ В. И. Огородникова находим отдельные главы, посвященные финноуграм Сибири: уграм, остякам и вогулам. Автор строит свое изложение на доступном ему печатном материале; в вопросе о первоначальном поселении финноугров он старается примирить существующие на этот счет мнения; довольно подробно останавливается он далее на истории остяков до завоевания Сибири русскими, но, к сожалению, использует при этом далеко не весь относящийся к теме опубликованный материал, излагая историю первоначального быта их на основании работ С. К. Патканова, посвященных остяцким былинам и сказаниям, и не имея, повидимому, в виду тех данных, которые находим в документах XVII в. и у Гр. Новицкого. Меньшей разработанностью отличается его краткая попытка восстановления хозяйственного и общественного быта вогулов. Но несмотря на это работа В. И. Огородникова является ценным руководством по древнейшей истории Сибири.

Исторический очерк С. В. Бахрушина, а равно и другие его работы о Сибири, основаны на большом архивном материале, изученном автором; очерк охватывает весь исторический период Сибири и ее населения до середины XIX в. и является лучшим научным пособием в этой области.

Помимо указанных работ, некоторый интерес к прошлому вогулов и остяков был проявлен в последние годы на месте, в Сибири. Общество изучения края при Тобольском Музее кое-что предприняло в этом отношении. В выходящем там же журнале „Наш Край“ имеются статьи исторического характера, относящиеся к прошлому вогулов и остяков.

Вотяки.

Историей вотяков русские ученые стали интересоваться очень рано: по словам Шлецера и Рычкова, Татищев один из первых высказал ряд соображений о первоначальной родине вотяков, находившейся, по его мнению, между Ладогой и Нарвой, в Водской пятине; эта гипотеза, вопреки суровому отзыву о ней Шлецера, нашла позже сторонника в лице Д. Островского, автора одной из работ, посвященных, между прочим, истории вотяков (1874). В том же XVIII в. Г. Ф. Миллер в своем „Описании Сибирского царства“ (1750), интересуясь происхождением вотяков, высказал другую гипотезу о том, что вотяки пришли на их нынешнее место с берегов Енисея. Равным образом в том же XVIII в., в других трудах, напр. Рычкова (1762), найдем сведения по истории вотяков. В те же годы Щербатов располагал уже интересными данными о способах обращения вотяков в христианство, практиковавшихся в том же XVIII в., а Плат. Любарский дал несколько ценных сведений на ту же тему.

До появления первого издания труда Вештомова в 1825 г., посвященного „Истории вятчан со времен поселения их при реке Вятке“, не встречаем, однако, после того новых данных по истории вотяков. Автор этой наиболее ранней истории края по вопросу о родине вотяков придерживался того взгляда, что помещал ее в нынешней Орловской губ., в стране вятичей; вместе с тем он первый дал изложение фактов вятской истории, в которых упоминались вотяки. Труд А. Вештомова представляет тщательный свод известий летописных, равно сведений, добытых из архивов; для своего времени этот труд весьма замечателен, и им то, главным образом, пользовались в последующие годы местные историки, авторы исторических сведений о вотяках. Если вспомнить еще одно ценное сообщение, напечатанное в „Известиях о библейских обществах“ (1824), об издании в 1823 г. на вотяцком языке перевода евангелия Матфея, то этим, кажется, и ограничиваются главнейшие работы, в которых найдем исторические сведения о вотяках. Необходимо заметить, однако, что некоторые работы XVIII в. — начала XIX в., по существу этнографического характера, как, напр., работа акад. Г. Фр. Миллера „Описание живущих в Казанской губ. языческих народов“, работы акад. Палласа, Георги и др., имеют

теперь, спустя более 150 лет, скорее исторический характер, поскольку описывают уже прошлый быт и нравы вотяков.

Лишь со времени появления в Вятке местных „Губернских Ведомостей“ (в 1837 г.) и „Епархиальных Ведомостей“ (в 1863 г.) количество работ, посвященных вотякам, заметно увеличивается. Правда, эти работы преимущественно этнографического характера, но среди них попадаются также публикации новых исторических источников, относящихся целиком или отчасти к вотякам,— укажу, напр., на сообщенную в 1845 г. Н. Г. Кибардиным грамоту 1557 г. царя Ивана Васильевича вотякам Сырьянской волости (позже перепечатанную трижды). В тех же изданиях, а также в некоторых других, в эти годы печатаются работы, посвященные истории христианства среди вотяков: так, А. Попов (1851) в историко-статистической записке о селе Святицком и северо-западной части Глазовского уезда сообщает любопытные данные о деятельности среди вотяков известного Дм. Сеченова; Н. Курочкин (1851) касается истории христианства у вотяков Малмыжского уезда; А. П. Щапов (1858) в своей биографии епископа Казанского Луки Конашевича, на основании документов Казанской Духовной Академии, дает исторический очерк распространения христианства среди вотяков в XVIII в.; позже М. Фармаковский (1863) на основании более солидного архивного материала, хранившегося в Вятской консистории, дает новую работу на ту же тему. В том же 1863 г. выходит труд Г. А. Никитникова по истории Вятской иерархии, в приложении к которому сообщены новые документы по истории христианства у вотяков в XVIII в. Той же теме, именно новокрещенским школам среди вотяков и деятельности Новокрещенской конторы, посвящены работы Е. Малова (1868 и 1878 гг.).

В 1870 г. издана была в Вятке „История Вятского края с древних времен до начала XIX в.“, составленная С. Васильевым и Н. Бехтеревым; вышел лишь первый том, обнимающий время с 1174 по 1700 г. В основание ее положена та же упомянутая выше история Вештомова, и хотя авторы пользовались и другими материалами, но это витиевато написанное сочинение мало расширяет круг исторических сведений о вятских вотяках.

В те же годы Д. Островский в работе о „Вотяках Казанской губ.“ (1874) сделал попытку написать историю вотяков

на ряду с характеристикой их современного быта. Как уже отмечено выше, автор поддерживает гипотезу Татищева о первоначальной родине вотяков; в пределы Казанской губ. вотяки, по мнению Д. Островского, пришли с берегов Вятки, доказательством чего служит, как он думает, сходство местных названий Мамадышского уезда с таковыми же Глазовского, Сарапульского и Малмыжского и особое почтение к реке Вятке, которое питают казанские вотяки. Выводы автора были приняты позже И. Н. Смирновым, правильно указавшим, однако, на „примитивные приемы" истолкования местных названий, употребленные Д. Островским. В том же труде мы находим интересный очерк истории христианской пропаганды среди вотяков XII—XVII вв.

В двух работах, имеющих отношение к истории вотяков, вышедших в 1880 г.: Кошурникова и Бехтерева, не находим чего-либо нового по сравнению с авторами, писавшими до них. Кошурников в изложении истории вотяков следует упомянутому выше Вештомову; что же касается Бехтерева, то его работа имеет скорее популярный характер.

Как и в предшествующие годы, история распространения христианства среди вотяков попрежнему привлекает внимание отдельных исследователей (свящ. Миропольский (1876), Е. Малов (1878), П. Д. Шестаков (1879), М. Фармаковский (1879) и др.). В 1880 г. выходит труд А. Можаровского, посвященный „Изложению хода миссионерского дела по просвещению Казанских инородцев с 1552 по 1867 год", в значительной части являющийся итогом всего того, что сделано по изучению вопроса в отношении казанских вотяков. Существенным дополнением к нему явилась работа Н. И. Ильминского (1883), в которой находим сведения о переводах начала XIX в. на вотяцкий язык источников христианского веро- и нравоучения и критический разбор этих переводов.

В связи с столетием существования Вятской губ. Вятским Статистическим Комитетом был издан в 1880 г. сборник под названием „Столетие Вятской губ."; в приложении ко второму тому Сборника напечатаны „Древние акты, относящиеся к истории Вятской губ.", представляющие в большинстве своем перепечатку актов, изданных Археографической Комиссией и в местных Губернских и Епархиальных Ведомостях; это издание ценно, как единственное, в котором собраны все известные к тому

времени документальные тексты, относящиеся к вотякам Вятского края. В томе первом сборника помещен исторический очерк Вятского края, составленный А. Андриевским, в котором он касается также истории Вятских инородцев. В томе втором того же сборника, вышедшем позже (1881), необходимо отметить статью того же А. Андриевского, посвященную, на основании новых архивных документов, характеристике миссионерской деятельности среди вотяков местного духовенства и администрации в первой половине XIX в.

Отмеченным сборником, столь богатым по содержанию, Вятский Статистический Комитет начал, в сущности, публикацию исследований по истории Вятского края: в издававшихся им „Календарях Вятской губернии" печатались весьма ценные работы, между прочим, по изучению прошлого Вятских инородцев. Изданные тем же Комитетом, начиная с 80-х годов „Материалы для статистики Вятской губернии", для историка, изучающего вотяков, представляют также большой интерес: они дают сведения о ходе русской колонизации в Вятском крае, о результатах соприкосновения русских с вотяками, и многое другое.

К 80-м годам относится появление первых работ А. С. Верещагина и А. А. Спицына, исследователей истории Вятского края, много сделавших и для выяснения истории Вятских инородцев, в частности, вотяков.

В напечатанной в 1879—1880 гг. работе под заглавием: „Сказания русских летописцев о Вятке, с примечаниями" А. С. Верещагин дал весьма ценный комментарий к летописным известиям о Вятке, а в более поздней работе (1887) подверг серьезному изучению один из основных источников по истории края и Вятских инородцев — „Повесть о стране Вятской", известия которой о чуди и вотяках восходят к XII в.

А. А. Спицын в своих работах 80-х годов XIX в., посвященных истории Вятского края, дал также много ценного не только по этой теме, но также и по истории Вятских инородцев, изучению которых он посвятил специальную статью (1888). По справедливому замечанию одного автора, „труды А. А. Спицына имеют значение существенного пособия для изучения прошлого вотяков".

В 1890 г. появился историко-этнографический очерк о вотяках, составленный И. Н. Смирновым. Как и в более раннем

труде о черемисах, автор поставил себе задачу дать о вотяках свод всего, что̀ уже известно, и известные факты скомбинировать так, чтобы из этих комбинаций вытекали вопросы, „заставляющие снова обратиться к живой действительности и глубже заглянуть в нее“. Главу первую своего труда И. Н. Смирнов посвятил истории вотяков, при чем остановился, главным образом, на вопросах: 1) о месте древнего жительства вотяков, 2) об условиях, вызвавших их движение на восток, 3) о черемисской и русской колонизации Вятского края, 4) о древнейшей культуре Пермской группы, 5) об отношении вотяков к чуди, болгарам и татарам, 6) о подчинении вотяков Москве, 6) об ассимилирующей деятельности Русского правительства, 7) о ходе русской колонизации в Вотских землях и ее культурном значении. Как известно, исторические памятники лишь с конца XV в. начинают упоминать о вотяках; в виду этого лишь для выяснения вопроса о подчинении вотяков под власть Москвы автор мог пользоваться сохранившимися документами, вопросы же, относящиеся к истории вотяков до XVI в., ему приходилось решать на основании данных топонимики, черемисских, вотских и русских преданий и языка вообще, высказывая по большинству вопросов лишь правдоподобные предположения. В изложении истории вотяков с XVI в. им использованы акты, собранные в упомянутом выше сборнике „Древние акты, относящиеся к истории Вятской губ.“; в изложении же истории распространения христианства среди вотяков И. Н. Смирнов пользуется, главным образом, названными выше трудами Никитникова и Можаровского. Не представляя в части исторической в отношении XVI—XVIII вв. чего-либо самостоятельного, работа И. Н. Смирнова все же является до настоящего времени лучшей сводкой того, что̀ можно извлечь из скудных источников, касающихся прошлого вотяков.

В связи с большим интересом, возникшим в широких общественных кругах к Мултанскому делу, и в литературе о вотяках появляется несколько работ, в которых делается попытка выяснить историю религиозных представлений вотяков; авторы их разбиваются на две группы: одни из них находят у вотяков в прошлом факты человеческих жертвоприношений и, исходя из этого, признают их существование в настоящем, другие — упорно это последнее отрицают. Острота вопроса, касавшегося участи привлеченных к делу вотяков, не всегда позволяла

факты прошлого истолковывать с достаточным спокойствием и тем самым не способствовала выяснению истины в этом деле. Во всяком случае, в 90-ые годы, кроме работ, посвященных указанной теме, появились и новые документы, относящиеся к выяснению религиозных взглядов вотяков в прошлом.

90-е годы XIX в. и первые годы XX в. по отношению к изучению прошлого вотяков могут быть отмечены также, как время, когда опубликовано много новых и переизданы некоторые старые исторические источники о вотяках. Кроме Вятского Статистического Комитета и редакций „Вятских Губернских Ведомостей“ и „Вятских Епархиальных Ведомостей“, в эти годы стала работать по изданию источников истории Вятского края основанная в 1905 г. Вятская ученая архивная комиссия, развившая, в особенности при энергичном ее первом руководителе А. С. Верещагине, большую издательскую деятельность

Прежде всего Комиссией был переиздан источник очень важный для первоначальной истории вотяков: это „Повесть о стране Вятской“ (1905), при всей своей внутренней несостоятельности, как исторического источника, о чем еще в 80-х годах писал А. С. Верещагин, сохранившая, однако, ценные данные из древнейшей Вятской истории.

Для истории русской колонизации среди вотяков в XVI—XVII вв. особенно ценным является предпринятое Вятской ученой архивной комиссией, под редакцией А. С. Верещагина, издание хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции грамот Коллегии Экономии по старинным уездам, входившим в состав современной Вятской губ. (Хлыновскому, Котельничскому, Слободскому и др.); обильный материал упомянутого архива, дополненный документами, извлеченными из местных архивов, давал ценные источники для детальной истории колонизации Вятского края и заселения русскими инородческих земель, объяснял, как обширна была колонизаторская деятельность Трифонова Успенского монастыря в XVII и первой половине XVIII в. Опубликованные той же Комиссией писцовые и переписные книги XVII в. по отдельным уездам Вятского края вводили много новых данных о Вятских вотяках XVII в. Равным образом мелкие публикации отдельных документов (напр., А. А. Спицына в „Трудах Комиссии“ 1906 г. и М. А. Островской, 1912 г.) дополняли эти основные источники мелкими, но ценными данными. Для изучения истории вотяков до XVIII в.

явилось важным переиздание в 1907 г. Обществом Археологии, Истории и Этнографии известного труда Вештомова. По истории вотяков в XVIII в. надо отметить напечатанные в эти же годы в 115 томе „Сборника Русского Исторического Общества" наказы вотяков Казанского и Слободского уездов, данные ими их представителю в Екатерининской Комиссии 1767 г. о сочинении проекта Нового Уложения (перепечатаны затем в „Трудах Вятской ученой архивной комиссии"). Весьма большое количество архивных документов XVIII—XIX вв., касающихся истории распространения среди вотяков христианства и деятельности среди них православной миссии, опубликовано в эти же 1900-е годы П. Н. Луповым, отчасти в издании той же Вятской ученой архивной комиссии.

Кроме мелких исследований, посвященных выяснению истории отдельных моментов русской колонизации среди вотяков (работы А. С. Верещагина, Д. К. Зеленина (1906) и др.), а также общего очерка по истории края Л. Спасской (1913), наибольшее количество работ за 90-е и 1900-е годы, посвященных целиком или отчасти истории вотяков, относится к истории распространения среди них христианства. Помимо статей И. А. Износкова (1893—1896), Г. Е. Верещагина (1896), Крекнина (1899) и свящ. Курбановского (1900), давшего интересный опыт разработки архива приходской церкви по вопросу о миссионерской деятельности среди вотяков духовенства Мултанского прихода Малмыжского уезда, безусловного внимания заслуживают многочисленные статьи и исследования П. Н. Луппова, лучшего знатока истории христианства и просвещения у вотяков. Уже в ранних своих работах 90-х годов XIX в., посвященных названной теме, П. Н. Луппов привлек для исследования неопубликованные местные архивные материалы (Вятской Духовной Консистории, Елабужского Духовного Правления) и постепенно перешел также на использование материалов центральных хранилищ (архива Св. Синода и др.). Две его больших работы: „Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в." (1899) и „Христианство у вотяков в первой половине XIX в." (1911), с приложенными к ним картами Вотского района, являются ценными научными исследованиями, исчерпавшими в значительной степени поставленную автором тему. Столь же важна и работа П. Н. Луппова, касающаяся истории народного образования среди вотяков.

Издательская деятельность Вятской ученой архивной комиссии непосредственно перед Революцией шла менее интенсивно, чем раньше. Новых публикаций источников в эти годы почти не появилось. Равным образом, после трудов П. Н. Луппова, ничего существенного по истории вотяков не выходило. Лишь в последние годы можно заметить некоторое оживление в изучении прошлого вотяков.

В эти годы образовалось два общества, изучающих вотяков. В 1922 г. в Москве возникло Научное Общество по изучению вотяцкой (удмуртской) культуры; Общество имеет филиалы в Казани, Глазове и др. и работает пока, главным образом, в области изучения вотского языка, литературы и экономики. В январе 1925 г. в г. Ижевске Вотской автономной области организовалось Общество по изучению Вотского края; оно имеет целью изучить Вотский край в экономическом, географическом, историческом и этнографическом отношениях.

В „Трудах“ Общества за 1926 г., между прочим, опубликованы Ф. Стрельцовым: 1) владетельная выпись 1703 г. на земли, покосы и угодьи вотякам Каринской волости Вятского уезда, представляющая несомненный научный интерес, и 2) извлеченные из Малмыжского архива документы по известному Мултанскому делу 1893—1896 гг. О роли в Мултанском деле В. Г. Короленко напомнил в эти же годы П. Н. Луппов (1925).

Необходимость труда по истории вотяков, отвечающего новым условиям их жизни, вызвала на месте, в Ижевске, появление работы В. А. Максимова (1925), являющейся, по словам предисловия „компиляцией материалов из прежних изданий“; краткий исторический очерк вотяков, представленный в этой работе, не имеет научного значения и не отвечает отмеченной потребности. Между тем и на месте, как можно судить по „Программе по истории Вотского народа“ (1920), составленной П. Н. Луповым и В. Поздеевым, довольно хорошо известно, какие задачи должен ставить и каким требованиям должен удовлетворять подобный очерк. Надо надеяться, что новые условия жизни позволят выполнить эту программу.

Не совсем заглохла в эти годы работа по изучению прошлого вотяков и в прежнем центре этого дела — Вятке. Непосредственным преемником упраздненной Вятской ученой архивной комиссии явилось основанное в 1920 г. Вятское Историческое Общество, с 1922 г. состоявшее при Вятском исследователь-

ском институте краеведения. В органе Общества и Вятского Губернского Экономического Совещания — „Вятской Жизни“ появилась, между прочим, статья П. Н. Луппова о пребывании А. И. Герцена в Вятской ссылке; в ней находим основанный на архивном материале рассказ о волнениях Глазовских вотяков в связи с появлением статьи А. И. Герцена о вотяках и черемисах, напечатанной в „Вятск. Губ. Вед.“ 1838 г. При Вятском Педагогическом Институте в эти годы работал кружок по изучению местного края; прочитанные там некоторые доклады имеют безусловное отношение к истории вотяков. В томе же первом „Трудов“ Института (1927) П. Н. Луппов напечатал ценную статью о численности и расселении вотяков в Вятской земле XVII в., по данным, почерпнутых из полученным им переписных книг, хранящихся в Московском Древлехранилище.

Пермяки и зыряне.

До конца XVI в. в русских источниках термин пермяки употребляется в широком значении: в грамоте 1553 г. он означает пермяцкое и русское население Чердынского и Соликамского уездов, а в актах того же времени, относящихся к самоедам, под пермяками разумеются нынешние зыряне, которые отбивают у самоедов их промыслы. С такой точки зрения я не вижу оснований отделять историю пермяков и особенно ее древнейший период от истории зырян.

Еще в XVIII в., можно отметить у русских историков интерес к прошлому пермяков, в особенности к той эпохе их, о которой говорят не столько русские источники (летописи и акты), сколько источники иностранные (саги), известные довольно долго преимущественно из вторых рук. Истолкование этих последних источников, лишь в XIX в. подкрепленное данными археологии и отчасти антропологии, разделило русских исследователей, касавшихся первоначальной истории пермяков на две группы: одни ученые усиленно подчеркивают, что историю пермской народности надо искать в скандинавских сагах, в частности, в сагах о древнейших путешествиях Охтера IX в. и др. в Биармию, под которой еще в XVIII веке разумели Пермь (Ломоносов, Чулков и др.). В XIX в. к этой гипотезе присоединились Шегрен, Кастрен и Европеус. Но по мере более систематического изучения относящихся сюда данных убеждение о

тожестве Перми-Биармии стало колебаться, появились исследователи, отрицавшие какую бы то ни было связь между Пермью и тем, что скандинавские саги рассказывают о Биармии (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Д. И. Иловайский, А. А. Дмитриев, И. Н. Смирнов и др.) Доводы, которые приводились против отожествления Перми с Биармией, сводились к отсутствию всяких находок, могущих послужить вещественным доказательством погибшей культуры, к баснословности скандинавских саг и к недоказанности этимологической связи между именами Пермь и Биармия.

Отдельные исследователи XIX века пробовали отнести известия этиг саг к другим народностям севера и приходили, например, к заключению, что под биармийцами следует разуметь совсем не восточных финнов, а одно из племен западных финнов (Смирнов).

В XX веке по тому же вопросу продолжается прежний спор в тех же двух направлениях.

В трудах К. Ф. Тиандера (сначала в статье 1901 года и позже в книге „Поездки скандинавов в Белое море". СПб., 1906), вопрос о тожестве Перми-Биармии был вновь разобран с лингвистической точки зрения, и автор установил скандинавское происхождение этого слова. Соображения его по этому вопросу вызвали серьезные возражения со стороны Ф. А. Брауна (1907).

За год до появления работы Тиандера о „Поездках скандинавов", в 1905 г., появилась статья С. К. Кузнецова „К вопросу о Биармии", в которой было высказано сомнение в том, что р. Вина позднейших скандинавских саг является Сев. Двиной; с своей стороны автор полагал, что Биармию следует, повидимому, искать на Кольском полуострове. В сущности, С. К. Кузнецов в значительной степени повторял те соображения, которые еще в 1894 г. были высказаны на норвежском яз. Г. Стормом в его статье „Об открытии Нордкапа и пути в Белое море" (Det Norske geogr. Selbskabs Aarbog, V, 1894) и изложены в недавней работе Оскара Ионсена „Finmarkens Politiske Historie" (Kristiania, 1923). Приведенные С. К. Кузнецовым соображения вызвали со стороны Г. Гебеля сердитую, но неубедительную защиту „давно признанной истины" о тожестве Биармии-Перми на берегах Сев. Двины. Возбужденный впервые в норвежской литературе и поднятый у нас С. К. Кузнецовым вопрос о Биармии где-то на Кольском

полуострове (отсюда биармийцы связываются с карелами или лопарями), требует нового рассмотрения, тем более, что взгляды Сторма и Кузнецова не являются чем-то новым, так как уже у писателя XVII в. Шеффера (1673 г.) находим приурочение Биармии к Карело-Мурманскому краю; об этом знал уже В. Н. Татищев, изложивший взгляд Шеффера и его последователя Гейнсия в своем „Лексиконе".

Меньшее внимание привлекали к себе другие источники иностранного происхождения, относящиеся к прошлому зырян и пермяков, именно, карты Севера, составленные в разное время. Правда, этот источник стал широко известен лишь в недавнее время, благодаря предпринятому В. А. Кордтом изданию иностранных карт, касающихся Московского государства; впрочем, начало в этом деле было положено еще в 1871 г. Археографической Комиссией изданием карты 1459 г., важной для истории Пермского края.

Что касается русских источников о прошлом пермяков и зырян, то таковые состоят из летописей, жития Стефана Пермского и актов и стали известны еще в XVIII в., при чем уже современные писатели используют их для изображения прошлого. Благодаря изданиям, главным образом, Археографической Комиссии, а позже, с 60-х годов XIX в., усилиям отдельных лиц и Пермского Статистического Комитета количество источников по истории края возросло непомерно. В начале 80-х годов В. Н. Шишонко, издавший до того важные для истории края писцовые книги XVI—XVII вв., собрал разбросанный по разным изданиям преимущественно актовый материал, относящийся к прошлому Пермского края, и перепечатал его в своей „Пермской Летописи" (1881—1887); при всех своих археографических недочетах это издание представляет все же единственное собрание материалов по истории Пермского края и его населения; пользование этим изданием ныне облегчено составленным А. Н. Колотиловым (1904) указателем ко всем томам „Летописи".

Последующие издатели документов по истории края могли уже исходить из упомянутого издания и лишь пополнять его новыми памятниками. Количество их на месте, в местных архивах, повидимому, небольшое, но ни А. А. Дмитриев, много сделавший в последующие годы для изучения источников по истории края, ни Пермская ученая архивная комиссия (основанная в 1888 г.) не использовали для этой цели, подобно Вят-

ской ученой архивной комиссии, хранящегося в б. Московском Архиве Министерства Юстиции богатого собрания грамот Коллегии Экономии по старинным уездам Пермского края (Соликамскому, Чердынскому и Кунгурскому).

Ранние русские источники — летописи и грамоты — давали, в сущности, очень немного для изображения первоначальной истории края; другим характером отличается житие Стефана, просветителя зырян и пермяков, составленное в XIV в. Епифанием Премудрым и изданное несколько раз. Весьма большая литература XIX в., посвященная житию и его известиям по истории Пермского края и его населения, началась, в сущности, исследованиями митроп. Евгения и акад. Шегрена, одинаково отрицательно относившимися к исторической ценности этого источника.

В труде своем о зырянах, акад. Шегрен дал первый научный опыт истории этого народа не только эпохи, предшествующей данным жития, но и позднейшей. Отдельные моменты этой истории, тесно связанные с историей всего Русского Севера и его населения — лопарей, карелов, пермяков и др., вызвали автора на особые исследования, посвященные ранней истории края и живших там народностей. Большой знаток исторического материала, не только печатного, но и рукописного, Шегрен дал во многих отношениях блестящий исторический очерк Русского Севера, главным образом, в ранний, до-Московский, период; с его догадками и построениями можно теперь не соглашаться, но от них все же приходится исходить и с ними серьезно считаться. Для более позднего периода им использованы, между прочим, писцовые книги Яренского уезда, дающие драгоценный материал для истории края и зырян в конце XVI — начале XVII в.; книги 1607 г., которыми пользовался Шегрен, лишь в 1915 г. были изданы А. М. Гневушевым. Ни Шегрен, ни другие исследователи, к сожалению, не использовали более ранних (1584) писцовых материалов по тому же краю, хранящихся в Постоянной Историко-Археографической Комиссии Академии Наук.

После Шегрена житием Стефана занимался М. И. Михайлов (1850), автор труда под заглавием „Устьвым“, весьма солидной для своего времени работы, в которой использованы не только общеизвестные издания, но также кой-какой рукописный материал.

Авторы работ, посвященных деятельности Стефана Пермского и появившихся в последующие годы XIX в., в значительной степени повторяют изложение событий в деятельности Стефана, которое находим в работе М. И. Михайлова. Назову здесь работы архим. Макария (1856), Шестакова (1868), Ключевского (1871), К. Попова (1874) и др. В эти же годы, помимо летописи, текст жития св. Стефана был издан отдельно (1862); это издание было повторено Археографической Комиссией в 1897 г. Для истории Устьвыма уже в XVII в. являются ценными напечатанные в эти годы (1864) документы о споре Вологодских и Вятских епископов об Устьвымской десятине; впоследствии они были переизданы Вятской ученой архивной комиссией.

В 1883 г. появилась о житии Стефана статья Г. С. Лыткина, позже (1887) вошедшая в его книгу о Зырянском крае. Использовав известную литературу о Стефане и его деятельности, Лыткин привнес в нее кое-что свое: пылкий патриот-зырянин он, между прочим, на основании доводов внутреннего убеждения, полагал, что Стефан был зырянин; работа Лыткина все же имеет значение, так как устанавливает хронологию событий в житии Стефана.

Лучшей сводной работой о деятельности Стефана надо признать соответствующие страницы труда И. Н. Смирнова о пермяках, вышедшего в 1891 г. Появившийся позже труд свящ. Красова (1896) не имеет научного значения, хотя и был переведен на французский язык.

Суровый приговор над житием Стефана Пермского митр. Евгения и акад. Шегрена, из которых первый говорит, что житие, составленное Епифанием, отличается более риторическими рассуждениями, чем историческими данными, а второй, касаясь топографии Перми, имеющейся в житии, полагает, что она может только спутать, но не выяснить пределы Перми, теперь считаются несправедливыми и неосновательными (Смирнов); отмечают при этом, что сообщения Епифания бледны, неполны, но всегда верны действительности; его сведения о пределах страны, занятой пермяками в XIV в., и их внутреннем быте, признаются теперь ценным источником для древней истории Пермского народа.

От последующих веков истории пермяков сохранилось большое количество источников, что отчасти объясняет, конечно, появление многих работ по истории края с XV-го века. Исследо-

вания, посвященные отдельным моментам этой истории или истории отдельных местностей края, напечатанные в местных Вологодских и Пермских изданиях до 80-х годов XIX в. сменяет по интересующему нас вопросу известная работа А. А. Дмитриева „Пермская Старина“, выпуск первый которой вышел в 1889 г.; с тех пор до 1900 г. включительно вышло еще семь выпусков этого капитального труда, представляющего драгоценный свод сведений по истории края и его населения с древнейших времен до XVII века включительно и критический разбор этих сведений; автором использована почти вся известная литература по истории края, многие моменты этой истории освещены заново и по ряду вопросов высказано веское и обоснованное хорошо известными автору источниками мнение. От этого труда исходит всякий историк, интересующийся тем или иным вопросом прошлого Пермского края.

Другим таким же трудом, к которому обращается интересующийся прошлым современных пермяков и зырян, является вышедшая позже, в 1891 г., работа И. Н. Смирнова „Пермяки“; в ней глава вторая посвящена истории пермяков. Автор широко пользуется здесь тем же приемом изучения первоначальной истории пермяков, который он применил в других своих работах: по сохранившимся местным названиям Зыряно-Пермяцкого края он выясняет вопрос о древней родине их: были ли они аборигенами занимаемых ныне земель или пришли сюда откуда нибудь извне; выводы, к которым он приходит, лишь подкрепляются данными исторических источников; автор изучает далее событие, весьма подвинувшее наблюдаемую им ассимиляцию коми с русскими — именно принятие христианства в XIV в., а равно историю завоевания Перми в XV в. и историю края в XVI—XVII вв. и постепенного обрусения пермяков.

Работы местных историков, появившиеся после упомянутых трудов А. А. Дмитриева, касаются, главным образом, древнейшего периода Пермского края и относятся скорее к археологии, а не к истории (ср. труды И. Я. Кривощекова (1904), А. Ф. Теплоухова и др.).

Зырянский край в последние годы старого режима являлся местом ссылки. Жившие в нем ссыльные преимущественно интересовались этнографией зырян, и некоторые из них писали о зырянах; укажу, например, на работу П. А. Сорокина „Современные зыряне“ (1911), к которой приложена этнографи-

ческая карта, составленная К. Ф. Жаковым, написавшим также „Историко-статистический очерк зырянского населения"; в нем он не дает чего-либо нового после названных выше трудов, посвященных истории края.

Появившийся в 1911 году труд В. Трапезникова носит популярный характер, а начало исторических очерков о Перми Великой М. Лебедева (1917), написанное с большой научной претензией, в опубликованной части, касающейся древнейшей истории края, после трудов А. А. Дмитриева и И. Н. Смирнова, дает мало нового и является скорее компиляцией их.

Основание Пермского Университета должно бы, казалось, содействовать оживлению интереса к прошлому края и его коренного населения. Впрочем, в виду трудных условий издательского дела можно лишь в слабой степени судить об этом оживлении. В изданиях существующего при Университете Общества социальных, экономических и исторических наук преобладают темы обще-исторические. Больший краеведческий уклон носят издания Кружка по изучению Северного края при том же Университете: в издаваемых им „Пермских краеведческих сборниках" напечатаны статьи А. П. Пьянкова, А. Ф. Теплоухова, С. П. Попова и др. о финноугpах края.

Основанное в 1924 г. Общество изучения области Коми, как можно судить по брошюре А. Сидорова, включило в программу своих работ, между прочим, историко-этнографическое изучение края Коми. В органе Общества, журнале „Комі Му", появилось уже несколько работ, имеющих отношение к первоначальной истории края. Так, А. Ф. Теплоухов, продолжая в журнале печатать свои исследования по изучению фамилий и географических названий Пермского края, приходит к выводу, что упоминаемая в источниках пермская чудь были угры. Но его заключение встретило в том же журнале возражения со стороны В. Лыткина (1925), полагавшего, что пермской чудью были предки Коми народа, и В. Грена (1925), думающего,что под ней надо разуметь самоедов; И. Мёшег дал в том же журнале несколько статей по истории коми-народа: его участии в мировой торговле в прошлом, о Перми Великой в теории А. Ф. Теплоухова и по историческим данным и др. В ежемесячнике „Кунгурско-Красноуфимский край", издаваемом при участии Истпарта, местных краеведов и краеведов Урала и Прикамья также печатаются статьи по истории края; среди них следует отметить

работы А. Ф. Теплоухова (1925), А. Горбунова и др. Равным образом, в издаваемом с 1922 г. Пермским и Верхне-Камским Окружными Исполкомами журнале „Экономика“ помещено несколько статей о прошлом Приуралья и его населения.

Большое внимание истории края и его населения в XVI—XVII вв. уделено в последние годы в трудах А. А. Введенского. Занимаясь преимущественно историей торгового дома Строгановых, автор не мог уклониться от многих вопросов, привходящих в его тему. Опубликованные им статьи „Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве“ (1922), „Происхождение Строгановых“ (1923) и др., и особенно сборник документов о Строгановых (1924), извлеченных из разных архивов, представляют весьма ценный вклад в историю края и его населения. В частности, в последнем сборнике, помимо многих впервые публикуемых грамот о сношениях Строгановых с инородцами Сибири, приведены отрывки из сообщения голландца Н. Витзена о том же; основная мысль Витзена о причинах движения Строгановых в Сибирь уже была отмечена в труде акад. С. Ф. Платонова (1923) и всецело поддерживается А. А. Введенским. Автор продолжает работать по той же теме, и мы вправе ждать от него новых работ, подобных его „Анике Строганову“.

Мордва.

Исторические сведения о мордве, посколько о ней говорят русские летописи и акты, становились известными по мере издания в XVIII—XIX веках центральными учеными учреждениями соответствующих сборников летописей и документов. С такой точки зрения в изданных, главным образом, Археографической Комиссией летописях и сборниках актов найдем некоторое количество данных об этом племени за XII—XVIII века. Но и в местных изданиях довольно рано появляются документы и статьи о прошлом мордвы.

Еще в первую половину XIX в. в Нижегородских изданиях—Губернских и позже Епархиальных Ведомостях стали появляться исторические материалы о мордве XVII в., заимствованные, между прочим, из архива Печерского Нижегородского монастыря (ср. „Нижег. Губ. Вед.“ 1848 г., №№ 21, 46; 1849 г., № 65 и др.), о богатом содержании которого лишь значительно позже стало известно по изданию А. Титова (1898).

Равным образом, в изданиях Тамбовского края находим не только публикации отдельных документов и целых их групп, относящихся к мордве старинных уездов, вошедших в состав Тамбовской губ., но также исторические очерки местной мордвы в работах С. Березнеговского (1843—1851), Е. Крупкова, В. Феоктистова и других.

Помимо этих изданий, документы о той же мордве и ее прошлом стали появляться в отдельных изданиях документов, относящихся к истории местных монастырей (напр., Черниева Николаевского, 1849), или в сборниках документов по истории края (напр., в изданных Степаном Мельниковым „Актах исторических и юридических“ 1859 г.).

Указателей напечатанных в эти годы материалов, конечно, не имелось, поэтому большая часть из них осталась, повидимому, неизвестной П. И. Мельникову (1867), автору первого по времени историко-этнографического исследования о мордве. В своей работе П. И. Мельников дал сжатый, но хорошо составленный очерк, основанный, главным образом, на материалах Нижегородских архивов, монастырских и других. На долгие годы „Очерк мордвы“ П. И. Мельникова оставался единственным пособием для изучения прошлого мордвы.

Своими прошлыми судьбами мордва входит, как известно, не только в историю Суздальско-Нижегородской и Тамбовской земли, но также и в историю Астраханского, Казанского, Пензенского, Самарского, Саратовского и Симбирского края. Поэтому в местных изданиях этих губерний в 60—80 гг. XIX в. появляются как отдельные случайные документы, так и исследования о мордве, впрочем, небольшого научного значения в той части их, которая касается истории. Так, в 1874 г. Н. Смирнов дал очерк мордовского населения Пензенской губ., в котором имеется сжатый обзор истории мордвы, основанный на работе П. Мельникова; с своей стороны автор дал ценные материалы о религиозных обрядах мордвы начала XIX в., заимствованные им из современных донесений Пензенского духовенства; в 1886 г. М. Гребнев проделал аналогичную работу в отношении мордвы Самарской губ., в которой дал довольно сбивчивый исторический очерк о ней.

Количество печатных исторических материалов о мордве значительно стало увеличиваться со времени появления на местах ученых архивных комиссий. Особенно много сделала в этом

отношении Тамбовская ученая архивная комиссия, основанная в 1884 г. и в первые же годы приступившая к разбору, описанию и отчасти изданию документов Шацкого архива, весьма богатого материалами о мордве. Кроме „Известий" Комиссии (вып. 1—58, 1884—1918 гг.), в которых дано в извлечениях или целиком весьма большое количество материалов этого рода, Комиссия выпускала их и отдельными публикациями; таков, напр., изданный в 1887 г. под ред. П. И. Пискарева сборник документов, относящихся к истории Мамонтовой пустыни Тамбовской губ., в котором много очень ценных актов для истории мордвы в XVII в., весьма пополнивших данные старых историков края (Г. Хитрова (1861) и др.).

Опубликованные Комиссией материалы дают вообще весьма много нового для установления пределов былой мордовской территории, о ходе русской колонизации края и обрусения мордвы, об общественных организациях и верованиях мордвы в XVII в. и др. К сожалению, этот богатый материал еще ждет своего исследователя и лишь частично использован местными исследователями в связи с другими вопросами истории местного края. Так, в вып. 4-м (1881) „Очерков из истории Тамбовского края" И. И. Дубасов, первый председатель Тамбовской ученой архивной комиссии, на основании летописных известий и архивных документов Московских и Тамбовских, останавливается на развитии русской колонизации в пределах Шацко-Тамбовского края и на роли церкви и ее учреждений в этом деле, в частности, приводит некоторые акты XVII в., где контрагентами является мордва; в вып. VI (1897) тех же „Очерков" находим интересную обработку архивных данных об инородческом (мордовском) землевладении в Тамбовском крае в XVII в. Второй председатель Тамбовской ученой архивной комиссии А. Н. Норцов (с 1900 г.) также дал ряд ценных статей по истории Тамбовского края, в которых имеются сведения о Тамбовской мордве; почти исчерпывающая сводка печатного материала, относящегося к истории Тамбовского края, находится в неизданном труде А. Н. Норцова „Историко-статистическое описание Тамбовского края". Позже (1913) П. Н. Черменский дал обработку напечатанных источников о Тамбовской мордве.

Возникшая позже Нижегородская ученая архивная комиссия также напечатала много новых материалов для истории мордвы

Нижегородского края. Так, в ранних изданиях Комиссии В. О. Эйнгорн напечатал интересные документы о положении дела обрусения мордвы Нижегородского края и обращения ее в христианство в XVII в.; в 1898 г. С. А. Шумаков дал в издании Комиссии весьма ценный обзор материалов по истории Нижегородского края, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции, в фонде грамот Коллегии Экономии, а в 1913 г. Комиссия приступила к печатанию этих материалов, среди которых много нового о мордве края в XVI—XVII в.; в 1912 г. в той же серии материалов по истории Нижегородского края Комиссия начала издание „книг платежных" по уездам Нижегородского края XVII в., в которых имеем исключительной ценности официальные данные о владениях и промыслах мордвы Нижегородского края, ее задолженности казне и проч. Комиссия успела опубликовать платежные книги за 1629, 1645, 1646, 1648 и 1668 гг.

Меньшее внимание истории мордвы края уделила Саратовская ученая архивная комиссия. В ее изданиях можно отметить лишь напечатанные В. и Г. Холмогоровыми и А. Н. Минхом (1908) интересные земельные дела XVIII в. мордвы Петровского уезда. А. Н. Минх, повидимому, интересовался историей мордвы края и еще ранее того в одной своей работе 1892 г. дал краткие исторические сведения о ходе мордовской колонизации в Саратовской губернии.

Наряду с учеными архивными комиссиями Общество Археологии, Истории и Этнографии выполняло в эти годы для Казанского края те же функции. В его „Известиях" 90-х и следующих годов находим публикации новых документов о мордве XVII—XVIII в. Пензенской губ. (XI, 1893; XIV), отчасти заимствованных из архива Спасского Краснослободского монастыря; обзор данных о мордве писцовой книги Свияжского уезда 1565 г. (XII, 1895), которая позже (1909) была напечатана, и некоторые другие материалы и исследования.

Часть новых документов, опубликованных архивными комиссиями, уже была использована И. Н. Смирновым в его историко-этнографическом очерке мордвы, который начал печататься в „Известиях Общества Археологии, Истории, и Этнографии" в 1892 г. Очерк И. Н. Смирнова начинается „очерком истории", в котором использованы как повествовательные (летописи), так документальные источники, опубликованные к тому времени не только в изданиях центральных научных учреждений, но отчасти

в местных. Являясь значительным шагом вперед по сравнению с работой П. И. Мельникова, поскольку автор более широко ставил свою задачу и имел в своем распоряжении больший материал, работа И. Н. Смирнова остается единственным пока историческим очерком мордвы, основанным на весьма тщательном изучении исторических источников, использованных, конечно, лишь отчасти, так как автор не задавался целью разыскания новых материалов. Число же последних, опубликованных в последние десятилетия, весьма велико; в свете этих новых данных является настоятельная потребность в новом пересмотре исторических данных о мордве, чего, однако, пока не сделано.

После Революции интерес к мордве весьма усилился, о чем свидетельствуют те работы, которые производятся в ученых обществах и музеях Казани, Саратова и Тамбова. Но уклон этих работ преимущественно этнографический. О важности изучения истории мордвы в эти годы раздался авторитетный голос П. Г. Любомирова, выступившего в мае 1921 г. в заседании Саратовского Общества Истории, Археологии и Этнографии с докладом на эту тему. Этот призыв не остался без последствий: при местном Университете образована специальная кафедра по изучению мордвы; ее занимает А. А. Гераклитов. Уже в своей „Истории Саратовского края в XVI—XVIII вв.“ (1923) А. А. Гераклитов остановился на обзоре содержания документов, которые имеют отношение к появлению мордвы в Саратовском крае. К истории мордовской колонизации в том же крае автор вернулся к другой своей работе (1926), где, помимо печатных, использованы им многие рукописные документы Саратовского исторического архива и б. Московского Архива Министерства Юстиции.

Возникшее в 1920 г. Общество истории, археологии и этнографии Тамбовского края, с 1923 г. переименованное в Общество изучения природы и культуры местного края, продолжало работу Тамбовских историков по изучению прошлого Тамбовского края. Из прочитанных в Обществе докладов некоторые имели ближайшее отношение к истории финнов и, в частности, мордвы (П. Н. Черменского „Древнейшая этнография Тамбовского края“, И. Г. Остроумова „Камская чудь, как один из центров доисторической культуры“, И. М. Катаева „Культурное состояние жителей Приокского района в начале русской истории“ и др.). Общество, между прочим, выработало и разослало по

низовым краеведческим ячейкам программу по изучению истории, этнографии и быта населения края, в объяснительной записке к ней, составленной П. Н. Черменским, в связи с изучением местных названий, речь идет также о финской (мордовской) колонизации края. К сожалению, издательская деятельность Общества носит весьма скромные размеры (вышло два № „Известий"). Секретарь Общества П. Н. Черменский в своей недавней работе (1926) дал весьма ценную историю заселения Тамбовского края, где коснулся также истории мордвы.

Разным образом, и в Казани кое-что сделано в эти годы по изучеиию истории мордвы Татреспублики. В изданных Бюро Краеведения при Академическом центре Татнаркомпроса „Материалах по изучению Татарстана" (1925) М. Е. Евсевьев напечатал, напр., очерк о мордве, в котором для истории мордвы края использована едва ли не впервые писцовая книга Свияжского уезда 7073—7075 гг., изданная еще в 1909 г. Церковно-Историческим Обществом Казанской епархии.

Черемисы.

Уже писатели XVIII в. дают нам некоторые сведения о прошлом черемис: так, Рычков (1762), в 4-й главе „Оренбургской топографии", вслед за Татищевым, сообщает краткую историю их; позже (1767) тот же автор привел в извлечениях известия о черемисах „Казанского Летописца" XVI в. Эти последние наряду с упомянутыми ранее изданиями летописей конца XVIII в. послужили основными источниками для Карамзина, который в разных частях своей „Истории Государства Российского" касается отдельных моментов прошлого черемис. Для истории их в XVI—XVII вв. новые материалы были даны в ранних изданиях Археографической Комиссии (особенно, в „Актах Исторических"); столь же ценным источником явились „Сказания князя Курбского", изданные в 1844 г. Н. Г. Устряловым.

Материалы, упомянутые выше, были использованы в значительной степени А. Артемьевым, первым историком XIX в., давшим в 1848 г. связный очерк прошлого черемис; автор выясняет вопрос о происхождении их, расселении, столкновениях с русскими и войнах XVI в.

Авторы, интересовавшиеся прошлым черемис в последующие годы, до появления труда И. Н. Смирнова (1889), или

касаются ранней их истории, или затрагивают их историю в связи с выяснением истории края или данного района, или, наконец, выясняют историю распространения среди черемис православия. Наиболее ранними по времени являются заметки и статьи, относящиеся к третьей группе, причем авторы статей о распространении среди черемис православия касаются преимущественно отдельных эпизодов или моментов; такой характер носит, напр., опубликованная в 1857 г. выписка из дневника свящ. Александра Покровского, отправленного в 1829 г. к черемисам Уржумского уезда. Краткий очерк миссионерского дела, между прочим, у черемис XVIII в. дал в 1867 г. С. В. Ешевский; в работе же А. Можаровского (1880 г.) та же тема взята в большем масштабе, и ход миссионерского дела по просвещению, между прочим, черемис изложен за время с 1552 г. по 1867 г.

В очерках, посвященных истории расселения русского племени в отдельных местностях, находим также обработку данных источников, относящихся к черемисам того или иного края. Такой характер имеют, напр., очерки А. Пупарева (1857) и Е. Сильвестрова (1861) о расселении русских в б. Царевококшайском уезде, С. Кузнецова (1874) в Черемисском Малмыже, П. Мышкина (1880) в Уржумском уезде, Р. Игнатьева (1881) в Елабужском уезде и др. Выяснение влияния монастырей на расселение народное, в частности, среди черемис Казанского края, находим в работах С. Нурминского (1864). Исторические и этнографические сведения о нагорных черемисах уездов Васильевского, Нижегородского и Козьмодемьянского дал И. Яблонский (1865).

Едва ли не большее внимание, однако, привлек один вопрос из первоначальной истории черемис, именно, об их отношении к летописной мере. Выше приходилось уже указывать существующие по этому вопросу мнения (см. работы М. Диева (1861), Д. Корсакова (1872), В. Самарянова (1876); доклады И. Износкова и Т. Семенова, прочитанные в 1887 г., и др.).

Как результат организованной историко-филологическим факультетом Казанского Университета весной 1888 г. экспедиции для исследования черемис Казанской, Нижегородской, Вятской, Костромской и Уфимской губ. и собирания предметов их быта появился историко-этнографический очерк о черемисах И. Н. Смирнова (1889). Глава первая очерка посвящена истории черемисской народности, которая делится автором на три

периода: до-татарский, эпохи подчинения татарам и времени пребывания черемис под русским владычеством. Помимо летописей и актов, автором использована известная ему печатная литература. Для истории первого периода им тщательно изучены местные названия, которые позволили ему установить пределы расселения черемис и путь, по которому произошла колонизация черемисской земли. История черемис в XVI—XVII вв. излагается автором преимущественно по данным, имеющимся в известных трудах Фирсова. Не представляя в этой части чего-либо самостоятельного, труд И. Н. Смирнова все же является до настоящего времени единственным хорошим историческим очерком о черемисах, в котором научно использован известный до того печатный материал.

В 90-ые годы XIX в., в сущности, продолжалось накопление новых материалов по истории черемис и отдельные попытки лучшего истолкования старых. Богатый источник для их прошлого — рассказы иностранцев-путешественников по Московскому государству XVI—XVII в. в большей части уже был использован до этого, но разбросанность этих рассказов побудила А. С. Верещагина (1893) дать сводку имеющихся у некоторых путешественников известий о черемисах и вотяках. В. К. Магницкий, много работавший по изучению прошлого чувашей, в весьма ценной работе о присурских чувашах, черемисах и мордве, пришел в эти же годы к заключению, что под именем „черемиса“ до первой ревизии (1718—1722) в актах будто бы разумелись присурские чуваши; в приложении к статье он напечатал некоторые документы о владениях черемис Ядринского уезда в XVII в.

В 1900-ые годы появилось большое количество новых изданий документов, относящихся к прошлому Вятского и Нижегородского края и касающихся также живших там черемис. В опубликованных Вятской ученой архивной комиссией „Грамотах и актах Вятского Успенского Трифонова монастыря“ (1906 — 1908) находим немало документов, имеющих отношение к черемисам Вятского края; о последствиях для того же края черемисских войн XVI в. весьма красноречиво говорит напечатанная той же Комиссией (1906) дозорная книга 1615 г. кн. Ф. А. Звенигородского по Хлынову; в изданиях той же Комиссии (1906) напечатан также обзор писцовой книги XVII в. (1646 г.) по Уржумскому уезду, населенному черемисами, и акты

Уржумского Спасского Цепочкина монастыря 1645—1696 гг., имевшего оживленные сношения с черемисами; весьма много нового дала та же Комиссия для истории черемис Малмыжского (1907, 1915, 1916) и Яранского уездов XVII в. (1910).

Ценные данные о владениях и промыслах черемис Ядринских, Чебоксарских, Курмышских, Козьмодемьянских и др. в XVII в. опубликовала Нижегородская ученая архивная комиссия (1912—1915); платежные книги, в которых находим эти сведения, заключают в себе новые данные по истории податного обложения черемис тех же уездов.

К сожалению, научная разработка этих новых материалов еще впереди. Попрежнему внимание исследователей останавливалось на истории черемис тех или иных уездов (такой характер, например, имеют работы С. Шубина и М. Худякова, изучающих прошлое Малмыжского края) или на отдельных моментах их прошлого, например, принятии ими христианства.

История христианского просвещения черемис впервые была составлена Сырневым, студентом Казанской Духовной Академии; материалом для его работы служили, главным образом, документы Вятской Духовной Консистории за XVIII в., но его труд остался в рукописи. Между тем, печатная литература по данному вопросу чрезвычайно скудна. Кой-какие сведения о крещении черемис находим, как уже отмечено, у Можаровского; позже касался той же темы Луппов. Ряд ценных сведений о просвещении христианством Уфимских черемис и мордвы дал С. Матвеев (1910), но все же в истории просвещения черемис был несомненный пробел. Его лишь отчасти заполнила работа Н. В. Никольского, опубликовавшего в 1914 году материалы о христианском просвещении черемис в XIX в., извлеченные из архива Св. Синода и архива попечителя Казанского учебного округа.

Карелы.

Исторические сведения о лопарях и карелах до XV в. отличаются очень скудным содержанием. Летописи лишь изредка говорят о „мурманах и каянах“, несколько большее внимание они уделяют карелам, но данные эти имеют весьма отрывочный характер.

Первый научный опыт использования исторических источников о карелах и лопарях был сделан акад. Шегреном в его

известной работе по истории колонизации Заволочья (1832). Несколько страниц этого прекрасного труда посвящены первоначальной истории лопи и карел, поскольку о них говорят русские летописи и акты. Соображения и догадки Шегрена до сих пор не утратили своего значения.

Кроме работы Шегрена, необходимо вспомнить здесь также появившуюся позже (1844) работу Кастрена, в которой, между прочим, на основании данных летописей и актов, он выяснил границы былого распространения карел до нижнего течения Сев. Двины.

К сожалению, обе упомянутых работы остались, повидимому, неизвестны местным Олонецким историкам, статьи которых появлялись в „Олонецких Губернских Ведомостях", начавших выходить в 1838 г. В первые годы их существования на страницах „Ведомостей" печатались преимущественно акты, относящиеся к истории Олонецкого края; среди них имеются документы, непосредственно относящиеся к истории Олонецких карел (см., напр., „Олон. Губ. Вед." 1867 г. № 17: льготная грамота 1665 г. карелам, явившимся в Олонецкий уезд из-за Польского рубежа). Позже весьма большая часть опубликованных в „Ведомостях" актов, а равно и напечатанных в других изданиях, была перепечатана в третьем выпуске „Олонецкого Сборника" (1894), издававшегося Олонецким Статистическим Комитетом.

Олонецкому Статистическому Комитету принадлежит вообще большая заслуга в пробуждении интереса к прошлому края и его населения. В издававшихся Комитетом с 1856 по 1869 год „Памятных Книжках" и с 1870 г. „Олонецком Сборнике" (вв. 1—4, 1870, 1886, 1894 и 1902 гг.) напечатано немало работ, касающихся прямо или косвенно истории Олонецких карел. Тем же Комитетом изданы и другие работы (например, указатели к „Губернским Ведомостям" К. Петрова), весьма полезные для той же цели. Фактическими руководителями работ Комитета во второй половине XIX—XX вв. были: известный П. Н. Рыбников, А. И. Иванов и И. И. Благовещенский.

Со второй половины XIX в. в „Олонецких Губернских Ведомостях" начинают появляться работы, посвященные истории карел Олонецкой губернии; многие из этих работ были позже перепечатаны в упомянутом уже третьем выпуске „Олонецкого Сборника" (1894). Самой ранней среди них является работа

А. Ласточкина (1853), в которой он, на основании летописей и отчасти актов, дал исторический очерк карел до XV в. Эта статья не раз была использована местными историками. Из более поздних статей с историческими сведениями не позднее XV в. должны быть отмечены ценные и для историка, напечатанные там же, работы А. И. Иванова (1863) о Повенецких карелах, К. Петрова об Олонецких карелах (1867), М. Н. Смирнова (1872), А. Я. Колясникова (1877), П. Минорского (1879), Е. Прилежаева (1887) и др. В одной из работ Е. М. Прилежаева по истории города Олонца (1891) напечатана любопытная записка мещанина гор. Олонца Ивана Кондратьева, представленная им архиепископу Олонецкому Игнатию, в которой он делает едва ли не первый принадлежащий местным историкам опыт филологического объяснения карельских наименований селений, озер и рек Олонецкого края, делая одновременно экскурсы в историю края.

Довольно долго основным источником для первоначальной истории как карел, так и лопарей, были летописи и немногие акты. Указанием на новые документы XV в., весьма важные для истории обоих народностей, мы обязаны В. О. Ключевскому; в своей работе (1867—68) „Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря“ он обратил внимание на Соловецкие акты XV в., в которых упоминаются „лопь“ и „карельские дети“. К сожалению, тексты грамот XV в., в которых встречаются эти упоминания, до сих пор, в большей своей части, не были изданы, и о них нам известно лишь по тем выдержкам, которые впервые были приведены и подвергнуты научной обработке (впрочем, далеко неполной) в упомянутой работе В. О. Ключевского и отчасти дополнены тем же автором в другой его работе 1892 г. В вышедшей на-днях книге А. А. Савича находим некоторые дополнительные данные из тех же документов, что, конечно, нисколько не заменяет издания Соловецких документов XV в., которое подготовляет Постоянная Историко-Археографическая Комиссия Академии Наук. Древнейшие упоминания документов о „лопи“ и „карельских детях“, живших во владениях Соловецкого монастыря по берегам Белого моря, вызвали в 1913 г. ряд случайных замечаний М. А. Островской в ее работе о земельном быте сельского населения Русского Севера XVI—XVIII вв.

Соловецкий монастырь был не первым, который начал свою деятельность среди карел и лопарей. Историки края называют

еще три монастыря, действовавшие среди местного населения: Палеостровский, Муромский и Челмогорский. Драгоценные документы первого из них, с конца XIV в., напечатал в 1868 г. Е. В. Барсов, в эти годы посвятивший несколько работ истории Олонецкого края. „Безошибочное определение" времени основания монастыря еще в XII в., предложенное Е. В. Барсовым, должно быть, конечно, отвергнуто и, судя по всем данным, передвинуто ко второй половине XIV в. Среди опубликованных тем же автором документов имеется исключительной ценности Челмужская ободная 1375 г., в которой в качестве контрагентов выступают, между прочим, „староста Вымоченского погоста Артемий, прозвищем Оря, со всем племенем".

Деятельность другого монастыря края, Муромского, основанного преп. Лазарем, давно уже привлекала к себе внимание историков (см., например, Шегрена), в виду сохранившейся так называемой духовной Лазаря, напечатанной у Амвросия в „Истории Российской Иерархии" (1813); эту духовную некоторые, на основании упоминаемых в документе годов 1182—1191, датировали XII в., другие же предпочитали считаться при определении времени его с встречающимися в той же духовной именами Новгородских иерархов Василия и Моисея и правильно относили ее к XIV в. Этот памятник дает, действительно, любопытные подробности постепенного освоения новгородцами во 2-ой половине XIV в. края, занятого „лопарями и чудью, страшивыми сыроядцами". Изучением с этой точки зрения духовной и истории монастыря занимались К. М. Петров (1886) и К. Докучаев-Басков (1886).

Внимание К. Докучаева-Баскова привлек (1889) и третий монастырь края — Челмогорский или Челменский. Об основателе монастыря, преп. Кирилле, сохранилось весьма редко попадающееся житие, о котором В. О. Ключевский (1871) писал, как о памятнике любопытном для истории христианской проповеди среди местной чуди в XIV в. Напечатавший текст жития К. Докучаев-Басков, посвятивший истории монастыря исследование, справедливо возражает против характеристики В. О. Ключевского, так как житие, действительно, очень бедно какими-либо фактами, любопытными для истории края.

Оживленная промышленная деятельность, которая развивалась в Обонежском крае в XV в. и в которой приняли участие

также Новгородские монастыри (Юрьев, Хутынский, Вяжицкий и др.) и частные лица оставила после себя некоторые документы (ср. „А. Ю. Б.“ II, №№ 149, III—V, III, № 272; Барсов, Палеостров, стр. 126—128), изучением которых занимался И. Д. Беляев (1864), напечатавший еще один документ XV в. — „данную скотников и помужников Толвуйской земли“ Палеостровскому монастырю на земли на островах Пальем, Кобыльем, Игрицком и др.

Кроме упомянутых выше работ, истории карел до XV в. включительно посвящено несколько страниц в известной работе П. С. Ефименко (1869) о „Заволоцкой чуди“, в которой он, вслед за Шегреном, Кастреном и Европеусом, занимается, между прочим, изучением карельских наименований местностей Архангельской губ. и вместе с Европеусом указывает на незначительность карельских поселений на восток от реки Онеги. Историей Архангельских карел, преимущественно живущих в Кемском уезде, по данным летописным, ранее П. Ефименко интересовались Богуслав (1847), В. Верещагин (1849), М. Заринский (1852), П. Чубинский (1865); позже писал о них, преимущественно с этнографической точки зрения, Н. Камкин (1880). Кой-какие исторические сведения об Архангельских карелах находим также в выпуске 3-м „Краткого исторического описания приходов и церквей Архангельской епархии“ (1896) и труде А. П. Энгельгардта (1897). Исторический очерк о карелах Архангельских до XV в. включительно дал затем Н. А. Голубцов (1908); очерк представляет краткий пересказ летописных известий о карелах.

Общим историческим очерком, посвященным истории карел раннего периода, являются также труды Е. К. Огородникова (1869 и 1877 гг.); в своей работе „Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по книге Большого Чертежа“ Огородников подверг новому пересмотру как летописные и документальные известия о них, так и накопившуюся к тому времени историческую литературу.

Выше уже приходилось говорить о том, что известия летописей и актов о карелах тянутся до XV в., когда упоминания о них, как об отдельной народности, надолго исчезают, появляясь вновь лишь в XVII в., в связи с вопросом о переходе шведских карел за пределы пограничной черты. Источники конца XV—XVI вв. (писцовые книги Водской и Обонежской пятин) рассма-

тривают карел, как население, смешавшееся с русским и утерявшее свои племенные отличия.

Изучение второго периода в истории карел, когда русские источники упоминают о них совместно с русским населением и даже совсем от него не отличают, в значительной степени связано с изданием основных источников по истории населения Водской и Обонежской пятин этого периода — писцовых книг XV—XVI вв. Ранние писцовые книги конца XV в. по Водской пятине, Карельской половине, были изданы Обществом Истории и Древностей Российских в 1851—1852 гг.; дополнением к ним служит напечатанный А. М. Гневушевым отрывок писцовой книги 1504—1505 гг. Последующие писцовые описания по Водской пятине по Карельской половине до сих пор не изданы. Значительно хуже обстоит дело с изданием писцовых книг Обонежской пятины. Том седьмой „Новгородских Писцовых Книг", издаваемых Постоянной Историко-Археографической Комиссией Академии Наук, в который должны войти древнейшие писцовые книги Обонежской пятины (отрывки писцовой книги 1496 г. и писцовая 1566 г.), по разным причинам, до сих пор не вышел, и мы имеем пока в печатном виде только один отрывок писцовой книги 1496 г., изданный А. М. Гневушевым, притом относящийся к Нагорной половине той же пятины, мало интересной с точки зрения изучения прошлого карельского населения. В виду такого положения с изданием текстов писцовых книг Водской и Обонежской пятин приходится пока довольствоваться теми данными этих книг за XVI в., которые приведены в известном труде К. А. Неволина „О пятинах и погостах Новгородских" (1853) и в труде Д. Я. Самоквасова „Архивный материал" (1905—1909). Отрывки из писцовых книг XVII в. по Обонежской пятине напечатаны в „Олонецких Губернских Ведомостях" 1849—1851 гг.

Равным образом, до сих пор остаются неописанными и неизданными делопроизводственные документы тех учреждений, которые на местах ведали населением двух названных пятин. К несчастью, от дел Новгородской приказной палаты за XVI в. сохранились лишь жалкие отрывки; за XVII в. тот же фонд сохранился не в лучшем состоянии: часть его, хранившаяся в б. Государственном Архиве в делах Тайного приказа, ныне издана Постоянной Историко-Археографической Комиссией Академии Наук в вышедшем в 1926 г. четвертом томе „Дел Тай-

ного приказа" и дает много интересных материалов для истории карельских перебещиков XVII в.; другие части того же фонда хранятся в нынешнем Московском Древлехранилище, в Постоянной Историко-Археографической Комиссии и Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук и до сих пор также не изданы. Другой архивный фонд — делопроизводство Олонецкой приказной избы за XVII в., в ведение которой в XVII в. отошла часть Обонежской пятины, хранится в той же Постоянной Историко-Археографической Комиссии, и только в последние годы приступлено к его описанию.

При таком положении дела с основными источниками по истории края, в котором жили в XVI—XVII вв. карелы, мы не можем указать работ, посвященных этой эпохе их жизни: здесь все сводится к отдельным и случайным заметкам, имеющим весьма небольшую научную ценность. Само собой разумеется, что в работах, посвященных истории Новгорода и его пятин в XVI—XVII вв., найдутся сведения, имеющие отношение и к нашим пятинам, но при указанном составе источников ни один из исследователей (если не считать случайных ссылок на Олонецкие акты у М. А. Островской) пока не пользовался рукописными материалами, в которых только и можно найти ценные данные для истории края в эту эпоху.

В XVII в. карелы вновь начинают упоминаться в русских источниках в связи с вопросом о выходцах из-за шведского рубежа, селившихся в уездах пограничных с Новгородским и Олонецким краем. Эта тема является предметом оживленной дипломатической переписки Московского правительства со Швецией уже вскоре после заключения Столбовского договора XVII в. В изданиях документов, посвященных истории наших сношений с Швецией в XVII в., в особенности за первую половину, найдется немало данных по этому вопросу. К ним необходимо присоединить указанное выше издание „Дела Тайного приказа" т. IV.

Исторические сведения о карельской колонизации XVII в. находим в словаре П. Семенова (1865), в труде А. Попова (1881), и др. Лучший исторический очерк ее, на основании архивных данных центральных архивов, представил Ю. В. Готье (1906).

Распространившаяся и на Тверской край, она в опубликованных Тверской ученой архивной комиссией материалах не нашла отражения.

Для истории Олонецких карел в XVII—XIX вв. имеют также значение те работы (С. Артоболевского (1904) и др.), которые посвящены деятельности таких архипастырей Олонецких, как Игнатий, Аркадий и др.; наряду с мерами по борьбе с расколом, весьма развитым в крае, они предпринимали также шаги к просвещению карел. Некоторые материалы по этому вопросу печатались также в „Олонецких Губ. Ведомостях" (напр., в 1887 г.). Историей православной церкви среди карел занимались И. Чистович (1856) и свящ. Л. Петров (1875).

История карел изучалась русскими историками XIX—XX вв. главным образом на основании русских источников. Между тем, имеется большое количество шведских и финских летописей и актов, относящихся к карелам. Ознакомление с ними и теми результатами их изучения, к которым пришли финские и шведские историки, поставил своей задачей В. П. Крохин, автор выходившей в 1907—1908 гг. „Истории карел", ценного пособия для лиц, незнакомых с финским и шведским языками.

В связи с финляндской политикой последних лет до войны 1914 г., в известных кругах был весьма большой интерес к прошлому тех карел, которые находились сначала под властью Швеции, а затем (после 1809 г.) перешли к Финляндии и жили, главным образом, в Выборгской губ. Отражением этого интереса появилась брошюра неизвестного автора „Православная Карелия" (1914), в исторической части составленная удовлетворительно.

В Олонецком крае, где живет теперь большая часть карел, незадолго до войны 1914 г. возникло Общество изучения Олонецкой губ., издававшее „Известия", в которых, однако, статьи исторического характера занимают второстепенное место. Слабая историческая продукция Общества отчасти объясняется тем, что исторические материалы, хранящиеся в местных архивах, относятся к XVIII—XIX вв.; все же, касающееся предшествующей эпохи, давно уже вывезено в центральные хранилища.

Возникшее уже в последние годы Общество изучения Карелии, повидимому, по той же причине уделяет мало внимания исследованиям по изучению прошлого края и одной из частей его населения — карелов.

В связи с повышением в последние годы общественного интереса к Карело-Мурманскому краю, появилось несколько ста-

тей, посвященных его истории; в большинстве своем эти статьи носят однако популярный характер.

В краеведческом общественно-экономическом журнале „Карело-Мурманский край", издаваемом уже пятый год Совнаркомом АКССР и Правлением Мурманской ж. д., печатаются иногда мелкие статьи, посвященные истории карелов (напр., в № 2 за настоящий год статья А. Ф. Нуортева „Проблемы карельского языка в национальной политике АКССР. Происхождение финнов-карел").

Лопари.

Уже в конце XVIII в. появились первые печатные материалы по истории русских лопарей: в „Подробном историческом описании Архангельской губ.", составленном по инициативе преосв. Архангелогородского Вениамина Краснопевкова и напечатанном в „Любопытном месяцеслове на лето от Р. Х. 1795", несколько страниц посвящено Печенгскому монастырю и его деятельности среди лопарей Кольского полуострова. В тексте статьи напечатана впервые жалованная грамота 1556 г. Печенгскому монастырю на морские промыслы в губах Мотоцкой, Печенгской, Урской и Лицкой и лопарей, живущих в погостах Печенгском и Мотоцком. Грамота эта в том же виде была перепечатана вскоре в „Истории Российской Иерархии" Амвросия (IV, 582—583), в тексте помещенного там исторического описания Печенгского монастыря, а затем издавалась неоднократно: в „Описании Архангельской губернии" Молчанова (1813) и во многих других трудах, посвященных преп. Трифону, основателю Печенгского монастыря, и самому монастырю. На основании напечатанного текста грамоты 1556 г. можно было думать, что уже в середине XVI в. лопари двух крупных административных районов края — погостов Печенгского и Мотоцкого — были переданы во владение монастыря, вместе со всеми промыслами в губах и реках Западного Мурмана. Факт этот довольно долго не вызывал сомнения и о нем рассказывалось в трудах, посвященных истории края и живших там лопарей.

В появившихся в первые годы XIX в. трудах акад. Озерецковского (1804) и особенно М. Рейнеке (1830) были даны первые очерки по истории Колы и Кольских лопарей.

Исключительным явлением в литературе этих лет, посвященной лопарям, был труд акад. Шегрена (1832), в котором

впервые была сделана попытка осветить первоначальную историю лопарей, между прочим, по данным исторических источников. Эта попытка была весьма слабо использована в последующей литературе, хотя в трудах П. С. Ефименко (1869) и Е. К. Огородникова (1877) находим дальнейшее развитие высказанных Шегреном взглядов.

Между тем, количество новых материалов, относящихся к прошлому лопарей, постепенно увеличивалось. Помимо документов, опубликованных в „Полном Собрании Законов" и относящихся к XVIII—XIX в., П. Бутков напечатал в 1837 г. древнейшие договоры русских с норвежцами и шведами XIV в. и в 1840 г. Тявзинский договор 1595 г.; в этих документах заключаются ценнейшие данные о древнейших поселениях лопарей. Позже Н. Г. Устряловым в „Сказаниях князя Курбского" (1844) был напечатан впервые текст рассказа Курбского о Феодорите, которого он считает просветителем лопарей. В 1859 г. в „Православном Собеседнике" появилось житие преп. Трифона, давшее много интересного для истории края в XVI в. Два последних источника, в связи с немногими летописными известиями и грамотами, напечатанными, главным образом, в изданиях Археографической Комиссии, довольно долго служили основными источниками для работ, посвященных отдельным вопросам, связанным с историей лопарей. Они давали материал прежде всего по истории распространения христианства среди лопарей трудами преп. Трифона и Феодорита.

Первой попыткой сопоставить данные по этому вопросу „Сказаний" Курбского, памятника XVI в., и жития преп. Трифона, памятника XVII—XVIII в., находим в работе П. Д. Шестакова (1868). Та же тема получила далее освещение в трудах В. Иконникова (1869), В. О. Ключевского (1871) и позже И. Яхонтова (1881). Как и прочие названные авторы, В. О. Ключевский занялся неблагодарной задачей связать известия двух разновременных и неодинаковых по ценности исторических источников. В своей более ранней работе о хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря (1868) Ключевский привел весьма ценные данные документов XV в. о поселениях лопарей в это время.

В 1869 г. начал печататься труд, посвященный „Подробному описанию Лопской земли"; автором его был Н. Дергачев, давший в нем сведения по истории Лапландии и лопарей; он

использовал для этого многие опубликованные исторические источники. На долгие годы работа Дергачева оставалась единственной, в которой была сделана попытка дать, между прочим, историю русских лопарей. При скудости источников и отсутствию критической обработки их от автора нельзя было требовать большего, чем то, что он дал в своем полезном „Описании", вышедшем отдельно в 1877 г. После труда Дергачева довольно долго появлялись лишь публикации отдельных документов, относящихся к прошлому русских лопарей: так, в 1877 г. А. Подвысоцкий сообщил интересные материалы о лопарях в XVIII в., в „Чтен. Моск. Общ. Ист. Древн." 1883 г. появились ценные документы о Терских, Понойских и др. лопарях XVI—XVII вв. и др. В эти же годы очерк по истории Мурмана и лопарей дал Г. Терентиев (1876); автор использовал для XVI в. известный тогда печатный материал, присоединив к нему отчасти рукописный (записки ген.-лейт. Ливена 1787 г., статистическое описание Кольского уезда 1781 г. и др.); статья его имеет значение до настоящего времени.

Равным образом, известное сочинение Фриса „Одно лето в Финмаркене, Русской Лапландии и Северной Карелии", вышедшее в Христиании в 1871 г., было изложено в части касающейся истории пограничного вопроса в работе А. Подвысоцкого (1877); в 1885 г. было частично переведено другое его сочинение „Klostret i Petschenga"; автор перевода Д. О. справедливо указал на то, что научный интерес работы Фриса не в его исторической части, но в сообщаемых им преданиях и легендах.

В 1883 г. был восстановлен на прежнем месте Печенгский монастырь. В связи с этим стоит появление в 80-х годах нескольких очерков, посвященных прошлой деятельности этого монастыря; впрочем, эти очерки не имеют научного значения.

В 1890 г. вышел труд Н. Н. Харузина „Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта". В своей исторической части, по сравнению с упомянутым выше трудом Дергачева, он явился шагом вперед в истории русских лопарей, поскольку автор ввел в научный оборот и напечатал в приложении к своему труду единственную сохранившуюся писцовую книгу Кольского уезда начала XVII в. (1608, 1609 и 1611 гг.) Алая Михалкова и дьяков Василия Мартемьянова и Ивана Кренева, дающую исключительной ценности документальный источник по истории русских лопарей XVI—XVII в. Сам Харузин весьма

слабо использовал данные этого источника, напечатанного им с пропуском тех Кольских волостей (Керецкой и Ковдской), где лопари в начале XVII в. являлись уже единичными поселенцами. Другим важным приложением к его труду является грамота 1697 г. по делу между лопарями и Печенгским монастырем о владениях, известная до того по отрывку, напечатанному А. Я. Ефименко; грамота дает много ценных сведений о положении Кольских лопарей в XVII в. и является важным источником для их истории; в тексте ее приведены многие другие документы, ныне утерянные. Труд Харузина до настоящего времени является основным пособием по истории русских лопарей, хотя многое в нем уже устарело и требует иного освещения.

В том же году акад. Я. К. Грот опубликовал в русском переводе интересный шведский документ о нападении шведов на Кольские волости в 1589 г. (а не в 1590 г., как это полагали исследователи, в том числе и Харузин), что подтверждено некоторыми русскими источниками, касавшимися того же события и опубликованными позже (см. тексты, напечатанные в 1894 г. А. Чумиковым, и известия „Нового Летописца“ в „Полн. Собр. Русск. Летоп.“, т. XIV, в. 1, стр. 44).

Количество новых материалов по истории лопарей весьма увеличилось после появления в 1893 г. „Датского Архива“ Ю. Н. Щербачева: в нем по материалам Датского Государственного Архива дана опись переписки между Данией и Москвой; как известно, вопрос о Лапландии и лопарях составлял основное содержание ее, в особенности со 2-й половины XVI в. В 1879 г. Археографическая Комиссия, под редакцией И. А. Бычкова, напечатала в XVI-м томе „Русской Исторической Библиотеки“ „Русские акты Копенгагенского архива“, а позже сам Ю. Н. Щербачев, в издании Общества Истории и Древностей Российских, приступил к опубликованию и остальных актов, вошедших в его опись, но не успел закончить эту работу.

Русское издание актов Копенгагенского архива, в которых вопросу о Лапландии и лопарях посвящено большое внимание, является весьма существенным дополнением к известному датскому изданию Laursen'a „Dansk-Norsk Tractater“ (тт. I—VII), мало известному, к сожалению, русским историкам.

Богатая содержанием дипломатическая переписка о Лапландии и лопарях, опубликованная Ю. Н. Щербачевым, Археографической Комиссией и Обществом Истории и Древностей Рос-

сийских, не дождалась еще своего исследователя ни в эти, ни в последующие годы, хотя изредка привлекала к себе внимание, например, в работе В. А. Кордта (1892), посвященной Тявзинскому договору, в статьях Г. В. Форстена о датской политике по отношению к Москве в XVII в., в работах А. М. Филиппова о Лапландии и лопарях, и др.

Весьма важным фактом в изучении истории лопарей явилось опубликование А. М. Филипповым в 1901 г., с его примечаниями, русского перевода отчета Симона Салингена, одного из датских комиссаров, неоднократно посещавших Кольский полуостров в XVI в. Хотя отчет давно уже был напечатан Бюшингом, но лишь с этого времени он вошел в научное обращение и был использован в ряде русских работ. Тот же А. М. Филиппов напечатал много статей о Лапландии и лопарях, чем весьма способствовал возбуждению интереса к их изучению.

Как и в предшествующие годы, в XX в. продолжали появляться как новые материалы, относящиеся к истории Лапландии и лопарей, так исследования о них, преимущественно по отдельным вопросам. В дополнение к материалам, напечатанным в 1877 г. А. Подвысоцким, в 1901 г. были опубликованы извлеченные из архангельских архивов весьма интересные документы об обстоятельствах заключения договора 1826 г. и установления новой государственной границы с Норвегией; из этих материалов видно, что Россия уступила в 1826 г. Норвегии большую территорию с живущими на ней лопарями, на которую у той едва ли имелись какие-либо права; в последующие годы эти материалы отчасти перепечатывались и неоднократно комментировались в работах местных историков (Г. Ф. Гебеля, Н. Голубцова, А. Каарана, К. Козмина и др.). Обстоятельства заключения договора 1826 г. все же остаются далеко не выясненными, так как дела б. Министерства Иностранных Дел, посвященные этому договору, до сих пор научно не изучены, хотя безуспешные попытки получить их для этой цели делались в последние годы.

В те же годы Е. Е. Голубинский вновь вернулся к истории распространения христианства у лопарей и деятельности Трифона и Феодорита, причем впервые высказал сомнения в подлинности той жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г., о которой упоминалось выше. Эти сомнения, в сущности, не коснулись писавшего в эти годы по северной русской агио-

графии А. Кононова (иеромонаха и впоследствии архимандрита Никодима), автора двух трудов, посвященных преп. Трифону. Повторяя все обычные рассказы о деятельности Трифона и с трудом увязывая ее с деятельностью другого просветителя края — Феодорита, автор опубликовал впервые текст „чудес преп. Трифона", имеющихся при его житии, опущенный в печатном издании жития, и перепечатал важную надпись на могиле Феодорита в Соловецком монастыре, устанавливающую год его смерти. Такой же обычный некритический подход к житию Трифона и его известиям проявляют и другие авторы, писавшие в эти годы о распространении христианства среди лопарей XVI в. (К. Козьмин, Н. Корольков и др.).

Весьма немногочисленные печатные документы по истории лопарей в XVIII в., опубликованные отчасти еще в XVIII в. М. Чулковым, в 1907 г. увеличились благодаря изданным Русским Историческим Обществом наказам лопарей в Комиссию 1767 г., дающим картину их жизни в это время. Для истории лопарей в XVIII в. немного позже (1910) А. Ф. Шидловский указал также некоторые архивные дела, хранившиеся в Архангельске, изучением которых пока никто не занимался.

В 1910 г. Н. Голубцов дал хороший исторический очерк гор. Колы и его уезда и в нем привел обзор данных источников о крае в XVI — XVII вв. Наконец, в 1913 г. А. В. Тищенко, в статье о Коле и Печенге XVI в., предложил едва ли не первый научно-исторический очерк края в XVI в., основанный преимущественно на печатных источниках.

В последние годы перед Революцией история Лапландии и лопарей интересовала преимущественно в связи с историей нашей границы с Норвегией. Впрочем, один из писавших на эту тему, Г. Ф. Гебель, является автором очерка „Наша Северо-Западная окраина — Лапландия", в исторической части которого использованы, помимо русских, иностранные источники (датские и шведские).

Весьма много статей по истории лопарей, появившихся в последние перед Революцией годы и отчасти указанных выше, напечатаны в выходивших с 1909 г. „Известиях Архангельского Общества изучения Русского Севера". В дополнение к отмеченным, необходимо указать опубликованную там же работу А. Н. Попова (1915), сообщившего две жалованных грамоты 1585 и 1605 гг. Терским лопарям и материалы о них

XVIII в. Эти документы тем более ценны, что по истории Восточной Лапландии и ее лопарей мы имеем пока очень мало данных.

Для истории недавнего прошлого Кольских лопарей имеет значение литература последних перед Революцией лет, посвященная восстановленному в 1883 г. Печенгскому монастырю (см., напр., статью Е. В. Гешина) и деятельности одного из его руководителей — архим. Ионафана, сумевшего при трудных природных условиях края создать на реке Печенге культурный оазис, имевший большое просветительное значение для местных лопарей. Эта роль покойного нашла живой отклик в повременной печати 1915 г. (статьи А. Григорьева, В. Мелетиева, С. У., К. Д. и др.), когда скончался этот замечательный русский деятель.

После Революции интерес к лопарям и их прошлому не уменьшался, и в момент заключения договора с Финляндией приобрел напряженный характер: повседневная печать занималась повторением общеизвестных фактов прошлого Мурмана и лопарей, особенно той части, на уступке которой настаивала Финляндия. Никаких новых документов в связи с этим в печати не появилось, но ряд работ был напечатан в эти годы.

В 1920 г. А. И. Андреев опубликовал свою работу „О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г.“, в которой, на основании печатных и архивных данных, подверг дипломатическому и историческому анализу этот важный источник для истории края и отчасти лопарей. В 1920 г. им же была напечатана статья: „К истории колонизации западной части Кольского полуострова в XVI в.“, в которой пересмотрено несколько вопросов, относящихся к истории края в XVI в. Наконец, в 1922 г. в очерках „Новгородская колонизация Севера“ и „Колонизация Севера в XVI — XVII вв.“, на основании печатных и архивных данных, А. И. Андреев старался дать картину заселения края в XV—XVII вв. Той же темой позже (1923) занялся акад. С. Ф. Платонов и дал небольшой очерк о начале русских поселений на Мурмане. В вышедшей на-днях работе А. А. Савича о Соловецком монастыре имеем новые данные о деятельности монастыря на Кольском полуострове в XVII в. В названных моих работах я пользовался, между прочим, грамотами Коллегии Экономии Кольского уезда, печатание которых во втором томе „Сборника грамот Коллегии Экономии“ ныне закончено, и весь том выйдет, вероятно, в начале 1928 г. Кроме

этих документов, дающих много новых данных для истории лопарей в XVI—XVIII вв., Постоянная Историко-Археографическая Комиссия Академии Наук СССР, издающая упомянутый „Сборник", в последний год вела работу по выявлению, описанию и подготовке к изданию документов по истории лопарей преимущественно Восточного Мурмана, для изучения прошлого которого сделано еще очень мало; собранные Комиссией материалы дадут, несомненно, много нового для истории Понойских и Терских лопарей и послужат источником для новых работ по изучению истории лопарского населения СССР.

Ингры, савакот, эврэмейсет и водь.

Западные финские племена: ижоры (ингры), савакот и эврэмейсет (финны ингерманландские) и водь, сохранившиеся в Ленинградской губернии, известны по русским историческим источникам, главным образом, по летописям, с давних пор: так, уже Новгородский „устав о мостех", приписываемый великому князю Ярославу (сконч. в 1054 г.), в числе областей Новгородских, упоминает „Вочкую", как справедливо отметил уже Карамзин, от имени народа „водь", а в летописном известии 1069 г. уже определенно говорится о „вожанах". От XIII в. начинают встречаться в летописях известия об ижоре. Основной источник этих известий — летописи уже в начале XIX в. были подвергнуты изучению. Так, А. Х. Лерберг, в исследовании об еми (1816), между прочим, остановился на происхождении названия води и сообщил некоторые исторические данные об этом племени как русских, так и иностранных источников. Летописные известия о том же племени были использованы впервые в их целом виде в „Истории Государства Российского" Карамзина. В те же годы (1822) появилась в русском переводе статья лютеранского пастора в Славянке Цетреуса „Нечто о вотландцах", имеющая скорее этнографический характер.

Эти случайные и отрывочные сведения о води в 1833 г. сменила классическая работа А. М. Шегрена „О финском населении Петербургской губернии и о происхождении названия Ингерманландия". В ней, помимо этнографической части, сделан также обзор исторических сведений шведских и русских источников о населении Ленинградской губернии. Кроме води, Шегрен остановился также на других финских племенах нашего края: савакот, эвремейсет и ижорах. Работа Шегрена явилась

основным трудом из того, что было написано в первой половине XIX в. по истории финского населения Ленинградской губернии, но она не утратила своего значения до настоящего времени.

Появившиеся в 30-х годах XIX в. работы П. Буткова весьма способствовали определению границ Водской пятины, в состав которой входила нынешняя Ленинградская губ. В ранней из этих работ „О состоянии местностей С.-Петербурга в XVI в." (1836) он коснулся также того населения, которое жило в крае в этом веке, использовав, между прочим, данные писцовых книг XVI в.

В 1838 г., вероятно, тем же П. Бутковым было издано сочинение преосвященного Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важского, составленное им в 1701 г. и посвященное описанию трех путей из России в Швецию; сочинение это было переиздано в 1908 г. в работе В. Верюжского. В сочинении Афанасия имеются любопытные подробности о нашем крае в начале XVIII в. и отчасти о населении края.

В конце 30-х годов начались поездки в Швецию проф. Александровского Университета С. В. Соловьева. В результате их собрание Археографической Комиссии обогатилось весьма ценными документами, в частности, по истории нашего края. Некоторые из них были напечатаны в эти же годы в изданиях Комиссии; опись же (неполная) коллекции Соловьева, поступившей в ту же Комиссию, составленная М. Г. Курдюмовым, вышла уже в наши дни (1923).

В 1851 г. академик П. И. Кеппен, работая над этнографической картой, опубликовал специальное историческое исследование о води и Вотской пятине, которое до настоящего времени является основным трудом по истории этого племени. С исключительной тщательностью П. И. Кеппен дал в нем критический обзор известий русских и иностранных источников о крае и его населении с XI по XVIII век включительно. Позже (1861) эта работа вошла в состав „Хронологического указателя материалов для истории инородцев Европейской России" того же автора. В том же „Указателе" приведен перечень известий об ижорах за XII—XVIII вв.

В 1851—1852 гг. И. Д. Беляевым был издан основной источник по истории Вотской пятины конца XV в. — именно писцовая книга 1499—1500 г.; известия ее были использованы тем же Беляевым в его работе „О географических сведениях

в древней России". Весьма существенными для истории края в XVI в. явились те данные о писцовых книгах по Вотской пятине XVI в., которые были сообщены в следующем (1853) году К. А. Неволиным в его известной работе „О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке". Выше уже приходилось говорить о том, что этот основной источник по истории края в XVI в., писцовые книги, к сожалению, до сих пор не издан. Напечатанная А. М. Гневушевым (1917) писцовая книга Вотской пятины 1540—1541 г., к сожалению, не была окончена печатанием, но и в том, что имеем, находим драгоценные данные по истории интересующих нас племен.

В 1853 г. появилась работа Я. К. Грота „Известия о Петербургском крае до завоевания его Петром Великим", основанная, главным образом, на шведских сочинениях: „Neva och Nyenskans intill St. Petersburgs anläggning", af A. I. Hipping, „Gezelli den yngres mennë", af I. I. Tengstrom и „Berältelser ur Svenska Historien", af A. Fryxell. Статья Грота давала впервые сведения по истории населения края в XVII в., когда он, на основании Столбовского договора 1617 г., перешел к Швеции.

Для истории края и его населения в XVII в. шведские архивы, несомненно, должны были дать много ценных материалов. О некоторых из них сообщает появившийся в 1860 г. отчет Дерптского проф. К. Ширрена. В отчете упомянуты неизданные документы, касающиеся истории Ингрии до Петра Великого. Основываясь на донесении Ширрена, Археографическая Комиссия, по инициативе акад. А. А. Куника и под его редакцией, приступила в 1859 году к изданию „Писцовых книг Ижорской земли"; в двух вышедших выпусках их находится описание на шведском языке местностей нынешней Ленинградской губ., сделанное шведским правительством в 1618—1623 гг. (города Копорье, Ям и Ивангород с погостами). В предисловии к обоим выпускам указаны также другие материалы шведских архивов, относящиеся к истории края в конце XVI—XVII вв.

Редактирование „Писцовых книг Ижорской земли" является не единственным трудом А. А. Куника, вложенным в историю нашего края и его населения. Находясь в оживленных сношениях, между прочим, с учеными, занимавшимися историей прибалтийских стран, он сделал весьма много для издания трудов одного из них — исследователя финляндской старины — упомянутого уже Гиппинга.

Обзор научных работ Гиппинга по истории Ингерманландии и в особенности по истории города Ниена дан акад. А. С. Лаппо-Данилевским в предисловии к русскому изданию основного труда Гиппинга „Нева и Ниеншанц“ (ч. I, 1909).

Означенный труд является исправленным и дополненным переводом шведского труда Гиппинга, вышедшего еще в 1836 г., представлявшего обзор ижорской истории; в последующие годы он написал еще несколько работ на ту же тему; в 1853 г., по совету Куника, Гиппинг перевел на русский язык упомянутый труд и представил его на Демидовский конкурс. В отзыве Куника (1853) отмечено, что труд Гиппинга далеко не удовлетворяет требованиям современной критики, требует дополнений особенно по русским источникам, но он все же является первым трудом, где история края изложена довольно полно.

Печатание труда Гиппинга, начатое Куником, весьма затянулось и было окончено только в 1909 г., когда он вышел со вступительной статьей акад. А. С. Лаппо-Данилевского. Хотя к тому времени сочинение Гиппинга, несомненно, устарело, но было выпущено в свет Академией Наук в виду того, что все же представляло некоторый интерес для истории науки и содержит несколько полезных указаний относительно предмета, еще мало разработанного в русской исторической литературу, несмотря на полстолетия, прошедших со времени написания труда.

Несколько позже (1913) Академия Наук выпустила собрание карт и планов, составленное Гиппингом и дополненное Куником. Продолжением этого собрания является изданное Н. Цыловым еще в 1853 г. собрание „планов С.-Петербурга“.

Весьма важным для истории края и его населения является также изданный Академией Наук „Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца“, составленный тем же Гиппингом, дополненный Куником и вышедший в 1916 г. под редакцией и с предварительной земеткой А. С. Лаппо-Данилевского. В сборник вошли преимущественно документы из б. архива Выборгского магистрата, а также некоторых других архивов. Не отличаясь полнотой и уступая по качеству издания документам, напечатанным в приложении к труду Бонсдорфа „Nyen och Nyenskans“ (1891), сборник все же является полезным и необходимым дополнением к названным выше изданиям; многие

напечатанные в нем грамоты XVII в. сообщают важные данные по истории населения Ингерманландии в XVII в.

С содержанием упомянутого труда Бонсдорфа познакомила русского читателя рецензия Г. В. Форстена (1892). К сожалению, работа Бонсдорфа, как и упоминаемые далее труды Оландера, не были переведены на русский язык; и богатое содержание шведских архивов по истории нашего края остается почти неизвестным русским историкам; сведения о некоторых материалах этих архивов давал в 90-ые годы К. Якубов.

Одна из грамот, напечатанных в сборнике Гиппинга — именно, грамота 1685 г. о притеснениях православных в Ингрии и Карелии в XVII в., привлекла позже внимание автора этих строк. Интереснейшие данные этого документа о положении населения края были мною дополнены на основании русских архивных источников, а также на основании сообщений шведского историка Оландера, автора двух монографий об Ингерманландии в XVII в.; документы шведских архивов, которыми пользовался Оландер, представляют несомненный интерес для истории ингров, савакот и эврэмейсет в XVII в.; дополнением к ним являются те данные, которые удалось сообщить мне. Приложением к этой моей работе (1926) является сообщение о том же населении в конце XVII в., найденное мною в сборнике XVIII в., приобретенном недавно Постоянной Историко-Археографической Комиссией Академии Наук и напечатанное в одном из академических изданий (1927).

В последние годы финское население нашего края стало предметом внимания двух обществ, действующих в Ленинграде: Ленинградского Общества исследователей культуры финноугорских народностей и Ленинградского Общества изучения местного края. Первое из них, кроме двух полезных брошюр: „Начальная задача финна-краеведа“, составленной В. А. Егоровым, и „Программы этнографического описания“, выпустило также очерк Н. Н. Поппе и Г. А. Старцева „Финноугорские народы“. Другое общество, возникшее в 1925 г., издало на-днях, при содействии Ленинградского Губисполкома, сборник статей, посвященных изучению, между прочим, финского населения края; кроме работ по этнографии и антропологии, для истории финского населения может иметь значение напечатанная в сборнике статья С. В. Рождественского.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ ФИННОУГРОВ СССР.

Угры, вогулы и остяки.

Абрамов, Н. А. О введении христианства у Березовских остяков. „Журн. Мин. Нар. Просв." LXXII, 1851 г.

—— Проповедь евангелия Сибирским вогулам. Ibid. LXXXIII, 1854 г.

—— Описание Березовского края. „Зап. Русск. Геогр. О-ва" XII, 1857 г.

Акты времени правления царя Василия Шуйского. Собр. и редактировал А. М. Гневушев. М., 1914 г.

Андриевич, В. К. История Сибири. Ч. I—II. СПб., 1889 г.

Анучин, Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. М., 1890 г. („Тр. Моск. Археол. О-ва" XIV).

Барсов, Н. П. Очерки русской исторической географии. Изд. 2. Варш., 1885 г.

Бахрушин, С. В. Рецензия на книгу В. И. Огородникова „Очерки истории Сибири". „Дела и Дни" № 1, 1920 г.

—— Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. „Очерки по истории колонизации Севера и Сибири". Вып. 2. Пгр., 1922 г.

Беляев, И. Д. О географич. сведениях в древней России (до XVI в.). „Зап. Русск. Геогр. О-ва" VI, 1852 г.

Берх, В. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821 г.

Буцинский, П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889 г.

—— Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан. Харьков, 1891 г.

—— Сибирские архиепископы Макарий, Нектарий, Герасим (1625—1650 гг.). Харьков, 1891 г.

—— К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. Харьков, 1893 г. (Оттиск из „Зап. Харьк. Унив.", вып. 11, 1893 г.).

—— Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков, 1893 г.

Б(ушен), А. Опыт исследования о древней Югре. „Вестн. Русск. Геогр. О-ва" IV, 1855 г.

В(ерещаги)н, А. Игумен Иов Тукмачев и М. Е. Финицкий, просветители Чердынских вогуличей. „Тр. Вятск. учен. арх. ком." 1905 г., вып. 1.

—— О походе вятчан на Югру в 1499 г. Ibid., 1908 г., вып. 1.

Голубцов, В. Князья Великопермские, Пермские и Вымские 1463—1641 гг. „Тр. Пермск. уч. арх. ком." I, 1892 г.

Гофман, Э. К. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой, т. II, СПб., 1856 г.

Дмитриев, А. А. Новое сочинение Альквиста о вогулах. „Сб. Пермск. Земства" 1884 г.

—— Верхотурский север по исследованию последней экспедиции 1884—85 гг. Ibid. 1887 г.

Дмитриев, А. А. Новое исследование о Верхотурском севере Н. Кузнецова 1887 г. Ibid. 1888 г. № 18.

—— Пермская старина. Вып. I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь, 1889 г.; вып. IV. Строгановы и Ермак. Пермь, 1892 г.; вып. V. Покорение Угорских земель и Сибири. Пермь, 1891 г.; вып. VII. Верхотурский край в XVII в. Пермь, 1897 г.

—— Критические заметки по истории Перми Великой XVI в. „Тр. Пермск. учен. арх. ком." II, 1893 г.

Европеус, Д. К вопросу о народах, обитавших в северной и средней России до славян. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1868 г., III.

—— Об Угорском народе. СПб., 1874 г.

Житие Трифона Вятского. Издано П. Д. Шестаковым. Казань, 1868 г.; то же, Вятка, 1881 г.; то же в „Тр. Пермск. учен. арх. ком." IX, 1905 г.; то же в „Тр. Вятск. учен. арх. ком." 1912 г., вып. 1—2.

Золотов, Е. Д. Материалы для первоначальной истории г. Кунгура и его уезда. „Тр. Пермск. учен. арх. ком." II, 1893 г.

Ключевский, В. Жития святых, как исторический источник. М., 1871 г.

Кунгурские писцовые книги писца Кайсарова, изд. В. Шишонко, 1872 г. то же — Шишонко, В. Пермск. Летопись, II, 1882 г.

Лерберг, А. Х. О географическом положении и истории Югорской земли, в „Исслед., служащих к объяснению древне-русской истории". СПб., 1819 г.

Летопись Сибирская, изд. с рукоп. XVII в. Гр. Спасским. СПб., 1821 г.

Сибирская летопись Саввы Есипова. Изд. Г. И. Спасским. „Сибирск. Вестн." 1824 г., ч. I, и отд. СПб., 1824 г.

Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись. СПб., 1880 г.

Сибирский летописец. С предисл. Е. К. Кузнецова. Тобольск, 1892 г.

Сибирские летописи. Изд. Археогр. Ком. СПб., 1907 г.

Луканин, А. Церковно-историческое и археологическое описание города Соликамска. „Пермск. Епарх. Вед." 1882 г., и отд.

Майков, Л. Н. О трудах Гр. Новицкого. „Изв. Русск. Геогр. О-ва" XI, 1875 г.

Майнов, В. Н. О рукописях Новицкого об остяках и вогулах. Ibid. X, 1874 г.

Макарий, арх. Распространение христианской веры в пределах Пермской епархии. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1857 г., декабрь, и отд.

Материалы для истории Сибири (в XVIII в.), сообщ. Г. Н. Потаниным. „Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн." 1866 г., IV, 1867 г., I—II.

Миллер, Г. Ф. Описание Сибирского царства, кн. I. СПб., 1750 г.

—— Сибирская история, гл. VI и сл. „Ежемесячные сочин. и известия о ученых делах", 1764 г.

Новицкий, Г. Краткое описание о народе остяцком. СПб., 1884 г.

Новокрещенных, Н. Н. Археологические исследования в западной части Пермской губ. „Тр. Пермск. учен. арх. ком." IV, V, VII.

—— Гляденовское костище Пермской губ. на р. Каме. Ibid. XI, 1914.

Оглоблин, Н. Остяцкие „знамена" XVII в. „Истор. Вестн." 1889 г., октябрь.

—— Знамена сибирских инородцев XVII в. „Зап. Урал. О-ва Любит. Естествознан." XIII, кн. I, 1891—92 гг.

—— Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592 — 1768 гг.).

„Чтен. Моск. О-ва Ист. и Древн." 1895 г., I; 1898 г., I; 1900 г., III; 1902 г., I.

Огородников, В. И. Очерк истории Сибири до начала XIX ст. Ч. I. Введение. История до-русской Сибири. Иркутск, 1920 г.

—— Русская государственная власть и Сибирские инородцы в XVI—XVIII вв. „Сборн. трудов профессоров и преподав. Иркутск. Унив.", отд. I, в. 1, 1921 г.

Огородников, Е. К. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по книге Большого Чертежа. СПб., 1877 г.

Оксенов, А. В. Сношения Новгорода Великого с Югорской землей. Историко-географический очерк по древнейшей истории Сибири. „Истор. Сборн.", изд. ред. „Вост. Обозр.". СПб., 1885 г.

—— Торговые сношения русских с обитателями северо-западной Азии до эпохи Ермака. „Томск. Губ. Вед," 1888 г. №№ 10 и 11, и отд., Томск, 1888 г.

—— Старые пути из пределов Московского государства в Сибирскую землю. Ibid., 1888 г. № 12.

—— Сибирское царство до эпохи Ермака. Ibid., 1888 г. №№ 14—16, 18, и отд. Томск, 1888 г.

—— О древнейшей торговле Югорской земли с Волжскими Булгарами. Ibid., 1889 г. №№ 16 и 17.

—— Политические отношения Московского государства к Югорской земле (1455—1499 гг.). „Журн. Мин. Нар. Просв." 1891 г., февраль.

Осокин, И. М. Места подвигов преп. Трифона, Вятского чудотворца, в Пермском крае. „Тр. Пермск. учен. арх. ком." V, 1902 г.

—— К вопросу о миссионерской деятельности преп. Трифона Вятского в Пермском крае. Ibid. VII, 1904 г.

Остроумов, И. Г. Вогулы-манси. Историко-этнограф. очерк. „Матер. по изуч. Пермск. края", вып. 1, 1904 г.

Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1—2. СПб., 1882—85 гг.

Писцовые книги Чердынского уезда Яхонтова. Пермь, 1880 г. То же Соликамского и Кунгурского уездов. Пермь, 1872 г.

Платон (Любарский). Любопытное известие о Вятской епархии и бывших в ней архиереях. 1772 г.

—— Краткое известие о Пермских и Чердынских вогулах. „Российский Магазин" за 1792 г., изд. Ф. Туманским, ч. I.

Подосенов, Н. Преп. Трифон на берегах Камы и Чусовой. „Пермск. Епарх. Вед." 1868 г. №№ 29, 30.

Покровский, К. Из истории просвещения Верхотурских инородцев. Ibid. 1868 г. №№ 41, 42.

—— Крещение Чердынских вогуличей. Ibid. 1868 г. № 43.

Пуцилло, М. П. Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дел. М., 1879 г.

Регули, А. Письмо к акад. П. И. Кеппену от 21 января 1847 г. „Зап. Русск. Геогр. О-ва" III, 1849 г.

Середонин, С. М. Историческая география. Пгр., 1916 г.

Словцов, П. А. Историческое обозрение Сибири. М.—СПб., 1838—44 гг.; 2-е изд. СПб., 1886 г.

Смирнов, И. Н. Пермяки. Казань, 1891 г.

—— Критическая заметка на книгу „Пермский край", т. II. „Изв. О-ва Археол., Истор. и Этногр." XI, вып. 4, 1893 г.

Струминский, В. Я. К вопросу о миссионерской деятельности преп. Трифона Вятского в Пермском крае. „Пермск. Епарх. Вед." 1904 г. № 18.

—— Житие преп. отца нашего Трифона, Вятского чудотворца. „Тр. Пермск. учен. арх. ком." IX, 1905 г.

Трапезников, В. Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV—XVII вв.). „Изв. Арханг. О-ва изуч. Русск. Севера" 1911 г. №№ 12—15, 17, 20—24.

Фишер, И. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб., 1774 г.

Чупин, Н. К. Геогр. и статистический словарь Пермской губ. Пермь, 1875—1886 г.

Шишонко, В. Пермская летопись. 1-й и 2-й период. Пермь, 1881—82 гг.

Ядринцев, Н. М. Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е. СПб., 1897 г.

Вотяки.

Андриевский, А. А. Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нем наместничества. С приложениями. „Столетие Вятск. губ.", т. I, 1880 г.

—— Дела о совершении языческих обрядов. Ibid., т. II, 1881 г.

Баранов, А. Н., Короленко, В. Г. и Сухоедов, В. И. Дело Мултанских вотяков. М., 1896 г.

Бехтерев, Н. Исторический очерк Вятской губ. „Пам. кн. Вятской губ." 1870 г.

Блинов, М. Вотяки. „Вятск. Губ. Вед." 1846 г. №№ 45—47.

—— Историко-статистические известия о Камско-Воткинском заводе и тамошних вотяках. „Журн. Мин. Вн. Дел" 1855 г., кн. 3.

Блинов, Н. Н. Инородцы северо-восточной части Глазовского уезда. „Вятск. Губ. Вед." 1865 г. №№ 59—67.

—— Языческий культ вотяков. Вятка, 1898 г.

—— Заселение Закамья. „Изв. Сарап. Земск. Муз." IV, 1915 г.

Богаевский, М. Мултанское моление вотяков в свете этнографических данных. М., 1896 г.

Васильев, С. и Бехтерев, Н. История Вятского края с древних времен до начала XIX в., т. I. Вятка, 1870 г.

Верещагин, А. С. Сказания русских летописцев о Вятке, с приложениями. „Вятск. Епарх. Вед." 1879 г. №№ 23 и 24; 1880 г. №№ 1, 3, 4, 6, 7.

—— Заселена-ли была Вятка Новгородскими выходцами в XII в.? „Календ. Вятск. губ. на 1888 г.".

—— Отрывки из записок Рычкова и Хитрово о древней Вятке и отрывки из сочинений путешественников XVI—XVII вв. „Календ. Вятск. губ. на 1893 г.".

—— Из истории древне-русской Вятки. „Пам. кн. и календ. Вятск. губ. на 1905 г.".

Верещагин, Г. Е. Остатки язычества у вотяков. „Календ. Вятск. губ. на 1896 г.".

Верещагин, Г. Е. Человеческие жертвоприношения вотяков. „Изв. Арханг О-ва изуч. Русск. Севера“ 1911 г. №№ 10, 12.

Вештомов, А. История вятчан со времени поселения их при р. Вятке. „Казанск. Вестн.“ 1825—27 г.; „Вятск. Губ. Вед.“ 1838 г. №№ 16—23, 1841 г. №№ 21—23, 25, 26; „Изв. О-ва Археол., Истор. и Этногр.“ XXIV, вып. 1—2, 1907 г.

Времянник еже нарицается летописец Российских князей, како начася в Российской земли княжение и грады утвердишася (Временник протоиерея Луки Юферова). С послесловием вместо предисловия А. В (ерещаги)на. „Тр. Вятск. учен. арх. ком.“ 1905 г., вып. 2.

Вотяки. Кн. первая. Сб. по вопросам быта, эконом. и культ. вотяков. М., 1926 г.

Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря 1580—1764 гг. Собрал и издал А. В (ерещаги)н. „Тр. Вятск. учен. арх. ком.“ 1906 г., I—II, III—IV, V—VI; 1907 г., VI; 1908 г., I.

Грамоты и акты Вятского архиерейского дома 1551—1699 гг. Собрал и издал А. В (ерещаги)н. Ibid., 1907 г., вып. II—IV; 1908 г., вып. I.

Жаков, К. Некоторые черты из историч. и психич. жизни вотяков. „Жив. Стар.“ XIII, 1903 г.

Зеленин, Д. К. К вопросу о ходе древне-русской колонизации в Вятский край. „Календ. Вятск. губ. на 1906 г.“.

Известия о Библейских Обществах. СПб., 1824 г.

Ильминский, Н. И. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань, 1883 г.

Исторический очерк происхождения вотяков и поселения их в Вятской губ. „Вятск. Губ. Вед.“ 1859 г. № 42.

Кибардин, Н. Г. Грамота царя Ивана IV вотякам Сырьянской волости 25 февраля 1557 г. Ibid., 1845 г. № 37.

Кошурников, В. Быт вотяков Сарапульского уезда. Казань, 1880 г.

Курбановский. Просвещение христианством вотяков Мултанского прихода Малмыжского уезда. Вятка, 1900 г.

Курочкин, Н. Вотяки Малмыжского уезда Вятской губ. „Вятск. Губ. Вед.“ 1851 г. №№ 24—26.

—— Древние вотяки на Вятке или некоторые черты образа жизни их. Ibid. 1852 г. № 16.

Луппов, П. Н. Первые дни христианства в с. Укане и его приходе. „Вятск. Губ. Вед.“ 1894 г. № 24 и 1895 г. № 1.

—— Елабужская новокрещенская школа. „Вятск. Еп. Вед.“ 1895 г.

—— Народное образование среди вотяков со времени первых известий о них до 1840-х гг. Историч. очерк. Вятка, 1898 г.

—— Страничка из истории народного просвещения с XIX в. „Народн. Образов.“ 1898 г., май.

—— Библиографическая заметка о книге свящ. Н. Блинова „Языческий культ вотяков“. Вятка, 1898 г. Разбор приводимых свящ. Н. Н. Блиновым аргументов по вопросу о человеческих жертвоприношениях у вотяков. Вятка, 1899 г.

—— Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. СПб., 1899 г., VIII + 334 + карта Вотского района

(частей губерний: Вятской, Казанской, Самарской, Уфимской и Пермской).

Луппов, П. Н. Обращение вотяков в христианство в начале XIX в. (1801—40 гг.). „Вятск. Епарх. Вед." 1904 г.

—— Первые церковные школы среди вотяков. „Народн. Образов." 1905 г., октябрь.

—— Меры к утверждению христианства среди вотяков в начале XIX в. до учреждения миссионерства (1801—1830). „Вятск. Епарх. Вед." 1905 г.

—— О первых вотских переводах источников христианского просвещения. „Правосл. Собес." 1905 г.

—— Взгляд имп. Николая I на меры к утверждению вотяков в христианстве. „Вятск. Епарх. Вед." 1906 г.

—— Обозрение Вятской епархии епископом Нилом в 1836 г. „Вятск. Епарх. Вед." 1908 г., и отд. Вятка, 1908 г.

—— Село Биляр Екатеринбургского уезда Вятской губ. Ibid. 1908 г. и отд. Вятка, 1908 г.

—— К истории начальной школы в России в XIX в. (из архивн. материалов по Вятской губ.). „Народн. Образов." 1908 г., и отд.

—— Обозрение Вятской епархии епископом Нилом в 1837 г. „Вятск. Епарх. Вед." 1909 г., и отд. Вятка, 1909 г.

—— Волнения вотяков Вятской губ. по поводу прикрепления их к горным заводам в 1807 и 1808 гг. „Тр. Вятск. учен. арх. ком." 1909 г.

—— Открытие новых приходов среди вотяков Вятской епархии в течение первой половины XIX в. (1801—1850). „Вятск. Епарх. Вед." 1909 г. №№ 49—52, и отд. Вятка, 1909 г.

—— Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911 г., XXI + XVI + 568 + XXXIV.

—— Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911 г. („Тр. Вятск. учен. арх. ком." 1911 г., вып. 3).

—— Громкое дело Мултанских удмуртов. Мултанское дело и участие в нем В. Г. Короленко. Ижевск, 1925 г.

—— А. И. Герцен в Вятской ссылке (19 мая 1835 г.—29 декабря 1837 г.). „Вятск. Жизнь" 1923 г. № 2.

—— Удмурты Вятской земли в XVII в. „Тр. Вятск. Педаг. Инст. имени В. И. Ленина" I, 1927 г.

Луппов, П. и Поздеев, В. Программа по истории вотского народа. Ижевск, 1921 г.

Максимов, В. А. Вотяки. Краткий историко-этнографический очерк. Ижевск, 1925 г.

Малов, Е. О новокрещенских школах. „Правосл. Обозр." 1868 г. № 7.

—— О новокрещенской конторе. Казань, 1878 г.

Матвеев, С. М. О крещеных инородцах Уфимской епархии. Уфа, 1910 г.

Материалы для статистики Вятской губ. Уезды Малмыжский и Елабужский. Вятка, 1885—89 гг.

Миллер, Г. Описание живущих в Казанской губ. языческих народов. СПб., 1791 г.

Миропольский. Крещеные вотяки Казанского уезда. „Правосл. Собес.", 1876 г. № 12.

Можаровский, А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению Казанских инородцев с 1552 по 1867 гг. М., 1880 г. („Чтен. Моск. Общ. Ист. Древн." 1880 г., I).

Наказы вотяков Казанского уезда. „Сб. Русск. Истор. О-ва", т. CXV, 1907 г.

Наказ Слободского уезда от новокрещеных отяцких жительств. „Тр. Вятск. учен. арх. ком." 1910 г., вып. 1.

Нашествие Пугачевской вольницы на Сарапульский край. „Вятск. Губ. Вед." 1873 г. № 63.

Никитников, Г. А. Иерархия Вятской епархии. Вятка, 1863 г.

Островская, М. Из истории Вятских инородцев. „Изв. Общ. Археол. Ист. и Этногр." 1912 г.

Островский, Д. Вотяки Казанской губ. „Тр. О-ва Естествоиспыт. при Казанск. Унив." IV, № 1, 1874 г.

Память из Вятской приказной палаты Каринской и Верхочепецкой волостей татарским, бесермянским и вотяцким старостам и целовальникам о сборе конских пошлинных денег 1698 г. октября 9. „Тр. Вятск. учен. арх. ком." 1910 г., вып. 1.

Перевозщиков, С. К материалу о бесермянах. „Ижевск. Правда" 1923 г. №№ 147 и 158; „Тр. Научн. О-ва по изуч. Вотского края", вып. 1, 1926 г.

Писцовые книги Пермской. губ. Соликамского и Кунгурского уездов. Пермь, 1872 г.

Платон (Любарский), Любопытное известие о Вятской епархии и бывших в ней архиереях. 1772 г.

Повесть о стране Вятской. „Тр. Вятск. учен. арх. ком." 1905 г., вып. 3.

Попов, А. Историко-статист. записка о селе Святицком и северо-западной части Глазовского уезда. „Вятск. Губ. Вед." 1853 г. №№ 38, 39, 41, 42.

Рычков, П. И. Оренбургская топография. СПб., 1762 г.

—— Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767 г.

Смирнов, И. Н. Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах приволжских финнов. Казань, 1889 г.

—— Вотяки. Историко-этнографич. очерк. Казань, 1890 г. („Изв. О-ва Археол., Ист. и Этногр." VIII, вып. 2).

Спасская, Л. Прошлое Вятки с ее заселения русскими до воцарения Михаила Федоровича Романова. Историч. очерк. „Тр. Вятск. учен. арх. ком." 1913 г., вып. 1—2.

Спицын, А. Свод летописных известий о Вятском крае. Вятка, 1883 г.

—— К истории Вятских инородцев. Вятка, 1888 г.

—— Древнейшая судьба Вятской земли. Вятка, 1889 г.

Отводная выпись воеводы князя И. Т. Ухтомского Пахому Кощееву с товарищами 1648 г. Сообщ. А. А. Спицыным. „Тр. Вятск. учен. арх. ком." 1896 г., вып. 3—4.

Тезяков. Праздники и жертвоприношения у вотяков-язычников. „Новое Слово" 1896 г., январь.

Труды Научного Общества по изучению Вотского края. 1926 г., вып. 1—2. Ижевск, 1926 г.

Фармаковский, М. Материалы для истории Вятской епархии. „Вятск. Епарх. Вед." 1863 г.

—— Из отчета Глазовского миссионера за 1878 г. Ibid., 1879 г. №№ 19—21.

Шестаков, П. Д. Выдержки из архива Елабужского духовного правления. „Изв. О-ва Археол., Истор. и Этногр.“ II, 1879 г.

Шпилевский. С. Древние города в Казанской губ. Казань, 1887 г.

Щапов, А. П. Лука Конашевич, епископ Казанский. „Правосл. Собес.“ 1858 г.

Щербатов, М. Статистика в рассуждении России (писано в 1776—77 гг.). „Чтен. Моск. О-ва Ист. и Др.“ 1859 г., кн. 3.

Пермяки и зыряне.

Адрианов, С. А. К вопросу о покорении Сибири. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1893 г., апрель.

—— Рецензия на IV вып. „Пермск. Старины“. Ibid. 1894 г., июль.

—— Отзыв о вып. 1—5 „Пермской Старины“ А. А. Дмитриева. „Отчет о 37-м присуждении наград графа Уварова“, 1897 г.

Арсеньев, Ф. А. Зыряне и их охотничьи промыслы. М., 1873 г.

—— Ульяновский монастырь у зырян. М., 1889 г.

Беляев, Н. Святой Стефан, просветитель Перми. „Миссионер“ 1875 г. №№ 44—46.

Берх, В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821 г.

Блинов, Н. Исторический очерк заселения Осинского уезда. „Сб. Пермск. Земства“ 1898 г., кн. 3—4.

Браун, Ф. А. Рец. на „Поездки скандинавов в Белое море“ К. Ф. Тиандера. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1907 г., октябрь.

Будрин, Е. Очерки истории Пермской епархии. „Пермск. Епарх. Вед.“ 1867 г. №№ 1—4, 7; 1869 г. №№ 25, 32, 37—38.

Введенский, А. А. Торговый дом XVI—XVII вв. „Памятн. социально-экономической истории России“, под ред. А. И. Заозерского и В. Н. Кашина. Лгр., 1924 г.

—— Происхождение Строгановых. „Север“, кн. 2, 1923 г., и отд.

—— Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве. „Сборн. стат. по русск. ист., посвящ. С. Ф. Платонову“, 1922 г.

Величкин, В. Святитель Стефан Пермский. Очерк из истории миссионерства в России. „Душеполезное Чтен.“ 1873 г. №№ 5, 6.

Волегов, Ф. Исторические сведения о гг. Строгановых. „Пермск. Губ. Вед.“ 1876—77 гг.

Гебель, Г. Биармия и низовья Северной Двины. „Изв. Арх. О-ва изуч. Русск. Севера“ 1910 г. №№ 9 и 12.

Голубцов, В. Князья Великопермские, Пермские и Вымские 1463—1641 гг. „Тр. Пермск. учен. арх. ком.“ I, 1892 г.

Грен, В. Рецензия на работу А. Ф. Теплоухова „Следы былого пребывания угорского народа...“. „Komi Му“ 1925 г. № 12.

Дмитриев, А. А. Пермская Старина. Вып. I—VIII. Пермь, 1889—1900 гг. (в вып. 1, между прочим, обзор литературы о Биармии).

—— О границах древней Перми Великой. „Тр. Пермск. учен. арх. ком.“ I, 1892 г.

—— Роль Строгановых в покорении Сибири (Новый пересмотр Сибирского вопроса). „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1894 г. №№ 1, 2.

Дмитриев, А. А. К истории Сибирского вопроса. „Пермск. Край“ III, 1895 г.

—— К 500-летию блаженной кончины св. Стефана, первосвят. Пермского. „Пам. кн. Пермск. губ. на 1896 г.“.

—— Забытый труд Икосова о Строгановых и Ермаке. „Изв. О-ва Археол., Ист. и Этногр.“ XIV, вып. 2, 1891 г.

—— Критическая заметка по истории Перми Великой. I. О степени достоверности древнейших Великопермских писцовых книг Яхонтова. „Тр. Пермск. учен. арх. ком.“ II, 1898 г.

—— Следы русских поселений в Перми Великой до появления Строгановых. Ibid. IV, 1901 г.

—— По поводу столетия Пермской епархии. Ibid. IV, 1901 г.

Добротворский, Н. А. Пермяки. „Вестн. Евр.“ 1883 г. №№ 3, 4.

Е(вгений Болховитинов). О древностях вологодских и зырянских. „Вестн. Евр.“, ч. 71, № 17, 1813 г.; перепеч. в „Волог. Епарх. Вед.“ 1867 г. № 16 (с примеч. Н. И. Суворова).

—— О зырянском народе и о зырянском монастыре. „Волог. Губ. Вед.“ 1839 г. №№ 1—3.

Ефименко, П. Заволоцкая чудь. Арханг., 1869 г.

Жаков, К. Ф. Историко-статистический очерк зырянского населения. „Тр. экспед. по исследов. земель Печорского уезда Волог. губ.“ (1908—1909), т. I, под ред. П. И. Соколова.

Житие св. Стефана Пермского. Изд. Археогр. Ком. СПб., 1897 г.

Зыряне. Исторический опыт. „Пам. кн. Волог. губ. 1867—68 гг.“.

Икосов. История о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых, сочин. в 1761 г. „Пермск. Губ. Вед.“ 1880—81 гг., и отд. Пермь, 1881 г.

К—в, П. Распространение и утверждение христианства в древней Перми. „Пермск. Епарх. Вед.“ 1868 г. №№ 6—11.

Кичин, Е. О поселениях Новгородцев в Зырянском крае. „Волог. Губ. Вед.“ 1853 г. № 6.

Ключевский, В. Древнерусские жития святых. М., 1871 г.

Книги сошного письма Пермские Чердынские и Чердынского уезда письма и меры писца Ив. Игн. Яхонтова да подъячего Третьяка Карпова 87 г., с некоторыми пояснениями В. Шишонко. Пермь, 1878—79 гг.

Колотилов, А. Н. Указатель к „Пермской Летописи“ В. Н. Шишонко. С предисл. Н. А. Рожкова. „Тр. Пермск. учен. арх. ком.“ VIII, 1904 г.

Красов, А. В. Зыряне и просветитель их св. Стефан, первый епископ Пермский и Устьвымский (1383—1396). К 500-й годовщине со дня кончины св. Стефана. СПб., 1896 г.

Кривощеков, И. Я. Материалы для истории села Кудымкора Соликамского уезда Пермской губ. Пермь, 1894 г.

—— К вопросу об исчезновении Камской чуди. „Тр. Пермск. учен. арх. ком.“ VII, 1904 г.

Крупенин, А. Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края. „Пермск. Сборн.“, кн. I, 1859 г.

Крупкин, А. Верования пермяков-инородцев. „Изв. Арх. О-ва изуч. Русск. Сев.“ 1911 г. №№ 4, 5.

Кузнецов, С. К вопросу о Биармии. „Этногр. Обозр.“ 1905 г. №№ 2 и 3.

Кунгур. Материалы для изучения города XVII и XVIII ст. М., 1886 г.

Кунгурские акты XVII в. СПб., 1888 г.

Кунгурские писцовые книги письма и меры Мих. Кайсарова 1623—24 гг. Изд. В. Шишонко. Пермь, 1872 г.

Лебедев, А. К. Святый Стефан, первый епископ Пермский. 1396—1896 гг. „Волог. Епарх. Вед." 1896 г. №№ 5, 6.

—— Святая обитель среди зырян и ее строитель. Ibid. 1895 г. № 15; „Церк. Ведом." 1895 г. № 27.

Лебедев, М. Пермь Великая. Исторические очерки. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1917 г. №№ 11—12.

Луканин, А. Город Соликамск в историческом и археологическом отношении. „Пермск. Губ. Вед." 1856 г. №№ 5—8; 1858 г. №№ 40—46, 48, 49.

Лыткин, В. Рецензия на работу А. Ф. Теплоухова „Следы былого пребывания угорского народа...". „Комі Му" 1925 г. № 6.

Лыткин, Г. С. Пятисотлетие Зырянского края. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1883 г. № 12.

—— Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. СПб., 1889 г.

Майков, Л. Хронологические справки по поводу трехсотлетней годовщины присоединения Сибири к Русской державе. СПб., 1881 г.

М(акарий), А(рхимандрит). Сказание о жизни и трудах св. Стефана, епископа Пермского. СПб., 1856 г.

—— Распространение христианской веры в пределах Пермской епархии. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1857 г. № 12.

Мамин, Д. Н. Старая Пермь. „Вестн. Евр." 1889 г., июль.

Материалы для истории Пермского края. „Пермск. Губ. Вед." 1857 г. №№ 23—25.

Материалы для истории Пермской епархии с 1383 г. „Пермск. Епарх. Вед." 1870 г. №№ 50, 51; 1871 г. №№ 3, 8, 9, 21, 27; 1872 г. №№ 21, 22, 26, 47; 1873 г. № 11—13.

Материалы для историко-географ. атласа России. СПб., 1871 г.

Материалы по изучению Пермского края. Вып. 1—4. Пермь, 1904—1911 гг.

Мельников, С. Е. Описание Спасской Ульяновской пустыни на р. Вычегде. „Изв. Археол. О-ва" III, 1861 г.

Михайлов, М. И. Устьвым. „Волог. Губ. Вед." 1850 г. №№ 1—14, 16, 17, 19—22, 25, 27, 28, 30, 32, 34, 35, 38—42, 44—46, 49, 50 и 52.

Мишев, П. Троицко-Стефано-Ульяновский монастырь у зырян. „Изв. Арханг. О-ва изуч. Русск. Сев." 1913 г. № 13.

Мёсшег, И. Коми-народ как участник в мировой торговле в прошлом. „Комі-Му" 1926 г. № 4 (26).

—— Судьба коми, живших по берегам р. Коми. Ibid. 1926 г. № 5 (27).

—— Пермь Великая в теории А. Ф. Теплоухова и по историческим данным. Ibid. 1926 г. № 6 (28).

Небольсин, П. Покорение Сибири. СПб., 1849 г.

Никольский, Н. В. К истории зырянского языка. Казань, 1912 г.

Новокрещенных, Н. Участие Строгановых в поступательном движении Русского государства на Восток в XVI стол. Пермь, 1892 г.

Огородников, Е. К. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по книге Большого Чертежа. СПб., 1877 г.

Очерк истории Пермского края. „Пермск. Губ. Вед." 1841 г. №№ 1, 2, 3, 7.

П(енн), С(амуил). Материалы для истории Пермского края. „Пермск. Губ. Вед." 1882 г. №№ 6—12.

Переписные книги 1647 г. воеводы Прок. Козьм. Елизарова на пермские вотчины Строгановых. „Тр. Пермск. учен. арх. ком." II, 1898 г.

Пермский край. Сборник сведений о Пермск. губ., издав. Пермск. губ. статист. комитетом, т. I—III. Пермь, 1892—95 гг.

Платонов, С. Ф. Строгановы, Ермак и Мангазея, в сборн. „Русское Прошлое", вып. 3, 1923 г.

Повесть о св. Стефане Пермском. „Пам. старин. русск. литер.", изд. Кушелевым-Безбородко, IV, СПб., 1862 г.

Подосенов. Пермяки. „Пермск. Епарх. Вед." 1886 г. №№ 1—4.

Пономарев, П. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда. Кунгур, 1896 г.

Попов, Б. Древнейшие города Перми Великой Искор и Покча. „Пермск. Епарх. Вед." 1889 г. №№ 19—21.

Попов, Е. Великопермская и Пермская епархия с 1379—1879 гг. П., 1879 г.

Попов, К. Зыряне и Зырянский край. „Изв. О-ва Люб. Естеств., Антроп. и Этногр." XIII, вып. 2, 1894 г.

Попов, Н. С. Хозяйственное описание Пермской губ. Две части. Пермь, 1804 г., и переизд. в 1811—13 гг. Вольно-Эконом. Об-вом в СПб., в 3-х томах.

Рогов, Н. А. Материалы для описания быта пермяков Инвенской дачи гр. Н. П. Строгановой. „Журн. Мин. Вн. Дел" 1858 г., апрель.

Савваитов, П. И. О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенной св. Стефаном. „Тр. I-го Археол. Съезда в Москве", т. II, 1871 г., и отд. М., 1873 г.

Сидоров, А. Программа по историко-этнографическому изучению края Коми. „Прогр. по изуч. края Коми". Устьсысольск, 1924 г.

Смирнов, И. Н. Пермяки. Историко-этнографич. очерк. Казань, 1891 г. („Изв. О-ва Археол., Истор. и Этногр." IX, вып. 2).

Смышляев, Д. Д. Источники и пособия для изучения Пермского края. Пермь, 1876 г.

—— Сборник статей о Пермской губ. Пермь, 1891 г.

Соликамские писцовые книги письма и меры Михайлы Кайсарова 1623—24 гг., с некоторыми пояснениями В. Шишонко. Пермь, 1872 г.

Спасский, Г. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова. СПб., 1833 г.

Список населенных мест Пермской губ. СПб., 1875 г.

Суворов, Н. Спор Вологодских архиепископов Маркела и Симона с первыми двумя епископами Вятскими Александром и Ионой об Усть-Вымской десятине с 1659 до 1676 г. „Волог. Губ. Вед." 1864 г. №№ 8, 9, 11, 12; „Вятск. Епарх. Вед." 1878 г. №№ 17, 18.

—— Дополнение к истории Спасской Ульяновской пустыни. „Волог. Епарх. Вед." 1867 г. № 3.

Теплоухов, А. Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губ. и последующая смена его пермским

и русским народом (с картой). „Зап. Урал. О-ва Люб. Естествозн.“ XXXIX, 1924 г.

Теплоухов, А. Ф. Фамилии и географические названия Пермяцкого края в этнографическом, и историко-географическом отношении. „Комі Му“ 1925 г. №№ 9—12.

—— О фамилиях и географических названиях бб. Кунгурского, Красноуфимск. и Осинского уезда. „Кунгурско-Красноуфимский край“ 1925 г. № 11—12.

Теплоухов, Ф. А. Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных. „Пермск. Край“ II, 1893 г.

—— Древности Пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути. Ibid. III, 1895 г.

Тиандер, К. Ф. О происхождении имени Пермь. „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1901 г. январь.

—— Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906 г.

Трапезников, В. Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV—XVII вв.), „Изв. Арх. О-ва изуч. Русск. Сев.“ 1911 г. №№ 12—15, 17, 20—24.

Тыжнов, И. Новейшие труды по истории покорения Сибири. „Сибирск. Сборн.“ 1898 г.

Устрялов, Н. Г. Именитые люди Строгановы. СПб., 1842 г.

Флеров. О древностях Вологодских и Зырянских. „Вестн. Евр.“, ч. 76, №№ 15, 16, 1814 г.

Чупин, Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губ. „Сб. Пермск. Земства“ 1875, 1876 и 1886 гг.

Чупин, П. Карта Екатеринбургского ведомства и провинции Соли-Камской с прилегающими к ним уездами и частями уездов других провинций 1734—36 гг. „Пермск. Край“ II, 1893 г.

Sjögren, J. A. Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch. „Gesammelte Schriften“, Bd. I, St.-Pet., 1861 г.

Шестаков, П. Д. Св. Стефан, первосвятитель Пермский. „Изв. и Учен. Зап. Казанск. Унив.“ 1868 г.

—— Чтение древнейшей зырянской надписи, единственного сохранившегося до сего времени памятника св. Стефана Пермского. „Журн. Мин. Нар. Просв.“, ч. 153, 1871 г., январь; перепеч. в „Волог. Губ. Вед.“ 1871 г. № 15.

Шишонко, В. Пермская Летопись. Период I—V. Кн. I—VII. Пермь, 1881—1889 гг.

Мордва.

Акты исторические и юридические, собранные Степаном Мельниковым. Казань, 1859 г.

Акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. С предисл. А. Титова, М., 1889 г.

Акты, относящиеся к истории мордвы Пензенской губ. Из архива Спасского Краснослободского монастыря. „Изв. О-ва Археол., Истор. и Этногр.“ XI, вып. 3, 1893 г.

Березнеговский, Стеф. Некоторые исторические и статистические замечания о Тамбовской губернии. „Тамб. Губ. Вед." 1843 г. №№ 45, 47, 48, 50; „Изв. Тамб. учен. арх. ком.", вып. 55, 1913 г.

—— Несколько исторических известий об обстоятельствах, предшествовавших заложению Тамбова, его постройке и населению. „Тамб. Губ. Вед." 1851 г. №№ 42—44; „Изв. Тамб. учен. арх. ком.", вып. 55, 1913 г.

Васильев, А. К истории землевладения в Свияжском уезде. „Изв. О-ва Археол., Ист. и Этногр." XII, вып. 6, 1895 г.

Гераклитов, А. А. История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов, 1923 г.

—— Саратовская мордва. (К истории мордовской колонизации в Сарат. крае). „Изв. Краеведч. Инст. изуч. Южно-Волжск. обл." I, 1926 г., и отд.

Гребнев, М. Мордва Самарской губ. Историко-этнограф. очерк. „Сам. Епарх. Вед." 1886 г. № 20—24; 1887 г. № 1—2.

Доброхотов, И. М. Мордовское село Коврес. „Журн. засед. Нижегор. учен. арх. ком." XVII—XIX.

Дубасов, И. И. Историко-этнограф. очерк о мордве, населяющей Тамбовскую губ. „Тамб. Губ. Вед." 1880 г. № 52—53.

—— Очерки из истории Тамбовского края. Вып. I—VI. М., 1883—Тамбов 1897.

Евсевьев, М. Е. Мордва Татреспублики. „Матер. по изуч. Татарстана" II, Казань, 1925 г.

Крупков, Е. В. Исторический взгляд на Тамбовскую губ., первоначальное ее заселение и основание в ней городов. „Тамб. Губ. Вед." 1854 г. №№ 38—40.

Любомиров, П. Г. О важности изучения мордвы. „Сарат. Этногр. Сб." I, 1922 г.

Майнов, В. Н. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885 г.

Макарий, архим. История Нижегородской иерархии. СПб., 1857.

Марков, А. В. Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии. Оттиск из кн. I „Изв. Тифл. Высш. Женск. Курсов", Тифлис, 1914 г.

Матвеев, С. М. О крещенных инородцах Уфимской епархии. Уфа, 1910 г.

Мельников, П. И. Очерки мордвы. „Русск. Вестн.", т. LXIX, 1867 г., № 6; т. LXXI, № 9 („Собр. сочин.", т. XII, 1898 г.).

Милотворский, И. А. Путь Иоанна Грозного через Нижегородскую губ. во время похода на Казань в 1552 г. „Действ. Нижегор. учен. арх. ком." XIII, вып. 3, 1912 г.

Минх, А. Н. Моляны и обряды мордвы Саратовской губ. „Этногр. Обозр." 1892 г., № 4.

—— Дело мордвы селений Захаркина и Славкина Петровского уезда о земле 1703—98 гг. „Тр. Сарат. учен. арх. ком." XXIV, 1908 г.

Можаровский, Ап. Ф. Села: Чукалы, Березовка и Акузово Сергачского уезда Нижегородской епархии. „Нижегор. Епарх. Вед." 1890 г. № 17; 1891 г. № 1, 14.

—— Село Елховка Нижегородского уезда. Ibid., 1892 г. № 22.

—— Русско-мордовское село Итманово. Ibid., 1893 г. №№ 3, 6, 8.

Наказ мордвы Пензенского уезда Засурского стана от некрещенных служилых мурз и новокрещенов. „Сборн. Русск. Истор. О-ва", т. CXV, 1907 г.

Никольский, Н. В. Быт и верования мордвы в 1783 г. Тамбов, 1905 г.

Пискарев, П. И. Мамонтова пустынь Тамбовской губ. Документы, относящиеся к истории пустыни. Прилож. к „Изв. Тамб. учен. арх. ком.". Тамбов, 1887 г.

Платежные книги по Нижегородскому краю XVII в. „Действ. Нижегор. учен. арх. ком." XIII, вып. 3, 1912; XV, вып. 3—6, 1913—15 гг.

Смирнов, И. Н. Несколько слов о русском влиянии на инородцев Казанского края. „Изв. О-ва Археол., Истор. и Этногр." VI, вып. 2.

—— Мордва. Историч.-этнограф. очерк. Ibid., X—XII, 1892—95 гг.

Списки населенных мест Российской Империи. XXV. Нижегородская губ. Обработан Е. Огородниковым. СПб., 1863 г.; XLII. Тамбовская губ. Обработан А. Артемьевым. СПб., 1866 г.

Список с писцовой и межевой книги Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565—67 гг.). Казань, 1909 г.

Терехин, В. М. Исторические материалы в отношении инородцев Пензенского края конца XVII в. „Изв. О-ва Археол., Истор. и Этногр." XVI, вып. 2.

Феоктистов, В. Историческое описание Тамбовской губ. „Тамб. Губ. Вед." 1859—60 гг.; „Изв. Тамб. учен. арх. ком.", вып. 55, 1913 г.

—— Ответ на статью „Замечания на некоторые места исторического описания Тамбовской губ." „Тамб. Губ. Вед." 1861—62 гг.; „Изв. Тамб. учен. арх.", вып. 55, 1913 г.

Хитров, Г. Историко-статистич. опис. Тамбовской епархии. Тамбов, 1861 г.

Холмогоровы, В. и Г. Матер. для истории сев.-вост. края Сарат. губ. „Тр. Сарат. учен. арх. ком." III, в. 2.

—— Материалы для истории, археол., статист. и колонизации Пензенского края в XVII и XVIII стол. „Юбил. сборн. Пенз. губ. статистич. комит." V, 1901 г.

Чекалин, Ф. Ф. Племенной состав и история населения Кузнецкого уезда. „Сарат. Сборн." II, 1882 г.

Черменский, П. Н. Очерки по истории колонизации Тамбовского края. „Изв. Тамб. учен. арх. ком.", вып. 54, 1911 г.

—— Культурно-историч. очерк Тамб. губ. Вып. I. Тамбов, 1926 г.

Черниев Николаевский монастырь. Харьков, 1849 г.

Шумаков, С. Материалы для истории Нижегородского края. Н.-Новг., 1898 г.

Эйнгорн, В. О. К истории обрусения мордвы. „Журн. Нижегор. учен. арх. ком." I—XVI.

Черемисы.

Андриевский, А. А. Дела о совершении языческих обрядов и жертвоприношений. „Столетие Вятской губ." II, 1881 г.

Артемьев, А. Очерк истории черемис. „Казанск. Губ. Вед." 1848 г. №№ 21—23.

Верещагин, А. Отрывки из сочинений путешественников XVI и XVII вв. „Календ. Вятск. губ. на 1893 г.".

В(ерещаги)н, А. Уржумский посад и уезд в 1646 г. по переписной книге Я. М. Толочанова и А. Фаворова. „Тр. Вятск. учен. арх. ком." 1906 г. вып. III—IV.

Волость Черемисская в Малмыже по списку с писцовой и межевой книги Ив. Болтина 7111 (1603) г. Сообщ. А. В(ерещаги)н. Ibid., 1907 г., вып. II.

Веселовский, С. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909 г.

Город Хлынов в 1615 г. по дозорной книге кн. Ф. А. Звенигородского. „Тр. Вятск. учен. арх. ком." 1906 г., вып. III—IV.

Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря 1580—1764 гг. Ibid., 1906 г., I—II, III—IV, V—VI; 1907 г., IV; 1908 г., I.

Грамоты и акты Уржумского Спасского Цепочкина монастыря 1645—94 гг. Ibid., 1913 г., III—IV.

Дементьев, П. Д. Краткие исторические сведения о Кажировской пустыни. „Костр. Стар." II, 1892 г.

Диев, М. Какой народ в древние времена населял Костромскую сторону и что известно об этом народе? „Костр. Губ. Вед." 1861 г., №№ 48—50; „Чтен. Моск. Общ. Ист. Древн." 1865 г., кн. 4.

Ефремов, Г. Крещение черемис. „Пермск. Епарх. Вед." 1913 г.

Ешевский, С. В. Миссионерство в России. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1867 г. июль; „Сочин. по русской истории". М., 1900 г.

Игнатьев, Р. Материалы к истории Вятского края. „Вятск. Губ. Вед." 1881 г. № 65.

Износков, И. А. О хорографических мерянских и черемисских названиях. „Тр. VII Археол. съезда" II, 1891 г.

Материалы по истории Нижегородского края. Нижнего-Новгорода книга платежная всяким денежным пошлинам и оброчным сборам и доимкам 7137 г. „Действ. Нижегор. учен. арх. ком." XIII, вып. 3, 1912 г.

Нижнего Новгорода список с платежных книг пошлинным оброчным доходам 7153 г. Ibid., XV, вып. 4, 1913 г.

Нижнего-Новгорода приходная книга окладным и неокладным денежным доходам 7154 г. Ibid., XV, вып. 3, 1913 г.

Нижнего-Новгорода книга платежным всяким денежным доходам и оброчному меду 7156 г. Ibid., XV, вып. 5, 1913 г.

Нижнего-Новгорода Чебоксарского уезда записная книга о сборе оброчных денег с Чебоксарских черемис, с полков, с лавок, с кузниц. 7176 г. Ibid., XV, вып. 6, 1915 г.

Корсаков, Д. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872 г.

Краткое описание Михаило-Архангельского черемисского монастыря. СПб., 1875 г.

Крещение черемис Бирского уезда. „Оренб. Губ. Вед." 1846 г. № 43.

Кузнецов, С. К. Черемисский Малмыж. „Вятск. Губ. Вед." 1874 г. №№ 13—16, 18, 21.

Кунгурские акты XVII в. СПб., 1889 г.

Магницкий, В. К. К истории „присурских" чуваш, черемис, мордвы и Фролищевой пустыни. „Действ. Нижегор. учен. арх. ком." V.

Макарий, иером. Сказание о жизни и чудесах преп. Макария, Желтоводского и Унженского чудотворца. 1850 г.

Матвеев, С. М. О крещенных инородцах Уфимской епархии. Уфа, 1910 г.
Миллер, Ф. Описание живущих в Казанской губ. языческих народов. СПб., 1791 г.
Можаровский, А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению христианством Казанских инородцев, с 1552 по 1867 гг. М., 1880 г.
Моляров, И. Я. Беседы к черемисам Кузнецовского прихода. „Изв. по Каз. епарх." 1873 г. №№ 7—9.
Мышкин, П. Материалы для истории колонизации Кузнецовского прихода Уржумского уезда. „Вятск. Губ. Вед." 1880 г. №№ 45, 47.
Наказы черемис уездов Кунгурского, Казанского и Кокшайского. „Сб. Русск. Истор. О-ва", т. CXV, 1907 г.; „Тр. Вятск. учен. арх. ком." 1909 г., вып. 1; 1910 г., вып. 1.
Никольский, Н. В. К истории христианского просвещения черемис в XIX в. Материалы, извлеч. из архива Св. Синода и архива попечителя Казанск. Учебн. Округа. Казань, 1915 г. (Оттиск из XXIX т. „Изв. О-ва Археол., Истор. и Этногр." за 1914 г.).
Нурминский, С. Очерк религиозных верований черемис. „Правосл. Собеседник" 1862 г., ноябрь.
—— Влияние монастырей на расселение народное в Казанском крае. Ibid. 1864 г., февраль.
Выписка из дневника миссионера, свящ. А-ра Покровского, отправленного из Москвы..., для наставления в христианской вере черемис, зараженных языческим суеверием. „Памятник трудов правосл. благовестников русских с 1793 до 1853 гг.". М., 1857 г.
Пупарев, А. Очерк расселения русского племени в Царевококшайском уезде. „Казанск. Губ. Вед." 1857 г. № 23; „Журн. Мин. Вн. Дел" XXVIII, 1858 г.
Рычков, П. И. Оренбургская топография. СПб., 1762 г.
Самарянов, В. А. Следы поселений мери, чуди, черемисы, еми и др. инородцев в пределах Костромской губ. „Древности. Тр. Моск. Археол. О-ва" VI, 1876 г.
Семенов, Т. К вопросу о родстве и связи мери с черемисами. „Тр. VII Археол. съезда в России в 1887 г.", т. II, 1891 г.
Сильвестров, Е. Описание Царевококшайского уезда. „Казанск. Губ. Вед." 1861 г. №№ 12, 15—18, 31—33.
Смирнов, В. И. Из вопросов и фактов этнологии Костромского края. Кострома, 1924 г.
Смирнов, И. Н. Черемисы. Историко-этнограф. очерк. Казань, 1889 г. („Изв. О-ва Археол., Истор. и Этногр." VII).
—— Вотяки. Казань, 1890 г.
Спицын, А. К истории Вятских инородцев. Вятка, 1888 г.
О тяжбе черемис-чуваш Ядринского уезда с Фролищевой пустынью — грамота 1692 г. „Действ. Нижегор. учен. арх. ком." IV, 1900 г.
Материалы по истории татар Малмыжского уезда, сообщ. М. Г. Худяковым. „Тр. Вятск. учен. арх. ком." 1915 г., вып. II—III.
Худяков, М. Историческ. очерк гор. Малмыжа. Ibid., 1916 г., вып. 1—2
О заселении спорных земель Колобова, Лесникова и Липова Яранского уезда крестьянами дворцовой слободы Кукарки в 1640 г. Сообщ. В. И. Шабалин. Ibid. 1910 г., вып. 1.

О поселении архиерейских крестьян на землях дворцовой слободы Кукарки. Сообщ. В. И. Шабалин. Ibid. 1910 г., вып. 2—3.

Шишонко, В. Пермская летопись. Период пятый. Ч. II.

Шубин, С. В. Описание Малмыжа. „Тр. Вятск. учен. арх. ком." 1905 г., вып. 2—3.

Яблонский, И. Исторические и этнографические сведения о нагорных черемисах уездов: Васильевского, Нижегородского и Козмодемьянского. „Совр. Листок" 1865 г. №№ 50, 51, 53—67, 102.

Карелы.

Артоболевский, С. Игнатий, архиеписк. Воронежский и его пастырско-миссионерская деятельность. Уфа, 1904 г.

Барсов, Е. Преподобные Обонежские пустынножители. Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края. „Пам. кн. Олонецкой губ." 1868—69 гг.

—— Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае. „Чт. Моск. О-ва Ист. и Древн." 1868 г., кн. I.

—— Об Обонежских древностях. „Древности. Тр. Моск. Археол. О-ва" VII, вып. 3; „Олон. Сб.", вып. 3.

Богуслав. Беломорская Карелия. „Тр. Вольно-Экон. О-ва" 1847 г. № 5.

Верещагин, В. Очерки Архангельской губ. СПб., 1849 г.

Голубцов, Н. А. Архангельские карелы. Сборник „Архангельская Карелия". Арханг., 1908 г.

Готье, Ю. В. Замосковный край в XVII в. М., 1906 г.

Докучаев-Басков, К. Подвижники и монастыри крайнего севера. Муромский монастырь. „Христ. Чтен." 1886 г. № 8—10.

—— Челменский пустынник преп. чудотворец Кирилл и его пустыня. Ibid. 1889 г. № 3—4.

Елпидинский, Я. Карелы Олонецкой губ. „Олон. Сб.", вып. 4, 1902 г.

Ефименко, А. Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов. „Зап. Русск. Геогр. О-ва по отдел. этногр." VIII, 1878 г.

Ефименко, П. Заволоцкая чудь. Арханг., 1869 г.

Заринский, М. Г. Кемь и Кемский уезд Архангельской губ. „Арханг. Сборн.", ч. I, кн. 2; „Арх. Губ. Вед." 1852 г. №№ 44—49.

Иванов, А. И. Повенецкие карелы, их домашний и общественный быт, поверья и предания. „Олон. Губ. Вед." 1863 г. №№ 9, 10, 12—15, 18, 29, 30, 33, 36—41, 44, 45.

Изъяснение некоторых карельских слов, доказывающих существование там чуди. „Отеч. Зап.", ч. 38, № 110, 1829 г.

Истор.-статист. сведения о С. Петербургской епархии. Вып. 1, 4. СПб., 1869—1875 гг.

Камкин, Н. Архангельские карелы. Этнограф. очерк. „Др. и Нов. Россия" XVII, №№ 2 и 4.

Castren, Anteckningar on savolotscheskaja Tschud. „Suomi", 1844 г.

Кенорецкий, П. Пастырская деятельность Аркадия, архиепископа Олонецкого и Петрозаводского. „Олон. Губ. Вед." 1891 г. № 101; 1892 г. №№ 2, 3; „Олон. Сб.", вып. 3, 1894 г.

Ключевский, В. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря. „Моск. Унив. Изв." 1867—68 гг. № 7 („Опыты и исследов." I, М., 1912 г.).

—— Древнерусские жития святых. М., 1871 г.

—— Разбор исследования Н. Д. Чечулина „Города Моск. госуд. в XVI в.". „Отч. о 33-м присуждении наград гр. Уварова". СПб., 1892 г. („Отзывы и ответы", М., 1914 г.).

Колясников, А. Я. Народные юридические обычаи у карелов, живущих в Олонецком уезде. „Олон. Губ. Вед." 1877 г. №№ 5, 6; „Олон. Сб.", вып. 2, 1886 г.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Арханг., 1896 г.

Крохин, В. История карел. „Русск. Стар." 1907 г., авг. — окт.; 1908 г. июнь—июль, и отд. СПб., 1908 г.

Ласточкин, А. Карелы, обитающие в Олонецкой губ. „Олон. Губ. Вед." 1853 г. №№ 7, 9—12, 14, 15, 22, 23, 25 и 26; „Олон. Сб.", вып. 3, 1894 г.

Майнов, В. Поездка в Обонежье и Карелу. 2-е изд. СПб., 1877 г.

Макарий, еписк. Христианство в пределах Архангельской епархии. М., 1878 г.

Минорский, П. Олонецкие карелы и Ильинский приход Олонецкого уезда. „Олон. Губ. Вед." 1879 г. №№ 31—56, 58, 59, 61, 62, 64; „Олон. Сб.", вып. 2, 1886 г.

Митропольский, П. Смутное время в народных преданиях и памятниках Олонецкой губ. „Олон. Губ. Вед." 1898 г. №№ 70, 71, 73, 75; „Олон. Сб.", вып. 3, 1894 г.

Неволин, К. А. О пятинах и погостах Новгородских. СПб., 1853 г.

Огородников, Е. К. Мурманский и Терский берега по книге Большого Чертежа. СПб., 1869 г.

—— Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по книге Большого Чертежа. СПб., 1877 г.

Олонецкий Сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 1—4. Петрозаводск, 1875—1902 гг.

Островская, М. А. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913 г.

Петров, К. М. Олонецкие карелы. „Олон. Губ. Вед." 1867 г. №№ 17, 18, 20.

—— Муромский монастырь (в Пудожском уезде). „Олон. Сб.", вып. 2, 1886 г.

Петров, Л. — см. „Истор.-статист. свед. о С.-Петербургской епархии."

Писцовые книги Водской пятины XV в. (Карельск. половины). „Врем. Моск. О-ва Ист. Древн.", кн. XI — XII, 1851 — 1852 гг., и Киев, 1908 г.; XVI в., под ред. А. М. Гневушева, Новгор., 1917 г.

Попов, А. Исторические заметки о Бежецком Верхе. „Чтен. Моск. О-ва Ист. Древн." 1881 г., кн. 3.

Православная Карелия. Очерк. Пгр., 1914 г.

Прилежаев, Е. М. Краткая историческая записка об Олонце. „Олон. Губ. Вед." 1887 г. №№ 67—69; „Олон. Сб.", вып. 3.

—— К истории города Олонца и его окрестностей. „Олон. Губ. Вед." 1891 г. №№ 94—96; „Олон. Сб.", вып. 3, 1894 г.

Самоквасов, Д. Я. Архивный материал, тт. 1—2. М., 1905—1909 гг.

Семенов, П. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. II, 1865 г.

Смирнов, М. Н. Карелы. Их история, народный быт и карельская русская грамотность. „Олон. Губ. Вед." 1872 г. №№ 68, 70.

Соборнов, А. К истории культуры Олонецкой карелы. „Олон. Сб.", вып. 1, 1875 г.

Чистович, И. История правосл. церкви в Финляндии и Эстляндии. СПб., 1856 г.

Sjögren, A. Wann und wie wurden Sawolotschje u. die sawolokschen Tschuden russisch? „Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Pétersbourg", VI serie, t. I, n° 6, 1832 г.; „Gesammelte Schriften", I, 1861 г.

Шумаков, С. А. Тверские акты, вып. 2, Тверь, 1897 г.

—— Обзор грамот Коллегии Экономии, вып. 2, М., 1900.

Энгельгардт, А. П. Русский Север. СПб., 1897 г.

Лопари.

Андреев, А. И. О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г. „Русск. Истор. Журн.", кн. 6, 1920 г.

—— К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова. „Дела и Дни" I, 1920 г.

—— Новгородская колонизация Севера.

—— Колонизация Севера в XVI—XVII вв.; обе последние статьи в сборн. „Очерки по истории колонизации Севера", вып. 1, СПб., 1922 г.

Бутков, П. Три древние договора русских с норвежцами и шведами. „Журн. Мин. Вн. Дел" XXIII, 1837 г.

—— Договор о мире, заключенный между Россией и Швецией у Тявзина 18 мая 1595 г. Ibid., XXXVII, 1840 г.

Гебель, Г. Ф. Наша северо-западная окраина — Лапландия. „Русск. Судоходство" 1904 г. №№ 10—12; 1905 г. №№ 1—4, 6—8, 10 и 11.

—— К вопросу о наших правах на Лапландию и смежные с нею части. „Изв. Арх. О-ва изуч. Русск. Сев." 1909 г. № 4.

—— Наши права на Лапландию и смежные с нею части. Ibid., 1909 г. № 5.

Гешин, Е. В. Трифоно-Печенгский монастырь. Из путевых впечатлений. „Русск. Мысль" 1913 г., май.

Голубинский, Е. Е. История Русской церкви. Период второй, Московский. Т. II, полов. первая, М., 1900 г.

Голубцов, Н. К истории разграничения России с Норвегией. „Пам. кн. Арханг. губ. на 1910 г.".

—— К истории города Колы, Архангельской губ. „Изв. Арх. О-ва изуч. Русск. Сев." 1911 г. №№ 1 и 5.

Григорьев, Арк. Мурманский инок. Архимандрит Ионафан. Пгр. 1916.

Жалованная грамота лопарям. 1530 г. „Прод. Древн. Рос. Вивл.", ч. V, СПб., 1789 г.

Жалованная грамота 1585 г. июня 3 Терским, Понойским, Еконским, Семиостровским, Волоозерским, Воронинским и Кондольским лопарям о невъезде даньщиков. „Чтен. Моск. О-ва Ист. и Древн." 1883 г., кн. 2.

Грамота государева 1620 г. Кольскому воеводе о невъезде даньщиков к Кольским лопарям для сбора дани. „Сев. Арх.“, ч. 17, № 18, 1825 г.

Греков, А. Трехсотлетие преп. Трифону Печенгскому. СПБ., 1883 г.

Грот, Я. К. Старинный датский документ о разорении Печенгского монастыря 1589 г. „Сборн. Отдел. русск. яз. и словесн.“, т. 51 (1890 г.), прилож. к проток. XIX; то же в „Сочинениях“, т. IV.

Дергачев, Н. Подробное описание Лопской земли. „Арханг. Губ. Вед.“ 1869 г. №№ 64—70, 72, 76, 79—80, 82, 83; 1870 г. №№ 1—11, и отд. под названием „Русская Лапландия“. Арханг., 1877 г.

Д. О. Печенгский монастырь в Русской Лапландии (Klostret i Petschenga. Skildringer fra Russisk Lapland, af I. A. Friis). „Вестн. Европы“ 1885 г., июнь.

Ефименко, А. Я. Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов. „Зап. Русск. Геогр. О-ва по Отдел. этногр.“ VIII, 1878 г.

Ефименко, П. С. Заволоцкая чудь. Арханг., 1869 г.

Житие препод. отца нашего Трифона, Печенгского чудотворца, лопарский народ просветившего святым крещением. „Правосл. Собеседн.“ 1859 г., ч. II.

Иконников, В. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. К., 1869 г.

К. Д. Памяти простеца. „Сев. Утро“ 1915 г. № 54.

Кааран, А. К истории Русского Севера. Русско-норвежские отношения. „Изв. Арханг. О-ва изуч. Русск. Сев.“ 1910 г. №№ 11 и 12, и отд. Арханг., 1910 г.

Керский, С. Трифоно-Печенгский монастырь. „Церк. Вед.“ 1889 г. №№ 47, 48, и отд. СПб., 1890 г.

Ключевский, В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря. „Моск. Унив. Изв.“ 1867—68 гг., № 7 („Опыты и исследования“, I, М., 1912 г.

—— Жития святых, как исторический источник. М., 1871 г.

Козмин, К. Распространение христианства среди русских лопарей. „Арханг. Епарх. Вед.“ 1900 г. №№ 2—6, 8, 10, 12 и 13.

—— Печенгский монастырь в Лапландии. Ibid., 1901 г. №№ 9, 10 и 15.

—— К вопросу о русско-норвежской границе. „Изв. Арханг. О-ва изуч. Русск. Сев.“ 1913 г. № 17, и отд. Арханг., 1913 г.

—— Лапландия и лапландцы. Ibid., 1915 г., № 6.

Cordt, B. Die Verhandlungen d. Waffenstillstandes von Teusina. Dorpat, 1892 г.

Корольков, Н. Ф. Сказание о преп. Трифоне, Печенгском чудотворце, просветителе лопарей. Изд. 2-е. СПб., 1899 г.

—— Трифоно-Печенгский монастырь, основанный преп. Трифоном, просветителем лопарей, его разорение и возобновление. СПб., 1908 г.

Краткое историческое описание приходов и церквей Арханг. губ. „Арханг. Епарх. Вед.“ 1896 г. №№ 10—20 (Кемский и Кольский уезды).

Курбский, А. М. Сочинения, т. I. „Русск. Истор. Библ.“, т. XXI.

Макарий, еписк. Христианство в пределах Архангельской епархии. „Чтен. Моск. О-ва Истор. и Древн.“ 1878 г., кн. 3.

Макарий, митроп. История Русской церкви. Том VI. СПб., 1870 г.; изд. 2-е, СПб., 1887 г.

Максим Грек. Сочинения, изд. при Казанск. Дух. Академии. Часть третья. Казань, 1862 г.

Маноцков, В. И. Очерки жизни на крайнем севере. Мурман. Арханг., 1897 г.

Мелетиев, В. Памяти архим. Ионафана. „Арханг. Епарх. Вед." 1915 г. № 8.

Любопытный месяцеслов на лето от Р. Хр. 1795. М., 1795 г.

Молчанов, К. Описание Архангельской губернии. СПб., 1813 г.

Наказы Кольского уезда от лопарей Пяозерского, Пазрецкого, Нявдемского, Сонгельского, Кильдинского, Печенского погостов и Терской лопи. „Сборник Русск. Историч. О-ва", т. 123, 1907 г.

Никодим. Преп. Трифон, просветитель лопарей. СПб., 1899 г.

—— Преп. Трифон, Печенгский чудотворец, и его ученики. СПб., 1901 г.

Об обращении лопарей в христианство в XVII в. „Чтен. Моск. О-ва Истор. и Древн." 1887 г., кн. 1.

Огородников, Е. К. Прибрежья Ледовитого и Белого морей по книге Большого Чертежа. СПб., 1877 г.

Озерецковский, Н. Описание Колы и Астрахани. 1804 г.

Островский, Д. О Печенгском монастыре в Русской Лапландии. „Церк. Вед." 1888 г. №№ 13, 14.

Памяти архим. Ионафана. „Правит. Вестн." 1915 г. № 59; „Русский Паломник" 1915 г. № 18.

Печенгский монастырь. „Прав. Обозр." 1884 г. № 11.

Печенгский монастырь в Русской Лапландии. „Арханг. Губ. Вед." 1888 г., №№ 37, 38.

Платонов, С. Ф. Начало русских поселений на Мурмане, в сборн. „Производительные силы района Мурманской жел. дор.". Петрозав., 1923 г.

Погодин, А. Л. К вопросу о древнем населении нашего Севера — лопарях и чуди. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1912 г. № 11.

П (одвысоцкий), А. Русско-норвежское пограничье. „Арханг. Губ. Вед." 1877 г. №№ 96—102.

Попов, А. Н. К истории Терских лопарей. (Две жалованные грамоты 1585 и 1605 гг. о сборе дани). „Изв. Арханг. О-ва изуч. Русск. Сев." 1915 г. № 8.

Рейнеке, М. Описание гор. Колы в Российской Лапландии. СПб., 1830 г.

Савич, А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927 г.

Терентиев, Г. Начало и развитие рыбных промыслов на Мурманском Российском береге. „Арханг. Губ. Вед." 1876 г. №№ 28, 29, 33.

Тищенко, А. В. К истории Колы и Печенги в XVI в. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1913 г., июль; с небольшими изменениями в сборнике „А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о нем". Пгр., 1916 г.

У. С. Культуртрегер в рясе. „Архангельск" 1915 г. № 51.

Филиппов, А. М. Русские в Лапландии в XVI в. „Литер. Вестн.", т. I, кн. 3. 1901 г.; текст Салингена, ibid., с 297—305, исправл. к нему, ibid., т. IV, кн. 6, 1902 г.

—— Голландец Салинген в России в XVI в. „Литер. Вестн.", т. IV, кн. 6.

—— Мурманские промыслы при царе Иоанне Грозном. „Нов. Время" 1903 г. № 9684.

—— Жан Соваж из Диеппа. Ibid., 1903 г. № 9722.

Филиппов, А. М. Новые открытия в истории русской картографии. Ibid. 1902 г. № 9627.

Форстен, Г. В. Сношения Дании с Россией в царствование Христиана IV. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1892 г., апрель.

Харузин, Н. Русские лопари. М., 1890 г.

Челобитная 1673 г. патр. Питирима царю Алексею Михайловичу об избавлении лопарей от наезда кречатьих помочников. „Чтен. Моск. О-ва Истор. Древн." 1883 г., кн. 2.

Чулков, М. Историческое описание Российской коммерции, ч. I.

Чумиков, А. О походе шведов к Белому морю в 1590—91 гг. „Чтен. Моск. О-ва Истор. Древн." 1894 г., кн. 3.

Ш., И. К истории Понойского прихода и Понойских церквей. „Арханг. Епарх. Вед." 1889 г. № 18.

Шахматов, А. А. О так называемой Ростовской летописи. „Чтен. Моск. О-ва Истор. и Древн." 1904 г.

Sjögren, A. Wann u. wie wurden Sawolotschje u. die sawolokschen Tschuden russisch? „Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Pétersb.", VI série, t. I, № 6, 1832 г.; „Gesammelte Schriften" I, 1861 г.

Шестаков, П. Д. Просветители лопарей архим. Феодорит и св. Трифон „Журн. Мин. Нар. Просв.", ч. 139, 1868 г.

Шидловский, А. Ф. Указатель литературы о деятельности Петра Великого на Севере и опись старых дел губернских присутств. мест в г. Архангельске с 1710—1725 гг. Арханг., 1910.

Шипчинский, В. Аннексия Западного Мурмана. „Изв. Арханг. О-ва изуч. Русск. Севера" 1918 г. №№ 5—9.

Датский Архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене 1326—1690 гг. Сообщ. Ю. Н. Щербачев. „Чтен. Моск. О-ва Истор. Древн." 1893 г., кн. 1.

Русские акты Копенгагенского Госуд. Архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. „Русск. Истор. Библ." XVI, 1897 г.

Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 1—2. Изд. О-ва Истор. и Древн. Росс. М., 1915—16 гг.

Яхонтов, И. Жития святых северно-русских подвижников Поморского края, как исторический источник. Казань, 1881 г.

Ингры, савакот, эврэмейсет, водь.

Андреев, А. И. Грамота 1685 года царей Иоанна и Петра Алексеевичей Шведскому королю Карлу XI. „Летоп. Зан. Археогр. Ком." XXXIII, 1926 г., и отд. Лгр., 1926 г.

—— К истории Ингрии и Карелии в конце XVII в. „Докл. Академии Наук СССР" 1927 г.

Афанасий, архиеп. Холмогорский. Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701 г. Издал П. Б (утков). „Журн. Мин. Вн. Дел" XXIX, 1838 г. То же в труде В. Верюжского, Афанасий, архиепископ Холмогорский, СПб., 1908 г.

Беляев, И. Д. О географических сведениях в древней России. „Зап. Русск. Геогр. О-ва" VI, 1852 г.

Бутков, П. Г. О состоянии местностей С.-Петербургских в XVI в. „Журн. Мин. Вн. Дел" XX, № 6, 1836 г.

Гиппинг, А. И. Нева и Ниеншанц. Со вступит. статьею А. С. Лаппо-Данилевского. Ч. I—II. СПб., 1909 г.

Егоров, В. А. Новгородские храмы, как памятники русско-финских отношений. Отт. из „Отчета за первые два года деятельности Ленингр. О-ва исследов. культ. финноуг. народностей". Лгр., 1927.

Известие о бывшем городе Ниеншанце. „Ежемес. сочин. к пользе и увеселению служащие" 1755 г., март.

Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником, с предварительной заметкой А. С. Лаппо-Данилевского. СПб., 1913 г.

Кеппен, П. Водь и Водская пятина. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1851 г. №№ 5—6.

—— Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861 г.

Куник, А. Разбор сочинения пробста А. Гиппинга под заглавием: „Нева и Нюэнсканс или Введение в историю С.-Петербурга". „Двадцать второе присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград 23 мая 1853 г.", СПб., 1853 г.

Курдюмов, М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве Археографической Комиссии. Пгр., 1923 г. (коллекция Соловьева).

Лерберг, А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819 г. (первоначально по-немецки — в 1816 г.).

Неволин, К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. „Зап. Русск. Геогр. О-ва" VIII, 1853 г.

Немиров, Г. А. Петербург до его основания. Очерк истории р. Невы и местности нынешнего Петербурга до 1703 г. I—IV. СПб., 1888—1891 гг.

Писцовая книга Водской пятины 1539 года. Под ред. А. М. Гневушева. Вып. I. Изд. Новгор. Учен. Арх. Ком. Новгород, 1917 г.

Писцовые книги Водской пятины 1499—1500 гг. „Врем. Моск. О-ва Истор. и Древн." XI—XII, 1851—1852 гг. Дополн. к ним, напеч. А. М. Гневушевым в „Киевск. Унив. Изв." 1908 г.

Писцовые книги Ижорской земли, т. I, отд. 1 и 2. СПб., 1859—62 гг.

Рождественский, С. В. Невско-Ладожский бассейн в истории военно-торгов. путей до XVIII в. „Тр. Ленингр. О-ва изуч. местн. края" I, 1927 г.

Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца. Приложение к труду А. И. Гиппинга „Нева и Ниеншанц", с предварительной заметкой А. С. Лаппо-Данилевского. Пгр., 1916 г.

Форстен, Г. В. Рецензия на труд C. v. Bonsdorff „Nyen och Nyenskans". „Журн. Мин. Нар. Просв." 1892 г. № 5.

Цетреус, Л. Нечто о вотландцах. Перев. с нем. с примеч. Казанского профессора П. А. Цеплина. „Сев. Арх." 1822 г., ч. I.

Цылов, Н. Планы С.-Петербурга в 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 гг. СПб., 1853 г.

Schirren, C. Nachricht von Quellen zur Geschichte Russlands vornehmlich aus schwedischen Archiven u. Bibliotheken. St.-Petersburg, 1860.

Sjögren, A. Über die Finnische Bevölkerung d. St.-Petersburgischen Gouvernements u. über d. Ursprung d. Namens Ingermanland. „Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Pétersbourg", VI série. Sciences politiques... T. II, 1834 г. Извлечение из этого сочинения, составленное Д. И. Языковым, напечатано под заглавием „О финских жителях С.-Петербургской губ." в „Русском Истор. Сборнике", кн. 1, 1840 г.

Якубов, К. Русские рукописи Стокгольмского Госуд. Архива. „Чтен. Моск. О-ва Истор. и Древн." 1890 г., кн. 1.

Карта расселения финноугорских народностей СССР.

Д. А. Золотарев.

Прилагаемая к Сборнику схематическая карта дает представление о том месте, какое финноугорская семья занимает среди народов СССР. Населяя в отдаленном прошлом территорию северной и центральной европейской части СССР, финны в настоящее время сохранились лишь местами, будучи вкраплены среди русского населения и занимая на окраинах значительные и сплошные пространства.

Различаясь по физическому типу, языку и быту, разрозненные финские племена объединяются главным образом на основании лингвистических особенностей в несколько географических групп.

Прежде всего на крайнем северо-востоке области распространения финноугров выделяется угорская группа, занимающая склоны Северного Урала и прилегающие территории в европейской и азиатской частях СССР.

Вогулы живут в количестве около 7000 в Тобольском округе по рр. Сосве, Конде и Тавде, заходя в северо-восточную часть Верхнекамского округа Уральской области.

Остяки живут в количестве до 19.000 в Тобольском округе Уральской области и Нарымском крае Томского округа Сибирского края, в бассейне рек Оби, Иртыша, Конды, Васюгана и др.

Непосредственно примыкающая к угорской группе северо-восточная-пермяцкая или прикамская группа состоит из пермяков (комиморт), вотяков (удмурт), зырян (коми) и бесермян.

Пермяки живут в количестве около 130.000 в Комипермяцком и Верхнекамском округах Уральской области, в нескольких селах Омутнинского у. Вятской г. В небольшом количестве они

встречаются в Северо-Западной Сибири. Они очень сильно обрусели.

Вотяки, являясь основной народностью Вотской Автономной С. С. Области, составляют около 500.000 человек. Кроме Вотской Области, вотяки живут в Башкирской Республике (около 25.000), в Сарапульском округе Уральской области, Татарской АСС Республике и даже в небольшом количестве в Самарской губ. (ок. 2000) и Сибири (ок. 1700).

Бесермяне, условно присоединяемые к финской группе, живя вблизи вотяков, ближе всего к последним. Они сохранились в количестве около 10000 в Глазовском уезде Вотской области и сильно подверглись влияниям туркской группы народов СССР.

Зыряне (*коми*) являются главной народностью Области Коми. По данным переписи 1920 г., их насчитывалось 186.108, при чем 9566 в Сибири, куда они заходят в связи с промыслами. Небольшое число их встречается на Кольском полуострове, куда они стали переселяться с 1887-го года, где из общего количества около 600 чел. большая часть зырян-ижемцев живет в Ловозерском погосте наряду с лопарями и в новых поселках — Ивановке, Каневке и Красной Щели.

Юго-восточная и приволжская группа состоит из черемис (мари) и мордвы.

Черемисы, живя сравнительно компактной массой в количестве около 400.000, составляют основное население Марийской АСС Области. Вместе с тем они заходят в соседние Чувашскую АСС Республику, Татарскую АСС Республику, Кунгурский округ Уральской области, Башкирскую АСС Республику и Вятскую и Нижегородскую губ., и даже в Сибирь (ок. 900 чел.). Черемисы разделяются на горных (правый берег р. Волги), луговых (левый берег Волги) и восточных.

Мордва является самой многочисленной финской народностью на территории СССР. Но в связи с расбросанностью на большом пространстве, занятом одновременно другими народностями, мордва, состоя из двух крупных племен: эрзи и мокши, и двух незначительных групп: каратаев и терюхан, до сих пор не объединилась подобно другим народностям СССР и не образовала своего национального центра. Общее количество мордвы было определено переписью 1920 года в 1.167.537 человек. Большая часть мордвы сосредоточена в средне-волжских губерниях: Самарской, Ульяновской, Саратовской, Нижегород-

ской, а также в Пензенской и Тамбовской губерниях. Кроме того, около 50.000 живет в Западной Сибири, ок. 35.000 в Казакстане, в Башкирской и Татарской АСС Республиках и т. д. Сильное различие в языке у эрзи и мокши очень мешает осуществлению объединения мордвы. В очень небольшом количестве в Татарской Республике сохранились каратаи, а в Нижегородской губ. терюхане, как местные мордовские группы, в первом случае подвергшиеся татарскому, а во втором русскому влияниям.

Западная группа состоит из суоми, карел, савакот, эврэмейсет, ижор, води, эстов, вепсов и относящихся сюда по географическому положению лопарей, не входящих в западную лингвистическую группу.

Суоми, являясь главнейшей народностью Финляндии, в СССР представлены в сравнительно небольшом количестве в массе западно-финских племен под общим названием „финны“. Больше всего их в городах Ленинграде и Петрозаводске, в Ленинградской губ., Карельской АСС Республике и Мурманской губ. Если перепись 1920 г. учла 120.388 финнов, то на долю суоми из этого числа придется очень мало, так как основная масса состоит из так называемых Ленинградских финнов: савакот и эврэмейсет (маймистов или чухонцов).

Савакот сосредоточены главным образом в Марковской, Колтушской, Рябовской, Молосковицкой, Губаницкой и др. волостях. В Дудергофском, Мартышкинском и Ропшинском районах они живут совместно с эврэмейсет.

Эврэмейсет, очень мало отличаясь от савакот, больше всего сохранились в пограничном с Финляндией районе, в Петергофско-Ораниенбаумском районе и южнее Троцка (Гатчины) по направлению к Новгородской границе. В бб. Детскосельском и Шлиссельбургском уездах они составляют около 37 % общего количества сельского населения.

Ижоры (ингры), более старое население на территории Ленинградской губернии, чем вышеуказанные финны, сохранились в количестве около 12.500 человек главным образом в Сойкинской и Наровской волостях Кингисеппского уезда и в б. Петергофском уезде. Они очень сильно обрусели.

Водь (Vadja, Vatja), по имени которой была названа одна из Новгородских пятин Вотскою, еще более обрусела и сохранилась лишь в количестве около 1000 чел. в Котельской

и отчасти в Наровской волостях Кингисеппского уезда. Но и здесь в настоящее время общеупотребительным языком является русский.

Вепсы (чухари, чудь, кайваны) живут в количестве более 25.000 в Лодейнопольском у. Ленинградской губ., Тихвинском у. Череповецкой губ. и Петрозаводском у. Карельской АССР. Местами они очень сильно обрусели.

Карелы, составляя население западной половины Карельской АСС Республики, в несколько большем количестве живут в Тверской и Новгородской губ. В Тверской губ. карел около 120.000, в то время как в Карелии около 100.000. Немного карел встречается в Ленинградской и Мурманской г. Среди карел по лингвистическим особенностям выделяются олончане — в Олонецком уезде и людилайсет — в Петрозаводском уезде.

Эсты (*виро*), в большей своей части живущие в Эстонии, в пределах СССР рассеяны в разрозненных колониях в Ленинградской, Псковской, Новгородской и др. губ., включая даже Сибирь, куда эстов загоняло малоземелье и тяжелые условия жизни в Прибалтийском крае. Перепись 1920 г. зарегистрировала 153.564 эста, из них — 32.297 в Сибири. Больше всего эстов было тогда в Ленинградской губ. — 44.675 чел.

Обособленно стоящие *лопари* сосредоточены на Кольском полуострове в количестве около 1640 чел. Они в большей своей части являются полукочевниками, занимающимися оленеводством, рыболовством, охотой и др. подсобными промыслами.

ОСНОВНЫЕ КАРТЫ РАССЕЛЕНИЯ ФИННОУГРОВ СССР.

1. Köppen, P. Ethnographische Karte d. St.-Petersburger Gouvernements, изд. Академии Наук, 1849 г.
2. Кеппен, П. И. Этнографическая карта Европейской России, изд. Русск Географ. Общ., 1852 г.
3. Эркерт. Этнографическая карта России, в изд. „Ф. Х. Паули. Народы России". 1862 г.; то же на француз. языке.
4. Риттих, А. Ф. Этнографическая карта Казанской губ. „Материалы по этнографии России. Казанская губ.", 1870 г.
5. Риттих, А. Ф. Карта Прибалтийского края „Материалы по этнографии России. Прибалтийский край", 1873 г.
6. Риттих, А. Ф. Этнографическая карта Европейской России, изд. Русск. Географ. Общ., 1875 г.

7. Этнографическая карта Пензенской губ. „Памятная кн. Пензенской губ.“ за 1870 г.
8. Лаврентьев, К. В. Этнографическая карта Вятской губ. „География Вятской губ.“, 1904 г.
9. Золотарев, Д. А., Маштаков, П. Л., Фиельструп, Ф. А. и Шибаев, В. П. Этнографическая карта Поволжья, в сборн. „Поволжье“, 1 и 2 изд., 1925 и 1926 гг.
10. Фиельструп, Ф. А. Этнографическая карта Приуралья, изд. КИПС, 1926 г.
11. Схема основного распределения народностей Уральской области, в сборн. „Урал после районирования“, Свердловск, 1926 г.
12. Золотарев, Д. А. Этнографические карты Мурманской губ., Карельской АССР и южной части Северо-Западной Области. „Этнический состав населения Северо-Западной Области и Карельской АССР“, изд. КИПС, 1927 г.
13. Этнографическая карта Сибири, изд. КИПС (печатается).

Указатель личных имен.

Абрамов, И. А. 219.
Абрамов, Н. А. 61, 65, 257, 260, 306.
Абузов, С. С. 126.
Аврамов, В. 53, 65.
Аделунг, Ф. П. 83, 86.
Адлер, Б. 65.
Адрианов, С. А. 258, 313.
Аилио, 186, 223, 227.
Айнсон, Г. П. 111, 112.
Алабин, П. А. 146, 178.
Алабин, П. В. 169, 170, 173, 174.
Александр, еписк., 316.
Александрова, А. И. 14.
Алексей Михайлович, царь, 327.
Алонзов, 41, 65.
Альбицкий, Л. 235.
Альквист, А. 106, 306.
Амвросий, 289, 294.
Андерсон, Н. И. 80, 81, 113—115, 122, 129, 132.
Андион, 152.
Андреев, А. И. 243, 256, 300, 305, 324, 327.
Андреев, Д. 45, 65.
Андриевич, В. К. 259, 306.
Андриевский, А. 266, 309, 319.
Анна Иоанновна, 235.
Анучин, Д. Н. 15, 17, 21, 119, 155, 156, 163, 165, 207, 212, 222, 237, 306.
А—ов-Запечерский. 53, 65.
Апухтин, 218.
Аргентовский, П. 70, 209.
Арзютов, Н. 231, 232, 237.
Аркадий, архиеп., 293, 322.
Арне, 223.
Арсеньев, В. А. 53, 65, 313.
Артемий, староста, 289.
Артемьев, А. И. 283, 319.
Артоболевский, С. 293, 322.
Архангельский, И. 44, 65.
Архангельский, Н. А. 203.
Аспелин, 145, 167, 174, 186.
Ауновский, В. 42, 65.
Афанасий, архиеп., 302, 327.
Ахматов, Г. 208.

Багин, С. 57, 65.
Бадер, О. Н. 238.
Бакман, Г. 17.
Бакмейстер, Г. Л. 83, 84, 86.
Баллод, Ф. В. 232.
Баранов, А. Н. 48, 65, 309.
Баранова, П. Н. 65.
Барсов, Е. В. 289, 290, 322.
Барсов, Н. П. 106, 257, 306.
Басова, Е. Н. 225.
Баталин, А. А. 15.
Баушев, К. М. 124, 125.
Бахрушин, С. В. 262, 306.
Башкиров, А. С. 232, 233.
Бекаревич, Н. М. 190.
Беляев, И. Д. 256, 257, 290, 302, 306, 327.
Беляев, Н. 313.
Бередников, Я. И. 244.
Березнеговский, С. 279, 318.
Беркутов, Л. А. 209.
Бернштам, В. Л. 161.
Берх, В. Н. 139, 237, 306, 313.
Бехтерев, В. 54, 65.
Бехтерев, Н. 264, 265, 309.
Благовещенский, И. И. 287.
Благовидов, И. 8, 24.
Бл—ов, М. см. Блинов, М..
Блинов, М. 52, 65, 309.
Блинов, Н. Н. 57, 65, 309, 310, 313.

Бобровников, Н. А. 57, 58, 65.
Богаевский, М. 309.
Богаевский, П. М. 54, 56, 65.
Богданов, А. П. 1—3, 5, 18, 21—23, 152, 155, 157—160, 164, 165, 237.
Богословский, П. С. 66.
Богоявленский, С. К. 212, 217, 237.
Богуслав, 290, 322.
Бодуэн-де-Куртенэ, И. А. 110, 116, 120, 129.
Boecler, 35.
Болтин, И. Н. 256, 320.
Бондяков, И. Я. 125, 126.
Бонсдорф, К. 304, 305, 328.
Бопп, 95.
Борисов, В. Л. 205.
Борисов, Н. В. 319.
Борисов, Т. К. 125.
Бортвин, Н. Н. 192, 205.
Бранденбург, Н. Я. 155, 161—165, 210, 211, 234, 237.
Браун, Ф. А. 116, 272, 313.
Брок, П. 1.
Брокгауз-Эфрон, 86.
Брюсов, А. А. 226.
Брюханов, 180.
Бубрих, Д. В. 77, 126—129, 132.
Буденц, И. 79, 110, 113.
Будрин, Е. 313.
Булич, С. К. 81, 82, 84, 85, 116, 121, 129.
Булычев, Н. И. 189, 194, 198, 209, 212, 218, 237.
Бунак, В. В. 6—9, 19, 20, 23, 24.
Буртаев, Е. Б. 126.
Бутенев, Н. Ф. 146, 148, 237.
Бутков, П. Г. 92, 104, 106, 130, 295, 302, 324, 327, 328.
Бухаров, Д. Н. 38, 66.
Буцинский, П. Н. 259, 306.
Бушен, А. Б. 256, 257, 306.
Бычков, И. А. 297.
Бэр, К. М. 1, 22, 144, 148, 158, 170, 190.
Бюшинг, А. Ф. 298.

Василий, архиеп., 289.
Василий Шуйский, царь, 306.
Васильев, А. 318.
Васильев, В. М. 49, 66, 125, 130.
Васильев, И. 56, 66.
Васильев, С. 264, 309.
Введенский, А. А. 278, 313.
Вебер, 102.
Вейнберг, Р. А. 17, 26.
Величкин, В. 313.
Вениамин (Краснопевков), еписк. 294.
Вениамин (Пуцек-Григорович), архиеп., 85.
Венюков, 155.
Верещагин, А. С. 248, 261, 266, 268, 269, 285, 306, 309, 310, 319, 320.
Верещагин, В. 35, 66, 290, 322.
Верещагин, Г. Г. (Удмурт), 125, 130.
Верещагин, Г. Е. 55, 57, 58, 59, 66, 269, 309, 310.
Верюжский, В. 302, 327.
Веселовский, Н. И. 215.
Веселовский, С. Б. 320.
Веске, М. П. 80, 81, 107—115, 122, 130, 133.
Вестерлунд, 16.
Вештомов, А. 263—265, 269, 310.
Видеман, Ф. И. 30, 33—35, 66, 80, 81, 86, 91, 100—102, 104, 107, 108, 111, 130, 133, 134.
Виноградов, К. Л. 235.
Вирхов, 5.
Висковатов, П. А. 211, 220, 237.
Витзен, Н. 81, 278.
Вихман, И. 115.
Вишневский, Б. Н. 8, 11, 24, 66, 235.
Вишневский, В. П. 40.
Власов, В. И. 161.
Волегов, Ф. А. 141, 179, 182, 258, 313.
Волков, Н. Д. 54, 66.
Волков, Ф. К. 192.
Волькенштейн, 165.
Вольтер, Э. А. 84.
Воробьев, А. Я. 161.
Воробьев, В. В. 22.
Ворсо, И. 144, 151.
Высоцкий, Н. Ф. 64, 66, 172, 176, 177, 242.

Габеленц, Г. К. 103.
Гаврилов, Б. 54, 56, 66.
Гагаева, М. 8, 24.

Галченко, А. 190.
Гамченко, С. С. 218, 237.
Гатцук, А. 157, 158, 217, 237.
Гебауер, Ф. Ю. 180.
Гебель, Г. Ф. 272, 298, 299, 313, 324.
Гезелий, 303.
Гейкель, А. М. 181.
Гейнсий, У. 273.
Гендриков, И. 181.
Гендуне, Ю. Г. 200.
Георги, И. Г. 28, 66, 83, 138, 237, 256, 257, 263.
Георгиевский, М. Д. 122.
Гераклитов, А. А. 282, 318.
Герасим, архиеп., 260, 306.
Герд, К. П. 58, 66, 67, 124.
Геродот, 167, 169.
Герцен, А. И. 52, 67, 246, 271, 311.
Гершельман, Э. 17, 26.
Гешин, Е. В. 300, 324.
Гильченко, Н. В. 7, 10, 11, 17, 23, 24, 26.
Гиппинг, А. И. 303—305, 328.
Гирс, М. М. 234.
Глазов, В. Н. 190, 208, 211, 215, 216, 218, 241.
Глезденев, П. П. 125, 130.
Глинка, Ф. И. 140, 237.
Глушков, И. Н. 64, 67.
Гмелин, И. Г. 138.
Гневушев, А. М. 274, 291, 303, 306, 328.
Голицын, Л. С. 151.
Головкинский, Н. 149, 176, 237.
Голубинский, Е. Е. 298, 324.
Голубцов, В. 306, 313.
Голубцов, Н. А. 35, 67, 290, 298, 299, 322, 324.
Гольмстен, В. В. 209, 220, 222, 224, 225, 227, 229—231, 237, 238.
Гондатти, Н. Л. 4, 62, 67.
Горбунов, А. 278.
Городской, Г. 43, 67.
Городцов, В. А. 151, 156, 184, 187, 189, 190, 192—195, 198, 200, 201, 207, 208, 222—225, 228—232, 235, 238.
Готье, Ю. В. 187, 217, 219, 224, 229, 237, 238, 292, 322.
Гофман, Э. К. 256, 257, 306.
Гребнев, М. 42, 279, 318.
Гревинг, К. 145.
Греков, А. 325.
Грен, А. Н. 59, 67, 128.
Грен, В. 277, 313.
Григоровский, Н. П. 62, 67.
Григорьев, А. 300, 324.
Григорьев, В. В. 141, 157.
Гримм, 95.
Гроздов, А. Е. 161.
Грот, Я. К. 83, 92, 104, 105, 130, 297, 303, 325.
Грубе, 16, 17.
Гурт, Я. 103.

Дамаскин (Дмитрий Семенович Руднев), 85.
Данилов, 161.
Дашков, В. А. 35, 67.
Дементьев, П. Д. 320.
Демидов, А. Н. 316.
Демидов, П. Н. 102.
Депман, И. Я. 109, 111.
Дергачев, Н. 38, 67, 295, 296, 325.
Диев, М. Я. 255, 284, 320.
Димитрий (Сеченов), архиеп., 264.
Дмитриев, А. А. 248, 256—258, 261, 262, 272, 273, 276, 277, 306, 307, 313, 314.
Дмитриев, П. А. 227.
Дмитриев-Кельд, И. Д. 124, 125.
Дмитриев-Мамонов, А. И. 181.
Д. О., см. Островский, Д.
Добротворский, Н. А. 55, 67, 314.
Доброхотов, И. М. 318.
Добрынкин, Н. Г. 165.
Докучаев, В. В. 150, 151, 153, 154, 238.
Докучаев-Басков, К. А. 289, 322.
Доленга-Ходаковский, З. А. 140, 165, 238.
Доннер, О. 79.
Доронин, П. 59, 67.
Дохтуровский, В. С. 225.
Држевецкий, А. 53, 67.
Дружинин, В. Г. 205.
Дубасов, И. И. 280, 318.

Евгений (Болховитинов), митр., 86, 274, 275, 314.

Европеус, Д. П. 22, 106, 130, 161, 162, 164, 238, 255—257, 271, 290, 307.
Евсевьев, М. Е. 48, 67, 125, 283, 318.
Евсеев, 126.
Егоров, В. А. 128, 305, 328.
Едемский, М. Б. 219.
Ежов, Ф. 53, 67.
Екатерина II, импер., 83, 253.
Елена Павловна, вел. княг., 109.
Елизавета Петровна, импер., 235.
Елизаров, П. К. 316.
Елисеев, А. В. 15, 16, 18, 26.
Елпидинский, Я. 322.
Емельянов, А. И. 50, 59, 67, 127—129.
Емельянов, В. Д. 209.
Епифаний Премудрый, 274, 275.
Еременко, П. М. 212.
Ермак Тимофеевич, 181, 261, 306—308, 314, 316.
Ерусланов, П. 45, 67.
Есипов, С. 307.
Ефименко, А. Я. 36, 38, 67, 247, 297, 322, 325.
Ефименко, П. П. 135, 188, 189, 222—225, 229—232, 234, 238.
Ефименко, П. С. 166, 182, 247, 290, 295, 314, 322, 325.
Ефремов, Г. 320.
Ешевский, С. В. 178, 238, 284, 320.

Жаков, К. Ф. 57, 68, 277, 310, 314.
Жуков, Б. С. 222—227, 232, 238.
Жюссье, 137.

Загоскин, Н. П. 110, 112.
Зайковский, Б. В. 196, 200, 209, 238.
Залеман, К. Г. 116.
Замятнин, С. Н. 224.
Заозерский, А. И. 313.
Заринский, М. 290, 322.
Заусайлов, В. И. 146, 172, 177.
Звенигородский, Ф. А. 285, 320.
Зеленин, Д. К. I, 49, 68, 120, 126, 130, 269, 310.
Земляков, Б. Ф. 226, 239.
Зенгер, Н. К. 151.
Знаменский, М. 181.
Знаменский, П. 44, 68.
Зограф, Н. Ю. 4, 22, 162, 181, 212.
Золотарев, Д. А. 1, 12—14, 35, 36, 68, 129, 233, 330, 334.
Золотницкий, Н. 44, 68.
Золотов, Е. Д. 307.
Зорин, П. 49, 68.
Зосима, 247.
Зост, А. И. 260.
Зырянов, А. 181.

Иванов, А. И. 35, 68, 287, 288, 322.
Иванов, А. И. 222, 232, 235.
Иванов, А. П. 24, 180.
Иванов, П. П. 61, 75.
Иванов-Дятлов, Ф. Г. 13.
Ивановский, А. А. 5, 11, 17, 22, 23.
Ивановский, Л. К. 152, 161—163, 165, 210, 211, 218, 239, 241.
Игнатий, архиеп., 288, 293, 322.
Игнатьев, Р. Г. 140, 178, 239, 284, 320.
Износков, И. А. 190, 269, 284, 320.
Износков, Л. А. 44, 68.
Иконников, В. С. 295, 325.
Икосов, П. 314.
Иловайский, Д. И. 272.
Иллюстров, 42, 68.
Ильин, М. И. 59, 68.
Ильинский, В. А. 129.
Ильминский, Н. И. 41, 107, 265, 310.
Иностранцев, А. А. 22, 150, 154, 155, 183, 190, 223, 239.
Инфантьев, П. П. 62, 68.
Иоанн Алексеевич, царь, 327.
Иоанн IV, царь, 310, 318, 326.
Иов (Тукмачев), игум., 261, 306.
Иона, еписк., 316.
Ионафан, архим., 300, 324, 326.
Ионсен, О. 272.
Искра, М. 64, 68.
Истомин, М. 53, 68.

Кааран, А. 298, 325.
Казаринов, Л. Н. 226.
Кайсаров, М. 307, 315, 316.
Калайдович, К. Ф. 140.
Калачов, Н. В. 248.
Kalima, J. 92, 96, 116, 120, 123.

Каллас, О. 116.
Каменский, В. И. 190, 208, 241.
Камкин, Н. 290, 322.
Капица, М. 36, 69.
Карамзин, Н. М. 243, 244, 257, 272, 283, 301.
Карл XI, король, 327.
Кармазин, Г. Г. 125, 130.
Карпов, Т. 314.
Karjalainen, K. F. 84.
Кастрен, М. А. 31—34, 37, 60, 61, 69, 77, 80, 81, 86, 91—101, 104—106, 130, 132, 133, 164, 166, 182, 255, 256, 271, 287, 290, 322.
Катаев, И. М. 282.
Катрфаж, 5.
Кашин, В. Н. 313.
К—в, П. 314.
К. Д. 300, 325.
Кельсиев, А. И. 12, 18, 25, 38, 69, 151, 161—163.
Кене, Б. В. 141, 157.
Кенорецкий, П. 322.
Кеппен, П. И. 22, 30, 31, 33, 34, 40, 69, 96, 99, 115, 140, 141, 251, 252, 302, 308, 328, 333.
Кеппен, Ф. П. 115, 130.
Керский, С. 325.
Керцелли, Н. Г. 161.
Кибардин, Н. Г. 264, 310.
Кизеветтер, А. А. 256.
Кикин, Д. А. 319.
Киприан, архиеп., 306.
Клебс, Р. 190.
Кирилл, преп., 289, 322.
Кичин, Е. 314.
Клер, М. О. 191, 239.
Клер, О. Е. 180, 191, 239.
Ключевский, В. О. 243, 250, 252, 256, 275, 288, 289, 295, 307, 314, 323, 325.
Кожевников, А. Л. 212.
Козмин, К. 298, 299, 325.
Колмогоров, А. И. 13, 15, 25, 26, 219.
Колосов, 216.
Колотилов, А. Н. 273, 314.
Колясников, А. Я. 288, 323.
Кольман, 165.
Комов, А. Ф. 55, 69.
Кондаков, Н. П. 186, 187, 190, 199, 206, 213, 218, 220, 242.
Кондратович, К. 82.
Кондратович, О. В. 63, 69.
Кондратьев, И. 288.
Кононов, А. 299.
Константинов-Щипунин, Н. П. 213.
Коплан, Б. 119.
Копотилов, М. 234.
Кордт, В. А. 273, 298, 325.
Короленко, В. Г. 56, 65, 270, 309, 311.
Корольков, Н. Ф. 299, 325.
Корсаков, Д. А. 255, 284, 320.
Корш, Ф. Е. 119, 130, 132, 133.
Костомаров, Н. И. 256.
Кошурников, В. 54, 69, 265, 310.
Кощеев, П. 312.
Красов, А. В. 275, 314.
Крашенинников, С. П. 83.
Крекнин, 269.
Кренев, И. 296.
Кривощеков, И. Я. 276, 314.
Криштофович, Н. И. 162, 188.
Krohn, J. 33.
Krohn, K. 33.
Кротков, А. А. 196, 209, 232.
Кротов, П. И. 150, 153, 177, 182, 190, 208, 239.
Крохин, В. П. 293, 323.
Круглов, А. 53, 69.
Крупенин, А. 314.
Крупкин, А. 314.
Крупков, Е. В. 279, 318.
Крылов, И. 125, 130.
Кудрявцев, П. П. 151, 189.
Кудряшев, В. В. 225.
Кузнецов, Н. И. 62, 69, 307.
Кузнецов, С. К. 44, 46, 56, 69, 175, 255, 272, 273, 284, 307, 314, 320.
Кузнецов-Красноярский, И. 258.
Кулаков, В. Ф. 190.
Куник, А. А. 303, 304, 328.
Курбановский, свящ., 269, 310.
Курбский, А. М. 245, 283, 295, 325.
Курбский, Ф. 258.
Курдюмов, М. Г. 302, 328.
Куроптев, М. И. 53, 70.
Курочкин, Н. 52, 70, 264, 310.

Кусцинский, М. Ф. 149, 162, 163.
Куфтин, Б. А. 135, 225, 226, 228, 239.

Лабушевский, В. И. 212.
Лаврентьев, К. В. 334.
Лазаревич-Шепелевич, Л. Ю. 212.
Лазарь, преп., 289.
Лаксманн, 83.
Ламанский, В. И. 120.
Ландцерт, 22.
Лаппо-Данилевский, А. С. 195, 250, 304, 328.
Ласточкин, А. 288, 323.
Ласточкин, С. Е. 59, 70.
Laursen, 297.
Лафито, 137.
Лебедев, А. К. 315.
Лебедев, А. С. 194.
Лебедев, М. 277, 315.
Лебедева, Н. И. 222, 228.
Lewy, E. 126, 127, 132.
Лейбниц, Г. 81.
Лемберг, Э. А. 128.
Лемешевский, В. М. 135, 189.
Лемс, К. 37.
Ленрот, Э. 95, 105.
Леонтьев, А. С. 44, 70.
Лепехин, И. И. 28, 39, 70, 83, 138, 239.
Лерберг, А. Х. 256, 257, 301, 307, 328.
Лерх, П. И. 84, 148, 166, 170.
Лескин, Л. 109.
Лесков, Н. Ф. 36, 70, 114, 115, 130.
Ливен, И. Р. 296.
Лихачев, А. Ф. 146, 149, 171, 172, 175, 176, 192, 193, 239.
Ломоносов, М. В. 271.
Лопарев, А. 64, 70.
Лосиевский, М. В. 44, 70.
Лука (Конашевич), еписк., 264, 313.
Луканин, А. 307, 315.
Лукин, 44, 70.
Луппов, П. Н. 57, 70, 269—271, 286, 310, 311.
Лыткин, В. И. 124, 277, 315.
Лыткин, Г. С. 55, 57, 59, 70, 75, 115, 130, 275, 315.
Львов, В. 39, 70.
Любомиров, П. Г. 50, 70, 219, 235, 282, 318.
Лявданский, А. Н. 222, 224, 226, 230, 235.
Лядов, В. 61, 70.

Магницкий, В. К. 45, 70, 203, 285, 320.
Майков, Л. Н. 106, 258, 260, 307, 315.
Майнов, В. Н. 9, 15, 24, 35, 42, 43, 70, 260, 307, 318.
Макаренко, Н. Е. 188, 194, 199, 208, 217, 219, 239.
Макарий, архиеп., 40, 71.
Макарий, архиеп. Сибирский, 260, 306.
Макарий, архим., 275, 307, 315, 318.
Макарий, еписк., 323, 325.
Макарий, иероманах, 61, 71, 320.
Макарий, митр., 261, 325.
Макарий, преп., 320.
Макарьев, С. А. 126, 226.
Максим Грек, 326.
Максимов, В. А. 59, 71, 270, 311.
Максимов, С. В. 52, 54, 71.
Малахов, М. В. 168, 180, 182, 239.
Малиев, Н. М. 3—7, 9—11, 18, 22—25, 53, 55, 61, 71.
Малов, Е. А. 247, 264, 265, 311.
Мальмгрен, Л. Е. 211.
Мамин-Сибиряк, Д. Н. 191, 315.
Маноцков, В. И. 326.
Маркел, архиеп., 316.
Маркелов, М. Т. 50, 71.
Марков, А. В. 318.
Марков, А. Е. 235.
Марр, Н. Я. 127, 130.
Мартемьянов, В. 296.
Мартынов, А. Ф. 42, 71.
Масленников, 49, 71.
Матвеев, С. М. 286, 311, 318, 321.
Мацулевич, Л. А. 233, 234.
Маштаков, П. Л. 334.
Мелетиев, В. 300, 326.
Мельников, П. И. 41—43, 71, 141, 166, 279, 282, 318.
Мельников, Ст. Е. 61, 71, 279, 315, 317.
Мессершмидт, Д. 81, 138.
Миккола, И. И. 108, 112, 123.
Миллер, Г. Ф. 28, 71, 82, 243, 244, 256—260, 263, 307, 311, 321.
Миллер, К. В. 37, 71.

Миллер, Ю. А. 25.
Милотворский, И. А. 318.
Милюков, П. Н. 212, 239.
Минорский, П. 288, 323.
Минх, А. Н. 178, 281, 318.
Миропольский, свящ., 265, 311.
Миротворцев, М. 35.
Митропольский, К. 42, 71.
Митропольский, П. 323.
Митусова, Р. П. 6.
Михаил Агрикола, 78.
Михаил Федорович, царь, 312, 320.
Михайлов, М. И. 52, 53, 71, 274, 275, 315.
Михайловская, 36, 71.
Михайловский, А. И. 161.
Михалков, А. И. 296.
Михеев, И. С. 125.
Михеев, М. С. 59, 71.
Мишев, П. 315.
Могилин, М. 85.
Можаровский, А. Ф. 44, 71, 247, 265, 267, 284, 286, 312, 318, 321.
Моисей, архиеп. 289.
Молодцов, В. А. 124, 130.
Молодцова, М. Л. 124.
Молчанов, К. 294, 326.
Моляров, И. Я. 44, 71, 321.
Монтелиус, О. 225.
Мёсшег, И. 277, 315.
Мошков, В. 48, 72.
Munkácsi, 62.
Мусин-Пушкин, А. И. 244.
Мышкин, П. 284, 321.
Müller, C. W., см. Миллер, К. В.

Налимов, В. Н. 11.
Налимов, В. П. 57, 72.
Нарцов, А. Н. 189, 280.
Небольсин, П. И. 258, 315.
Неволин, К. А. 291, 303, 323, 328.
Невоструев, К. И. 168, 170, 171, 174, 239.
Нектарий, архиеп., 260, 306.
Немиров, Г. А. 328.
Немирович-Данченко, В. И. 38, 53, 72.
Нефедов, Ф. Д. 162, 165, 178, 190, 192, 204, 205, 207, 212, 232, 239.
Нечаев, А. 157.
Никитников, Г. А. 264, 267, 312.
Никодим, архим., 299, 326.
Николаи, Ф. 84.
Николай I, имп., 311.
Никольский, Д. П. 7, 23, 35, 45, 72.
Никольский, Н. В. 48, 50, 57, 72, 251, 252, 254, 286, 315, 319, 321.
Нил, еписк., 311.
Новиков, Н. И. 244.
Новицкий, В. 64, 72.
Новицкий, В. М. 192.
Новицкий, Г. 60, 72, 260, 262, 307.
Новокрещенных, Н. Н. 205, 262, 307, 315.
Носилов, К. Д. 4, 22, 62, 72.
Нумми, 36, 72.
Нуортев, А. Ф. 294.
Нурминский, С. А. 40, 45, 72, 248, 284, 321.

Оглоблин, Н. Н. 260, 307, 308.
Огородников, В. И. 257, 259, 262, 306, 308.
Огородников, Е. К. 290, 295, 308, 316, 319, 323, 326.
Озерецковский, Н. Я. 83, 294, 326.
Оксенов, А. В. 256, 257, 308.
Оландер, К. 305.
Ольденбург, С. Ф. II, 116, 129.
Öhmann, E. 114.
Онезорге, В. 196.
Орбели, И. А. 234.
Ордин, Н. Г. 166.
Орехов, В. Ф. 196.
Орлов, А. 121.
Орлов, А. П. 62, 73.
Орнатов, П. 106, 130.
Осокин, И. М. 261, 308.
Островская, М. А. 268, 288, 292, 312, 323.
Островский, Д. 53, 73, 263—265, 296, 312, 325, 326.
Острогский, В. А. 190.
Остроумов, И. Г. 64, 73, 181, 261, 282, 308.
Охтер, 271.

Paasonen, H. 97, 114, 117.
Павлов, А. П. 224.
Павлович, В. 73.

Павловский, В. 64, 73.
Паллас, П. С. 28, 39, 63, 73, 84, 131, 133, 138, 263.
Папа-Афанасопуло, К. Н. 232.
Пасютин, А. 60, 73.
Патканов, С. К. 63, 64, 73, 122, 130, 133, 262.
Паули, Ф. Х. 333.
Пекарский, П. П. 82.
Пенн, С. 316.
Первухин, Н. Г. 54, 55, 57, 73, 204, 239.
Перевощиков, С. Т. 59, 73, 312.
Передольский, В. С. 190, 239.
Перетяткович, Г. 254.
Перовский, Л. А. 143.
Песселеп, Л. И. 73.
Петр I, импер., 81, 82, 253, 303, 306, 327.
Петров, 10.
Петров, А. А. 45, 48, 73.
Петров, К. М. 287—289, 323.
Петров, Л. 293.
Петропавловский, 73.
Пигнатти, Н. В. 205.
Пискарев, П. И. 280, 319.
Питирим, еписк., 258, 327.
Платон (Любарский), архим,, 261, 263, 308, 312.
Платонов, С. Ф. 215, 255, 256, 278, 300, 316, 326.
Плетнев, В. А. 161, 162.
Погодин, А. Л. 80, 119—121, 130, 131, 326.
Погодин, М. П. 140.
Подвысоцкий, А. 296, 298, 326.
Подосенов, Н. 308, 316.
Поздеев, В. 270, 311.
Поздняков, А. 261.
Покровский, А. 40, 73, 284, 321.
Покровский, К. 261, 308.
Поленов, В. 83.
Поливанов, А. П. 150.
Поливанов, В. Н. 202, 205, 240.
Полиевктов, Н. А. 166.
Поляков, И. С. 62, 73, 149, 150, 152—156, 176, 177, 181, 240.
Пономарев, П. А. 173—176, 182, 192, 193, 203, 240, 316.
Пономарев, С. И. 105.
Попов, А. 264, 312.
Попов, А. Н. 292, 323.
Попов, Андрей Н. 299, 326.
Попов, Б. 316.
Попов, Е. 261, 316.
Попов, Инн. 53, 73.
Попов, К. А. 53, 73, 275, 316.
Попов, Н. П. 103, 107.
Попов, Н. С. 316.
Попов, П. И. 189.
Попов, С. П. 277.
Поппе, Н. Н. 27, 93, 127—129, 305.
Потанин, Г. Н. 54, 74, 307.
Пупарев, А. 284, 321.
Путятин, П. А. 156, 188, 189, 199.
Пуцилло, М. П. 246, 308.
Пушкинская, Л. А. 12, 25.
Праведников, С. И. 226.
Прелова, Е. И. 14.
Преображенская, И. 234.
Прилежаев, Е. М. 288, 323.
Примеров, А. 42, 74.
Прокопьев, М. П. 59, 74.
Проходцов, И. И. 208.
Прохоров, 161.
Пьянков, А. П. 277.
Пыпин, А. Н. I.
Пятунин, П. 74.

Равдоникас, В. И. 224, 234, 235.
Радищев, М. 200, 209, 240.
Радлов, В. В. 111, 116, 172.
Раск, 95.
Рау, П. Д. 232.
Рево, К. П. 190.
Регули, А. 256, 308.
Рейнеке, М. 294, 326.
Ремезов, С. 245.
Репников, Н. И. 135, 217, 219, 228, 240.
Рерих, Н. К. 189, 190, 211, 240.
Ретциус, А. 4.
Риттих, А. Ф. 44, 74, 333.
Рихтер, Д. И. 36, 74.
Рогов, Н. А. 53, 74, 104, 107, 131, 316.
Рождественский, А. Г. 4, 22, 212.
Рождественский, С. В. 305, 328.
Рожков, Н. А. 314.

Розов, Н. С. 15.
Романов, А. 8, 24.
Романов, Е. Р. 162, 220.
Ростовцев, М. И. 188.
Руденко, С. И. 5, 6, 22, 23, 209.
Руднев, А. Д. 116.
Руднев, Д. Д. 226.
Румянцев, Н. П. 88.
Рыбников, П. Н. 287.
Рыков, П. С. 135, 222, 227, 228, 230, 232, 235, 240.
Рычков, Н. П. 138, 139.
Рычков, П. И. 28, 39, 74, 240, 256, 263, 283, 309, 312, 321.
Рябов, А. П. 126.

Сабанеев, А. 157, 158.
Савваитов, П. И. 74, 103, 104, 106, 107, 131, 316.
Савватий, 247.
Савельев, П. С. 139, 141, 157, 159, 160 166.
Савенков, И. Т. 188.
Савич, А. А. 288, 300, 326.
Савкин, В. 48, 74.
Салинген, С. 298, 326.
Самарянов, В. А. 284, 321.
Самоквасов, Д. Я. 165, 240, 291, 323.
Севастьянов, Е. П. 11, 25.
Селезнев, Ф. А. 226, 232.
Селиванов, А. В. 162, 166, 201, 207.
Селищев, А. М. 127.
Семенов, П. 292, 324.
Семенов, Т. 48, 74, 255, 284, 321.
Сергеев, С. И. 205, 217, 241.
Середонин, С. М. 123, 255, 257, 308.
Setälä, E. N. 32, 46, 47, 74, 79, 93, 96, 97, 114, 115.
Сибирцев, Юст. М. 250.
Сидоров, А. С. 59, 74, 124, 222, 226, 233, 240, 277, 316.
Сизов, В. И. 156, 162—164, 184, 197, 212, 216, 220, 240.
Силинич, И. П. 4, 6, 23.
Сильвестров, Е. 284, 321.
Симон, архиеп., 316.
Симонов, Е. 74.
Симонова, А. 64, 74.
Симсон, П. Ф. 188.
Синельников, Н. А. 6, 23.
Синеус, 143, 157.
Синицын, С. Д. 14.
С. К. 69.
Словцов, А. Н. 227.
Словцов, И. Я. 181, 248.
Словцов, П. А. 259, 261, 308.
Слуцкий, С. С. 166.
Смирнов, А. А. 216.
Смирнов, В. И. 135, 222, 226, 321.
Смирнов, И. Н. 42, 43, 45—48, 56, 74, 115, 131, 192, 203, 204, 255, 257, 265—267, 272, 275, 277, 281—285, 309, 312, 316, 319, 321.
Смирнов, М. Н. 288, 324.
Смирнов, Н. 42, 279.
Смирнов, Я. И. 190, 234.
Смолин, В. Ф. 222, 224, 229, 232, 233, 240.
Смышляев, Д. Д. 248, 316.
Снежковский, В. А. 202.
Снигирев, В. С. 7, 8, 10, 13, 23—25.
Соболевский, А. И. 119, 131, 216, 217.
Соборнов, А. 324.
Соваж, Ж. 326.
Соколов, 162.
Соколов, Б. М. 74.
Соколов, В. М. 189,
Соколов, П. И. 314.
Соловьев, Е. Т. 8, 24.
Соловьев, М. 181.
Соловьев, С. В. 302.
Соловьев, С. М. 243, 255, 256, 272.
Соломко, 5.
Соммье, Ст. 23.
Сорокин, Н. 23, 62, 75.
Сорокин, П. А. 276.
Спасская, Л. 269, 312.
Спасский, Г. И. 258, 307, 316.
Спицын, А. А. 135, 147, 177, 178, 182, 184—188, 190—196, 198, 200—209, 211—220, 222—224, 226, 229, 230, 233, 235, 236, 240, 241, 247, 266, 268, 312, 321.
Спрыгина, Н. И. 229.
Срезневский, И. И. 92, 104, 105.
Старцев, Г. А. 124, 305.
Стефан Пермский, 245, 273—275, 313—317.

Сторм, Г. 272, 273.
Страленберг, П. 82, 138, 139.
Стрельцов, Ф. 270.
Стрекалов, С. С. 146, 150.
Строганов, А. 278.
Строганов, С. Г. 178.
Строгановы, 141, 178, 179, 278, 307, 313—317.
Строев, П. М. 244.
Струминский, В. Я. 261, 309.
Суворов, Н. И. 314, 316.
С. У. 300.
Сухоедов, В. И. 65, 309.
Сухомлинов, М. И. 85.
Сырнев, 286.

Тальгрен, А. М. 172, 186, 193, 195, 197, 223, 227, 228.
Талько-Грынцевич, Ю. Д. 16, 18, 22, 26.
Тамерлан, 168.
Тарасов, П. Г. 189, 196, 209.
Таренецкий, А. И. 5, 23.
Татищев, В. Н. 82, 243, 244, 256, 263, 265, 273, 283.
Тезяков, Н. 10, 25, 312.
Tengstrom, I. I. 303.
Теплов, Н. В. 198.
Теплоухов, А. Е. 146, 179—181, 241.
Теплоухов, А. Ф. 60, 64, 75, 127, 131, 276—278, 313, 315—317.
Теплоухов, С. А. 11, 135, 229.
Теплоухов, Ф. А. 146, 168, 191, 204, 205, 207, 242, 257, 317.
Теплоуховы, 179, 180, 182, 206.
Терентиев, Г. 296, 326.
Терехин, В. М. 202, 319.
Тиандер, К. Ф. 100, 121, 131, 272, 313, 317.
Тизенгаузен, В. 141.
Титов, А. А. 278, 317.
Тихомиров, А. А. 211.
Тихомиров, И. А. 217.
Тихомиров, М. А. 22.
Тихонравов, К. Н. 157, 161.
Тищенко, А. В. 200, 201, 242, 299, 326.
Толле, В. 137.
Толмачев, В. Я. 191, 196, 229, 242.
Толмачев, Н. А. 172.
Толочанов, Я. М. 320.
Толстой, И. И. 186, 187, 199, 206, 213, 218, 220, 242.
Толстой, Н. А. 242.
Томсен, В. 78.
Травин, Иван-Салтык, 258.
Трапезников, В. 121, 277, 309, 317.
Трифон Вятский, преп., 261, 307—309.
Трифон Печенгский, преп., 247, 294, 295, 298, 299, 325—327.
Троицкая, Н. 45, 75.
Троицкий, В. П. 115, 131.
Троицкий, Н. 198.
Трусман, Ю. 35.
Трусова, С. А. 135.
Туманский, Ф. 308.
Тыжнов, И. 317.
Тышинский, А. Ф. 166, 182.
Тявченко, Н. В. 25.

Убыткова, Е. 234.
Уваров, А. С. 22, 106, 131, 142—144, 146, 149—153, 155, 157—165, 167, 170—172, 177, 183, 203, 214, 238, 242, 255.
Уваров, Ф. А. 166, 242.
Удмурт, см. Верещагин, Г. Г.
Уйфальви, 5.
Укке, Ю. 8, 24.
Уль, Е. Ф. 14.
У. С. 326.
Успенский, Д. 34.
Успенский, П. 122.
Устрялов, Н. Г. 258, 283, 295, 317.
Ухтомский, И. Т. 312.
Ушаков, Я. А. 161.

Фаворов, А. 320.
Фаддеев, К. 191, 239.
Фальк, И. П. 83.
Фармаковский, М. 264, 265, 312.
Фасмер, М. Р. 118, 120, 121, 131, 133.
Федор, схимонах, 260.
Федоров, И. С. 61, 75.
Федоров, Н. П. 7, 23.
Феодорит, архим., 295, 298, 299, 327.
Феоктистов, В. 279, 319.
Фиельструп, Ф. А. 75, 334.

Филарет, преосв., 261.
Филимонов, А. 41, 75.
Филимонов, Г. 162, 197.
Филиппов, А. М. 298, 326, 327.
Филофей (Лещинский), митроп., 260.
Финицкий, М. Е. 261, 306.
Фирсов, Н. А. 253, 254, 285.
Фишер, И. Э. 82, 256—258, 309.
Флеров, А. 86, 132, 317.
Флоринский, В. М. 181.
Фомин-Светляк, А. В. 129.
Форстен, Г. В. 298, 305, 327, 328.
Фортунатов, Ф. Ф. 116.
Фос, М. Г. 226, 228.
Fryxell, A. 303.
Фрис, И. 296, 325.
Фролов, А. 57, 75.
Фукс, А. 40, 52, 75.
Fuchs, D. R. 122, 133.
Фукс, К. 40, 52, 75.
Фурсов, М. В. 212.

Халапсин, Н. В. 13.
Харузин, А. Н. 16, 17.
Харузин, М. 54, 75.
Харузин, Н. Н. 12, 25, 26, 38, 39, 63, 75, 220, 251, 296, 297, 327.
Харузина, В. 39, 75.
Хитров, Г. 280, 319.
Хитрово, 309.
Ходаковский, см. Доленга - Ходаковский.
Холмогоров, В. 281, 319.
Холмогоров, Г. 281, 319.
Хомяков, М. М. 11, 23, 24, 58, 75, 208.
Христиан IV, король, 327.
Худяков, М. Г. 58, 75, 135, 209, 229, 232, 242, 286, 321.
Хурт, Я. 35.

Цеплин, П. А. 328.
Цетреус, Л. 301, 328.
Цылов, Н. 304, 328.

Чекалин, Ф. Ф. 178, 319.
Чепурковский, Е. М. 18, 22.
Черепнин, А. И. 201, 202, 208, 212.
Черменский, П. Н. 280, 282, 283, 319.
Черницын, Н. А. 226, 233.
Чертков, А. Д. 140, 141, 158, 242.
Чесноков, Ф. М. 126.
Четыркин, И. Д. 189, 212.
Чеусов, 75.
Чечулин, Н. Д. 323.
Чистович, И. А. 293, 324.
Чистяков, 161.
Чубинский, П. П. 35, 75, 247, 290.
Чугунов, С. М. 5, 23.
Чудновский, 52, 75.
Чулков, М. Д. 139, 271, 299, 327.
Чумиков, А. А. 297, 327.
Чупин, Н. К. 75, 248, 257, 309, 317.
Чупин, П. 317.

Ш., И. 327.
Шабалин, В. И. 321, 322.
Шахматов, А. А. 47, 48, 63, 75, 116—119, 121, 132, 213, 250, 327.
Шахов, Н. 60, 73, 124, 132.
Шёгрен, А. М. 28—35, 37, 52, 75, 76, 80, 81, 84, 86—92, 94, 96, 99—102, 104, 106, 107, 132, 133, 271, 274, 275, 286, 287, 289, 290, 294, 295, 301, 317, 324, 327, 329.
Шерефеддин, 168.
Шестаков, П. Д. 255, 261, 265, 275, 295, 307, 313, 317, 327.
Шеффер, И. 273.
Шибаев, В. П. 334.
Шидловский, А. Ф. 190, 299, 327.
Шипчинский, В. 321.
Ширрен, К. 303, 328.
Ширинский-Шахматов, А. А. 217.
Шифнер, А. А. 33, 99, 100, 144.
Шишкин, И. В. 168, 169.
Шишонко, В. Н. 248, 261, 262, 273, 307, 309, 314—317, 322.
Шлёцер, А. Л. 82, 139, 256, 263.
Шмаков, И. Н. 12, 25.
Шмальгаузен, 154.
Шмидт, А. В. 135, 222, 224, 227—229, 233, 234, 242.
Шмидт, Г. О. 211.
Шпилевский, С. М. 172, 177, 242, 313.
Штакельберг, Р. Р. 115, 132, 220.
Штида, Л. Х. 16, 26, 115.

Штукенберг, А. А. 166, 168, 176, 177, 190, 192—194, 242.
Шубин, С. В. 286, 322.
Шульц, Л. Р. 234,
Шульц, П. Н. 225, 230, 235, 242.
Шумаков, С. А. 281, 319, 324.

Щапов, А, П. 264, 313.
Щеглов, Д. Ф. 161.
Щеглов, С. А. 209.
Щербаков, В. Я. 161.
Щербатов, М. М. 243, 313.
Щербачев, Ю. Н. 297, 327.

Эварницкий, Д. И. 161.
Эдинг, Д. Н. 227, 235.
Эйбоженко, 212.
Эйнгорн, В. О. 281, 319.
Эйхвальд, Э. И. 148, 167, 169, 170, 180, 182, 242.
Энгельгардт, А. П. 290, 324.
Эркерт, 334.
Эрман, 99.

Юмшан, кн., 258.
Юрий II, кн., 158, 162.
Юферов, Л. 310.

Яблонский, И. 284, 322.
Ядринцев, Н. М. 309.
Языков, Д. И. 329.
Якобий, 64.
Якобия, П. И. 121.
Jacobsohn, Н. 118.
Яковлев, Г. 45, 76.
Яковлев, И. В. 59, 76, 124, 125, 132.
Якубинский, Л. П. 123.
Якубов, К. И. 305, 329.
Янкович-де-Мириево, Ф. И. 84, 131.
Янович, В. М. 57, 76.
Ястребов, В. Н. 202, 210, 242.
Ясык, кн., 258.
Яхонтов, И., автор, 295, 327.
Яхонтов, Ив. Игн., писец, 308, 314.
Яцута, проф., 14.
Ященко, А. 39, 76.

Указатель народностей.

Бесермяне 251, 312, 330, 331.
Биармийцы 138,—140, 204, 243, 271—273.
Болгары (булгары) 138 167, 171—175, 203, 232, 233, 242, 267.
Булгары, см. болгары.

Венгры 82, 85.
Вепсы (чухари) 14, 15, 29, 35, 72, 122, 129, 333.
Весь 29, 126, 130.
Виро, см. эсты.
Вогулы 3—6, 8, 20, 22, 23, 60, 62—64, 66—68, 71—73, 75, 81, 82, 85, 248, 250, 251, 256—262, 306—309, 330.
Водь (вожане, вотландцы) 15, 29, 30, 34, 69, 164, 211, 218, 251, 301, 302, 327—329, 332, 333.
Вожане, вотландцы, см. водь.
Вотяки (удмурты) 7, 9—11, 24, 25, 28, 40, 46, 51, 52, 54—58, 60, 65—76, 81—83, 85, 86, 101, 104, 115, 124, 125, 127—134, 248, 251, 253, 263—271, 285, 309—312, 330, 331.
Вятичи 121, 198, 212, 214, 215, 217, 235.

Готы 137, 166.

Емь 90, 106, 133, 301, 321.

Зыряне (коми) 11—13, 25, 40, 51—55, 57—60, 65—69, 71—74, 76, 81—83, 85, 86, 88—90, 92, 95, 101, 103, 104, 106, 107, 115, 124, 127, 128, 130—134, 249, 251, 271, 273—277, 313—317, 330, 331.

Ижоры 14, 29, 30, 34, 69, 251, 302, 305, 327—329, 332.
Ингры, см. ижоры.

Кайваны, см. вепсы.
Карелы 13—16, 25, 31, 35, 36, 67, 68, 70, 72, 74, 75, 85, 88, 96, 122, 126, 127, 130, 247, 249—251, 273, 274, 286—294, 322—324, 333.
Каяне 286.
Коми, см. зыряне.
Комиморт, см. пермяки.
Кревины 30, 34, 66, 91, 103, 130, 134.
Кривичи 163, 164, 212, 214—216, 235.

Лапландцы, см. лопари.
Латыши 17, 26, 121, 211.
Ливы 30, 34, 66, 85, 86, 91, 102, 133, 220.
Литовцы 137, 198, 214, 216, 220, 230.
Лопари (лапландцы) 11—13, 19, 20, 25, 28, 37—39, 60, 63, 66, 67, 69, 70, 72, 75, 76, 85, 88, 95, 96, 132, 233, 247, 249—251, 273, 274, 286—289, 294—301, 322, 324—327, 331, 333.

Маймисты, см. савакот, эврэмейсет.
Мари, марийцы, см. черемисы.
Меря, см. меряне.
Меряне (меря) 2, 18, 21, 131, 159, 160, 163, 164, 167, 170, 171, 199, 212, 214—216, 235, 242, 255, 320, 321.
Мещера 207, 232.
Мордва 8, 9, 11, 19, 24, 40—43, 46—50, 63, 65, 67—72, 74, 75, 81, 82, 85, 102, 103, 106, 111, 117, 118, 123, 125, 126, 129—131, 134, 202, 203, 207, 209, 232, 246, 248, 249, 251, 253, 255, 278—283, 285, 317—320, 331, 332.
Мурмане 286.
Мурома 208, 232.

Норвежцы 295, 324.
Норманны 163, 164, 182, 214, 217.

Остяки 3, 5, 6, 20, 23, 60—65, 68—70, 72, 73, 75, 81—83, 85, 97—99, 114, 122, 132, 133, 248, 250, 253, 256—262, 306—309, 330.

Пермяки (комиморт) 10, 11, 24, 53, 55—57, 67, 68, 71, 73—76, 81—83, 85, 103, 104, 107, 127, 131, 243, 248, 251, 271—278, 309, 313—317, 330, 331.

Полуверцы 35.
Поляки 17, 26.

Русские 2, 18, 22, 75, 85, 218, 219, 231, 236, 254, 255, 266, 267, 271, 276, 283—285, 332.

Савакот 14, 29, 34, 301, 305, 327—329, 332.
Самоеды 5, 6, 37, 67, 70, 92, 93, 95—100, 247, 253, 259, 271, 277, 322.
Сарматы 232.
Скифы 167, 169, 170, 175, 182, 239.
Славяне 18, 22, 106, 164, 182, 187, 207, 210, 212—219, 234, 235, 243, 255, 307.
Суоми, см. финны Финляндии.

Тавасты 15, 16.
Татары 7—9, 82, 85, 99, 167, 172, 173, 176, 181, 205, 232, 242, 248, 253, 259, 267, 332.
Турки 92, 97, 99, 137, 138, 203, 232, 331.

Угры 17, 19, 60—64, 75, 127, 131, 137, 204, 238, 255—257, 262, 277, 306—309.
Удмурты, см. вотяки.

Финны Финляндии (суоми) 15—17, 25, 26, 31, 69, 332.

Черемисы (мари, марийцы) 6—9, 11, 19, 23, 40, 41, 43—50, 65—76, 81—83, 85, 96, 101, 106, 111, 112, 114, 115, 125, 127, 130—133, 232, 246, 248, 249, 251, 253, 255, 267, 271, 283—286, 319—322, 331.
Чуваши 8, 9, 40, 44, 48, 71, 75, 85, 208, 232, 253, 285, 320, 321.
Чудь 29, 90, 95, 106, 122, 126, 129, 132, 133, 175, 176, 178, 180—182, 203, 204, 237, 241, 242, 266, 267, 277, 282, 289, 321, 322.
Чухари, см. вепсы.
Чухонцы, см. савакот, эврэмейсет.

Шведы 295, 297, 324, 327.

Эврэмейсет 14, 29, 34, 301, 305, 327—329, 332.
Эсты (виро) 1, 16, 17, 26, 31, 34—36, 66, 85, 88, 95, 102, 103, 110, 132—134, 211, 218, 333.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

ВАЖНЕЙШИЕ ПОГРЕШНОСТИ.

			Напечатано:	Надо:
Стр.	15,	строка 8 сверху	вепсов и	вепсов или.
„	24,	„ 3 „	Глаголева	Гагаева.
„	137,	„ 17 снизу	I	—
„	145,	„ „ „	Гровинг	Гревинг.
„	148,	„ 5 сверху	III	—
„	151,	„ 8 сверху	Зандберг	Зенгер.
„	156,	„ 4 снизу	Скернякова	Скорнякова.
„	157,	„ 3 сверху	IV	—
„	164,	„ 16 снизу	1831	1881.
„	165,	„ „ „	1863	1869.
„	183,	„ 15 сверху (после нее вставить)		III.